100 ВЕЛИКИХ КРИМИНАЛЬНЫХ ДРАМ XX ВЕКА

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Загадочные преступления и шпионские истории, ограбления банков и похищения людей, убийства, замаскированные под самоубийства, и наоборот – самоубийства или несчастные случаи, расследуемые как убийства… В XX веке неразгаданных тайн и невероятных, запутанных историй было предостаточно. В этом веке войн и переворотов, шпионских скандалов и мафиозных заговоров множество странных событий оказалось погребено под спудом страха и молчания. О самых громких криминальных драмах прошлого века рассказывает очередная книга серии.

- Марианна Сорвина
  - Введение
  - Начало бурного века
    -
    - Запутанная история графа Комаровского
    - Роковая страсть графини Тригоны
    - «Коза ностра» и убийство четы Куоколо
    - Покушение на дона Лоренцо
    - Кровавый доктор Криппен
    - Дом полусотни скелетов Белль Ганнес
    - Смерть художника
    - Венок трагедий Пейо Яворова
  - Российские тайны
    -
    - «Большое ограбление поезда»
    - «Луч смерти» инженера Филиппова
    - Дело Бейлиса
    - Опасная должность
    - Судьба Саввы Морозова
    - Загадка Николая Шмита
    - «До царя дойду, а своего добьюсь!»
    - Властитель умов и сердец
  - Военные тайны
    -
    - Выстрелы в Сараево
    - Таинственные беглецы
    - Исчезновение Норфолкского полка
    - Королева шпионажа
    - Осторожный Жюль Зильбер
    - Роковая ошибка Карла Хайнца Лоди
    - Загадка Альфреда Коржибски

- Хмурое утро после войны
  -
  - Исчезновение Виктора Грейсона
  - Покушение на Вальтера Ратенау
  - Мирбах и авантюристы
  - Похищение Джакомо Маттеотти
  - Пять дней президента
  - Убийство полковника Перацкого
  - Тайна фермы Хинтеркайфек
  - Дело Горгоновой
  - Похищение ребенка Линдберга
  - Трагическая ошибка
  - Гордый самурай
  - Идейный убийца Рамон Иванович Лопес
- Ещё больше тумана
  -
  - Гибель генерала Сикорского
  - Происшествие с Яном Масариком
  - «Русские идут!»
  - «Человеческое достоинство не продается»
  - Тайна аварии Генерального секретаря ООН
  - Трагическая стажировка
  - Судьба резидента Рыбкина
  - На тихой улице Гвардейской
- Теория заговора
  -
  - Покушение на графа Бернадота
  - Двойное убийство в Далласе
  - Смерть франкиста
  - Последний князь Возрождения
  - Опасная профессия
  - Промах прокурора Скальоне
  - Сто дней в Палермо
  - Секретный узник
  - Беспокойный Пекорелли
  - Исчезновение Эмануэлы Орланди
  - Смерть на кончике зонта
  - Два лица Пак Чонхи
  - Поздний киносеанс
- Скромное обаяние буржуазии
  -
  - Гибель Черного георгина
  - Девица Розмари
  - Тайны доктора Прауна

- Атолл Пальмира и расследование Винса Буглиози
- Хэллоуин в Гринвиче
- Феномен Джека Унтервегера

○ Тайны мира шоу-бизнеса
-
- Смерть «Белокурого ангела»
- Судьба шоумена
- Убийство эпохи
- Смерть под парусом
- Крошка Джонбенет

○ Главное – вовремя смыться
-
- История «Почтовых воров»
- Остроумные грабители
- Дело переодетого полицейского
- «Рембрандт на вынос»

○ Мотив неизвестен
-
- Пикник у Висячей скалы
- «Таман шуд»
- Исчезновение детей Бомонт
- Пропавший премьер
- Загадка женщины в долине Исдален
- Бегство Кристиана Керблера
- Дело о свинцовых масках
- Их было девять
- Смертельный уик-энд
- Семантическое убийство
- Что такое YOGTZE?
- Кто стоял за Райнером?

○ Неспокойная Россия
-
- Убийство на Кутузовском проспекте
- Взрыв в редакции газеты
- Символ перестройки
- Организаторские способности
- Несколько жизней майора Иванова

○ Роковые семьи и большая политика
- Планида клана Кеннеди
- Злой рок фамилии Ганди
- Трагедия династии Бхутто

○ Массовые преступления
-

        - Дело Флорентийского монстра
        - Происшествие в доме режиссера Полански
        - Поиски Зодиака
        - Женоненавистник в Политехническом университете
        - Случай в Оптиной Пустыне
        - «Орден Солнечного Храма»
        - Трагическое происшествие в Уэйко
        - Суицид на вилле в Сан-Диего
        - Мессианство Кредонии Мверинды
    - Заключение
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9
    - 10
    - 11
    - 12

Марианна Сорвина
Сто великих криминальных драм XX века

Введение

Начинался XX век – век необычайных открытий и политических катаклизмов, век исключительной науки и неразгаданных тайн. Многие научные открытия и гипотезы, появившиеся к началу XX века, были связаны с криминальной темой.

В 1977 году англичанин немецкого происхождения Уильям Гершель, работавший полицейским в Индии, установил неизменность папиллярного рисунка на пальцах человека. Открытие легло в основу новой науки – дактилоскопии. Уже в начале XX века дактилоскопия была введена в России, Англии, Австрии и других странах.

В 1880-е годы французский полицейский Альфонс Бертильон разработал для регистрации преступников антропологический метод с измерением тела виновного по 11 параметрам. В сущности, так мало, но и так много: теперь преступников различали хотя бы по каппилярам пальцев, которые можно внести в картотеку сыска.

Однако научные открытия порождали и псевдонаучные теории профилактики преступлений на основе антропологических черт человека. Так, итальянец Чезаре Ломброзо со второй половины XIX века писал о «прирожденном преступном типе личности» и предлагал заранее определять преступников по форме черепа и ушей. Прирожденных преступников он обозначил словами «homo delinquent» («человек преступный») и объявил, что уничтожение таких людей облегчит работу сыска на будущее.

Учение Ломброзо имело огромный резонанс и встретило как горячих поклонников, так и гневных противников. Одним из противников предвзятой доктрины был русский писатель Иван Бунин, сочинивший в 1916 году в стиле «арт-нуар» иронический рассказ о так и не пойманном серийном маньяке Адаме Соколовиче «Петлистые уши»:

«– А как же я того выродка узнать могу, если он здоровый, как той кабан? – насмешливо спросил Левченко.

– А по ушам, например, – ответил Соколович не то всерьез, не то насмешливо. – У выродков, у гениев, у бродяг и убийц уши петлистые, то есть похожие на петлю, вот на ту самую, которой и давят их.

– Ну, знаете! Убить всякий может, если разгорячится, – небрежно вставил другой матрос, Пильняк. – Я раз в Николаеве…

Соколович выждал, пока он кончит, и сказал:

– Я, Пильняк, тоже подозреваю, что эти уши присущи не одним только так называемым выродкам. Страсть к убийству и вообще ко всякой жестокости сидит, как вам известно, в каждом. А есть и такие, что испытывают совершенно непобедимую жажду убийства, – по причинам весьма разнообразным, например, в силу атавизма или *тайно накопившейся ненависти к человеку*…»

Эта подсмотренная русским писателем Буниным «тайно накопившаяся ненависть к человеку» превозмогла всё – она стала главной движущей силой новой эпохи. А XX век стал веком межнациональных катаклизмов и вызывающей ненависти к «иному», «другому» – иначе верующему и иначе мыслящему. То есть – веком публичности, статистики и мировых войн.

* * *

Уже накануне Первой мировой войны, в 1909 году, другой итальянский юрист Сципио Сигеле заметит эту публичность нового века и озаботится не отдельной преступной личностью, а целой группой агрессивных лиц, одержимых идеей. Наблюдая происходящие в начале XX века уличные беспорядки и предвидя дальнейшие массовые катаклизмы века, он издал в 1909 году книгу «La folla criminale» («Криминальная толпа»), посвященную тому, что всё чаще стало проявляться в городах, – экстремистской, криминальной сущности скопления людей. Тому, что видел Сигеле, и тому, чего ещё не видел и видеть не мог – пожару Первой мировой войны, а потом и Второй мировой: то был коллективный век.

Своей работе Сципио Сигеле предпослал цитату криминолога Энрико Ферри: «От соединения личностей в результате никогда не получается суммы, равной числу их единиц». Пафос этого высказывания понятен: когда личности под воздействием любой идеи объединяются, они утрачивают свою индивидуальную неповторимость. Впрочем, сходное положение, независимо от Ферри, высказал австрийский философ и психолог Кристиан фон Эренфельс: «Целое – это некая реальность, отличная от суммы его частей».

Не оспаривая мнение Эренфельса в отношении личностей, хочется всё же возразить – не по поводу людей, а по поводу самих преступлений: каким бы частным, локальным, бытовым и даже прецедентно исключительным не было преступление, оно всегда является отражением эпохи и того географического ареала, в котором произошло. И все эти отдельные случаи, даже будучи на первый взгляд необычными и нетипичными, по-своему типичны.

Они складываются в общую картину мира, как осколки складываются в большой калейдоскоп изменяющейся реальности.

Начало бурного века

Рассматривая различные криминальные истории, неожиданно приходишь к выводу, что XX век начался фактически не с 1900-го года, а с 1914-го. До Первой мировой войны человечество еще продолжало проживать век XIX – с его зловещими тайнами и великосветскими драмами; с его вестернами и авантюрами. До мировой войны это еще был «маленький» век – личный и камерный, как сюита. И таковы же были его преступления: даже акты политического террора напоминали внутреннюю, психологическую драму – как жертвы, так и преступника.

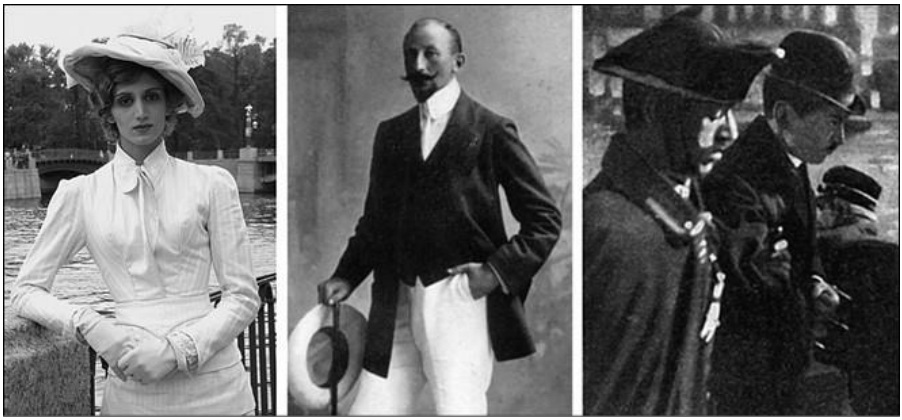
И, коль скоро итальянцы внесли такой своеобразный вклад в мировую теорию о преступности в начале XX века, начинать рассказ следует именно с них – с роковых страстей и безмятежно солнечной Венеции, где так любили отдыхать европейцы, в том числе и наши соотечественники. Венеция того времени никоим образом не сочеталась с преступными намерениями, но там происходили драматические истории, характерные для начала XX века – страстные и зловещие, темпераментные и романтические. Но в основе этих историй чаще всего были совсем не романтичные деньги.

Запутанная история графа Комаровского

В те годы Венеция еще не кишела безумными туристами, а воды ее каналов не были загрязнены, как в наши дни, да и вообще экология напоминала о чудесных временах XVIII–XIX веков, когда русские художники вдохновенно писали венецианское утро, подернутое туманом, и маленьких изящных гондольеров на крошечных лодочках. Мир казался огромным, как рай, а человек в нем был спокоен и безмятежен. Но XX век надвигался неумолимо, а вместе с ним и та новая реальность, породившая запутанные преступления, в которые были вовлечены самые разные лица.

Очевидно, граф Комаровский тоже был безмятежен, потому что в то утро 22 августа 1907 года он мирно спал. Это спокойствие никак не вязалось с последующими свидетельствами о многочисленных угрозах, которые он получал по почте. 6 сентября пресса сообщала, что утром 22 августа «некто Наумов прибыл на гондоле к графу Комаровскому. Обманув бдительность прислуги, он проник в его спальню, произвел в графа пять выстрелов и не замеченным уехал из Венеции». Граф был тяжело ранен, но говорилось, что его жизни опасность не угрожает. Русскому консулу он заявил, что получил несколько писем с предупреждением: в Венецию прибудет русский с целью его убить. Значения этим письмам граф почему-то не придавал.

После покушения Наумов скрылся из Венеции, однако вскоре был арестован в Вероне, городе всемирно известных влюбленных, увековеченных Шекспиром. Ни один из выстрелов Комаровского не убил, но на этом дело не кончилось. Уже в первых числах сентября выяснилось, что граф находится при смерти. И тут события из солнечной Венеции перенеслись в педантично преданную законам и бюрократии Вену. Выяснилось, что именно там, в столице Австрийской империи, граф Комаровский перед тем, как отправиться отдыхать с подругой в Венецию, застраховал свою жизнь на полмиллиона франков. На оформлении страховки настаивала подруга – графиня из Киева Мария Тарновская, урожденная О'Рурк. При этом в Венеции она тайно от графа встречалась с любовником – неким мошенником Зайфером, поселившимся в том же отеле.



М.Н. Тарновская, П.Е. Комаровский и арестованный итальянской полицией Наумов

После покушения на Комаровского Тарновская успела сбежать из Венеции в Вену. Её приятель Зайфер был арестован австрийской полицией. Тут-то и выяснилось, что на самом деле он вовсе никакой не Зайфер, а московский адвокат, присяжный поверенный Донат Прилуков, склонный к роскоши и картежной игре. На свои увлечения адвокат истратил деньги клиентов и рассчитывал поправить дела с помощью страховки Комаровского. Вскоре он уже давал показания как организатор убийства, но утверждал, что истинным «мозгом» преступления была Тарновская, а сам он – жертва её женского обаяния и хитрости.

О, начало XX века! О, феминизированная эпоха поэтов и безумцев! Женщина-вамп безупречно организовала убийство. Безумно влюбленный юнец Наумов стал слепым орудием в руках коварной злодейки. Что это, как не бульварный сенсационный роман? Даже полиция поверила в эту пошлую романтическую историю. Равно как и во всякие психиатрические теории, появившиеся позднее с легкой руки 20 адвокатов, обслуживавших этот процесс. К арестованной графине даже приставили охрану, чтобы она ненароком не соблазнила присяжных и прокурора.

Тем временем 8 сентября Комаровский скончался, и дело приобрело резонанс. Здесь нельзя все-таки не объяснить, кем был для России граф Павел Евграфович Комаровский, дворянин с польскими корнями, владевший имением в селе Городище. Дедушка графа сочинял неплохие романсы, из которых наиболее известен «Дайте крылья мне перелётные» на музыку Даргомыжского. В своем имении Павел Комаровский собрал библиотеку свыше 10 тысяч книг конца XVIII века. Здесь были сочинения по истории, музыке и естественным наукам на нескольких языках. Любитель искусства, меценат и организатор

съезда российских пожарных в 1899 году, граф был известным благотворителем. В Орловский губернский музей он передал коллекции древнерусских крестов и образов, серебряные монеты, древние рукописи. Входил в Орловскую губернскую ученую архивную комиссию, был членом Орловского общества любителей изящных искусств и председателем выставочного комитета первой художественной выставки в Орле в 1896 году. В 1904 году он ушел добровольцем на русско-японскую войну и проявил редкое мужество. За бой 26 мая 1904 года под Сюяном на Фынхуанченской дороге Комаровский был награжден орденом Святого Станислава, а в 1905-м – медалью «В память русско-японской войны».

И вот этот храбрый и весьма деятельный человек оказался жертвой вполне заурядной шайки мошенников, которых интересовало только его наследство. Причем Комаровский был, как выяснилось, не единственной жертвой преступников: смертельная опасность подстерегала всю его семью.

27 сентября итальянские газеты сообщали, что при обыске квартиры Тарновской были найдены письма, из которых следовало, что Прилуков и графиня хотели избавиться не только от Комаровского, но и от его сына Евграфа – прямого наследника. В случае его смерти всё имущество переходило Тарновской. Комаровский успел обручиться с ней, но её бракоразводный процесс с Василием Тарновским затягивался.

К тому моменту графиня уже сомневалась в том, что хочет замуж за недавно овдовевшего графа. Проще было устранить его и завладеть имуществом, и она собиралась прибегнуть к помощи наивного, влюбленного юноши. Таким юношей оказался Наумов, которого она встретила в Орле, куда приехала с Комаровским. Наумова считали сумасшедшим, рассказывали, что в детстве его случайно ударили лодочным веслом. Мария Николаевна быстро пристрастила юношу к мазохистским играм – стегала кнутом, гасила о его руку сигареты. А он видел в ней кумира и клялся в верности. Если бы Наумов убил графа, его посчитали бы свихнувшимся влюбленным и закрыли дело. На это и рассчитывали Мария и Прилуков.

Но Тарновская не предполагала, что её замысел раскроется и вызовет такой шум. Австрийский суд вдруг решил докопаться до корней этого дела и эксгумировать тело жены Комаровского – певицы и виолончелистки Эмилии Редер, умершей год тому назад. Смерть Эмилии ранее не вызывала сомнений: она вслед за мужем ушла на фронт медсестрой и в Маньчжурии заболела редкой болезнью – геморрагической лихорадкой с почечным синдромом. Тогда, в 1907 году, граф поселился с больной

супругой на острове Лидо в отеле «Эксельсиор». Тарновская и Прилуков прогуливались по променаду и вдруг увидели Комаровского, везущего инвалидную коляску.

«Что с вами, Эмилия?! – вскричала Мария, ранее немного знавшая Комаровских. – Вы больны? Как жаль! Я уверена, что мы еще будем пить шампанское вместе! Граф, я не видела вас после войны, вы, говорят, настоящий герой!»

Тарновская поведала графу свою историю: она вынуждена разводиться с ревнивым мужем, а Прилуков – её адвокат, с которым она случайно встретилась в поезде. Несчастье сблизило их. Тем временем Эмилия чувствовала себя плохо и заснула в обществе сиделки. Сыном Комаровского занималась английская гувернантка. Музыка, шампанское, пряный дух Лидо и курортного сентябрьского вечера ударили графу в голову, и он уединился с красивой графиней в отдельном номере – не для страсти, для душевного разговора. Они вспоминали прошлое и жаловались друг другу на жизнь. Супруга Комаровского болела, ссорила его с матерью и сестрами. Муж Тарновской позорил ее перед всем миром, объявляя всех ее поклонников любовниками, одного из них убил на дуэли. Мария давно нравилась Комаровскому, но ухаживать за ней при страдающей жене было неприлично. И всё-таки он спросил: «Кощунственно, графиня, но если бы я вдруг стал вдовцом – мог бы я… рассчитывать на взаимность?» – «Вы хотите доказательств, граф? Смотрите же – я ничего не боюсь больше!»

Мария взяла графа под руку и, получив от горничной отеля заранее оплаченный ключ от номера, увела графа в альков, где продемонстрировала ему свою страсть. Через два часа они вернулись: он – к больной жене, она – к Прилукову. «Ну и как это было?» – спросил Прилуков, скрывая обиду за циничной иронией. «Да не особенно, – бесстрастно ответила графиня. – Но мне кажется, при правильном ведении дела мы сможем решить твои проблемы с кредиторами».

Запутавшийся в долгах Прилуков понял, что имеет дело с женщиной-вамп: такие в то время очень ценились. Её воля и характер могли решить все его проблемы. А она, коварная соблазнительница, останется верной ему – сообщнику: ведь нет близости большей, чем преступный замысел. И присяжный поверенный, вдохновленный преступной страстью, вечерним поездом выехал в Вену, где ему надлежало оформить документы, закупить яды, быстро перечитать новые исследования по судебной медицине и проделать некоторые эксперименты для устранения членов этой семьи.

А Мария стала помогать графу. Она мастерски делала

Эмилии инъекции, а вечером ублажала ее мужа, обещая спасение его жене и вечную, безвозмездную любовь к нему. Но состояние Эмилии не улучшалось, её мучили тяжелые боли. Венецианские врачи порекомендовали Комаровским отправиться в Дрезден, где есть клиника тропических болезней Святого Иосифа Штифта. После этого Эмилия умерла. На эксгумации тела настаивали её еврейские родственники. Они подозревали, что скоропостижная смерть была вызвана подменой лекарства ядом, ведь Тарновская легко могла это сделать, чтобы ускорить процесс воздействия на графа. Однако никто не захотел вновь открывать это дело, и в особенности итальянцы, спешившие быстрее закончить процесс.

В январе 1908 года газеты сообщали, что арестованная графиня Тарновская пыталась повеситься в венецианской тюрьме, но была спасена. Слухи оказались ложными. Графиня действительно находилась в тюрьме, как и ее сообщники, но вешаться вовсе не собиралась, даже, напротив, говорила, что хочет начать новую жизнь. Сообщалось также, что суд над заговорщиками состоится весной 1908 года, однако русские власти устроили канитель с нужными юридическими справками, поэтому пришлось отложить процесс еще на несколько месяцев.

К тому моменту дело стало настолько заметным, что ведущие газеты Европы и Америки намеревались по телеграфу освещать судебный процесс в Венеции, куда передали преступников. Прилуков затребовал вызова новых свидетелей по делу Комаровского, но судебные власти Италии хотели закончить расследование к декабрю 1908 года. Тем временем мать графа Комаровского Элеонора Ивановна Орлова прониклась сочувствием к юному убийце Наумову и объявила, что он – жертва Тарновской, как и её сын. Адвоката Наумова это воодушевило, и он впервые ввел в юридический обиход версию преступного гипноза, который Тарновская якобы применила к его подзащитному. По настоянию защитника в сентябре 1908 года к делу подключились профессор психиатрии Феррара и директор психиатрической лечебницы Кавелетти, протестировавшие умственные данные Наумова и признавшие его «слабоумным истериком, не отвечающим за свои поступки».

Видимо, под влиянием этих новомодных психиатрических идей корифей итальянской гинекологии профессор Луиджи Босси заявил 9 марта 1910 года, что и сама Мария Тарновская одержима психическим расстройством, но чисто женским – манией «уничтожения» своих любовников. Обсуждалась и загадочная славянская душа, склонная к саморазрушению. После этого происходящее в Венеции юридическое разбирательство приобрело совершенно театральный, оперный характер, не

имевший никакого отношения ни к науке, ни к действительности. Обвиняемых привозили в здание суда на гондолах. По обеим сторонам набережной толпились корреспонденты и зеваки. Тарновская являлась на процесс в эффектном трауре с черно-бордовыми кружевами. Одержимой публике, с самого утра осаждавшей здание суда, продавали билеты в зал, где проходило слушание.

21 мая 1910 года в половине восьмого присяжные, заседавшие три часа, вынесли вердикт о виновности. Камеристка графини, мадемуазель Перье была оправдана. Наумова суд приговорил к 3 годам и 4 месяцам, графиню Тарновскую – к 8 годам и 4 месяцам, Прилукова – к 10 годам.

Подобные жизненные драмы с привкусом адюльтера чрезвычайно интересовали писателей того времени, а в Италии они пользовались особенным успехом. Поэтому не было ничего удивительного в появлении на процессе поэта и драматурга, эстета и скандалиста Габриеле Д'Аннунцио, отличавшегося эпатажными выходками и любовью к салонным мелодрамам, которые он не только писал, но и успешно создавал сам. Его ближайшими друзьями были националисты и анархо-синдикалисты. Его женщинами – психопатки, в том числе и выдающиеся. Из любви к Д'Аннунцио великая итальянская актриса Элеонора Дузе резала себе вены, маркиза Карлотти ушла в монастырь, а графиня Манчини попала в сумасшедший дом.

Больше месяца Д'Аннунцио следил за развитием событий в Венеции и сочинял пьесу о роковой графине Тарновской. У него уже были предложения от ведущих итальянских театров на постановку этой эффектной пьесы.

Убийца Наумов отсидел свой срок и вскоре после освобождения умер. Прилукову после венецианской тюрьмы предстояло еще ответить за растрату казенных денег в России. Тарновскую вскоре помиловал итальянский король Виктор Эммануил. Видимо, не без влияния Д'Аннунцио.

Писатель Валерий Брюсов в 1913 году сочинил скандальную повесть «Последние страницы из дневника женщины», в героине которой угадывались черты Тарновской. Эгофутурист Игорь Северянин написал сонет «Тарновская»:

По подвигам, по рыцарским сердцам,
Змея, голубка, кошечка, романтик, —
Она томилась с детства. В прейскуранте
Стереотипов нет её мечтам
Названья и цены. К её устам
Льнут ровные «заставки». Но – отстаньте! —

Вот как-то не сказалось. В бриллианте
Есть место электрическим огням.

5 июня 1915 года, когда Италия уже отказалась от нейтралитета и ввязалась в войну, а на австро-итальянской границе шли бои, роковая графиня была освобождена из венецианской тюрьмы. Своим родным в Киев она сообщила, что переезды по воюющей Европе небезопасны, поэтому она задержится в Италии – в общежитии тихого французского монастыря под Миланом. Но в тот момент дело об убийстве Камаровского уже никого не интересовало, потому что начиналась «Grande guerra» – Великая война.

Роковая страсть графини Тригоны

Хроника начала 1910-х годов красноречиво свидетельствует о крайней нестабильности и разнородности итальянского общества. С одной стороны – голод и эпидемии, стихийные бедствия и множество жертв. С другой – роскошные салоны и виллы, полные пафоса письма, роковые адюльтеры и мелодраматические убийства, столь любимые поэтами и кинематографом.

25 сентября 1910 года появились сообщения о вспышке холеры в Неаполе. Через месяц, 24 октября 1910-го, побережье Амальфи было разрушено сильным наводнением, и пропитанная водой лава начала сползать на город. Здания рушились от порывов бури, как карточные домики. Поток, образовавшийся на склонах Везувия, уничтожал поселки, на дороги и садовые хозяйства обрушился град камней и грязи. Деревни острова Искья оказались полностью разрушены огромными валунами, скатившимися с горы Чито, дома и улицы снесены полностью, 200 человек погибли, многие остались без крова.

Но нищета никого не интересовала, в ней не было романтизма. И газеты, стремясь привлечь внимание невзыскательной и скучающей массы, гонялись за адюльтерами и кровавыми сенсациями, создавая культ эстетизма в аристократических домах Палермо, где «всё дышит атмосферой прекрасной эпохи, начавшейся вместе с закатом Европы, но сохранившей свои живительные корни на Сицилии, где она превратилась в стиль жизни».

* * *

2 марта 1911 года, ранним утром четверга, Италия была отвлечена от стихийных бедствий и политических событий жестокой криминальной драмой, развернувшейся в отеле «Rebecchino» напротив железнодорожного вокзала Термини в Риме. Всю страну потрясло убийство первой красавицы Сицилии – графини Джулии Тригоны Таска Ди Куто Де Сент-Элиа.

Пятая дочь принцессы Джованны Куто Филанджиери и эксцентричного художника, графа Джованни Лучио Таска Ланца, Джулия Тригона была любимой фрейлиной королевы Елены – супруги императора Виктора Эммануила III. Черногорская принцесса Елена (в девичестве – Петрович-Негош, или Елена Де Монтенегро) сама не чужда была романтических настроений и вышла за итальянского императора, сменив против воли

родителей вероисповедание с православия на католицизм. Ей импонировал страстный характер фрейлины Джулии, однако она неоднократно предупреждала молодую женщину от опрометчивых романов.

В 15 лет Джулия вышла замуж за политически активного графа Ромуальдо и к 30 годам имела двух дочерей, что не мешало ей вести активную светскую жизнь. Главной причиной ее романов была обида на многочисленные интрижки ее мужа-политика.

Утром 2 марта 1911 года графиню из ревности зарезал в гостиничном номере ее любовник – кавалерийский лейтенант барон Винченцо Патерно. Сам убийца сразу попытался покончить с собой, но пуля, которую он выпустил себе в голову, застряла у основания черепа, и он остался жив.

Услышав стоны, в номер вошли служащие отеля. Их ожидала жуткая картина, достойная кинематографической мелодрамы: зарезанная графиня лежала на кровати рядом с окровавленным бароном, который был еще жив.

Первые встречи Джулии Тригоны и Винченцо состоялись в Палермо, столице Сицилии

В груди женщины торчал дешевый охотничий нож, который убийца купил в соседнем магазине, не забыв при этом получить грошовую скидку, о которой свидетельствовал лежавший на столике чек, впоследствии ставший вещественным

доказательством обвинения: любовь и ревность едва ли сочетаются с меркантильностью.

В целом же это преступление носило настолько театральный характер, что сразу превратилось в сенсацию, живо обсуждаемую в обществе. Скандальную историю освещали все газеты страны, уставшие от не столь интересных жертв холеры и наводнений. «Это кошмар, видение из дурного сна», – темпераментно писала на следующий день «Il Corriere della Sera».

Сенсационную окраску этому делу придавало еще и то, что в нем были замешаны известные личности из окружения графини: ее брат Алессандро Таска – второй человек в социалистической фракции парламента; муж, граф Ромуальдо – недавний мэр Палермо. И наконец друг графини – всё тот же скандальный поэт Габриеле Д'Аннунцио, завсегдатай светских салонов. Он не пропускал ни одной светской красавицы, и Джулия сразу вызвала у него восторг. Говорили, именно он познакомил жертву с ее будущим убийцей.

Первые встречи Джулии и Винченцо состоялись в Палермо, в салоне «Villa Igea» – особняке, где граф Игнацио Флорио давал роскошные приемы. Барон Патерно имел репутацию плейбоя и светского льва, хотя и сидел без гроша. Причиной разорения его семьи стали серные шахты отца, не приносившие дохода.

Для Сицилии рубежа XIX и XX веков опрометчивая ставка на серные разработки и последующее разорение были типичны: аграрный кризис начала 1890 годов разорил многих владельцев серных шахт и вынудил их на слияние с конкурентами. Так жила и семья Луиджи Пиранделло – писателя, будущего лауреата Нобелевской премии. Его дед был известный гарибальдиец, мать вышивала гарибальдийские знамена, отец также примкнул к отряду тестя. Но когда война Гарибальди закончилась, возникла необходимость приспосабливаться к гражданской жизни, и отец Пиранделло занялся серными шахтами. Его неспособность вести дела довела семью до банкротства. Луиджи Пиранделло пришлось согласиться на «matrimonio di convenienza» – несчастливый брак по расчету с дочерью отцовского партнера по бизнесу. Жена писателя, неграмотная сицилийская провинциалка, ревновала его к таланту, славе, знаменитым друзьям. Она попала в психиатрическую клинику из-за попытки убить супруга ножом во время сна.

Но в тот год, когда происходили описываемые трагические события в римском отеле, Пиранделло уже был известным драматургом, а его пьесы ставились в театре «Метастазио».

В отличие от Пиранделло, барон Патерно пьес не писал. Он писал письма светским красавицам. В одном из таких

напыщенных и пошлых писем, адресованных графине Джулии, говорилось: «О, радость моих чувств! Ваши губы, полные медовой сладости, сводят меня с ума! Я отдам всё, чтобы быть с вами!» На суде адвокат Патерно представил это письмо как доказательство истинности чувств обвиняемого.

Но в одном защитник просчитался: в качестве вещественного доказательства фигурировала и наградная Георгиевская медаль – «безделушка», с легкостью подаренная бароном своей возлюбленной. Адвокат хотел показать, что такой подарок подчеркивает глубину чувств обвиняемого. Но поступок Патерно вполне объясняли циничные слова из его дневника: «Всё, что этот мир называет долгом и честью, мне кажется трусостью и глупостью». Это настроило суд и общественность против убийцы, легкомысленно относившегося к наградам родины. Против Патерно сыграл и тот факт, что он несколько раз брал у графини деньги взаймы, а значит – имел корыстные интересы и вёл себя как альфонс.

Такие, как лейтенант Патерно, обычно становятся не писателями, а музами для писателей, персонажами романов. Позднее убийца действительно превратился в романтического героя бестселлера Томазиди Лампедуза «Il gattopardo» («Леопард»), написанного в 1930 году и опубликованного после смерти писателя. Позднее появилась экранизация этого романа режиссера Лукино Висконти с Бертом Ланкастером, Клаудией Кардинале и Аленом Делоном в главных ролях.

На страницах книги Лампедузы Патерно представал бабником и игроком, блестящим офицером кавалерийского полка «Фоджа», известным буйным нравом и стремительными победами, любившим пускаться в сомнительные предприятия и привлеченным ярким светом салона Флорио. Джулия, по словам писателя, была «одной из самых красивых женщин Палермо и героиней светской жизни». Общество Палермо «видело в ней лишь доброе, безмятежное и несколько противоречивое существо. Но Джулии этого было мало. Она лелеяла мечту о великой романтической любви, и ее драматическая история заставляет думать о ней, как о сицилийской Эмме Бовари».

Впрочем, в этой истории многое выглядело неромантично. Джулия после родов болела и упрекала Ромуальдо в холодности и изменах, а потом сама начала в отместку флиртовать с офицерами. Наконец они оба решили развестись, вопреки воле семьи. Но у известного политика не нашлось денег на бракоразводный процесс, и Джулия согласилась продать свой земельный участок. В юридических делах ей помогал адвокат Серрао. Он же открыл ей глаза на корыстные мотивы лейтенанта

Патерно, который вовсе не был преданным влюбленным и явно хотел получить доступ к ее счёту. Тогда графиня и решила порвать с любовником.

Патерно не нравился адвокат Серрао, настроивший возлюбленную против него. Лейтенант устроил сцену ревности, кричал, что она увлеклась адвокатом, и в порыве гнева сорвал с ее шеи медальон. Глупо было соглашаться на «последнее свидание» в номере отеля, но графиня отличалась сентиментальностью: ей казалось, что отношения надо закончить красиво – трогательным прощанием. В номере между ними вновь вспыхнула страсть, о которой рассказала горничная, подсматривавшая в замочную скважину. Эта последняя встреча и стала для графини роковой.

Императрица Елена, узнав о гибели фрейлины, слегла от переживаний. Когда гроб с телом графини перевозили из Рима на Сицилию, по всему пути следования поезда стояли толпы людей. Суд состоялся через год – 17 мая 1912 года. Он закончился 28 июня вынесением приговора о пожизненном заключении для Патерно. Процесс в Риме наделал много шума, против убийцы были настроены средства массовой информации. Известный психиатр Филиппо Сапорито обследовал Патерно в судебной тюрьме Аверс и признал его нормальным. Красноречие знаменитого адвоката Веччини, утверждавшего, что его подзащитный был ослеплен страстью и ревностью, оказалось совершенно бессильным. Подсудимому не помогла даже попытка самоубийства. Присяжные заседатели приветствовали формулировку обвинения, гласившую, что Патерно хотел воспользоваться активами графини, и его попытка самоубийства была лишь инсценировкой. Развернулись драматичные сцены со свидетелями. Особенным успехом пользовался адвокат Серрао – главный советчик графини, возбудивший ревнивые подозрения убийцы.

В газете «Il Giorno» говорилось: «Какие чувства в наибольшей степени вызывает «Ошибка Джулии Тригоны»? Она отдала свою жизнь как молодая женщина и любящая мать, она увидела ужасную смерть прямо перед глазами. Это для всех большое горе, которое никогда не сотрется из нашей памяти. И лишь ниспосланная Богом покаянная молитва за все невинные души нужна сейчас мученице Джулии Тригоне».

В 1942 году в возрасте 62 лет барон Винченцо Патерно был помилован. После освобождения он еще успел жениться, имел сына и умер в 1949 году.

Предметы, связанные с убийством – окровавленный платок, локоны графини со шпильками и дешевый охотничий нож с

ручкой из оленьего рога, – оказались в музее криминалистики Рима, где и находятся до сих пор…

«Коза ностра» и убийство четы Куоколо

Почти в то же время, когда в Италии разворачивались две великосветские салонные драмы – с Марией Тарновской и Джулией Тригоной, – в старинном этрусском городке Витербо, недалеко от Рима, началось заседание суда присяжных по делу об убийстве супругов Куоколо. Было 10 марта 1911 года. Этого процесса ждали пять лет, и готовился он с беспрецедентными мерами предосторожности. На скамье подсудимых оказалось 45 человек, и это было бы удивительно, если бы на процессе не прозвучало малоизвестное слово «каморра».

Интерес к судебному процессу испытывали в основном юристы, политики и журналисты, поскольку именно с дискуссии на суде началось широкое обсуждение организованной преступности, которой раньше не придавали значения. Теперь необходимость создания специальных комиссий и введения жестких мер по борьбе с групповыми преступлениями была очевидна, а процесс Куоколо стал первым судебным разбирательством, на котором обвиняемыми оказались многочисленные члены неаполитанской мафии.

Преступление было совершено еще 5 июня 1906 года. Первым в местечке Торре дель Греко был зверски убит вор в законе Дженаро Куоколо – один из лидеров «коморры», специалист по квартирным кражам и владелец ресторанного бизнеса. На следующий день в Неаполе бандиты расправились с его женой и сообщницей, бывшей куртизанкой Марией Кутинелли. Существовала также версия, что супруги на самом деле были тайными осведомителями полиции, за что и поплатились. Но дальнейшего подтверждения версия не получила.

К 1911 году большая часть населения успела уже позабыть об этом убийстве пятилетней давности. К тому же сами жертвы – уголовник и его жена-проститутка – не вызывали такого горячего сочувствия, как прекрасная графиня Джулия, погибшая из-за любви незадолго до процесса Куоколо.

Суд по делу Куоколо закончился в 1912 году, и обвинение было предъявлено 26 лицам. Процесс освещали множество средств массовой информации, говорилось, что в ходе следствия и судебной процедуры были допущены нарушения, что полиция в сговоре с преступниками и манипулирует свидетелями и доказательствами. Благодаря показаниям осужденного Дженнаро Аббатемаджио удалось доказать преступный сговор и участие в убийстве двух главарей мафии – бруклинского «короля»[1] Энрико Альфано по кличке «Эрриконе» и Джованни Рапи по кличке

«Маэстро».

В ходе первоначального следствия детективы выяснили, что Альфано и несколько других «авторитетов» ночью, накануне убийства, посетили ресторан Куоколо. Через пять дней после убийства сам Альфано, его брат Чиро, а также Дженаро Ибели и Джованни Рапи были арестованы по подозрению в убийстве.

Но тут священник Чиро Витоцци, тоже член «каморры», сказал детективам, что слышал на исповеди другие признания, но связан обетом молчания, и арестованных освободили. Это может показаться странным, но поведение следователей можно объяснить растерянностью, вызванной многочисленными местными традициями, условностями и религиозными догмами. Очень скоро они поняли свою ошибку, но Альфано уже след простыл.

Едва освободившись, гангстер не стал ждать дальнейшего развития событий и уехал в Марсель. Оттуда на лодке он направился в Нью-Йорк и по прибытии был восторженно встречен несколькими своими партнерами из Неаполя. Впоследствии он пользовался в США большим уважением как признанный авторитет и стал мафиозным «королем» Бруклина.

Однако летом 1906 года шеф нью-йоркской полиции Джозеф Петрозино получил из Италии официальное уведомление о том, что обвиняемый в убийстве Альфано находится на подведомственной ему территории. Петрозино также узнал, что Альфано недавно устроил банкет в местном ресторане для своих товарищей по преступной группировке и что в обход закона он держит игорный дом в подвале на улице Малбери. 17 апреля 1907 года Петрозино и его агенты обыскали квартиру Альфано и арестовали его. Вскоре после этого он был экстрадирован в Италию, где ему надлежало предстать перед судом за убийство Куоколо. До суда дошли слухи о том, что Альфано за эту выдачу итальянским властям заочно «приговорил» шефа полиции Петрозино к смертной казни. И, когда в 1909 году Петрозино действительно был убит во время посещения Палермо, никто уже не сомневался, что это дело рук людей Альфано.

Энрико Альфано (в центре) и другие члены мафии перед дверями суда в Витербо

Слушания дела по убийству Куоколо вызвали большой резонанс. Пресса патетически назвала суд «Самым крупным уголовным процессом века». Альфано отрицал все обвинения. В ответ на брошенные прокурором слова: «Рыба гниет с головы!» он произнес знаменитую фразу: «Я никогда не был ни головой, ни хвостом “каморры”!» Альфано собирались предъявить обвинения и в убийстве Петрозино, но не смогли представить доказательства. В итоге Альфано и его сообщники были приговорены к 30 годам заключения.

В 1926 году сотрудничавший с полицией Аббатемаджио под давлением оставшихся на свободе членов клана отказался от своих показаний против Альфано и Рапи, однако в полиции дело пересматривать не стали[2].

Покушение на дона Лоренцо

Наряду с салонными драмами и преступной деятельностью «каморры» в предвоенной Италии практиковались и политические убийства неугодных политиков, причем в этих преступлениях правительственные структуры охотно опирались на мафию.

16 мая 1911 года в сицилийском городе Палермо на улице Сан-Стефано был убит 46-летний лидер социалистов Лоренцо Панепинто. Художник и педагог, Панепинто был активным социал-демократом и аграрным синдикалистом, издавал журнал *La Plebe* («Плебеи») и был горячо любим простым народом. В 1889 году он стал членом городского совета и председателем комитета региональной федерации социалистов Агридженто. Его интересовали вопросы аграрной политики и положение крестьянства.

В 1889 году он основал *Fasci Siciliani* (Лигу сицилийских рабочих) – сильное, но весьма причудливое движение, которое достигло своего политического расцвета к 1893 году. Лига оказалась неоднородной: наряду с защитниками прав сельскохозяйственных рабочих в нее входили религиозные проповедники и революционеры-радикалы, а в штабе Лиги на стенах соседствовали распятие, красный флаг, портреты Гарибальди, Мадзини, Карла Маркса и императора. Эта пестрота объяснялась достаточно просто: социализм рассматривался сицилийским крестьянством как новая религия, истинная религия Христа, преданного священниками, перешедшими на сторону богачей. Социалистическая религия предрекала зарождение нового мира, свободного от нищеты и голода, руководствующегося божьей волей и заповедями.

Лоренцо Панепинто

С этим был связан и приток в Лигу большого количества религиозных женщин. Демонстрации Лиги носили религиозный, марксистский, иногда милитаристский характер.

Но главным вкладом Лоренцо Панепинто в дело трудящихся Сицилии было введение закона об охране труда и утверждение первого документа об оплате «ex feudo». Прекратилась паразитическая и бессистемная, ничем не ограниченная эксплуатация сельскохозяйственных рабочих.

Эти законодательные достижения учителя-социалиста не могли понравиться ни властям, ни «каморре». В январе 1894 года правительство под руководством Франческо Криспи ввело чрезвычайное положение, разогнало Лигу и арестовало ее руководителей. Когда Панепинто лишился возможности заниматься политикой, он ушел в педагогику.

Однако к 1910 году его престиж среди рабочих Сицилии

значительно вырос, поскольку именно к началу Первой мировой войны в Италии активизировалось красное движение. Именно в такие моменты политических обострений начинаются устранения наиболее энергичных лидеров. Нет никакого сомнения в том, что убийство было тщательно организовано и наемники мафии стали исполнителями чужой воли.

В ночь запланированного убийства, якобы по ошибке осветителей города, не горели уличные фонари, и стояла непроглядная темень. Это позволило убийцам близко подойти к жертве. Случайной свидетельницей преступления стала проститутка, проходившая по улице и видевшая преступника в лицо. Она могла бы дать показания, но на следующее утро бесследно исчезла.

На похороны Панепинто собрались все члены Лиги, чиновники города, простые крестьяне. Женщины были в красных одеждах, как они обычно одевались на демонстрации. Тогда и сочинили песню, посвященную дону Лоренцо.

Позднее, уже в 1977 году, ее обработала и исполнила известная сицилийская певица Роза Балистрери[3]. Зонг назывался «Storia Per La Morte Di Lorenzo Panepinto» («История смерти Лоренцо Панепинто»)[4]:

Шестнадцатого мая, в первый вечер
Погашенной луны и фонарей,
Предатели отправились на встречу
И ждали вероломно у дверей.
Тогда страна как в омут погрузилась
Кругом царит отчаянье, печаль…
И дочь его приехала проститься,
Ее здесь всем безмерно было жаль.
Так девочка осталась сиротою,
Совсем еще ребенок, вот беда.
Как раньше, окруженный беднотою,
Уходит дон Лоренцо навсегда…

Было очевидно, что впервые государственные структуры выступили заказчиками, а мафия – исполнителем. Убийство Панепинто так и не было раскрыто, но стало перекрестком, соединившим политическую и уголовную историю страны на долгие десятилетия.

Кровавый доктор Криппен

Великобритания начала XX века еще жила имперскими идеалами, парламентскими страстями и криминальными историями, сделавшими ее неоспоримой королевой детектива. Английская криминальная драма загадочна уже тем, что всегда разворачивается за закрытыми дверями, невидимо для общества. Но это и вызывает наибольший интерес, потому что перед нами увлекательная головоломка.

Еще в 1960 году Чарльз Диккенс с азартом писал статьи о нашумевшем судебном процессе т. н. «Убийства на Роуд-Хилл». Подлинная криминальная драма – убийство трехлетнего ребенка в доме, принадлежавшем большой и вполне добропорядочной семье Кентов, обвинение в убийстве 16-летней гимназистки, сестры мальчика – всё это казалось таинственным, необъяснимым. И великий английский писатель не мог остаться в стороне. Это туманное дело, несмотря на признание девушки, так и осталось не выясненным до конца: существовала версия, что Констанс Кент просто покрывала кого-то другого, поэтому взяла вину на себя. Интересно, что больше всех Констанс любила своего 14-летнего брата Сэмюела, который стал впоследствии очень известным ученым. После многолетнего заключения Констанс уехала к брату в Австралию и дожила там до 100 лет.

Последователем Диккенса в описании документальных преступлений был и Артур Конан Дойл, сочинивший историю Британии через призму расследований сыщика Шерлока Холмса. Убийство в закрытом помещении стало и его коньком. Британцы бдительно охраняют свое жилище от посторонних. Эта традиция перекочевала и в XX век.

* * *

В начале февраля 1910 года лондонская певица мюзик-холла Кора Тёрнер, выступавшая под сценическим псевдонимом Бель Элмор, исчезла. Долгое время её судьбой никто не интересовался. Лишь 30 июня знакомые Коры – феминистка Кейт Уильямс, актер Нэш и эстрадный пантомимист Пол Мартинелли обратились в Скотланд-Ярд с очень странной историей.

Кора, настоящее имя которой было Кунигунда Макамоцки, жила с мужем, американцем из Мичигана, в Северном Лондоне. Криппен не имел британского диплома врача, но практиковал стоматологию и гомеопатию. У них был небольшой дом на улице

Хиллтроп-Крисчент. Там 31 января артистку видели в последний раз – на вечеринке, где присутствовали Нэш, Пол Мартинелли и его жена Клара. Они ушли в полвторого ночи. С тех пор Бель Элмор никто не видел. 3 февраля от нее пришло два письма, в которых она сообщала, что в связи с болезнью вынуждена уехать в Калифорнию к родным. Почерк писем показался им подозрительным, да и муж Коры, дантист Хоули Криппен, вел себя необычно: начал выводить в свет свою секретаршу Этель Ли Нив, одаривал ее вещами жены – бриллиантовым колье и меховыми накидками, – а 12 марта поселил её в своем доме № 39 по Хиллтроп-Крисчент.

«Что всё это значит? – возмутился Мартинелли 24 марта. – Где Кора?»

«Произошло несчастье. Кора умерла от пневмонии, – ответил доктор. – Мне сообщили родственники из Лос-Анджелеса».

Ответ не удовлетворил, и тогда они отправились в полицию, где их принял инспектор Уолтер Дью. 8 июля Дью посетил дом на Хиллтроп-Крисчент и познакомился с Этель Ли Нив. Сам дантист был на работе, и его хладнокровие удивило Дью. Казалось, доктор был готов к визиту полиции.

Доктор Криппен и Бель Элмор

Он сказал инспектору, что на самом деле всё было не так: жена бросила его и уехала с состоятельным мужчиной, просто ему неприятно было в этом признаваться. Доктор охотно показал свой дом, согласился помочь отыскать Кору. Инспектору он

показался честным и открытым.

Но когда 11 июля Дью необходимо было внести уточнения в заведенный протокол и подписать его, он уже не застал дома врача, который еще за двое суток до этого уехал, прихватив с собой любовницу. Тут инспектору и пришла в голову мысль обыскать дом. В подвале под кирпичным полом были обнаружены останки изувеченного тела в нижней сорочке. Эксперт Огастес Пеппер был немало удивлен, поскольку из тела оказались вынуты кости, снята кожа, голова пропала, и вообще кто-то позаботился, чтобы останки не идентифицировали. По мнению Пеппера, на такое был способен только профессиональный врач. Останки перевезли в морг, и там эксперт обнаружил затертую этикетку на сорочке, принадлежавшей ателье братьев Джонс Холлоуэй. Тело предположительно принадлежало женщине и находилось в подвале полтора-два месяца.

15 июля дело передали следователю Ричарду Мьюиру. Он предложил знакомым Коры опознать ночную сорочку, но это было лишь косвенным доказательством против доктора. К вечеру Пеппер, имевший хирургический опыт, смог обнаружить на одном участке тела след от хирургического шрама. Знакомые подтвердили, что Коре делали в Нью-Йорке гинекологическую операцию.

Доктор Криппен и его секретарша были объявлены в розыск. И тут вступил в дело телеграф – изобретение начала XX века, благодаря которому заурядное дело Криппена и обрело такую известность. Сообщение о розыске оказалось у капитана Кендалла с британского корабля «Монтроз», направлявшегося в Канаду. 20 июля Кендалл делал остановку в Антверпене и обратил внимание на двух странных пассажиров: на борт поднялись Джон Робинсон и его сын, приехавшие из Брюсселя. Описание доктора показалось капитану знакомым, да и сын пассажира вел себя как-то не по-мужски. Капитан заметил, что формы у мальчика были женские. В общем, пассажиры больше походили на влюбленную пару. О своих подозрениях Кендалл передал по радиосвязи, а Криппену начал оказывать знаки внимания, чтобы усыпить его бдительность и взять под контроль. 31 июля, уже возле Квебека, доктор Криппен с переодетой любовницей были арестованы.

К моменту ареста Криппена Огастес Пеппер и светило криминалистики Бернард Спилсбери довели экспертизу до конца и с определенной долей вероятности могли утверждать, что останки принадлежали пропавшей жене Криппена. Беглецу предъявили обвинение, и 22 октября 1910 года состоялся суд присяжных. Спилсбери выступил с экспертным заключением. Адвокат Эдвард Маршалл Холл пытался доказать, что Криппен

совершил убийство по неосторожности: он просто не рассчитал дозу успокоительного для жены, а потом пытался скрыть следы. Присяжных это не убедило, и они вынесли вердикт, что доктор виновен. 23 ноября Криппен был повешен. Этель освободили из-под стражи, и она уехала в США, где дожила до 1967 года. В одном интервью она утверждала, что причиной ненависти Криппена к жене стало то, что она из-за своих беспорядочных связей заразила его венерическим заболеванием.

Впоследствии дело Криппена стало классикой криминалистики, однако существовало много свидетельств и точек зрения, привносивших в это дело новые оттенки. Например, соотечественник Криппена из штата Мичиган, профессор Дэвид Форан провел анализ ДНК и объявил, что останки принадлежат не Коре. Но тут вспомнили, что, не имея в Англии легального диплома, Криппен не гнушался и подпольными абортами, после одного из которых вынужден был избавляться от тела умершей пациентки.

Некоторые утверждали, что доказательств вообще было недостаточно, Криппена засудили, а он вполне мог быть невиновным. Были те, кто сочувствовал доктору. Личность жертвы – Коры Тёрнер-Криппен – симпатий не вызывала. Она хотела стать звездой мюзиклов, но не добилась успеха, поэтому во всем винила своего жалкого мужа, издевалась над ним и находила себе любовников, даже не особенно скрываясь. Криппен же в силу слабости характера не мог спастись от ее диктата.

Уже припертый к стенке доказательствами, он не выразил раскаянья, лишь с грустью сказал, что эта женщина разрушила всю его жизнь, издевалась над ним, и он надеялся избавиться от нее хотя бы таким способом. Доктор просил похоронить вместе с ним фотографию Этель и ее любовные письма. Было ли это сделано, неизвестно: в Англии тела преступников хоронят тайно, без надгробий.

Рассказывали, что задержанный Криппен, проходя мимо капитана Кендалла, сказал: «Ты выдал меня, капитан, и ты тяжело пострадаешь за это вот на этом самом месте. Будь ты проклят!»

Так и случилось: став через год капитаном крупного канадского судна «Эмпресс оф Айрленд», Кендалл каждый раз, проходя возле мыса Фатер, вздрагивал, вспоминая проклятие Криппена. А 29 мая 1914 года его корабль на этом месте потерпел крушение, вошедшее во все справочники мира. Оно унесло жизнь более тысячи человек, одним из которых был выдающийся британский актер Лоуренс Ирвинг.

История доктора Криппена запомнилась еще и потому, что выглядела уж очень «по-английски», оправдывая поговорку о том,

что у каждого в шкафу свой скелет.

Дом полусотни скелетов Белль Ганнес

История норвежской эмигрантки Изабелль Соренсен Ганнес, урожденной Бринхильд Ларсен, прославившейся своими преступлениями в США, чем-то напоминает дело доктора Харви Криппена. Правда, субтильного и недалекого доктора обвинили только в одном убийстве и поймали, а мощная женщина Ганнес смогла отправить на тот свет уйму народа и при этом ушла от наказания. Но есть общее – мрачный дух самого убийства, метод сокрытия трупов и ореол тайны домашнего очага – стен, за которыми творятся ужасные деяния.

Белль Ганнес ухитрилась убить более 40 человек, причем большинство из них были мужчинами. Совершенно непонятно, каким образом все эти люди с доверчивостью сайгаков отправлялись к ней на ферму, желая заключить брачный союз. Да и вообще непонятно, что мужчины находят в женщинах такого типа. Красотка Тригона или роковая львица Тарновская – ещё куда ни шло. Но Белль Ганнес ни прелестницей, ни роковой женщиной не была – благо, сохранилось много фотографий этого внушительных размеров монстра с грубым и злым лицом, чудовища, лишь отдаленно напоминавшего женщину. У нее даже имя было говорящее – Бринхильд: вспоминалась противница Зигфрида из «Песни о Нибелунгах» – воинственная героиня германской мифологии, которую никто не мог победить из-за её нечеловеческой силы.

Можно допустить, что новый век породил и новые реалии: феминизм, явление сильных (в том числе и физически) женщин, стремление множества одиноких, неприкаянных господ обрести властную и хозяйственную подругу. Так или иначе, она писала письма о своем желании завести семью, а все эти вполне состоятельные люди съезжались к ней на ферму, прихватив капиталы, и попадали в ловушку.

Существует также версия о том, что некогда на беременную Ганнес напал хулиган и, ударив в живот, лишил ребенка, за что она и возненавидела мужчин. Но это только версия.

Бринхильд Ларсен была восьмым ребенком в семье. В конце XIX века желание перебраться в США никого не удивляло: туда за лучшей жизнью массово ехали итальянцы, ирландцы, немцы. Норвежцы – тоже. Уехали в 1881 году и две сестры из семейства Ларсен – Нелли и Бринхильд. Бринхильд сменила имя, устроилась служанкой, а в 1884 году вышла замуж за своего соотечественника Мэдса Соренсена, жившего в Чикаго. Дело шло неважно: магазин сгорел, и они жили на страховку от пожара.

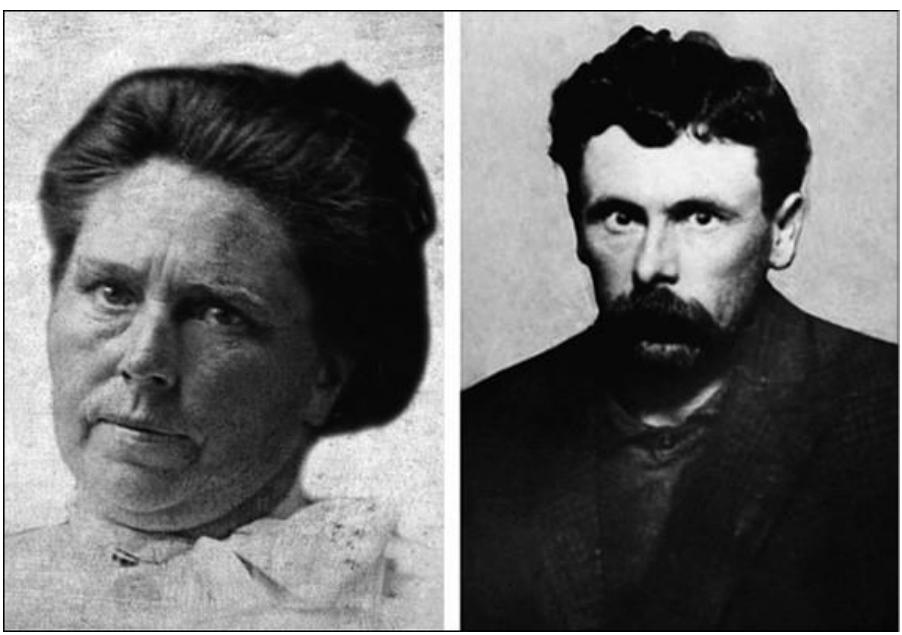
Родились дети, но их тоже страховали, и впоследствии было замечено, что в семье Ганнес они часто умирали от колита, схожего с отравлением. Уцелело лишь трое. Пока.

Потом Соренсен в 1900 году тоже как-то быстро умер, и некоторое время доктора подозревали, что он отравлен стрихнином.

А Белль опять получила страховку и в 1902 году вышла за мясника Питера Ганнеса, вдовца с ребенком. Свадьба закончилась, и уже через неделю дочь мясника умерла от непонятной болезни. Еще через полгода произошел несчастный случай с самим Ганнесом, а его вдова, хорошо разбиравшаяся в страховых документах, получила 3 тысячи.

Тут она и начала печатать объявления о желании выйти замуж за приличного одинокого человека со средствами. Тридцать девять одиноких претендентов бросились на зов и бесследно исчезли в недрах её фермы.

Возникает законный вопрос: почему их не искали? Она старалась расспросить претендентов, есть ли у них родственники.



Белль Ганнес и Рой Ламфер

Но одного все же стали искать, и это стало проблемой для Белль. Нужно было совершить что-то исключительное, чтобы избежать преследования. И Белль написала заявление местному шерифу на своего работника Ламфера, который к ней пристает и грозит устроить пожар.

28 апреля 1908 года ферма Белль Ганнес действительно

сгорела. Погибли и она сама, и трое её детей. Но вместе с ними были обнаружены еще более десятка скелетов неизвестных людей. Единственным подозреваемым оказался Ламфер, и его приговорили к длительному тюремному сроку: прямых улик на него не было.

Однако выяснилось, что Ламфер всё знал. Он дал показания, что его хозяйка уничтожила на ферме 39 человек самым варварским образом: трупы она растворяла в яме с негашеной известью или же скармливала свиньям. При этом не забывала забрать всё – деньги, вещи, чеки.

Вскоре выяснилось, что и план поджога был продуман. Накануне Ганнес подыскала себе служанку, схожую с ней по комплекции, а потом, переодев в свое платье и добавив для правдоподобия свой зубной протез, убила её и подбросила как собственный труп. Своих детей она тоже убила, а преступление собиралась повесить на Ламфера. Пока полицейские всё это поняли и раскопали, её и след простыл.

Кем была Белль Ганнес? Дьяволом или всё-таки его слугой – убогой и не одаренной чувствами и мыслями? Иногда судьба порождает такие существа, способные за свою жизнь развернуть небольшую войну – по количеству жертв Белль Ганнес уничтожила состав целого взвода.

Осталось маленькое сиротливое надгробие – общая могила множества останков, на которой написано: «В память о неопознанных жертвах Белль Ганнес (1908–2008)».

Смерть художника

Эта история стала самым загадочным расследованием Канады, которое и по сей день не дало результатов – одни лишь версии. Томас Томсон был одним из непутевых молодых канадцев конца XIX века, в котором, при всей его безалаберности и асоциальности, обнаружился удивительный дар. Он родился в обеспеченной и дружной семье и несколько лет скитался по городам, находя и бросая работу. А потом, уже после 30-ти лет, обрел свое Эльдорадо в канадской глуши – экзотическом парке Алконкин, возле которого находилось шотландское поселение Моуат. Здесь у Томсона был свой домик – неприглядная хижина, которую он посещал редко, предпочитая жить в лесной палатке, ловить рыбу и писать свои удивительные картины, очень талантливые, но непривычные для знатоков академической школы. Как художник Томсон был романтиком и импрессионистом, большая часть его творений написана пятнами. Яркость и буйство красок природы и точность найденных композиций свидетельствуют о гениальности. Сейчас картины Томсона стоят миллионы, его называют «канадским Ван Гогом».

Томас нравился – и местным женщинам, приходившим к нему послушать занимательные истории и посмотреть картины; и мужчинам, с которыми он любил выпить пива и сходить на рыбную ловлю. Окружение Томсона было невелико. Лучший друг Марк Робинсон. Обаятельная Виннифрид Трэйнор, с которой он был помолвлен. Сын торговца-мебельщика, немецкий иммигрант Мартин Блетчер. Владельцы отеля Шеннон и Энни Фрезеры. Постоялица отеля Дафна Кромби, поклонница его живописи. Именно эти лица оказались вовлечены в дальнейшие события, развернувшиеся в деревне Моуат более чем на полвека.

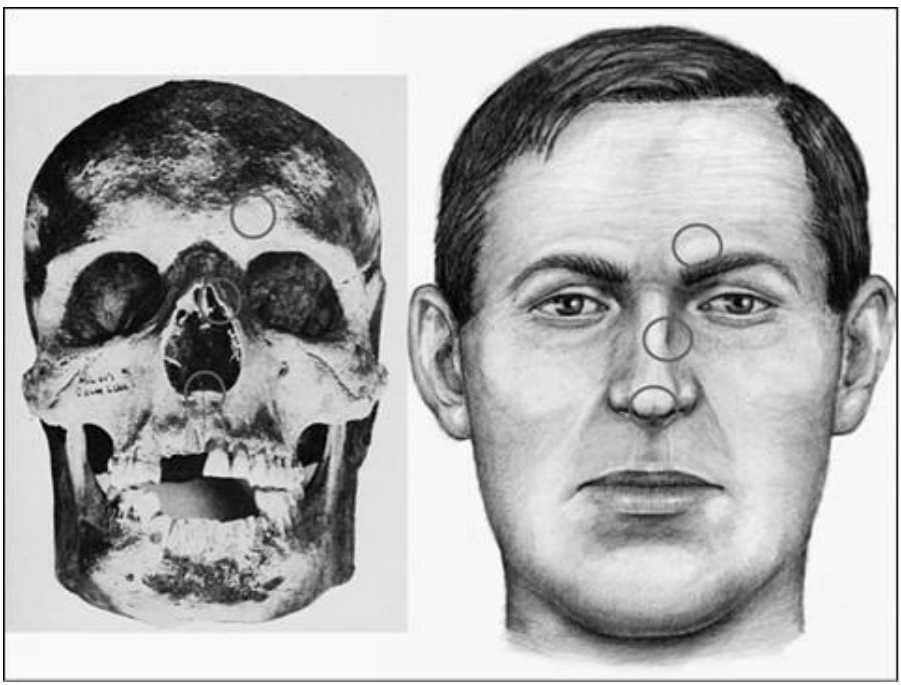
В воскресенье 8 июля 1917 года Томас Томсон, взяв рыболовные снасти и еду, отправился на каноэ ловить форель. Около часу дня он отошел от берега, и это подтвердили Фрезеры. А через два часа его лодка была обнаружена Мартином Блетчером и его сестрой. Но Тома в каноэ не оказалось: оно было пустым, завалившимся набок и без весла.

10 июля под руководством суперинтенданта Джорджа Бартлетта начались крупномасштабные поиски Томаса, и утром 16 июля тело художника обнаружат в центре озера с синяком на голове и замотанной вокруг щиколотки леской. К тому моменту оно находилось в таком состоянии, что эксперт провел лишь поверхностный осмотр, согласившись с официальной версией несчастного случая. При этом воды в легких погибшего не было, а

засохшей пены возле носа и рта, возникающей в результате утопления, не оказалось.

Знакомым художника было ясно, что столь нелепая смерть не могла быть случайностью, особенно для опытного пловца и рыбака, много лет работавшего лесником и проводником в местном парке. Леска, в которой он якобы случайно запутался, была обмотана вокруг ноги 16 раз, а синяк на голове напоминал след от удара веслом, которое бесследно исчезло.

Версий убийства Томаса Томсона оказалось несколько. Единственным человеком из окружения художника, ни разу не попавшим в число подозреваемых, был Марк Робинсон – близкий друг, многие годы пытавшийся расследовать это дело. В отношении остальных такой уверенности не было.



Места ударов на голове Тома Томсона

Виннифрид казалась многим косвенной причиной убийства: говорили, что она уже была беременна от Томаса и оказалась в трудном положении из-за консервативной канадской морали тех лет. После гибели художника она сломалась и утратила интерес к жизни. Её ребенок, по всей видимости, родился где-то на нелегальной квартире и был помещен в приют, а она доживала свои дни в роли старой девы и городской сумасшедшей.

Мартин Блетчер за день до смерти Томаса имел с ним стычку в местном баре, и по его фразе («Не стой у меня на пути, а то

пожалеешь») некоторые решили, что речь идет о любовном треугольнике. Но, судя по записям в дневнике Марка Робинсона, он и Томас не ладили с Блетчером из-за мировой войны и немецкого происхождения Блетчера: Робинсон подозревал в нём шпиона, следящего за грузами на местной железной дороге.

Ещё одним возможным убийцей мог оказаться ресторатор Шеннон Фрезер, которому Томсон был должен денег. Узнав о предстоящей женитьбе художника, Шеннон, очевидно, захотел востребовать свой долг, и это вызвало ссору и драку. О том, что Томас поехал на рыбалку с удочками и едой, все знали только со слов Фрезеров, в то время как убийство могло произойти вечером в их отеле. Энни Фрезер отличалась рациональным мышлением, идея замаскировать убийство под несчастный случай на озере могла принадлежать ей. Существовало и некое свидетельство постоялицы отеля Дафны Кромби, которая слышала от Энни Фрезер, что Томсона убил её муж. Но это было известно лишь со слов Дафны, сказанных через 60 лет после гибели Томсона – 14 января 1977 года. Обоих Фрезеров в то время уже не было в живых, и нетрудно представить себе, что таким внезапным откровением престарелая дама хотела лишь возбудить к себе интерес журналистов.

Сама Дафна представлялась ещё более туманной фигурой рядом с Томсоном. Она приехала в Моуат из-за мужа-туберкулезника, которому нужен был свежий воздух. Но больной муж, находившийся в отеле Фрезеров, мало волновал Дафну. Она часто наносила визиты в мастерскую художника и даже получила в подарок несколько картин. Интерес Дафны к живописцу напоминал пробудившееся чувство, которое могло перерасти в ревность.

Были и сторонние версии – о некоем ревнивом муже, которому не понравились визиты жены в мастерскую художника; о шпионах и диверсантах, контрабандистах и браконьерах, случайно встретивших Томаса.

Уже в 2009 году антропологи обнаружили новые данные эксгумации останков Томсона: в его голове имелось боковое отверстие, но не от пули, а от орудия, которым обычно проводится трепанация черепа. Это было дважды подтверждено экспертами и вызвало шок у исследователей гибели выдающегося канадского художника. Впрочем, действующих лиц этой таинственной истории уже не было в живых, а никакой ясности в деле Томсона так и не наступило.

Венок трагедий Пейо Яворова

Завершить эту невеселую главу хотелось бы возвращением к её началу – к тем самым богемным семейным тайнам, характерным для начала XX века, ставшего окончанием века девятнадцатого. Доктора, замуровывающие своих жен в подвалах, и фермерши, растворяющие поклонников в негашеной извести, производят тошнотворное впечатление. Но страсти, царящие в кругах высшего света и богемной интеллигенции, привлекают людей до сих пор. Такая загадочная история произошла и в старой Болгарии, где дамы посылали загадочные взгляды поэтам, а те воспевали их в своих сонетах и даже венках сонетов. Как Пейо Яворов – Лору Каравелову.

В этой истории сплелись судьбы двух выдающихся деятелей болгарской литературы – поэта-символиста Пейо Яворова и писателя Любена Каравелова. Первый был мужем жертвы, второй – её дядей.

Поздним вечером 29 ноября 1913 года Лора Каравелова долго и беспокойно ходила по своей комнате. Она только что ссорилась с мужем.

– Опять эта Дора Конова! Вызывающая, спесивая! Как не стыдно? Замужняя женщина!

– Ерунда, милая, – сказал Пейо Яворов. – Опять ты начинаешь. Она такая, какая есть. Просто мы были знакомы раньше, ты же знаешь. И что? Все женщины в литературных кружках кокетничают.

– Она не пошлая кокетка, нет! Она знает, чего хочет, и всё делает с умом! Никому не даёт вставить слова, блещет остроумием, хочет казаться лучше всех! А тебе она проходу не дает! Что, старое вспомнилось?

– Ты всё преувеличиваешь. Мы перемолвились всего парой слов. Ну почему, Лора? Почему ты хочешь испортить каждый вечер своими нелепыми подозрениями?

«Нелепыми? Ах, значит нелепыми?» – она вспомнила, как мать не советовала ей выходить за поэта («Они же легкомысленные»).

«Для вас, господа, всё нелепо!» – Лора додумывала оборванный диалог, оставшись одна, мерила шагами комнату, бессмысленным взглядом скользила по вещам, по старым фотографиям, вытащила из ящика бюро револьвер и долго в задумчивости поглаживала холодную рукоятку, а потом с какой-то грустной улыбкой выстрелила в себя, чтобы покончить со всем этим.

Любен и Лора Каравеловы, Пейо Яворов

Лора Каравелова не хотела напугать мужа, она не пробовала покончить с собой для виду, не до конца, чтобы разжалобить, как поступают другие. Она это сделала, потому что не могла так больше жить.

Её супруг, популярный поэт-символист и светский красавец Пейо Яворов, был в той же квартире и вбежал в комнату, но остановить её не успел.

– Лора! Умоляю! Не делай этого!

Он бросился к жене, но выстрел уже прогремел. В отчаянье поэт обнял тело жены, а потом попытался застрелиться из того же револьвера. Он стрелял себе в грудь, но остался жив и попал в больницу, потеряв зрение.

Утром следователи мрачно взирали на тело Лоры, дочери известного политика Петко Каравелова и племянницы не менее известного писателя Любена Каравелова. Расследование предстояло громкое, и никто поначалу не решался проводить аутопсию. Было непонятно, что произошло, все знали об их ссорах. Появилась версия, что Яворов мог застрелить жену, а потом раскаяться и совершить попытку самоубийства. Было заведено дело № 205.

В больнице Пейо Яворов, пришедший в себя и безутешный, записывал в тетрадь сонеты, посвященные Лоре, но писал уже вслепую, ничего не видя.

* * *

Простая биография болгарского поэта-символиста: школьник из Пловдива, телеграфист, социалист, библиотекарь, член

Болгарской Рабочей Социал-Демократической партии. В 1897 году он вступил в контакт с подпольной революционной организацией. Ещё во время политической деятельности Яворов при поддержке поэта Пенчо Славейкова и критика Крестю Крестева стал редактором литературного журнала «Мысль». Первое произведение Яворова «Калиопа» произвело впечатление на его товарищей. В 1901 году он издал сборник стихотворений, одобренный известным поэтом Славейковым, написавшим к нему предисловие.

При этом в 1903 году Пейо много раз курсировал через границу при подготовке Илинденско-Преображенского восстания и был близким другом и соратником Гоце Делчева, основателя тайной организации БМОРК (Внутренняя Македоно-Одринская революционная организация). После смерти Делчева в 1903 году Яворов очень переживал и отказался от революционной деятельности, а в 1904 году написал его биографию.

Революция и лирика, политика и прекрасные дамы. Пейо Яворов пришел из романтических дуэльных реалий XIX века, чтобы стать в XX веке поэтом-символистом и героем уголовной хроники.

С любовью Яворову не везло. В 1906 году он был очарован Миной Тодоровой, сестрой писателя Петко Тодорова, но через четыре года 19-летняя Мина заболела туберкулезом. Лечение в Париже не помогло, и она умерла на руках Яворова в 1910 году. Безутешный поэт похоронил её на кладбище Пер-Лашез и каждый день ходил на могилу.

От тягостной депрессии его спасала работа в Национальном театре. Он написал роман «За тенями облаков» и сочинил две пьесы – «В полете над Витошью» и «Когда ударит гром, затихнет эхо» (1910-го и 1912-го годов). В 1911 году поэт встретил Лору Каравелову. Он знал её с 1906 года, но не близко. Теперь между ними вспыхнула страсть.

Лора как раз разводилась с мужем. Она была не юной, восторженной барышней, а женщиной с прошлым. В юности училась в католических интернатах Парижа и Антверпена, знала языки. В 1907 году под давлением матери-общественницы вышла замуж за члена Демократической партии Ивана Дренкова. Их первый ребенок вскоре умер, спустя год Лора родила второго сына. Но любви и понимания между супругами не было, и они расторгли брак в июне 1912 года.

Через три месяца, 19 сентября 1912 года, Лора вышла за Яворова. Вскоре он отправился на фронт – в это время шла Вторая Балканская война. С фронта поэт писал Лоре страстные письма, в которых было много стихов. Что могло привести к трагедии всего

через год семейной жизни?

Очевидно, одной из причин было воспитание Лоры: ей передался прямой характер отца, а католические интернаты привили пуританскую чистоту отношений. К тому же, неудачно побывав замужем, она боялась потерять второго супруга и хотела привязать его к себе, обладать безраздельно. Поэтому Лора изводила его подозрительностью и болезненной ревностью, устраивала сцены по поводу и без повода.

Конечно, не обошлось без роковой злодейки – Доры Коновой. Она тоже входила в писательскую среду, была замужем за писателем Михаилом Кременем, поэтому часто видела Лору и Яворова на вечерах. Хорошенькая, но грустная Лора злила её своим обиженным видом. Эти подозрительные и осуждающие темные глаза, слегка надутая губка, взгляды, которые она бросала на мужа, когда он заговаривал с другими, – всё это возбудило игривую и агрессивную Дору. Ей захотелось позлить надутую молчунью, разжечь её ревность. Но не только это. У Доры была своя причина. Она знала Яворова с 1905 года, когда он работал библиотекарем, а она посещала книжное собрание и встречалась с двумя поэтами – Яворовым и Бояном Пеневым – не зная, кому отдать предпочтение. Возможно, ей льстило, что у нее два ухажёра. Пенев ревновал и просил её руки у родителей. Но, женившись, вскоре бросил, развелся и сделал предложение выдающейся болгарской поэтессе Елизавете Багряна.

Дора поняла, что просчиталась, выйдя за Пенева. Жизнь у неё сложилась несчастливо, и она всё время вспоминала Яворова, его голос и его стихи. Теперь первое чувство вспыхнуло вновь, хоть она и не хотела признаваться в этом даже самой себе. Дора демонстративно заигрывала с Яворовым, выказывала ему свой интерес, а Лоре – свое женское превосходство и свободу поведения. Этого оказалось достаточно.

В ночь на 30 ноября Лора в экстатическом состоянии выстрелила себе в голову, погубив и себя, и своего талантливого, но несчастливого мужа.

Под давлением прессы и влиятельных родственников Лоры было открыто дело об убийстве. Судебный процесс длился около года и счёл Яворова виновным в смерти жены. Это и породило на многие годы загадку: сама Лора свела счеты с жизнью или ей помогли. Через 70 лет режиссер Киран Коларов снял фильм «Дело 205/1913» в духе полукриминальной мелодрамы.

* * *

В четверг, 29 октября 1914 года, не выдержав обрушившихся на него испытаний, Пейо Яворов принял яд и застрелился.

В тот же день Турция вступила в войну на стороне Германии. Германско-турецкий флот атаковал русские суда в Черном море и начал бомбардировку Одессы, Феодосии, Севастополя, Новороссийска. И всё это было где-то по ту сторону от частной трагедии болгарского поэта.

Российские тайны

Россия начала XX века жила своими страстями, но большинство преступлений и таинственных драм того периода носили политический характер. Даже частные случаи вызывали общественный резонанс и становились поводом для сенсационных слухов и публичных дискуссий, а кражи и ограбления могли обрести эвфемистичное название «экспроприация».

«Большое ограбление поезда»

26 сентября 1908 года польско-литовский городок Безданы, известный до этого лишь старинным костелом и грибными местами, вошел в историю. Почтовый состав, направлявшийся в Санкт-Петербург, внезапно подвергся нападению группы неизвестных.

Вагоны покачивало на перегоне, в окно влетал легкий ветерок. Один из пассажиров, чернобородый красавец, севший на поезд еще в Варшаве, всю дорогу читал книгу. Рядом с Безданами он отложил чтение, достал из-под лавки что-то завернутое в вощеную бумагу и тихо вышел из купе. Пройдя пару вагонов, бородач встретил двоих пассажиров, которым передал сверток.

Дальнейшее напоминало модный вестерн. Поезд миновал семафор перед Безданами и начал торможение. На платформе уже стояла группа людей, не похожая на обычных пассажиров. Это был боевой отряд Томаша Арцишевского. Ян Балага и Эдвард Гибальский вскочили на подножку. Арцишевский и Влодек Моментович были уже в вагоне. Балага попытался разбить стекло. Жандарм эскорта сопровождения Борисов выскочил из вагона и бросился к налетчикам, целясь в Гибальского.

– Franek, uwaga! (Франек, берегись!) – это Моментович крикнул с подножки.

Гибальский отскочил, Борисов промахнулся и сам был ранен в ногу. Ян Балага, улыбаясь, медленно опускал бомбу через разбитое окно. Через пару секунд прозвучал взрыв. Стоявшего рядом с поездом Гибальского шарахнуло волной о забор. В поезде начался беспорядок. Через несколько секунд Гибальский через то же отверстие в стекле закинул вторую бомбу. На этот раз вылетели все окна в машинном отделении, и погас свет. Одна группа пыталась нейтрализовать эскорт, вторая направилась к зданию железнодорожной станции выводить из строя телеграф. Третьей предстояло проникновение в почтовый вагон.

Вахтенные, дрожа от ужаса, закрылись за бронированной дверью вагона, в котором перевозились деньги.

Бандитский налет на поезд получил авантюрное название «Акция четырех премьеров»

Мрачного вида тип, очевидно главарь банды, которого подельники называли Мстиславом, забарабанил в дверь и крикнул по-русски с сильным акцентом:

– Открывайте! Если нет – бомбу бросим!

На самом деле бомбы у него не было, но этот блеф удался, и дверь открылась. Уже через минуту налетчики упаковывали пачки купюр в мешки.

В это же время коренастый круглолицый мужчина колотил в дверь телеграфного отделения прикладом винтовки (именно она и была в том свертке, переданном бородачом в тамбуре).

Усатый щеголь – ни дать ни взять завсегдатай варшавских салонов или какой-нибудь брачный аферист – с кошачьей ловкостью закинул на крышу вокзала две гранаты, которыми были ранены несколько солдат и почтовый служащий. С таким же проворством, с каким бросал гранаты, щеголь проник в здание и вывел из строя телеграф: явно разбирался в механике.

Ошеломленные внезапным налетом служащие пребывали в полном шоке и не смогли вызвать жандармерию, даже когда вся эта пестрая компания удалилась.

Деньги были мгновенно упакованы в мешки, после чего террористы направились в сторону реки Нерис, где их ждали лодки. Доплыв до городка Янов, участники ограбления разошлись в разных направлениях, что лишило полицейских возможности обнаружить группу по свежим следам. При этом сами налетчики

обошлись без потерь и благополучно «обнесли» Российскую империю на сумму 200 812 рублей 61 копейка.

Похищенных денег никто больше не видел. Они пошли на содержание польской военной организации *Związek Walki Czynnej* («Союз вооруженной борьбы»), а также – на поддержку арестованных товарищей и их семей.

Акцию под Безданами называли одной из самых дерзких и зрелищных экспроприаций XX века, но историческим «большое ограбление поезда» стало значительно позднее: в основном из-за состава его участников, имена которых в то далекое время еще мало что говорили польскому обывателю. Десятки лет спустя эти имена знала уже вся Европа.

Главарем по кличке «Мстислав» был будущий польский лидер и диктатор Юзеф Пилсудский. Бородач, передавший подельникам оружие и похожий на разбойника из сказки, был экономистом Валерием Славеком. Коренастого и круглолицего с винтовкой звали Александр Пристор. А усатый щеголь Людвик, смахивающий на брачного афериста, был 30-летним механиком и бомбистом Томашем Арцишевским.

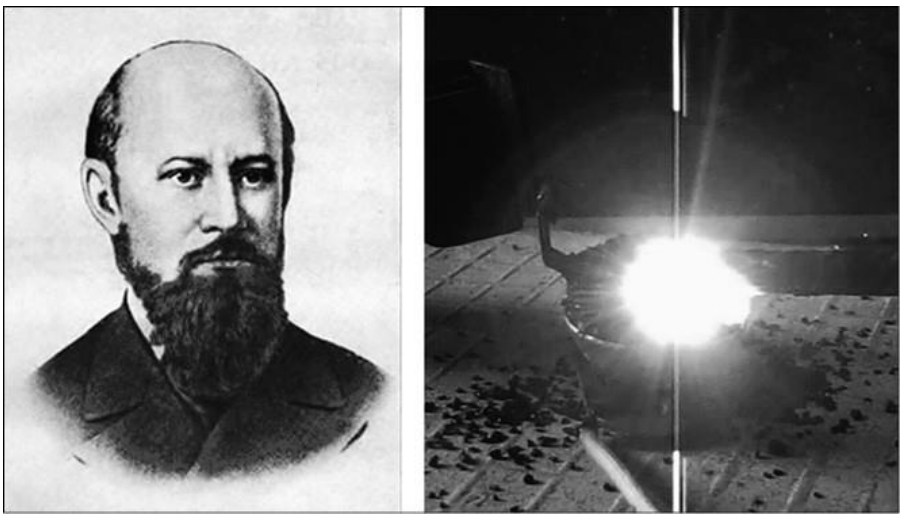
Впоследствии бандитский налет на поезд получил авантюрное название «Акция четырех премьеров»: в число нападавших вошли сразу четыре будущих премьер-министра Польши – Пилсудский, Славек, Пристор и Арцишевский. Их судьбы сложились по-разному, но в этой истории сошлось много разных мотивов – исторических и культурных.

Ограбление поезда отсылает нас и к американской традиции лихих вестернов, в которых победителей не судят. А победителем оказывается тот, кто сумел взять куш и вовремя смыться. Но это американский вестерн – в нем ограбление носит личный характер: кто смел, тот и съел. А ограбление поезда в Безданах носило разноречивый и чисто европейский характер: националистический – т. е. польский и антироссийский, и социалистический – т. е. антиимпериалистический. Это был эпизод, отражающий эпоху.

Традиция экспроприации буржуазных денег в начале XX века создала особую мораль, когда идейные цели не считались со средствами, поскольку во главе всего была революционная целесообразность.

«Луч смерти» инженера Филиппова

Всем людям нашей страны довелось в детстве читать фантастический роман Алексея Толстого «Гиперболоид инженера Гарина» – о лазере, разрезающем и взрывающем на большом расстоянии любой объект. Кто не читал роман, тот уж наверняка видел одну из двух экранизаций – 1965 и 1973 годов. Однако мало кто знает, что такой лазер действительно был изобретен.



М.М. Филиппов писал о способе электрической передачи на расстояние волны взрыва

Ночью 12 июня 1903 года русского ученого и журналиста Михаила Филиппова обнаружили мертвым в его лаборатории. Казалось, он упал как внезапно подкошенный. На лице имелись ушибы, свидетельствующие о «падении с высоты своего роста», как пишут в полицейских отчетах. Но причину смерти не мог назвать никто. Эксперт Полянский записал в полном недоумении, что смерть произошла по неизвестной причине. Полицейский врач Решетников утверждал, что это паралич сердца в результате органического сердечного порока. В других источниках говорилось об апоплексическом ударе, кровоизлиянии в мозг, случайном отравлении, самоубийстве или убийстве. Вскрытие привело к официальному заключению, что это «неосторожное обращение с синильной кислотой», но и в это никто не поверил.

Тем временем дело Филиппова обрело характер секретности на уровне государственной тайны. Говорили о его симпатии к революционерам и чтении Маркса. В общем, вокруг фигуры

инженера создавали некую завесу антигосударственной таинственности, в то время как речь шла о другой революции – в мире науки. О реальном научном изобретении, у которого нет политической подоплеки.

Инженер погиб в 45 лет. К тому моменту он был известным человеком: писал статьи о Циолковском, перевел на французский Менделеева, сочинил роман «Осажденный Севастополь». Роман высоко оценили Лев Толстой и Максим Горький. Дмитрий Менделеев был от Филиппова в восторге и называл отличным физиком. Всего у Филиппова оказалось 300 научных и публицистических трудов. Его очередная работа была посвящена «лучам смерти». Она-то и стала последней.

Думается, Филиппова погубила его невероятная, детски наивная открытость: сделав открытие, он стремился поделиться этим со всеми. Накануне смерти инженер прислал в газету «Санкт-Петербургские ведомости» письмо, в котором сообщал, что его с юности «преследовала мысль о возможности такого изобретения, которое сделало бы войны почти невозможными»: «Как это ни удивительно, но на днях мною сделано открытие, практическая разработка которого фактически упразднит войну. Речь идет об изобретенном мною способе электрической передачи на расстояние волны взрыва, причем, судя по примененному методу, передача эта возможна и на расстояние тысяч километров, так что, сделав взрыв в Петербурге, можно будет передать его действие в Константинополь /…/ Подробности я опубликую осенью в мемуарах Академии наук. Опыты замедляются необычайною опасностью применяемых веществ, частью весьма взрывчатых, как трехххлористый азот, частью крайне ядовитых».

Принцип действия взрыва, судя по немногим сохранившимся фрагментам, заключался в превращении энергии заряда в волновой пучок небольшой амплитуды и расхождении этого пучка по электромагнитной волне. Филиппов утверждал: «Войны прекратятся, когда все увидят, что последствия могут быть самые ужасные. Демонстрация моего изобретения докажет это /…/ Всё очень просто, притом дешево. Удивительно, как до сих пор не додумались!»

Последняя запись, найденная рядом с его телом, гласила: «Опыты над передачею взрыва на расстояние. Опыт 12-й. Для этого опыта необходимо добыть безводную синильную кислоту. Требуется поэтому величайшая осторожность, как при опыте со взрывом окиси углерода. Опыт 13-й: взрыв окиси углерода вместе с кислородом. Надо купить элементы Лекланше и Румкорфову спираль. Опыт повторить здесь в большом помещении по отъезде

семьи…»

Впоследствии не раз высказывались предположения, что Филиппов всё-таки придумал идею мощного лазера, позволяющего прожигать все что угодно на значительных расстояниях. Это сближало его труды с экспериментами великого сербского ученого Николы Теслы.

В любом случае ясно было одно: Филиппов создал нечто невероятное и его поспешили устранить: рукопись статьи «Революция посредством науки, или Конец войнам», сообщавшая об открытии инженера, бесследно пропала, а его лаборатория подверглась обыску. Опечатав лабораторию, полиция конфисковала бумаги и приборы. Многие утверждали, что убийство было организовано охранкой, а рукописи переданы лично Николаю II.

В дни Февральской революции 1917 года в здании Петербургского охранного отделения произошел пожар, уничтоживший весь архив. Считается, что и рукопись Филиппова сгорела в том пожаре. Но и сам пожар тоже не был случайностью: в те дни многие рецидивисты были заинтересованы в уничтожении картотеки российского сыска, а те из них, кто вовремя записался в революционеры, желали иметь чистую биографию.

Некоторый свет на опыты Филиппова проливают мемуары ученика инженера – эмигранта В.В. Большакова, хранящиеся в библиотеке Конгресса США. Большаков писал правду, но писал не как физик, а как филолог: «Здесь, в городе Лафайет, в 1929 году с грустью оглядываюсь на петербургское прошлое. Будучи с господином Филипповым неразлучным, по мере сил содействующим ему, видя старания его, сомнения, понимаю, что его так злоумышленно оборванная жизнь – следствие наивной неосторожности, ребяческого простодушия, парадоксально уживающихся с чуть ли не божественной мудростью /…/ Касательно подрывного аппарата, тут – другое, не могущее не пугать. Тоже не обошлось без лучей, пронизывающих пространство. Лучей разрушающих! Сам Михаил Михайлович не единожды делался их жертвой. Получал ожоговые волдыри, фартук прорезиненный на нем охватывался пламенем. Но того, он считал, стоило».

Большаков даже назвал имя убийцы Филиппова: «Мне доподлинно известно, что грех этот на себя взял Яков Грилюк, студент-естественник Петербургского университета, молодой человек шизофренической натуры, выказывающий себя пацифистом (уж не его ли охранка выбрала исполнителем и использовала втемную?). Арестованный, подвергнутый суду и

медицинскому освидетельствованию, он погиб от открытой формы туберкулеза в тюремном лазарете. Кровавый шаг, по слухам, подогревали злодеи из официальных кругов, не согласные с независимыми взглядами изобретателя, желающие присвоить его талантливые решения».

Чужими изобретениями часто пользуются другие люди – алчные до денег и славы. Импульсивный и жалкий инженер Гарин из романа Алексея Толстого не был автором ужасного и гениального гиперболоида: он присвоил труд своего учителя Манцева, экспедиция которого пропала в тайге, и рассчитывал выгодно продать чужое изобретение. Кто присвоил себе тайну Филиппова, покажет лишь время.

Дело Бейлиса

Что общего у бедного еврея-подрядчика с киевского кирпичного завода и популярного журналиста-естествоиспытателя из Петербурга? Казалось бы, ничего, однако, как и в случае с инженером Филипповым, дело Бейлиса из частного превратилось в общественное и политическое. Очевидно, таков уж русский менталитет – во всем частном присутствует политическая подоплека. Да и времена эти – между двумя русскими революциями – были политизированные и наэлектризованные.

Банальное уголовное преступление, случившееся в 1911 году и направленное на сокрытие улик, усилиями большой группы людей превратилось в кампанию травли и ксенофобии. И за всем этим политическим спектаклем, затронувшим интересы даже Государственной Думы, забывался главный вопрос: кому это преступление выгодно?

Эпицентром дела Бейлиса, вызвавшего большой общественный резонанс, оказался окраинный район Киева – мещанская и воровская Лукьяновка.

Дело об убийстве Ющинского выглядело простым, но вызвало много вопросов криминалистического характера.

12 марта 1911 года навещавший приятеля семинарист Ющинский не вернулся домой. После усиленных поисков его тело было найдено в пещере городского парка с признаками насильственной смерти. Обстоятельства убийства казались странными – жертва была обескровлена в результате 47 уколов шилом. Это и как будто намекало на ритуальное убийство. Но именно – намекало, а не свидетельствовало. Однако прокурор Киевской Судебной Палаты Чаплинский сразу начал настаивать на этой националистической версии.

Для Европы рубежа XIX и XX веков были характерны национализм и ксенофобия. Уголовные дела с расовой подоплекой возникали одно за другим – то в Венгрии («Дело Шоймоши» 1882–1883 годов), то во Франции («Дело Дрейфуса» 1894–1904 годов) и, наконец – в Киеве. Причин такого обострения национализма было несколько: стремление к самоопределению, государственный и экономический кризис, поиски внутренних врагов. Нездоровые, непримиримые настроения охватывали не только темную, невежественную толпу, но и вполне образованных, интеллигентных людей, вроде профессора Киевского университета, психиатра И.А. Сикорского, оказавшегося на стороне шовинистов.

Мендель Бейлис под стражей и сообщение об убийстве Андрея Ющинского

Писатель Владимир Короленко сказал об этом: «Профессор Сикорский вместо психиатрической экспертизы стал читать по тетради собрание изуверных рассказов, ничего общего с наукой не имеющих». Противоположную позицию занимал московский психиатр, профессор Владимир Сербский, разоблачивший все расовые инсинуации киевских националистов.

При этом киевскому уголовному розыску, его простым сыщикам, работавшим «на земле», было известно, кто может быть повинен в смерти мальчика, потому что убийцы находились прямо под носом.

Андрей Ющинский был одинок и бесприютен: мать родила его вне брака – от священника, отказавшегося признавать отцовство, поэтому она энергично искала себе другого мужа. Сын оказался не нужен, и она не особо им занималась, а он учился в одном классе с Женей Чеберяковым и постоянно пропадал у него дома. Именно к нему Ющинский заходил перед смертью, чтобы отсыпать немного пороха для пугача. Мать Жени, Вера Чеберякова по кличке Верка Чеберячка, содержала бандитский притон, ее сводный брат Сингаевский был профессиональным вором, а рецидивисты из её шайки занимались грабежами и сбывали краденое.

О том, что в действительности произошло, свидетельствовала

история с прутиками, описанная Короленко:

«Андрюша и Женя вырезали по прутику. Прутик Андрюши оказался лучше, и Женя заявил на него претензию. Андрюша не отдал. Женя погрозил.

– Я скажу твоей матери, что ты не учишься, а ходишь сюда.

И у Андрюши сорвались роковые слова:

– А я скажу, что у вас в квартире притон воров…

Сказал и, очевидно, забыл, и опять прибежал вместо школы на Лукьяновку…

Но злопамятный Женя не забыл и передал матери, конечно, не думая о страшных последствиях этого для товарища. Может быть, во всем ужасном объеме не думала и Чеберякова… Но в это время в “работе” компании часто стали случаться неудачи: Чеберякову раз, другой, третий арестовали, делали обыски, нашли краденые вещи, таскали по участкам… А законы этой среды в таких случаях ужасны…»

Андрей был свидетелем темных дел Чеберяковой, он многое видел и слышал, поэтому его и убили. Соседка слышала крики, детский плач и какую-то возню в квартире Чеберяковых.

Потом странная и трагическая участь постигла и Женю Чеберякова с его сестрой Валей: будучи важными свидетелями, они вдруг скоропостижно умерли в больнице от дизентерии. Поговаривали, что «Верка Чеберячка» ради сокрытия правды отравила собственных детей. Она приходила в больницу, уговаривала их дать показания в её пользу, а потом забрала умирающих детей домой, несмотря на протест врачей.

Короленко писал в очерке «На Лукьяновке»:

«Перед смертью сына г-жа Чеберяк наклонялась над ним, целовала его и умоляла:

– Скажи, что твоя мама тут ни при чем.

Но мальчик отвернулся к стене и сказал только:

– Ах, мама, оставь…»

* * *

Вера Чеберякова во всех газетных публикациях, да и на сохранившихся фотографиях предстает угрюмой мещанкой с тяжелым взглядом. Она дорого и помпезно одета, выглядит состоятельной женщиной, однако нет в ее жизни счастья. Даже собственных детей она растеряла, а возможно, и убила, чтобы скрыть правду и остаться при деньгах и своем нелегальном бизнесе.

Вера Чеберякова очень похожа внешне на серийную убийцу

Белль Ганнес, тоже не пожалевшую собственных детей. Но это не удивительно для той эпохи: в мире и в России появились новые женщины, порожденные феминизмом 1890-х годов и характерной для рубежа веков романтической идеей саморазрушения и декаданса. Лиля Брик, например, своего ребенка отдала в приют: ей не нужны были дети, а материнство она считала пошлостью. Лиля Брик была жрицей любви, и её интересовали только известные и талантливые любовники, которые давали ей популярность и власть над людьми.

Будущая подруга Достоевского Аполлинария Суслова в юности посещала исторические курсы, а в ответ на не совсем толерантную реплику профессора: «Вы так хороши, зачем вам ещё история?» заехала ему, своему учителю, по физиономии.

Героиня эпопеи Алексея Толстого «Хождение по мукам» Даша Булавина, будучи профессорской дочкой и девственницей, в 1910-е годы попала в богемную среду московской интеллигенции и умело играла роль «женщины с прошлым», вызывая восторг окружающих. То же самое делала и героиня романа Бориса Акунина «Любовница смерти», действие которого происходит в 1902 году.

Огромное эстетическое влияние оказывало и немое кино: русские гимназистки 1905–1911 годов специально пили два раза в день по ложке уксуса, чтобы казаться бледными, отрешенными от жизни и похожими на «ангелов смерти».

В капитализирующейся России образ алчной волчицы, не знающей чувств и пренебрегающей даже состраданием к детям и кровным родством, появился уже на рубеже XX века. Достаточно вспомнить хищницу и детоубийцу Аксинью из чеховской повести «В овраге». Это произведение особенно нравилось Горькому: он увидел в безжалостной Аксинье знак нового времени, эпохи капитализма.

Еще один характерный момент – европейская индульгенция или русское ханжество: совершив убийство ребенка и разорив всю семью мужа, героиня повести Чехова еженедельно на дорогой карете подъезжала к церкви и вносила в казну пожертвования на бедных. Церковь принимала и, очевидно, считала её «невинной» женщиной.

* * *

Но кому могло прийти в голову выдать убийство мальчика уголовниками за ритуальное жертвоприношение? Просто под руку очень кстати подвернулся тихий и незаметный служащий

местного кирпичного завода Мендель Бейлис. Мальчишки часто играли там, на заднем дворе завода, а приказчики не раз гоняли их оттуда. Кто гонял, никто не видел. Проще простого пустить слух, что это Бейлис гонял их с заводского двора, а однажды вдруг схватил Андрюшу Ющинского и потащил куда-то. Никто этого не видел, и в свидетели были приглашены двое местных пьяниц – муж и жена, готовые за бутылку показать на кого угодно.

Так Бейлис был арестован по обвинению в убийстве ради совершения религиозного обряда. Член «Союза русского народа» Николай Павло́вич распространял у здания суда прокламации, в которых говорилось: «Мальчик замучен жидами, поэтому бейте жидов, изгоняйте их, не прощайте пролития православной крови!» Да и «Союз русского народа» вел себя во время следствия подобно прокурорскому надзору. Дело оказалось сфабриковано, да так, что в зале суда и за его пределами начались настоящие баталии. Оказывалось давление на следствие, менялись следователи, в газетах развернулась травля. Полицию обвинили в том, что она подкуплена евреями. Правые в Думе внесли запрос на расследование работы полиции. Спустя сто лет адвокат Генри Резник говорил, что «в условиях политического кризиса 1911 года российским правым нужно было громкое событие для укрепления их позиций, и именно поэтому заурядное уголовное убийство начало превращаться в ритуальное дело».

Общество, в котором культивируется «охота на ведьм», довольно легко убедить в нужной версии, если представить доказательства, пусть даже самые абсурдные. Можно ли всерьез относиться к показаниям архимандрита Амвросия, который, по его словам: «лично учения о ритуальных убийствах не изучал, но беседовал неоднократно с православными монашествующими, перешедшими из иудейства, и убедился, что у евреев, в частности у хасидов, есть обычай добывать убиением непорочных отроков кровь, употребляемую для мацы». Услышав это, Бейлис разрыдался прямо в зале суда. У него была хорошая репутация в городе. Несмотря на бедность, он обеспечивал большую семью и много работал. У него были прекрасные отношения с православными священниками. Даже среди русских националистов Менахем Бейлис слыл фигурой неприкосновенной, и его не затрагивали еврейские погромы. То, что произошло в связи с убийством Ющинского, стало для приказчика кирпичного завода полной неожиданностью.

В деле Бейлиса примечательным оказалось не само преступление, а реакция на него общества. В те годы в Думе шло обсуждение отмены черты оседлости и введения для евреев избирательных прав, поэтому обстановка была накалена до

предела, и противники демократических мер воспользовались убийством семинариста.

В дело включились именитые люди России – не только юристы, но и писатели, ученые, политики. Активнейшую роль в обвинении Бейлиса играли крайне правый политик, министр юстиции Иван Щегловитов; психиатр Иван Сикорский; его сын Игорь, будущий авиаконструктор; товарищ Игоря, скандальный журналист Владимир Голубев, возглавлявший молодежную националистическую организацию «Двуглавый орел». Не имевший к юстиции никакого отношения, юный экстремист Голубев влиял на правосудие с такой эффективностью, будто был по меньшей мере прокурором. Бывший директор департамента полиции говорил, что с Голубевым «приходилось считаться всему составу киевской администрации; с ним считался и генерал-губернатор». Голубеву и его соратникам оказалось под силу производить отводы следователей, компрометировать полицию и мешать ее работе. Каждая попытка расследования заканчивалась скандалом. Следователи, сторонники уголовной версии, сразу же отстранялись.

По другую сторону баррикад оказался Владимир Короленко. Его очерк «На Лукьяновке» посвящен обстоятельствам этой истории:

«…Дети решительно за Бейлиса… Есть, впрочем, смутные показания, – и то запоздалые и загробные, – о Бейлисе и о том, что он гнался за Ющинским. Это сказал Женя Чеберяк, и это показание суду доставил г. Голубев, известный деятель “Двуглавого орла”. То же говорила на суде Люда Чеберяк под взглядами матери. Она сама не видала. Ей говорила покойная сестра Валя…»

Однако доказательной базы оказалось недостаточно. В 1913 году дело закрыли, а Бейлиса оправдали. Вера Чеберякова так и не понесла наказания за это преступление: не завели дела и не дали собрать доказательства. Она была арестована по совсем другому делу – за скупку краденого (та самая, слышавшая крики и возню соседка донесла на неё по совету полиции). Но даже ордер на этот арест следователю пришлось выдавать тайно от прокурора Чаплинского, считавшего, что эту «святую и невинную женщину напрасно мучают». Кроме Чаплинского в невинность Верки Чеберячки не верил никто. Но она считалась фигурой неприкосновенной, поскольку участвовала в деятельности «Союза русского народа» и даже вносила туда патриотические пожертвования: совершенно как Аксинья – убийца ребенка из повести Чехова. Очень предусмотрительно.

Судьбы участников этой грязной истории сложились по-

разному. Министр Щегловитов и прокурор Чаплинский были расстреляны в годы красного террора, причем одной из формулировок было расовое давление на следствие в деле Бейлиса.

Деятель «Двуглавого орла» Голубев погиб на фронте в 1914 году.

Менахем Бейлис вскоре после освобождения эмигрировал в Палестину, а потом в США, где написал книгу о своих злоключениях.

В предисловии к поэме «Возмездие» Александр Блок подводил итоги 1911 года: «…В одной из московских газет появилась пророческая статья: “Близость большой войны”. В Киеве произошло убийство Андрея Ющинского, и возник вопрос об употреблении евреями христианской крови. /…/ Наконец, осенью в Киеве был убит Столыпин, что знаменовало окончательный переход управления страной из рук полудворянских, получиновничьих в руки департамента полиции».

Всё смешалось в 1911 году – смерть простого мальчика Ющинского и государственного человека Столыпина. Но катастрофичность мира, замеченная великим поэтом, проявлялась в виде отдельных сигналов, порой не столь заметных и как будто не имевших отношения к общественной жизни, но так или иначе проникавших в общество.

Мало кто помнит, но несколькими годами ранее громкого дела Бейлиса в семье самого Александра Александровича Блока произошло несчастье, также ставшее отражением эпохи.

Опасная должность

21 июля 1906 года 48-летний губернатор Самары Иван Львович Блок засиделся на работе. Была суббота, он собирался уйти еще днем, но выехал только в половине седьмого вечера: много дел на работе.

Около семи его экипаж заворачивал с Вознесенской улицы на Воскресенскую. Это был удобный момент, и террорист Григорий Фролов подошел почти вплотную. Он бросил бомбу в губернатора и убил его на месте. Перед прибывшими на место покушения полицейскими предстало ужасное зрелище: губернатор был разорван на куски. Некоторые части тела погибшего собрать не удалось, а голова вообще разлетелась на осколки, и в гроб пришлось положить ватный шар.

И.Л. Блок

По случайному стечению обстоятельств именно 21 июля 1906 года, в тот роковой день, когда террорист Фролов убил самарского губернатора, другой уже обреченный историей человек, Петр Аркадьевич Столыпин был назначен председателем Российского правительства. Возможно, именно из-за этого Иван Львович Блок в тот день задержался на работе дольше обычного: хотел поработать над отчетом, который потребуется новому главе правительства. Смерть одного чиновника Российской империи как будто предрекала дальнейшую судьбу второго. Столыпину оставалось жить совсем недолго.

Эсера Фролова скоро арестовали, но ему повезло: в отличие от убитого им губернатора он остался жив. Это тем более обидно, что позднее Фролов произнес совершенно удивительные слова: «Что за человек был самарский губернатор и каково было его служебное поприще, я не знал. Да это в то время было неважно: он был бы, вероятно, убит, если бы был даже самым лучшим губернатором».

Таким было лицо русского терроризма: убийца часто даже не был знаком с жертвой, ничего о ней не знал, он просто получал задание от своей группы. А Ивана Блока убили лишь потому, что он был губернатором.

Траурная процессия с останками Ивана Блока двигалась от его дома до Кафедрального собора. Там прошло отпевание. Дальше тело понесли к вокзалу и погрузили в вагон: губернатору предстоял последний путь – в Уфу, на Сергиевское кладбище.

Гибель человека – это трагедия и для всей его семьи. У Ивана Львовича была большая дружная семья – жена Мария Митрофановна и шестеро малолетних детей. Старшему сыну едва исполнилось 13. Через два года 15-летний Ваня, так и не преодолевший депрессию после гибели отца, застрелился в школе. Младший сын, Лёва, потеряв и отца и брата, начал заикаться, не смог учиться в гимназии и сторонился людей. Спасали его только лошади – умные и молчаливые животные. Он стал коневодом и извозчиком, а позднее женился на художнице Тамаре Федоровне Рааль. Тому, что извозчик женился на художнице, удивляться не стоило: в то время лошади были основным промыслом помещиков и чиновников центральной России. Например, старшая сестра Льва, Ариадна Ивановна Блок, вышла замуж за известного в Уфе конезаводчика Николая Ляхова.

От Ивана Львовича Блока остались только память и семейные фотографии. Весьма символично, что после 1945 года могила Самарского губернатора была ликвидирована, а на том самом углу, где он погиб – только уже не на Вознесенской и Воскресенской улицах, а на улицах Степана Разина и

Пионерской, – расположены здания ФСБ и клуба имени Дзержинского.

Судьба Саввы Морозова

13 мая 1905 года в номере отеля «Руаяль» французского города Канны было обнаружено тело известного русского фабриканта и общественного деятеля Саввы Тимофеевича Морозова. Он погиб от огнестрельного ранения в грудь, браунинг полицейские обнаружили рядом с телом. Пальцы его левой руки были опалены выстрелом, а возле кровати лежала записка: «В смерти моей прошу никого не винить».

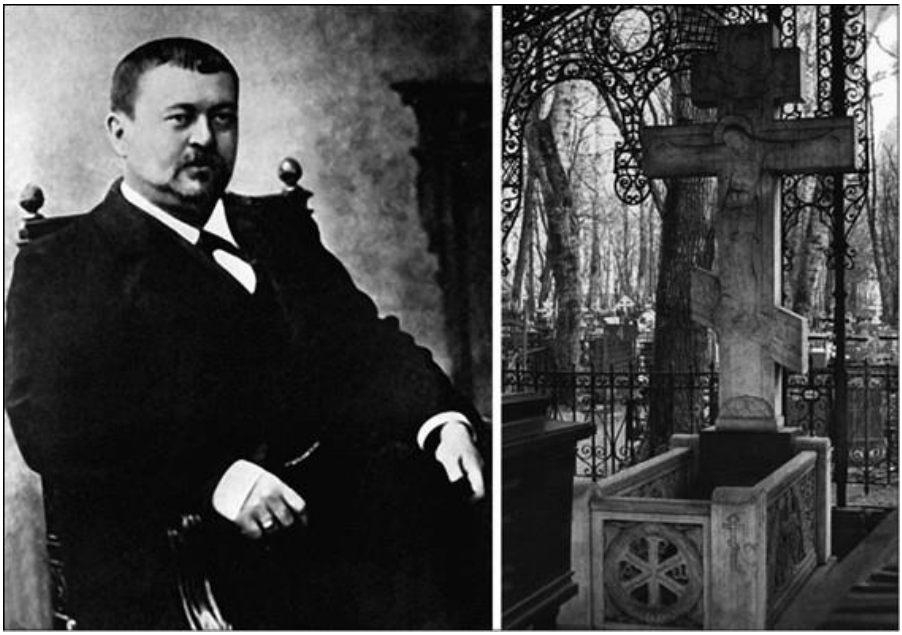
Казалось бы, все признаки самоубийства были налицо, однако гибель 43-летнего богатого и деятельного человека представлялась загадкой, и многие не поверили в официальную версию следствия.

* * *

Отчего не жилось на Руси богатому человеку? Казалось бы, заведи себе жену красивую, спи себе да ешь, иногда (ради куража) – в оперу, на бал в казино съезди, либо на лошадиные бега: лошади Саввы Морозова всегда брали призы на соревнованиях. Но к XX веку испортился русский богач: всё ему приключения и эксперименты подавай, взрывы да восстания. Не может он без бурной деятельности, без причастности к истории и всему происходящему.

Но участие фабрикантов в революции вовсе не было романтическим порывом. Главной причиной стало недовольство царской властью. Император Александр II был славянофилом и способствовал развитию внутреннего рынка, он мешал продвижению иностранных предпринимателей, и русским промышленникам при нем жилось вольготно, они богатели. Но к началу XX века в Россию были допущены зарубежные фирмы и предприятия, и недовольные русские купцы в поисках выхода из положения невольно сблизились с социал-демократами. Окончательное падение авторитета царской власти в годы Русско-японской войны привело к радикальным формам борьбы. Промышленники полагали, что лишь на гребне радикального движения можно совершить буржуазную революцию и обрести власть в стране для собственных реформ. Им ведь не могло прийти в голову, что может произойти социалистическая революция: в мире еще не было подобных прецедентов. Потому они и поддерживали боевые группы покупкой оружия, созданием взрывчатки в химических лабораториях, организацией складов.

Помещение и средства у них имелись. Не последнюю роль играло и то, что большинство фабрикантов были старообрядцами и стремились узаконить свою религию, наряду с государственной.



Савва Морозов и его могила на Рогожском кладбище в Москве

Савва Морозов был потомком крепостного крестьянина – Саввы первого, создавшего в XVIII веке производство тканей в Зуеве и выкупившего семью. Он быстро разбогател. После него Морозовы превратились в огромный род. Но у Тимофея Морозова как-то не задались потомки: двое умерли в младенчестве, сын Сергей интереса к делу не проявлял, старшая дочь Алефтина выбросилась с балкона. Один лишь Савва радовал его успехами. Он учился на физико-математическом факультете Московского университета, получил диплом химика, стажировался у Менделеева. Савву интересовали текстильное и красильное дело, он даже отправился на учёбу в Кембридж, но вынужден был прервать занятия и вернуться из-за болезни отца. В 26 лет он стал техническим директором Никольской мануфактуры и управляющим всем производством. Состояние семьи исчислялось 30 миллионами рублей.

Савва Тимофеевич прославился как лучший хозяин, снискал прозвище «Купеческий воевода» и лично приветствовал государя на своей мануфактуре. В быту он был весьма скромен, но на фабрике бегал по этажам, сам работал на станках и обучал подростков, для которых создал образовательные курсы и

техническую стажировку с оплачиваемой стипендией. Рабочим жилось неплохо: женщинам оплачивали беременность, были продуктовая лавка с 10-процентной скидкой и кредитом, кооперативный магазин. Савва поощрял семейных рабочих и выделял каждой семье 12-метровую комнату.

В 1888 году Савва Морозов увел у собственного племянника жену Зинаиду Григорьевну и обвенчался с ней, что было для старообрядческой семьи позором. Мать Саввы, Мария Федоровна, невестку невзлюбила. Властная Зинаида была свободолюбива и жаждала светского общения, балов, интересных встреч. Влюбленному Савве это поначалу нравилось. В особняке на Спиридоновке, построенном Шехтелем на деньги Морозова, часто бывали литераторы, артисты и монаршие особы. Зинаида стала известной дамой в Москве, и к Морозовым приходили Горький, Шаляпин, Чехов, Мамонтов. Ольга Книппер изумлялась роскоши, а Горькому претила эта вульгарная тяга к коллекционированию: «В спальне у хозяйки устрашающее количество севрского фарфора, фарфором украшена широкая кровать, из фарфора рамы зеркал, фарфоровые вазы и фигурки на туалетном столике и по стенам, на кронштейнах. Это немного напоминало магазин посуды».

Дела Морозова шли в гору, его выбирали во все комитеты предпринимателей. Но в это время он познакомился с известной актрисой Марией Федоровной Андреевой, яркой рыжеволосой красавицей. У них начался роман. Андреева стала одной из причин увлечения Саввы Морозова и театром, и революцией, возможно – самой главной причиной. Она – звезда МХТ, созданного режиссером Станиславским, тоже, кстати, старообрядцем, как и Савва Тимофеевич. И фабрикант вошел в товарищество по учреждению нового театра и сделался финансовым его распорядителем. Именно он руководил строительством здания в Камергерском переулке. То, что Морозов делал для Московского Художественного театра, Станиславский назвал подвигом.

В то же время Андреева была дамой революционной, а в подпольных кругах её прозвали Феномен – за способность одним взглядом выманивать деньги у богатых людей. Некоторые полагали, что её к Морозову подослали большевики. Факт остается фактом – Морозов составил для Андреевой страховой полис на 100 тысяч рублей. Даже когда она переключилась на модного пролетарского писателя Горького и вступила с ним в гражданский брак, расстроенный Морозов продолжал поддерживать её и оплатил лечение, узнав, что у Андреевой перитонит. Несмотря на разрыв, он отдал ей этот страховой

полис в 1902 году. И еще одна деталь: близкие говорили, что уход Андреевой к Горькому привел к первой попытке суицида у Морозова. Этому помешало лишь рождение сына, однако осталась предсмертная записка без даты – точно такая же была найдена позднее в номере отеля «Руаяль».

Зимой 1903 года в Сестрорецке Андреева познакомила его с инженером Леонидом Красиным и просила взять на работу. С лета 1904 года Красин перестраивал на фабрике Морозова электростанцию, а тот передавал ему каждый месяц по 2 тысячи в партийную казну. Теперь изготовлением взрывчатки на фабрике Морозова занимался профессиональный инженер и революционер. Финансы фабриканта шли на подпольные большевистские газеты «Искра», «Борьба» и «Новая жизнь». Савва Морозов тайком привозил рабочим запрещенные книги, помогал печатать листовки в подпольной типографии, организовывал стачки и скрывал у себя дома объявленного в розыск революционера Баумана. Однажды к Морозовым пришел в гости генерал-губернатор Сергей Романов и обедал за одним столом с Бауманом, которого спешно выдали за дальнего родственника.

Последней каплей, переполнившей чашу терпения его семьи, и в первую очередь властной матери-старообрядки, стал пронизанный революционными идеями доклад «О причинах забастовочного движения. Требования введения демократических свобод», в котором говорилось об общественном контроле над предприятиями и различных правах – на свободу слова, печати, профсоюзов, митингов и забастовок.

Доклад был сочинен после январских событий 1905 года. А в феврале 1905 года террорист Каляев убил великого князя Сергея Романова бомбой фабричного изготовления. Тут уже инженер Красин, опасавшийся каторги, попросил о срочной командировке и был отправлен Морозовым в Берлин «за оборудованием». Но сам Савва Тимофеевич вызывал пристальный интерес правительства, и премьер Витте говорил, что он «наконец-то попался».

Мария Федоровна Морозова всё чаще повторяла, что её сын сошел с ума. Она решила отстранить его от дел. Совсем его не отстранили, но теперь все его решения оказались под контролем. Он ощущал бессилие и одиночество. Союзницей Марии Федоровны в изоляции Саввы Тимофеевича оказалась и нелюбимая невестка, которой не нравились безумные траты мужа на революцию и любовницу. Зинаида Григорьевна, не уступавшая свекрови во властности, стала перехватывать письма Морозова. 15 апреля 1905 года они по обоюдному согласию созвали консилиум лучших врачей, чтобы признать Морозова

недееспособным. Доктор Россолимо легко подмахнул сомнительное заключение, в котором нашлись «нервное расстройство», «чрезмерное возбуждение», «беспокойство» с «бессонницей» и «подавленное состояние с приступами тоски». Почему доктор это сделал? А вот на этот вопрос существуют самые разные ответы.

По рекомендации врачей Морозова спешно отправили в Европу лечиться. В Берлин с ним поехали жена и доктор Селивановский. Из Берлина они отправились в Виши, потом в Канны, где и случилась трагедия.

Одной из причин самоубийства Саввы Тимофеевича даже называли его неизлечимую болезнь – прогрессирующий паралич: не хотел он такого жалкого существования. Однако эта версия была состряпана явно наспех, да и описание событий его последнего дня не укладывается в эту версию. По свидетельству Зинаиды Григорьевны, Морозов с удовольствием купался в море и любовался закатом, потом с аппетитом поел устриц и предложил ей после возвращения отправить на море и детей, оставшихся в этот раз с бабушкой, далее он намеревался сходить в казино, однако не хотел, чтобы она его сопровождала: недавно он проигрался, потому что она была рядом.

Когда Зинаида хотела прокатиться и стала примерять шляпку перед зеркалом, за ее спиной в проеме двери на мгновение появилось лицо какого-то мужчины, она спросила: кто это? И Морозов поспешно ответил: никто. Ей показалось, что она узнала инженера Красина. Он действительно появлялся и в Виши, и в Каннах. Существует версия, что Красин через консьержа Жака Ориоля передал Морозову записку, в которой был только вопросительный знак, тот в свою очередь передал Красину записку с восклицательным знаком, и Красин был удручен, что денег больше не будет. Этот эпизод заставил многих подозревать Красина в убийстве Саввы Тимофеевича. По словам жены Морозова, она увидела в окно убегающего мужчину. Сам Красин утверждал, что находился в Лондоне, а позднее пытался провести собственное расследование в Каннах, но все документы дела исчезли.

Мать Морозова поклялась на Библии, что похороны на старообрядческом Рогожском кладбище законны, поскольку ее сын перед самоубийством сошел с ума. Генерал-губернатор Москвы А. Козлов, распорядившись похоронить Морозова по христианскому обряду, подошел к его вдове и сказал, что не верит в самоубийство, поскольку «слишком значимым и уважаемым человеком был Савва Тимофеевич».

Скольким же людям была на руку смерть фабриканта, и

сколько человек оказалось втянуто в эту таинственную историю? Его мать Мария Федоровна, жена Зинаида Григорьевна, инженер Красин, актриса Андреева. Мать Морозова получила 90-процентный пай в его предприятии, жена – всё недвижимое имущество, Андреева – страховку, из которой 60 тысяч сразу ушло в партийную кассу. Множество версий выдвигалось относительно причастности этих людей к смерти Морозова, в том числе и со стороны потомков промышленника.

Писатель Горький утверждал, что Морозов всегда опасался «черной сотни», посылавшей ему письма с угрозами. На самом деле эта версия с угрозами объяснялась иначе. Морозову действительно бросали в окно фабрики камни и присылали угрожающие письма, но организовал это его зять Сергей Назаров, муж сестры, чтобы заставить его отказаться от борьбы.

Правительство вело свое негласное расследование и послало в Канны полковника контрразведки Сергея Свирского. Еще один исследователь, племянник Морозова Александр Карпов говорил, что пуля, убившая Морозова, не соответствовала приложенному к делу браунингу. Потом и эти вещественные доказательства исчезли из дела. Но самым удивительным было то, что французская полиция не сделала фотографий тела убитого, а тело его было доставлено в Москву в оцинкованном гробу, обитом сверху деревом. Но и этот гроб впоследствии был подменен другим.

Была среди версий одна на первый взгляд невероятная и даже фантастическая. По словам Горького, среди рабочих Никольской мануфактуры ходила легенда, что Савва Тимофеевич не умер, а пошел в народ. И это вовсе не было сказочным лубком для наивных душ.

С некоторых пор появилась в семье Морозовых загадочная фигура – некий Фома, в генеалогическом древе не упомянутый, однако ставший одним из наследников Саввы Тимофеевича. Каверза заключается в том, что Фома, очень похожий на хозяина, частенько приходил на предприятие, сам работал на станках, читал лекции по химии на курсах, но вместе Савву и Фому Морозовых никто никогда не видел. Впоследствии, получив свою долю в наследстве, этот никому не известный Фома Морозов уехал в Ленинград, где стал руководить фирмой Саввы Морозова. И никто из родственников почему-то против Фомы и его притязаний на наследство не возражал.

В годы Первой мировой войны фирма Фомы поставляла порох Императорскому флоту. А в 1929 году родной брат Саввы Сергей отправился в Ленинград на похороны Фомы Морозова, который упокоился на Малоохтинском старообрядческом

кладбище. Говорили, что там какое-то время стояла плита с надписью «здесь покоится Савва Тимофеевич Морозов». Потом она исчезла.

Большие деньги могут многое, а французская полиция хорошо спрятала все концы в воду, разом утратив улики. Во всяком случае, мёртвого Саввы Морозова, кроме его жены и доктора, никто не видел, а вся история с пропавшими браунингами и подмененными гробами напоминала спектакль. Знакомые с Саввой Морозовым люди знали, что он всегда был не чужд мистификаций и сам пробовал себя в актерском мастерстве. Его исчезновение в тот острый момент устроило бы всех членов семьи, а возможно и созванных на консилиум врачей, участвовавших в заговоре одного из самых уважаемых и богатых семейств России.

Загадка Николая Шмита

Не менее таинственно сложилась судьба фабриканта-мебельщика Николая Шмита, но у этой истории не могло быть счастливого конца.

В ночь с 13 на 14 февраля 1907 года Шмит был найден в камере Бутырской тюрьмы с перерезанным горлом. Прокурор окружного суда Владимир Арнольд показал, что арестант лежал на полу в луже крови, а орудием послужил выбитый из окна осколок стекла. Криминалисты и полиция вынесли заключение о самоубийстве.

16 февраля тело было выдано родственникам и сразу захоронено на старообрядческом Преображенском кладбище. Туда пришли тысячи людей с венками и траурными лентами, на которых были надписи: «Гражданину мученику» и «Пусть ты погиб, товарищ, но не умерла идея». Рабочие пели «Интернационал». На плите значилось: «зверски зарезан царскими опричниками 13 февраля 1907 года». «Царские опричники» всё это время хмуро стояли по периметру площади в ожидании терактов и время от времени изымали подозрительные венки.

Впоследствии мнения относительно гибели Шмита разделились. Самодержавие считало это самоубийством. Рабочие – убийством, осуществленным жандармами. Белая эмиграция утверждала, что смерть Шмита была выгодна тем, кому Шмит завещал свое имущество, т. е. большевикам.

* * *

Савва Морозов хорошо знал Шмита: Николай был его внучатым племянником. Говорили, что в крещении Шмита революцией Морозов сыграл не последнюю роль: именно он увлек родственника революционными книгами и познакомил со своим секретным узником – Николаем Бауманом. Другие полагают, что Николай познакомился с вольными идеями еще в Московском университете, где, подобно Савве Тимофеевичу, учился на физико-математическом факультете.

Прадед Николая, немец Матвей Шмит, родившийся в Риге, осваивался на московском пепелище через пять лет после 1812 года, его продажа мебели и строительство шли успешно. Дед Александр Матвеевич жил в разгар строительства железной дороги и поставлял мебель для вагонов и вокзалов. Его сын Павел

Александрович держал фабрику на Пресне и удачно женился на Вере Морозовой, дочери миллионера и владельца мануфактур. У них родилось четверо детей.

Как и Савва Морозов, юный Николай Шмит вынужден был прервать учёбу из-за смерти отца. Павел Шмит завещал продать фабрику и разделить наследство на четверых, полагая, что никто из его детей не сумеет продолжить семейное дело. Николай Шмит действительно еще не достиг совершеннолетия и был растерян и подавлен. Он ушел из университета из-за депрессии, причиной которой была не только смерть отца, но и судьба фабрики: Николай не мог решиться нарушить волю отца, но продавать фабрику не хотелось – он уже имел на нее свои виды.

Чтобы Шмит не остался без образования, ему наняли репетитора – присяжного поверенного Михаила Михайлова, не подозревая о том, что это была секретная операция по внедрению в семью Шмитов большевистского подполья, а Михайлов носит кличку «Дядя Миша» и является правой рукой революционера Леонида Красина. Организовавший внедрение А.Ф. Линк стал опекуном и учителем младшего брата – Алексея. Поселившиеся в доме революционеры изыскивали средства для подпольной организации Красный крест, а беспомощные дети Шмитов оказались легкой добычей.

10 декабря 1904 года Николаю исполнился 21 год, и он мог вступить в наследство. Именно тогда он окончательно нарушил волю отца и стал фабрикантом, чтобы следовать указаниям подпольщиков.

С 1905 года Шмит ввел на фабриках девятичасовой рабочий день, открыл образовательные курсы и амбулаторию. В том же году он начал финансировать большевистскую партию, которой передал 20 тысяч рублей. Такую же сумму Шмит передал М. Горькому на революционную борьбу.

Николай Шмит в тюрьме

Морозов на свои средства выкупил у детей Шмитов их пай, и к 1905 году фабрика превратилась в эпицентр восстания. Еще с середины октября на фабрику поступало оружие, там делались заточки из напильников и шли тренировки по метанию бомб. За месяц Шмит потратил на оружие 85 тысяч рублей, за год – 180 тысяч.

7 декабря 1905 года началась всеобщая забастовка. Отключилось электричество, закрылись предприятия и магазины. Было объявлено чрезвычайное положение. 9 декабря полиция обстреляла дом Фидлера, в котором подпольщики обсуждали план захвата Николаевского вокзала. 10 декабря Пресня воевала на баррикадах. В ночь с 14 на 15 декабря из Петербурга прибыло 2 тысячи гвардейцев Семеновского полка. А 17 декабря в квартире на Новинском бульваре был арестован Николай Шмит. Его доставили в участок на Пресне, и полковник Мин, прибывший туда в 7 утра 18 декабря, сделал ставку на скорость допроса: он всё время предлагал Шмиту время на размышление – минуту, 5 минут, 15 минут. Оставшийся в одиночестве и подавленный фабрикант сдался. Ему предложили написать записку рабочим о прекращении борьбы, чтобы избежать разрушения фабрики. Но в ответ он стал требовать своего освобождения, что было невозможно. И фабрика была разрушена артиллерией.

На допросе Шмит перечислил 20 человек, которым давал деньги, в их числе – Михайлов («Дядя Миша»), Шанцер («Марат»), писатель Горький. Одной из причин гибели Шмита впоследствии

называли месть большевиков за эти показания. Самоубийство тоже казалось убедительным: Шмит был деморализован на допросах и подавлен собственной откровенностью. В камере он осознал ужас кровавых дней в Москве и собственного предательства, поэтому покончил с собой.

Третьей причиной называли убийство Шмита жандармами при попытке к бегству. По 100-й статье уголовного уложения Российской империи Шмиту грозил смертный приговор, и рабочие действительно дважды пытались освободить своего лидера, но Шмита перевозили то в Таганскую, то в Бутырскую тюрьму, и обе они хорошо охранялись.

В то же время арестант вел себя неадекватно, и его подвергли медицинскому освидетельствованию, которое проводили независимо друг от друга светила науки – Петр Ганнушкин и Владимир Сербский. Они пришли к одному выводу – «Паранойя Оригинария Зандер». В заключении говорилось, что Шмит страдает галлюцинациями, ему мерещатся голоса, у него мания преследования и мания величия. Возможно, так оно и было, но и сам Шмит стремился выйти из тюрьмы, и профессора явно сочувствовали и были склонны ему подыграть. Они оба были настроены против власти, а Сербский в 1905 году выступал с утверждением, что обстановка в стране способствует развитию психических заболеваний. Шмит оказался удачным подтверждением этого доклада.

После этого адвокат Шмита стал настаивать на его помещении в специальную больницу, но ему было отказано. Однако он получил разрешение на освобождение арестованного под залог.

Выпустить Шмита должны были 15 февраля 1907 года. А в ночь на 14-е его обнаружили зарезанным. Этот парадокс отметает версию о попытке освобождения рабочими и кажется нелепым в отношении версии о самоубийстве. Вполне правдоподобно выглядела версия о том, что полиция не хотела выпускать его под залог и расправилась с ним. Об этом свидетельствовало и последнее письмо Шмита сестре Кате: «Еще вчера вечером появились необычные признаки и необычные отношения. Надзиратели, что то-то утаивавшие от меня, а вместе с тем говорившие о разных зловещих для меня слухах. Тогда я убедился, что затевается надо мной расправа, и добивался перевода к товарищам, чтобы вместе провести остаток моей жизни и через них передать вам письма. Но мне во всем отказано. Я сижу один, спокоен, и жду, что будет». Впрочем, это письмо, переданное полицией Екатерине Шмит, как раз могло быть подтверждением мании преследования, которой страдал

арестованный.

И наконец, существовала версия о судьбе капиталов Шмита. Кто получал наибольшую выгоду от такого наследства? Его завещание составляло 280 тысяч рублей, и все они достались РСДРП. Сам он был не женат, а сестер контролировала партия большевиков. Катю и Лизу выдали замуж за деятелей РСДРП Николая Андриканиса и Александра Игнатьева. Позднее Елизавета Шмит стала женой еще одного партийца Виктора Таратуты.

Заслуги погибшего Шмита перед партией и революционным движением большевики не забыли: его именем был назван проезд на Пресне. Позднее там был создан музей вооруженного восстания. Драматург Москаленко написал трогательную пьесу «Любящий вас Коля», и она была поставлена в Театре на Малой Бронной в 1987 году – к 80-летию гибели Шмита.

Сохранились фотографии красивого и несколько меланхоличного юноши. В тюрьме на прогулке, в окружении жандармов, у него было странное выражение лица – то ли бесшабашное, то ли равнодушное к своей участи. Николаю Шмиту было только 24 года.

«До царя дойду, а своего добьюсь!»

Это имя все советские люди знали с первого класса школы – лживый «поп Гапон», провокатор, заманивающий доверчивых бедняков на демонстрации, где их убивают царские жандармы, был задушен подпольщиками и спрятан на вешалке, под пальто. Сказочная история, но для детей однозначная и не нуждающаяся в комментариях.

Комментарии и вопросы появились позднее. Биография у Гапона внушительная. Священник Русской православной церкви, оратор и проповедник, профсоюзный лидер, политический деятель, создатель и руководитель организации «Собрание русских фабрично-зоводских рабочих Санкт-Петербурга». 9 января он организовал рабочую забастовку и массовое шествие к царю. Чем оно закончилось, известно – «Кровавым воскресеньем», которое привело к первой русской революции 1905–1907 годов. Находясь в эмиграции, Гапон организовал Женевскую межпартийную конференцию 1905 года и договорился о поставке в Петербург оружия с парохода «Джон Графтон», чтобы поднять восстание. Не удалось. Вернувшись в Россию в ноябре 1905 года, неуемный батюшка вновь возглавил «Собрание русских фабрично-заводских рабочих» и вступил в переговоры с графом Витте. Теперь Гапон выступал против революционной борьбы и возлагал надежды на реформы, включенные в Манифест 17 октября.

В марте 1906 года Георгий Гапон был убит в Озерках боевиками-эсерами за предательство дела революции.

Такова официальная биография. Но она не отвечает на вопрос: зачем священнику понадобилось совершать столько странных и нетипичных для его сана поступков? Начать следует с того, что Гапон был из крестьян, т. е. к церковным династиям не принадлежал. В детстве он пас скотину и занимался тяжелым трудом. В школе он проявлял способности, но родители отдали его в духовное училище. Что такое духовные училища того времени, можно узнать из повести Помяловского «Очерки бурсы», и в комментариях это не нуждается. Когда он учился во втором классе Полтавского духовного училища, прогрессивный учитель Трегубов давал ему читать преданного анафеме и запрещенного Льва Толстого. Далее, поступив в Полтавскую духовную семинарию, Гапон подвергся влиянию другого толстовца – Исаака Фейнермана, совершавшего паломничества в Ясную Поляну. Открыто цитируя Толстого, Гапон вызвал недовольство начальства семинарии и демонстративно отказался от стипендии,

занявшись репетиторством. Он был лучшим учеником семинарии, но диплома первой степени из-за своих взглядов не получил и не смог попасть в университет, поэтому устроился в ведомство и стал заниматься сельской статистикой.

Возможно, после всех этих проблем Гапон никогда не стал бы священником, но в 1894 году его угораздило жениться на молодой, энергичной купчихе, и духовный сан он принял по настоянию жены. Впрочем, Гапон любил жену. А тут еще епископ Илларион неожиданно одобрил решение Гапона, обещал ему свое покровительство. Это было понятно: Георгий Гапон проявил себя талантливым проповедником и хорошим учителем, он был всесторонне образован и талантлив. Он довольно быстро получил должность священника в бесприходной церкви Полтавского кладбища. На его проповеди являлись толпы верующих, а он помогал беднякам и не брал денег за церемонии с неимущих. После службы он организовал при церкви слушания, на которые тоже стало приходить много людей. Конкурентов нигде не любят, и вскоре его обвинили в похищении паствы у других приходов. Но Гапон не испугался и назвал своих коллег фарисеями и ханжами.

Подкосила его смерть жены в 1898 году. Он её очень любил, а надо было ещё заботиться о двух маленьких детях – Маше и Алеше. Хотелось переменить жизнь, уйти от этих дрязг с пастырями. И Гапон отправился поступать в Петербургскую духовную академию – высшее учебное заведение для священнослужителей. Епископ Илларион и обер-прокурор Победоносцев помогли ему рекомендательным письмом, и Гапон оказался в академии. Однако, проучившись всего один год, он понял, что ему вся эта схоластика не интересна: ничего общего с жизнью она не имела.

Бросив учебу, Гапон отправился в Крым, где ему встретился художник Василий Верещагин. «Брось ты рясу, – пробасил Верещагин. – Займись делом и работай на благо народа». Они ненадолго переживут друг друга: вскоре началась Русско-японская война, и Верещагин погиб 31 марта 1904 года, во время взрыва броненосца «Петропавловск».

Эти крымские впечатления решили судьбу Гапона. Он вернулся в Петербург. Там его дела пошли в гору, и он обрел в церкви много покровителей. Гапон собирал верующих, объяснял им, что в основе всего – труд и собственное достоинство. Однако при капитализме никакой труд бедняков не спасал, и Гапон, видя нужды людей, не знал, как им помочь. Он решил собрать верующих в некое благотворительное христианское братство и создал «Общество ревнителей разумного христианского проведения праздничных дней». Предполагалось, что члены

общества станут помогать друг другу материально в трудных случаях, однако устав братства начальство не одобрило, и Гапон вновь сменил место работы. Теперь он был настоятелем сиротского приюта святой Ольги и священником приюта Синего Креста. Приюты содержались благотворительностью высшего света, и Гапон пошел в высший свет. Как всегда ненадолго: там его хорошо приняли, но вскоре смотрели на него с недоумением и не знали, что с ним делать.

Интересная вещь: все фотографии Георгия Гапона показывают, что он был вовсе не каким-то мелким жуликом, нанятым провокатором охранки, задушенным рабочими поделом, как нам внушалось долгое время.

Красивое и бесстрашное лицо, прямой взгляд серых глаз, волевая складка губ. Он хотел добиться справедливости и умел нравиться людям. Только не знал, как и где этой справедливости добиться, поэтому и бегал кругами – вокруг священников, дворянской элиты, придворных, полицейских. Жизнь бросала его, одаренного и в то же время наивного, во все углы русского общества начала XX века, и везде он оказывался яркой, привлекательной, но не желанной звездой. Ему казалось, что вот сейчас, когда он поведет людей к царю, когда он встретится с всемогущим Витте, когда он станет контролировать эту жизнь и направлять её, всё в России изменится. Но менялся только он сам и все время менял свои взгляды, методы, мнение о людях и влияние на людей. Бурная деятельность Гапона впечатляет. Он готовил обновленный проект системы благотворительных учреждений, предусматривавший создание трудовых колоний для босяков. Когда ему вновь вставляли палки в колеса, он настроил паству против своих притеснителей, и прихожане устраивали демонстрации и закидывали камнями противников Гапона.

Жизнь Георгия Гапона трагически закончилась в Озерках под Петербургом в апреле 1906 г.

При этом боевой священник ухитрился найти себе среди воспитанниц новую жену – Александру Узадлёву, с которой стал жить гражданским браком. Тут ему напомнила о себе Петербургская духовная академия – Гапона отчислили с третьего курса за несданные экзамены, а потом предложили явиться в Департамент полиции. Вскоре после этого визита Гапон был восстановлен в академии, и ходили слухи, что полиция сыграла здесь не последнюю роль: Гапон от безвыходности согласился сотрудничать с охранкой, а его в свою очередь прикрыли.

Почему же честный Гапон вдруг решил работать на полицию? Думается, главную роль в этом перерождении (или заблуждении) Гапона сыграл умный и опытный работник сыска Сергей Зубатов, сумевший внушить Гапону, что задача полиции в трудные времена – создавать легальные рабочие профсоюзы для решения своих проблем не революционным, а мирным путем. Гапон поверил: это было очень похоже на его собственные мирные предложения по благоустройству России. Он в эйфории начал создавать эти общества и докладывал полиции об успехе нового дела и перспективе на будущее. Гапон только просил полицию временно отойти в сторону и не вмешиваться, поскольку её авторитет в народе подорван. Обескураженный Зубатов понял, что благодаря неуемной энергии Гапона и его странным представлениям о происходящем весь полицейский замысел по

контролю над рабочими революционерами повернул не в то сторону. А тут ещё после отставки Зубатова деятельность Гапона стал курировать Евстратий Медников – чванливый и недалекий любитель наружного наблюдения и взяток. Он Гапону не понравился. С этого момента Гапон потерял доверие к полиции. Он заменил всех людей Зубатова в рабочих обществах на своих соратников и шел на любые хитрости, чтобы усыпить бдительность полиции. Нередко ему это удавалось: «Я с самого начала, с первой минуты водил их всех за нос. На этом был весь мой план построен». Неожиданностью стали события Кровавого воскресенья 9 января 1905 года. К этому моменту Гапон перестал контактировать с полицией, и 8 января был объявлен в розыск.

Ему верили, его считали пророком. И однажды наступил момент, когда слишком заметный, но совершенно неорганизованный Георгий Гапон оказался никому не нужен – духовенству, рабочим, дворянам, большевикам, царю, эсерам. Он не понимал, что происходит вокруг, пытался изменить общество вопреки его, общества, законам. Часто из-за него гибли люди, он всем только мешал, и тогда из него сделали показательную фигуру. Его убийц тогда не нашли, но через несколько лет подозрение пало на эсера Петра Рутенберга, который признался, что совершил акцию по приказу своего руководства, в частности Евно Азефа. Самым удивительным в этой истории было то, что незадолго до этого Рутенберг спас жизнь Гапону: он тоже участвовал в шествии к Зимнему дворцу и вытащил священника из-под обстрела. Но через год Гапон рассказал Рутенбергу о связи с полицией, о чём тот и доложил руководству. 26 марта Гапон был приглашен в Озерки, на дачу, где Рутенберг спровоцировал его на признание для группы боевиков, скрывавшихся в соседней комнате. Потом Рутенберг вышел на веранду, а боевики задушили Гапона и подвесили на крюк в прихожей.

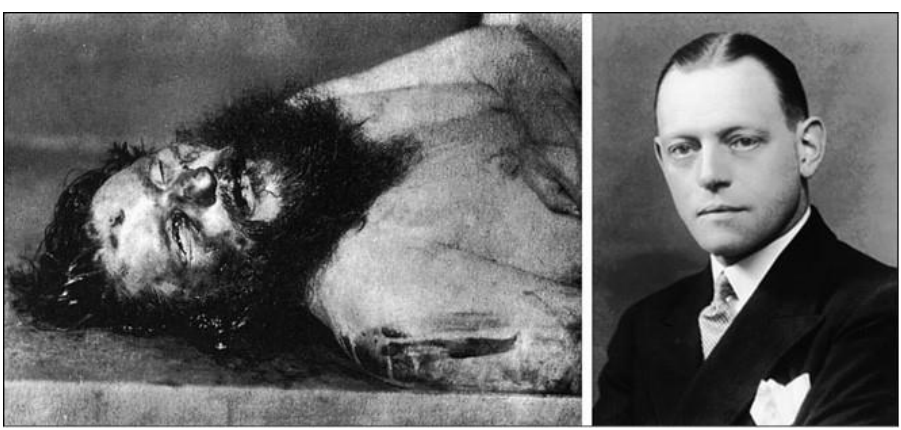
Был ли Гапон провокатором? Из всех его поступков вытекает несколько иной вывод, а его современнику Карелину принадлежат слова: «Гапон по своему внутреннему существу – не только не провокатор, но, пожалуй, такой страстный революционер, что, может быть, его страстность в этом отношении несколько излишня. Он, безусловно, предан идее освобождения рабочего класса, но так как подпольную партийную деятельность он не находит целесообразной, то он считает неизбежно необходимым открытую организацию рабочих масс по известному плану и надеется на успешность своей задачи, если отдельные группы сознательных рабочих сомкнутся около него и дадут ему свою поддержку».

Властитель умов и сердец

Григория Распутина можно назвать романтическим идеалом для России, как Наполеона – для Европы. У каждой стороны света свой норов. В России Распутин с его лапотным мистицизмом оказался понятнее.

Простой крестьянин из села Покровское Тюменской губернии, оказавшийся в начале XX века пророком и серым кардиналом Российской империи, – пожалуй, самая удивительная фигура в русской истории и мифологии. Возможно, о нём никогда бы не узнали. Но, по словам Распутина, голос свыше сказал ему, что он нужен в Петербурге, и он в 1903 году двинулся в путь пешком, как истинный странник, а к 1904 году добрался до столицы империи. Слава о его набожности и способности исцелять дошла до крайне правого деятеля православной церкви Иоанна Кронштадского, и тот благосклонно принял путника и ввел в свой круг.

В 1907 году, когда императрица уже заламывала руки и теряла сознание от невозможности спасти умирающего престолонаследника Алексея, две живущие при дворе родственницы услужливо посоветовали обратиться к удивительному крестьянину.



Английский агент Освальд Рейнер – тот, кто произвел контрольный выстрел в голову Распутина

Императрица сомневалась, знает ли простой крестьянин, что такое гемофилия. Но Распутин сказал, что знает и однажды уже лечил её с помощью трав. Царевич Алексей терял последние силы, истекая кровью, и надеяться можно было только на чудо. Григорий Ефимович совершил чудо, но сведений о его методах не

сохранилось. Александра Федоровна считала это мистикой и говорила, что было ей такое пророчество: в час бедствий спасет ее простой русский крестьянин. Только тогда ей не было сказано – каких именно бедствий.

Когда Распутина приблизили ко двору, правительственные чиновники боялись его пуще смерти, а он своей волей назначал и снимал министров. Из-за этого правительственный кризис в России прозвали министерской чехардой, а совет министров стали называть кувырк-коллегией.

Власть этого человека оказалась столь велика, что даже премьер-министру Столыпину, проезжавшему в карете, он мерещился в уличной толпе, как зловещее предзнаменование смерти. Столыпина Распутин тоже намеревался загипнотизировать, но тот начал кричать и махать руками, как только заметил этот неподвижный взгляд. Именно после того случая премьер-министр направился к царю и предъявил ему папку с полученными донесениями, где все «подвиги» Распутина в трактирах, банях, публичных домах и дворцовых покоях были расписаны в красках. О Распутине ползли слухи, на него давно уже рисовали карикатуры, а его похождения попали на газетные полосы. Тогда полиция установила над ним негласный надзор. С этими сведениями Столыпин и пришел к Николаю II.

Но Столыпина это, как известно, не спасло. На одном из приемов Распутин приблизился к нему, а потом упал на пол и стал биться, крича: «Смерть! За его спиной – смерть!» После этого премьер-министр был убит террористом.

В годы Первой мировой войны Распутин мог через монарших особ менять расположение армий и ход боевых действий одним своим предсказанием. Но в большей степени он пытался повлиять на императора с целью предотвратить участие России в войне. Когда император от безвыходности отправился на фронт и сам возглавил армию, Распутин употребил всё свое влияние на Александру Федоровну, чтобы отвратить её от войны и кровопролития.

Так кем же был Распутин? Блудодеем, пьяницей и самим сатаной? Или знахарем, пророком и миротворцем?

Версия первая: алкоголик и блудодей

«Год его рождения историками точно не установлен, – зловещим голосом вещал один летописец. – Известно только, что он появился на свет в убогой сибирской деревушке, затерянной между Тюменью и Тобольском. Отец Григория – пьяница и вор

Ефим Новый – воспитывал сынка по-своему: кнутом и водкой. Когда Гришка подрос, сельчане наградили его прозвищем “Распутин”: парень не пропускал ни одной юбки, а о его сексуальных подвигах вскоре прознали во всех окрестных деревнях. Он умудрился обрюхатить не меньше дюжины деревенских красавиц, когда попал в популярную тогда религиозную секту хлыстов. После этого свои эротические похождения Григорий успешно сочетал с деятельностью проповедника».

«Как-то во время обряда изгнания бесов он лишил невинности монахиню, а в Петербурге посещал публичные дома, где пьянствовал, дрался и гонялся за проститутками», – продолжал второй составитель распутинской летописи.

«Говорили, что у него редкое сексуальное отклонение – перманентная эрекция, поэтому к нему так тянутся скучающие светские дамы и фрейлина самой императрицы Анна Вырубова, – вторил третий. – И даже, – он понизил голос, – о соблазнении государыни шли слухи».

«А еще, – добавлял четвертый, – он за взятки раздавал места в правительстве, и очередь просителей в его прихожей сидела целый день».

Версия вторая: пророк и спаситель

Позднее, в попытках продемонстрировать народу истинное лицо императора и его окружения, погрязшего в разврате, большевистские комиссии несколько раз подвергали скомпрометированную слухами фрейлину Вырубову унизительному медицинскому освидетельствованию. Но вердикт был одинаковый: она девственница. Её страсть к Распутину оказалась платонической. В своих мемуарах, написанных под конец жизни в одном из финских монастырей, Вырубова писала, что такие же платонические чувства питали к Распутину и другие женщины высшего света: им восхищались и видели в нем наставника и духовного отца.

По словам знавших его людей, он был благочестив и, удаляясь от монарших особ, неистово молился в монастырях. Подарков и денег от царя не брал. И никогда не пытался сойтись с царским окружением, презирая эту праздную публику. Но деньги за чиновные места действительно брал.

С фамилией Новых тоже возникли разночтения. Утверждалось, например, что он так и родился с говорящей фамилией Распутин, а фамилия Новых была дана ему позднее

для благозвучия и возникла от того, что царевич, впервые увидев его, закричал: «Новый! Новый!»

Судя по всему, он от природы отличался невиданной силой и выносливостью, обладал экстрасенсорными способностями и неплохо владел гипнозом, что помогало ему воздействовать на людей.

* * *

Григорий Распутин настолько оброс всевозможными версиями и легендами, что невозможно понять, где правда, где вымысел – и это не во времена былин и скоморохов, а всего лишь век тому назад.

На него охотились. Когда Распутин вернулся ненадолго в родные места, за ним увязалась какая-то женщина. Внезапно она выхватила нож и нанесла ему тяжелое ранение. Именно тогда, не имея возможности вернуться в Петербург, он написал пророческое письмо Николаю II. Распутин утверждал, что скоро погибнет – еще до 1 января 1917 года, и если убьют его крестьяне, то ничто царю и России не грозит, если же это будут люди, родственные двору, то власть императора продлится лишь три месяца, а потом Россия ввергнется в хаос и братоубийственное кровопролитие. Всё произошло именно так, как он предсказывал.

Арестованная женщина, совершившая покушение, оказалась пациенткой Царицынской психбольницы Феонией Гусевой, ранее входившей в число его поклонниц.

Второе покушение на Распутина произошло уже в Петербурге. Оно-то и вызвало больше всего вопросов.

Версия Феликса Юсупова

30 декабря 1916 года Распутин был приглашен во дворец самых богатых аристократов того времени князей Юсуповых. Предлогом стала мигрень у первой красавицы столицы Ирины Юсуповой. На самом деле Ирины в ту ночь даже не было во дворце. Князь Феликс Юсупов провел святого старца в подвал, стал потчевать пирожными и поить мадерой.

В заговоре, кроме него, состояли еще четыре человека – лидер монархической организации «Союз Михаила Архангела», депутат Владимир Пуришкевич; двоюродный брат Николая II, великий князь Дмитрий Павлович; главный врач Отряда Красного Креста капитан медицинской службы Станислав Лазоверт;

приятель Юсупова, поручик лейб-гвардии Преображенского полка Сергей Сухотин.

Доктор Лазоверт начинил пирожные цианистым калием, но не знал, что сахар нейтрализует действие яда. Распутин съел пирожные безо всякого вреда. Феликс Юсупов на грани нервного срыва выстрелил в него. Пуля вошла через желудок и задела печень. Но раненый Распутин выбрался из дворца и пытался уйти, после чего ему в спину выстрелил Пуришкевич. Не сумев и на этот раз убить Распутина, заговорщики положили его в мешок и поволокли к мосту, с которого сбросили в Невку. По этой версии, наиболее известной в России, Распутин продолжал бороться за жизнь даже в ледяной воде, но захлебнулся и умер. Его тело под водой замерзло.

Именно так всё описали Юсупов и Пуришкевич в своих мемуарах. При этом они явно путались в показаниях. К тому же Юсупов утверждал, что Распутина убил он, а Пуришкевич брал вину на себя. Позднее к ним присоединился еще и поручик Сухотин, который вообще не стрелял.

Однако недавно появилась новая версия.

Версия инспектора Ричарда Каллена

19 июня 2007 года ветеран Скотланд-Ярда инспектор Каллен обнародовал собственное расследование этого происшествия. В расследовании Каллену помогали британский историк Эндрю Кук и петербургский следователь Илья Гаврилов, который когда-то был его учеником.

Прибыв в Петербург, Каллен отправился в музейный архив за фотографиями трупа и обнаружил на лбу Распутина отверстие от пули, о котором никто ранее не упоминал. Каллен сразу понял, что в этом деле был еще один человек – профессиональный и обученный убийца. Не тонул Распутин в водах реки: его убили контрольным выстрелом в голову, и сделал это сотрудник британской разведки.

Изучая документы, сыщик обнаружил в окружении Юсупова англичанина, с которым тот познакомился во время учёбы в Оксфорде. Звали его Освальд Рейнер, и он был сотрудником британской разведки СИС – предшественницы Ми-6. Штаб британской разведки находился недалеко от дворца Юсуповых – на другом берегу реки, в гостинице «Астория». За Рейнером стоял британский резидент Джон Скейл, человек, вхожий в кабинеты российской власти. Каллен называет Скейла «ключевым игроком» – т. е. разведчиком с особыми полномочиями.

Доказательств оказалось даже больше, чем хотелось получить Каллену: письма, донесения, отчеты о проделанной работе. В этих отчетах об убийстве у Распутина было кодовое наименование «Тёмные силы». Скейлу была адресована записка: «Хотя не всё произошло в соответствии с планом, наша цель была достигнута. Известие об уничтожении «Темных сил» всеми было принято благосклонно. Рейнер, подчистив следы, безусловно, даст вам отчет по возвращении».

По восстановленной Калленом картине преступления, Распутин ещё был жив, когда его волокли к воротам, но там, у ворот, кровавая дорожка расширилась, и это означало, что именно там стоял еще один человек – Рейнер: он-то и произвел контрольный выстрел в голову. Единственное, что выбивалось из этой версии – попытка Каллена придать черты завербованного британцами агента простой крестьянке Феонии Гусевой.

После заявлений Каллена появились еще некоторые предположения. Так, эксперт Юрий Каменский, не отрицая версии Каллена, задался вопросом, как во дворце оказался никем не упомянутый Рейнер, человек-невидимка. Каменский предложил занятную версию: Рейнер находился там под видом доктора Лазоверта, поскольку наложение фотографий Рейнера и Лазоверта выявляет 100-процентное сходство. Но кем тогда был Лазоверт и был ли он вообще?

* * *

Однако самым шокирующим моментом в этом расследовании оказалась обнародованная причина убийства Распутина. В 1916 году англичане понимали, что от германского нашествия их прикрывает только Российская империя, ведущая тяжелые бои на восточном фронте. Влияние Распутина на царскую семью было столь велико, что Великобритания забеспокоилась: если бы Распутину удалось убедить российского императора в том, что необходимо выйти из кровопролитной войны, войска германцев повернули бы на Запад. Именно поэтому британская разведка поспешила ликвидировать влиятельного старца. Невольно задумываешься о том, что это убийство, возможно, стоило жизни тысячам русских людей.

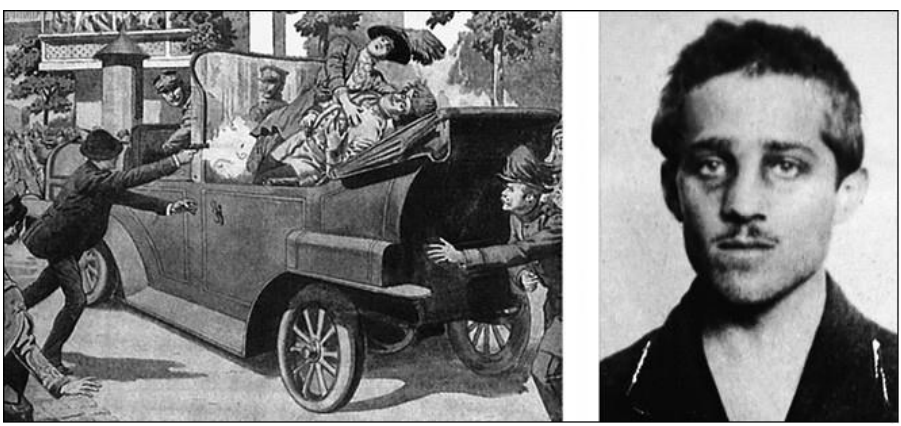
Военные тайны

Существует понятие «точки бифуркации». Так историки привыкли обозначать радикальные и непредсказуемые события, которые в одночасье меняют весь ход истории или внезапно придают всей нашей жизни ускорение. Можно спорить о том, являлось ли убийство наследного принца такой точкой бифуркации, или же оно было предсказуемо. Однако ускорение ходу истории оно, безусловно, придало, и не только. Один день в Сараево ознаменовал собой переход к иной цивилизации. В сущности, переход от XIX к XX веку произошел вовсе не на рубеже этих веков, а именно в 1914 году, когда жизнь изменилась до неузнаваемости – в политическом, нравственном, эстетическом и бытовом смысле.

Выстрелы в Сараево

28 июня 1914 года без 10 минут 11 утра 19-летний Гаврило Принцип двумя выстрелами убил в городе Сараево австрийского эрцгерцога Франца Фердинанда и его жену, чешскую графиню Софию Хотек. Убийство престолонаследника послужило формальным поводом к Первой мировой войне: она была официально объявлена ровно через месяц после покушения. Этого же самого месяца Гаврило Принципу не хватало до смертного приговора: он родился 25 июля 1894 года, и в момент совершения убийства ему еще не исполнилось двадцать лет.

Говорят, что личность жертвы многое проясняет. Личность оказалась малопривлекательная, но и вполне заурядная. Эрцгерцог не был интересной фигурой: он был угрюм, дурно воспитан и неприятен внешне.



28 июня 1914 года Гаврило Принцип в городе Сараево совершил покушение на австрийского эрцгерцога Франца Фердинанда и его жену, графиню Софию

Придворные старались как можно реже попадаться ему на глаза. Несмотря на то, что гувернер Онно Клопп внушал своему воспитаннику идею о «божественном избранничестве», ни к наукам, ни к языкам этот «избранник» оказался совершенно не способен. Решив выучить итальянский язык, он был крайне раздосадован сложностью грамматики и посвятил себя более доступному для его интеллекта делу – охоте. С детства эрцгерцог развлекал себя неуемным и бессмысленным уничтожением животных. Первого слона он убил в 9-летнем возрасте, за всю жизнь успел убить 274 511 оленей, а в 1908 году гордился «дневным рекордом»: застрелил за один день 3000 чаек.

Кровавый след Франца Фердинанда тянулся по всему миру – от Цейлона до Африки.

Франц Иосиф I откровенно презирал племянника. Императора возмущало, если эрцгерцога где-нибудь торжественно принимали.

Соотечественники не видели в наследнике будущего лидера страны, и его смерть не стала для страны чем-то уникальным: даже узнав об убийстве Франца Фердинанда, австрийцы продолжали веселиться и танцевать на площадях. Поэтому эрцгерцог послужил скорее символом покушения на австрийскую государственность, нежели живой, человеческой трагедией.

После покушения правительство в Вене сразу предположило, что за нападением стоит Сербия, главный враг Габсбургской монархии на Балканах. Одержав несколько побед над Османами и присоединив македонские земли, Сербия питала надежды на создание «великосербского» государства-колосса. 3 июля 1914 года в будапештской газете появились показания убийц о том, что в Белграде у них были соучастники. Это подтверждалось и тем, что сербская пресса поспешила объявить Принципа «национальным героем».

Местом встреч Принципа, Грабеца и Габриновича была кофейня «Код «Албани»», на углу центральной площади Белграда Теразие. В 1911 году Гаврило Принцип вступил в тайный национально-освободительный союз «Молодая Босния», студенческую организацию молодых бунтарей. Но Принцип и Габринович быстро поняли, что «Молодая Босния» недостаточно серьёзная организация. Поиски более влиятельного союза привели их в группу «Единство или смерть», известную в народе как «Черная рука». Ею руководили военные из генштаба и законспирированные агенты секретной службы Сербии. Одним из создателей этого союза был руководитель сербской разведки Драгутин Димитриевич по прозвищу Апис, известный участием в убийстве сербского короля Александра Обреновича и его жены. Чин полковника он получил за это убийство. Покровительство полковника Аписа позволило Принципу и его товарищам проводить тренировки по стрельбе на закрытом полигоне сербской армии. Оружием молодых террористов снабжал подпольщик «Молодой Боснии», учитель и социалист Данило Илич, переводчик романа Горького «Мать». Стрелять их учил еще один член организации Милан Циганович.

В марте Габринович получил сообщение из Сараево, что эрцгерцог приедет на летние маневры в Боснию. Приглашение исходило от наместника Боснии и Герцеговины, австрийского генерала Оскара Потиорека. Визит престолонаследника на

Балканы был расценен сербскими националистами, как вторжение врага южных славян на их территорию: день визита считался в Сербии национальным праздником поминовения погибших, и маневры выглядели кощунственно.

Утром 28 июня 1914 года шестеро террористов прибыли к месту следования кортежа эрцгерцога, на набережную реки Милечки, и рассеялись по маршруту королевского конвоя, где оказалось на удивление мало австрийских солдат и сто двадцать полицейских, находившихся среди толпы. Позднее комиссия, расследовавшая происшествие, вынесла вердикт: «Охрана была организована из рук вон плохо. Если сказать точнее: ее вообще не было».

В 10.26 утра Габринович первым увидел кортеж. Он бросил бомбу, но неудачно: шофер эрцгерцога Леопольд Лойка резко свернул в сторону, и бомба взорвалась рядом с машиной эскорта, убила шофера второго автомобиля и ранила нескольких армейских офицеров. Габринович проглотил яд, а потом бросился в измельчавшую речку, где его схватили полицейские.

Гаврило Принцип, услышав взрыв, решил, что дело сделано, и пошел в кофейню. Тем временем живой и невредимый Франц-Фердинанд прибыл в ратушу и, выступив с небольшой речью, отправился в больницу навестить раненого осколками бомбы полковника Меризи. Барон Морсей тревожился и предлагал наместнику Потиореку очистить улицы от посторонних, но тот заносчиво спросил: «Вы считаете, что Сараево прямо кишит убийцами?»

Выехавший кортеж почему-то сразу свернул не в ту сторону. Первоначально было решено ехать по набережной Аппель, но Потиорек забыл сказать об этом шоферу, и тот повернул на улицу Франца Иосифа. За первой машиной двинулся весь кортеж. Потиорек в истерике закричал: «Стой! Не туда! Поезжай прямо! Скорее! Да что это? Это же не та дорога!» Шофер Лойка затормозил, и остановившаяся процессия образовала на улице затор. Идеальные условия для убийства.

По случайному совпадению (случайному ли?) на этой же самой улице оказался Гаврило Принцип: он вышел из кофейни и остановился возле магазина деликатесов Морица Шиллера, намереваясь купить бутерброд. Увидев кортеж, Принцип остолбенел, но в следующее мгновение выхватил браунинг и дважды выстрелил в зафиксированную уличной пробкой мишень. Первая пуля попала в шею эрцгерцога и застряла в позвоночнике. Принцесса Софи вскочила, и ее сразила вторая пуля. Принцип попал ей в живот, но утверждал, что стрелял не в нее, а в Потиорека. Эрцгерцог обхватил голову жены и закричал:

«Соферль, не умирай, пожалуйста, живи ради детей!».

Эта фраза тоже станет достоянием общественной памяти, как и окровавленные подтяжки эрцгерцога, выставленные вместе с обломками золотого браслета принцессы в весьма популярном трактире Леопольда Лойки. Этот трактир с постоялым двором в городе Брно Лойка купил на выписанную ему премию в 400 тысяч крон. Но его странная роль в этом деле и его неожиданный поворот не на ту улицу так и остался не проясненным.

Франц Фердинанд умер, его жена скончалась пятнадцатью минутами позже. Гаврила Принцип, подобно Габриновичу, проглотил яд, но он тоже не подействовал. На Принципа набросились полицейские. В тюрьме арестованного зверски избили, и руку из-за нескольких переломов пришлось ампутировать.

Император Австрии Франц Иосиф, узнав об убийстве, разрыдался и воскликнул: «Существует ли на свете хоть одно тяжелое испытание, которое бы меня миновало? Никого в моей жизни не пощадили! Нет у меня сына, нет жены, а теперь они убили и моего наследника…»

Участие полковника Димитриевича в убийстве было доказано в 1917 году, когда он был арестован в Греции по обвинению в покушении на принца-регента Александра. Полковника задержали в городе Салоники, в резиденции сербского правительства в изгнании.

10 апреля 1917 года заключенный под стражу Димитриевич передал военно-полевому суду рапорт, в котором признал свою ответственность за убийство в Сараево. Но было это лишь поддержкой заговорщиков или все нити заговора сходились в его руках, так и осталось тайной, которую Апис унес в могилу вместе с собой.

По австрийским законам военное лицо за преступление против государства приговаривалось к расстрелу, штатское – к повешению. 3 февраля 1915 года были повешены в Сараево три активиста «Черной Руки» – Данила Илич, Мишко Йованович и Велко Кубрилович. Еще двоим после апелляции смертный приговор заменили длительным заключением. Полковника Димитриевича, полностью признавшего свою вину в убийстве короля Александра и участии в убийстве эрцгерцога Франца Фердинанда, расстреляли 26 июня 1917 года.

28 октября 1914 года Гаврила Принцип, Неделко Габринович и Трифко Грабец были приговорены к 20 годам тюремного заключения. Тюрьма Терезин, превращенная впоследствии в концлагерь, славилась ужасными условиями. Габринович скончался от туберкулеза, Грабец от истощения. Гаврило

Принцип умер последним – в апреле 1918 года. Ему было 23 года.

Но это еще не всё.

Таинственные беглецы

Ядом обоих террористов снабдил Милан Циганович. Сам он успел скрыться в Албании и был объявлен в розыск. На самом деле ему устроили побег. Премьер-министр Сербии Никола Пашич сообщил австрийцам, что еще 28 июня заговорщик уехал из Белграда в неизвестном направлении, и найти его не представляется возможным. Здесь вышла нелепая накладка, потому что в интервью сербским журналистам начальник белградской полиции заявил, что в Белграде вовсе никогда не было человека с фамилией Циганович. Впоследствии австрийская сторона выяснила, что начальник полиции лично устроил Цигановичу побег на территорию Албании и оформил это как командировку от полицейской префектуры в город Рибари, где его временную резиденцию охраняла местная полиция. Циганович не чувствовал себя одиноким, поскольку компанию ему составил еще один член запрещенного общества «Народна Одбрана», майор Александр Серб.

Изгнание Цигановича длилось ровно месяц, поскольку потом началась Великая война. После этого объявленные в розыск Милан Циганович и его начальник ВойяТанкосич командовали отрядами македонских революционеров комитаджей. А еще через год Скупщина дала указание железнодорожному ведомству выплатить Цигановичу всю зарплату за два года, хотя он не работал ни дня. В Сербии он уже считался национальным героем, как и другие заговорщики.

* * *

28 июня одним из первых на пути следования кортежа эрцгерцога оказался член «Молодой Боснии» Мухамед Мехмедбашич, ранее пытавшийся совершить покушение на губернатора Потиорека с отравленным кинжалом. Босниец Мехмедбашич также был завербован для покушения в Сараево, он стоял около здания Австро-Венгерского банка и видел приближающийся автомобиль, но не решился стрелять, потому что у него за спиной оказался полицейский. После убийства эрцгерцога босниец бежал в Черногорию, где 12 июля был арестован.

Показания Мехмедбашича неожиданно расширили географию и круг заговора. След вел во Францию. Арестант полностью сознался в содеянном. Но при этом он заявил, что покушение

готовилось в Тулузе в помещении масонской ложи. Именно там, где не было ни Принципа, ни его молодых товарищей, готовился заговор.

А дальше стали происходить удивительные вещи: дав признательные показания, Мехмедбашич на следующий же день бежал из тюрьмы, и его охранников-черногорцев задержали и допрашивали по подозрению в организации побега. Возможно, Мухамед Мехмедбашич просто оказался очень проворным человеком: в эту версию верится с трудом. Возможно также, что кто-то из тюремщиков действительно проявил к нему сочувствие: с чего бы. Но возможен и третий вариант: этот арестант много знал и много говорил. В тюрьме он был опаснее, чем на воле. И если кто-то возразит, что проще было устранить его в тюрьме, на это есть простое объяснение. Во-первых, в те времена насильственные методы к неудобным заключенным применялись не столь широко и часто, как можно подумать.

Мухамед Мехмедбашич

И, во-вторых, в истории известны и другие случаи, когда осведомленных арестантов выпускали из тюрьмы за отсутствием

доказательств или же, при наличии доказательств, устраивали им побег, поскольку внезапная смерть такого заключенного могла вызвать резонанс в прессе и общественных кругах.

Версия участия в убийстве австрийского эрцгерцога масонов, готовивших Первую мировую войну, неоднократно появлялась в исторической литературе, и фантастической она отнюдь не выглядит, поскольку никому – ни Австрийской, Германской или Российской империям, ни Сербии, пострадавшей больше всех, эта война оказалась не нужна: в ней проиграли абсолютно все, исчезли с лица земли целых 4 империи, погибло множество людей. Кто же стоял за этой мировой катастрофой и кому это было выгодно? Возможно, именно об этом и не успел рассказать беглец Мехмедбашич, осведомленный больше других заговорщиков.

Дальнейшая судьба Мехмедбашича сложилась весьма причудливо. После своего бегства он пять лет скрывался на территории Сербии, а после Первой мировой войны, в 1919 году, решился вернуться на родину и даже был помилован. Но в 1943 году его настигла Вторая мировая война. Мехмедбашич был убит усташами, и по странному стечению обстоятельств – в Сараево.

* * *

В августе 1914 года началась мировая война, превратившая трагедию в обычную статистику. Теперь исчезали безвозвратно не отдельные люди, а целые военные подразделения.

Исчезновение Норфолкского полка

12 августа 1915 года произошло событие невероятное и необъяснимое. Во время Дарданелльской операции, начатой странами Антанты против турецкой армии, исчез целый британский полк, причем не оставив никаких следов. По свидетельствам очевидцев, полковник Бошем, капитан Бек и еще 15 офицеров и 250 бойцов – всего 267 человек – во время продвижения по лощине вошли в странное облако желтого тумана. Когда туман рассеялся, ни живых бойцов, ни их тел обнаружено не было.

«Их унесло облако!» – заявляли те, кто это видел.

Новозеландцы, которые вели наблюдения на высоте, писали в отчете о странной «туче», в которую вошел полк:

«Поднимался день, ясный, безоблачный, в общем, прекрасный средиземноморский день, какого и следовало ожидать. Однако было одно исключение: в воздухе висели 6 или 8 туч в форме “круглых буханок хлеба”. Все эти одинаковые по форме облака находились прямо над “высотой 60”. Было замечено, что, несмотря на легкий ветер, дувший с юга со скоростью 5–6 миль в час, ни расположение туч, ни их форма не изменялись. С нашего наблюдательного пункта, расположенного в 500 футах, мы видели, что они висят на угле возвышения 60 градусов. На земле, прямо под этой группой облаков, находилась ещё одна неподвижная туча такой же формы. Её размеры были около 800 футов в длину, 200 в высоту и 200 в ширину. Эта туча была совершенно плотной и казалась почти твердой структурой. Она находилась на расстоянии от 14 до 18 цепей (280–360 метров) от места сражения, на территории, занятой британцами.

Двадцать два человека из 3-го отделения 1-й полевой роты N.E.Z. наблюдали за всем этим из траншей на расстоянии в 2500 ярдов к юго-западу от тучи, находившейся ближе всех к земле. Наша точка наблюдения возвышалась над “высотой 60” где-то на 300 футов; уже позже мы вспомнили, что эта туча растянулась над пересохшей речкой или размытой дорогой, и мы прекрасно видели её бока и края. Она была, как и все остальные тучи, светло-серого цвета. Тогда мы увидели британский полк (первый дробь четвёртый батальон Норфолкского полка) в несколько сотен человек, который вышел на это высохшее русло или размытую дорогу и направился к “высоте 60”, чтобы усилить отряд на этой высоте. Они приблизились к месту, где находилась туча, и без колебаний вошли прямо в неё, но ни один из них на высоте 60 не появился и не сражался. Примерно через час после

того как последние группы солдат исчезли в туче, она легко покинула землю и, как это делают любой туман или туча, медленно поднялась и собрала остальные, похожие на неё тучи, упомянутые в начале рассказа.

Высадка английских войск в Дарданеллах

Рассмотрев их внимательно ещё раз, мы поняли, что они похожи на “горошины в стручке”. В течение всего происходящего тучи висели на одном и том же месте, но как только “земная” туча поднялась до их уровня, все вместе отправились в северном направлении, к Болгарии, и через три четверти часа потерялись из виду».

Описание группы плотных туч, похожих на «горошины в стручке», кажется в те далекие годы невероятным и потому достоверным: едва ли новозеландцы 1910-х годов XX века знали о том, что такое космический «базовый корабль». В те годы и авиация-то едва начала развиваться.

При этом следовало бы обратить внимание на обстановку, в которой происходили военные действия Норфолкского полка. Картина англо-турецкого боя выглядела отвратительно, и многие сравнивали её с адом: раскаленный жар и разлагающиеся трупы, ураганы пыли и эпидемия дизентерии, множество трупных мух и удушающий запах смерти. Из песка торчали человеческие конечности, а сами солдаты походили на ходячие скелеты.

Англичанам противостояли части 36-й турецкой армии под командованием майора Муниб-Бея. По окончании военных действий англичане обратились к туркам за разъяснениями. Однако это ничего не дало. Турция охотно шла на переговоры,

отнюдь не скрывала пленных и убитых, но ответила, что никогда не вступала в бой с таким полком, не брала его солдат в плен и даже не подозревала о его существовании. Выяснилось, что среди английских военнопленных нет ни одного человека из пропавшего 1-го батальона 5-го Норфолкского полка, а освобожденные из плена британцы утверждали, что никого из них не видели и ничего о них не слышали.

Это породило бесчисленные мистические версии, вплоть до похищения огромного количества людей летающей тарелкой или перемещения их всех в иное временное или пространственное измерение. Найджел МакКрери написал об этом роман «Вся королевская рать», который в 1999 году был экранизирован Джулианом Джерролдом.

Некоторые объяснения исчезновению такого количества людей всё же имелись. В бухте Сувла, на месте сражений британского десанта, сохранились захоронения, получившие название «кладбище Азмак». Идентифицировать останки бойцов на этом кладбище не представлялось возможным, но там всё-таки обнаружили несколько человек пропавшего полка. Поэтому внутри «Азмака» был создан отдельный мемориал, условно названный в честь пропавших воинов «5-й Норфолкский». Он состоит из 114 могил. Однако и здесь невозможно обнаружить останки конкретных лиц, пропавших в составе полка.

Существует еще одно объяснение исчезновения норфолкцев, ставшее в 1967 году основой отчета, весьма спорного. Комиссия опиралась на свидетельство офицера Первой мировой войны, занимавшегося захоронениями. Еще 23 сентября 1918 года он показал, что местный турок обнаружил у себя на ферме огромное количество разлагающихся тел, которые он от ужаса сбросил в местный овраг. Многие из солдат были убиты на ферме. Всего этих тел оказалось 180, и в их числе – 122 норфолкца и несколько гентцев, саффолкцев и чеширцев из батальона 2/4. Но офицер путался в показаниях, называл разные географические данные и сообщил, что из норфолкцев удалось опознать только двоих. Где же остальные?

Однако самым интересным оказалось свидетельство того самого турецкого крестьянина, который утверждал, что избавиться от тел его заставил мистический ужас. Все найденные им тела имели очень странный вид, как будто стали жертвой нечистой силы. Все они были удивительным образом раздавлены и искалечены – как будто сброшены с огромной высоты.

* * *

С 1915 года считается, что норфолкцы пропали без вести. Если нет тел, то нет и свидетельства гибели. И более всего исследователей занимало описание странного светящегося тумана, который среди бела дня ослепил сражающихся. Что же это было? Необычное природное явление или свет от прожекторов большого неопознанного объекта?

Королева шпионажа

Самым популярным шпионским скандалом войны 1914–1918 годов считается история танцовщицы храма в Бирме, выдававшей себя за внучку индонезийского императора. Имя Маты Хари оказалось не просто военно-шпионской авантюрой, но и, как сказали бы сейчас, «раскрученным брендом». Громкое дело артистки, соблазнявшей офицеров разведки под кодовым именем «агент Н-21», превратило Мату Хари в героиню приключенческих романов и боевиков. Но до сих пор иногда звучит вопрос: «А была ли она вообще шпионкой или её сделали показательной фигурой и показательной жертвой войны ради резонанса?»

На самом деле обстоятельства её жизни были более чем скромными. Будущую героиню бестселлеров звали Маргарета Гертруда Зелле, родилась она в 1876 году в Голландии в семье шляпника из Лувардена и на острова попала позднее.

За месяц до 19-летия Маргарета вышла замуж за голландского колониального офицера Джона Маклеода, который был на 20 лет старше нее. С ним она уехала в голландскую Вест-Индию и прожила там семь лет, но брак оказался несчастливым, и в 1902 году после возвращения в Амстердам супруги расстались, а в апреле 1906 года узаконили свой развод.

Понимая, что в тихой Голландии многого не добиться, Маргарета переехала в Париж и начала активно эксплуатировать свое восточное прошлое – умение исполнять эротические «танцы живота», манеру одеваться. В то время Европа еще не была знакома с экзотикой далеких земель. Необычная красота танцовщицы, ее иссиня-черные волосы, смуглая кожа, жемчужные гирлянды бус, усыпанная камнями диадема на голове и полуголое гибкое тело притягивали мужчин.

Мата Хари и ее расстрел 15 октября 1917 г. у крепости Венсан в Париже

Высокая и стройная пришелица с Востока быстро привлекла внимание и стала популярной. Именно тогда она сменила простое мещанское имя Маргарета Зелле на звучное «Мата Хари» – «Око солнца» в переводе с малайского. Она утверждала, что родилась на Востоке и священные танцы изучала в храме бога Шивы. На самом деле она никогда не училась хореографии и строила свою танцевальную карьеру на эпатаже и увиденном на островах.

К 1905 году Мата Хари стала самой высокооплачиваемой танцовщицей Европы и выступала в салонах парижской аристократии, в доме барона Ротшильда, в парижском дворце «Олимпия». Она гастролировала в Монте-Карло, Берлине, Вене, Софии, Милане, Мадриде.

Её впервые заподозрили в шпионаже, когда она работала в мадридском мюзик-холле в 1915 году. А в 1916 году произошло ее знакомство с немецким консулом в Нидерландах Карлом Крамером. В Европе шла война, Мате Хари все сложнее было находить себе контракты, с гастролями пришлось расстаться, да и возраст был уже не концертный – 38 лет. В то же время она привыкла жить расточительно, не вылезала из долгов и поэтому легко дала себя завербовать немецкой разведке.

У французских спецслужб появилась смелая версия, что все свои шифровки Мата Хари кодировала с помощью музыкальных нот. Глава французской контрразведки Жорж Ладу приставил к ней двух агентов наружного наблюдения, которые писали в своих отчетах, что она ведет себя как куртизанка, посещает офицеров и живет на широкую ногу даже в тяжелые военные годы. Ладу предложил ей 25 тысяч франков за каждого сданного вражеского шпиона, и алчная артистка стала двойным агентом.

Во время поездки в Роттердам Мата Хари была арестована британцами по ошибке: ее приняли за другую шпионку – Клару Бендикс. Тогда недоразумение было улажено, и артистка вновь курсировала между Мадридом и Парижем: в Испании она снабжала донесениями немцев, во Франции – их противников.

Вскоре в эфире радиостанции Эйфелевой башни в Париже была перехвачена радиограмма, в которой сообщалось о том, что немецкая разведка в Мадриде перечислила амстердамскому агенту «H 21» 15 тысяч марок за выполненную задачу. Еще одно письмо предписывало агенту H 21 «вернуться во Францию и продолжить выполнение своей задачи, за что агенту будут перечислены 5000 франков», которые должен передать консул Крамер.

Это послужило причиной ареста Маты Хари. В начале 1917 года она вернулась в Париж, где 13 февраля и была задержана. Её обвинили в том, что она шпионила в пользу Германии, и поместили в тюрьму Сен-Лазар.

Расстреляли Мату Хари 15 октября 1917 года под Парижем, возле замка Венсан. На казнь она вышла в роскошном платье и помахала солдатам перчаткой. При этом ее адвокат разрыдался, а один из стрелков расстрельной команды упал в обморок.

Существует версия, что судебный процесс Маты Хари в 1917 году был чисто демонстративным, рассчитанным на ее громкое имя, поскольку толку от шпионки было немного. Она действительно встречалась с офицерами, но в основном для сексуальных услуг, которые они щедро оплачивали. Найденную у нее трубку с непонятной жидкостью контрразведчики приняли поначалу за невидимые чернила, но на допросе Мата Хари, усмехнувшись, объяснила настороженным мужчинам, что это средство контрацепции.

Очевидно, еще одной причиной гибели танцовщицы стал ее собственный характер: привыкшая фантазировать артистка построила свою биографию на вымысле и сама попала в эту ловушку. А французской контрразведке срочно нужна была показательная жертва, чтобы оправдать собственные провалы в тайной войне с Германией.

Осторожный Жюль Зильбер

Автор мемуаров Жюль Зильбер не был новичком в шпионском деле, да и образование позволяло: он работал военным врачом еще во времена англо-бурской войны и знал бурский язык. В детстве он попал с родителями в Африку и говорил по-английски без акцента, а также знал африканские наречия.

В начале Первой мировой войны Зильбера послали в Лондон, где он снял небольшую квартиру в Черинг Кросс и стал почтовым цензором британской контрразведки М-15. Зильберу несказанно повезло: его заброска в тыл врага была тщательно подготовлена, британская контрразведка ничего не заподозрила, а работа в почтовом ведомстве Солсбери требовала не риска, а внимания и хорошей памяти. Вначале ему приходилось запоминать большие тексты, которые он не мог копировать у всех на глазах, но позднее Зильбер получил фотографическое оборудование и сделал у себя в ванной лабораторию для проявки фотографий.

Немецкий педантизм очень помог Зильберу. Он заранее продумал, как обеспечить себе алиби, и никогда не уходил из дома на тайную встречу, не заручившись заранее концертными и театральными билетами. В почтовом ведомстве его считали завзятым театралом и любителем музыки.

Зильбер не только находил в почте нужные ему сведения, но и саботировал работу британской контрразведки, путая корреспонденцию и смешивая с общим потоком заинтересовавшие его письма. Многие думают, что секретная информация содержится в основном в правительственной переписке, но это не так. Наиболее важные сведения можно обнаружить в частных письмах, газетной и банковской корреспонденции. Зильбер обращал внимание на письма восторженных девушек, откровенно рассказывавших в письмах подругам, где служат их приятели. Так, одна молодая особа, сообщая живущей в Канаде сестре о своем женихе, невольно подсказала Зильберу местоположение и параметры крупнейшей подводной лодки, на которой служил ее жених, награжденный отпуском за боевые заслуги. Зильбер, взяв выходной, отправился по назначению и засел с биноклем поблизости от лодки. Он наблюдал весь процесс погрузки и смог пересчитать и зарисовать укрепления корабля.

Второй нечаянной «респонденткой» Зильбера стала газетная репортерша Молли. Довольно быстро он понял, что Молли – вымышленное имя, а девица на самом деле работает вовсе не

журналисткой: свои обзоры она посылала тетке в Массачусетс, и они содержали секретную информацию. Молли и в голову не приходило, что все ее письма читает немецкий шпион.

В начале Первой мировой войны Зильбера послали в Лондон, где он снял небольшую квартиру в Черинг Кросс

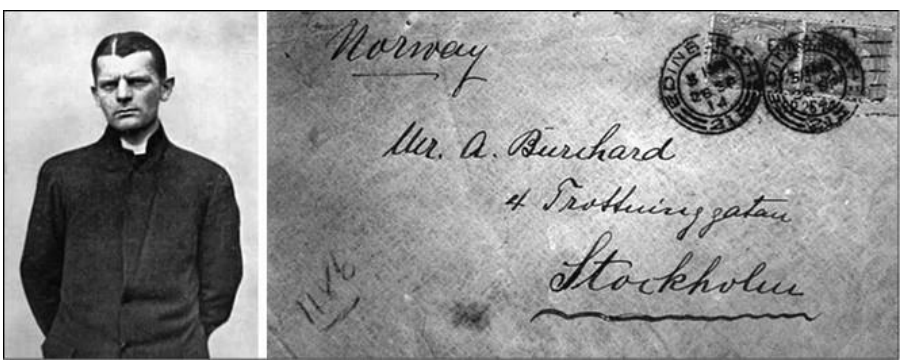
Особое торжество испытал Зильбер, когда наткнулся в частном письме, отправленном в США, на упоминание секретной встречи руководителей центральных держав летом 1917 года. Проживавший в Нью-Йорке адресат письма оказался одним из директоров банка «Морган».

Зильбер оставался в британской контрразведке до конца июня 1919 года и ни разу не был заподозрен. От директора М-15 он даже получил благодарность и премию за многолетнюю честную службу. Высшие чиновники узнали о деятельности Зильбера лишь через 15 лет, когда он вышел в отставку и жил уже далеко от берегов Туманного Альбиона.

– Зильбер был шпионом? – удивился руководитель почтового ведомства Британии сэр Эдвард. – Да что вы такое говорите! Этого просто не может быть!

Роковая ошибка Карла Хайнца Лоди

Трагичнее сложилась судьба известного разведчика Карла Хайнца Лоди: он родился в 1977 году в семье офицера и с детства был склонен к риску. Сведения о военном флоте, которые он добывал, оказались крайне важны для немцев. 5 сентября 1914 года был взорван флагманский крейсер «Пэсфайндер», окруженный эскортом катеров. Из 270 человек экипажа большая часть погибла. И эта атака, и взрывы в артиллерийских погребах были результатом донесений Лоди. Отправляя 6 сентября 1914 года свое второе донесение, Лоди в эйфории от первой удачи забыл зашифровать его. Донесение застряло в ведомстве почтового контроля, и за агентом установили наблюдение. Следующее донесение также было перехвачено. Заметив слежку, Лоди с фантастическим хладнокровием явился в полицию и пожаловался. Его спокойствие смутило полицейских, и перед ним извинились. Следующей рискованной ситуацией стала случайная встреча со знакомым американцем, который мог его выдать, и Лоди уехал в Лондон.



Карл Лоди и его письмо в Стокгольм

В сентябре 1914 года Лоди отправил в Стокгольм подробное описание оборонительных сооружений и вооружения британских кораблей в Северном море. 28 сентября он уехал на западное побережье Англии, где выяснил, что в ливерпульских доках крупные океанские пароходы переделывают в вооруженные крейсера. Его попросили предъявить документы, но и на этот раз не задержали. В последнем сообщении от 30 сентября 1914 года Лоди сообщил, что, возможно, его скоро арестуют. Агента задержали в конце октября в гостиничном ресторане. При обыске в номере нашли германские деньги, записную книжку с текстом первой телеграммы, адреса жителей Берлина, Гамбурга и Бергена.

Несмотря на помощь лучшего лондонского адвоката, Лоди спастись не удалось, и он стал первым немецким шпионом, приговоренным в Лондоне к расстрелу. Он погиб 3 ноября 1914 года, на четвертый месяц войны.

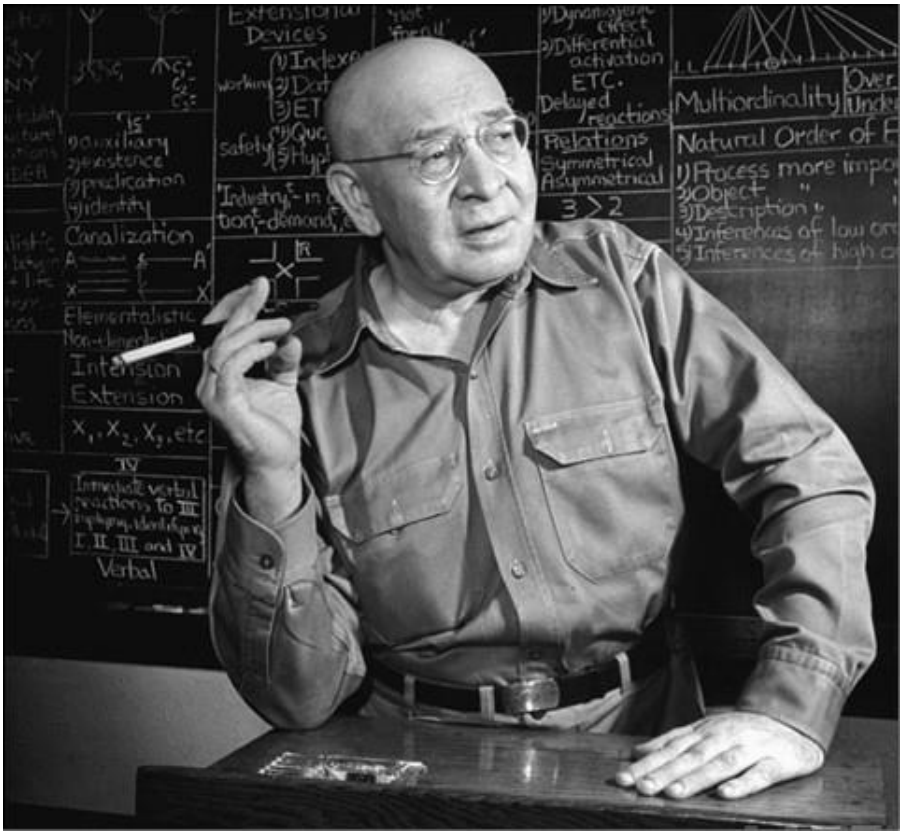
Загадка Альфреда Коржибски

У Российской империи были свои разведчики, весьма успешные. Некоторые из них сами по себе представляли тайну за семью печатями. Одной из таких загадочных и ярких личностей был основатель общей семантики Альфред Коржибски, родившийся в польской аристократической семье. Он получил образование в Варшавском политехническом университете.

В период Первой мировой войны Коржибски служил офицером разведки в российской армии и во время одного из заданий в Восточной Пруссии едва не попал в плен. Там с ним случилась примечательная история: когда на военного разведчика бросилась немецкая служебная собака, он просто посмотрел на неё и послал импульс-сигнал. По словам Коржибски, это вышло случайно. Он был безмерно уставший, ничего не боялся и пребывал в какой-то равнодушной экзальтации, сходной с галлюциногенным состоянием. «Просто я в тот момент отрешился от происходящего, как будто находился одной ногой в этом мире, а другой – в ином. Я видел бегущего зверя, но мне казалось, что его бег замедлен. Я разложил его мысленно на частицы – шерсть, подшёрсток, жилы, мышцы. Для меня это был объект биохимического изучения, не более». Собака остановилась, как будто ослепла, начала беспомощно оглядываться, не видя разведчика – она потеряла объект.

В дальнейшем Коржибски не раз использовал эту необычную методику, сходную с системой гипноза великого Вольфа Мессинга, проходившего в любое секретное заведение без пропуска. Коржибски переключал свои мысли на другое – буквальное, лишенное эмоций, и тем самым устранял самого себя из реального видения. Так родилось нейролингвистическое программирование личности.

В 1916 году после ранения Коржибски переехал в Канаду, потом в США, где координировал поставки артиллерии на фронт. Там он встретил немало поляков-эмигрантов, которым читал лекции о войне и положении в мире, предлагал облигации военных займов и немало поднаторел в коммерции. Коржибски был исключительно умен и понял, как сможет в дальнейшем развить свою теорию и опробовать её на практике. Поэтому по окончании войны он решил остаться в США. Но принял американское гражданство только в 1940 году.



Альфред Коржибски воспитал плеяду нейролингвистов из разных стран мира

В своей первой книге «Manhood of Humanity» («Зрелость человечества»), опубликованной в 1921 году, Коржибски подробно описал новую теорию мирового сообщества – класса жизни, способного развиваться, основываясь на аккумулированных другими знаниях. В этом виделись и постмодернизм, и некое синтетическое сообщество – всё то, что придет позднее. Коржибски основал общую семантику – новую дисциплину, утверждавшую, что человеческое познание ограничено. Препятствием к познанию становятся и сложная структура нервной системы человека, и условность его языка. Человечество не может переживать мир напрямую, поэтому получает лишь абстракцию – сведения от своей нервной системы и некую вербальную информацию. Это создает иллюзию – зрительный, эмоциональный и вербальный обман. Факты обманчивы и зачастую не получают должной оценки.

При всем новаторстве Коржибски у его теории много общего с воззрениями Рене Декарта, утверждавшего, что люди никогда не получают верной информации от своих зрительных и

эмоциональных образов: истинные предметы и ситуации выглядят совершенно иначе, нежели человеческое видение – мы получаем лишь искаженную проекцию. Подобно Декарту, Коржибски обращал внимание на то, что следует более осознанно и ответственно подходить к вопросу несоответствия нашего восприятия, наших точек зрения и идей и самой реальности как она есть.

В 1938 году Коржибски основал Институт общей семантики (Institute of General Semantics) и руководил им до самой смерти. Он умер 1 марта 1950 года.

Мало кто знает о том, что Коржибски воспитал плеяду нейролингвистов из разных стран мира. Одним из них был доктор Дуглас Келли, изучавший психологию нацистских преступников в Нюрнберге. Вторым – известный математик и лингвист Ричард Монтегю. Третьим – Милтон Эриксон, американский психиатр и один из самых талантливых психотерапевтов XX века, основатель «мягкого гипноза». Четвертым – российский разведчик, историк и педагог Юрий Иванов, писавший о формировании общественных организаций и их воздействии на массовое сознание. Трое из них погибли при невыясненных до сих пор обстоятельствах.

Возможно, Коржибски был первым человеком в мире, осознавшим, что наступила иная цивилизация – коллективная, массовая и легко поддающаяся воздействию чужого сознания. Причем не в теории, как у Декарта, а на практике. Коржибски сумел распорядиться своими знаниями и возможностями в полной мере – во всяком случае, в той мере, которую нам предоставляет судьба.

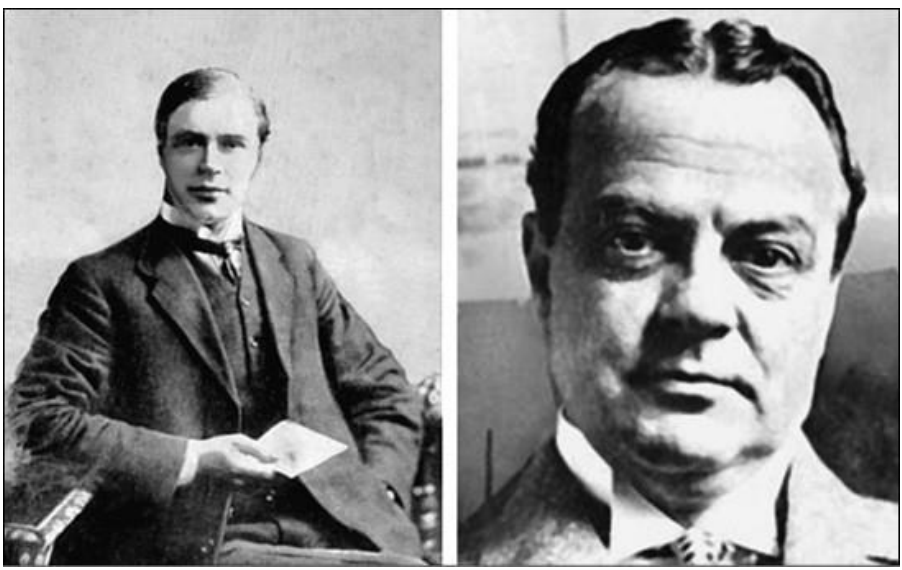
Хмурое утро после войны

Послевоенная история всегда полна тайн и загадок. Освободившись от тягот военного времени и дипломатических страстей, политики вздыхают с облегчением и стремятся наверстать упущенное, погружаясь в коррупцию и интриги. Так было и после Первой мировой войны, когда британские государственные деятели ощутили призыв нового времени: «Жизнь продолжается». А живущая воспоминаниями Европа видит лишь масштабные фигуры мировой политики: президента Вильсона, Ллойд Джорджа, Клемансо – тех, кто управлял историей. И не видит тех, кто пытался в послевоенное время контролировать события и взывать к честности и справедливости. Одним из таких незаметных людей, ищущих правду, стал депутат Лейбористской партии Виктор Грейсон.

Исчезновение Виктора Грейсона

В субботу 28 сентября 1920 года британский политик Виктор Грейсон пригласил в гости своих близких друзей. Легкая выпивка, закуски, разговор об искусстве, о жизни, о будущем. О политике – ни слова. Грейсон был весел, он отвлекся ненадолго от своих жизненных забот. С некоторых пор он испытывал напряжение и давление сверху. Но бывает такое качество характера – «беспокойство», и остановиться в своем расследовании он уже не мог.

Лишь такие недолгие мгновения пребывания с товарищами снимали напряжение. А это был обычный субботний вечер, когда хочется отвлечься от страстей и от того, что неумолимо преследовало Грейсона – его расследование.



Грейсон неоднократно заявлял, что находится в курсе афер Грегори (фото справа) и его покровителей

Незадолго до этого вечера, выступая перед публикой, он сказал, что знает о политическом заговоре в верхах, ему известны все имена участников заговора и скоро он их обнародует.

9.15 вечера. Телефонный звонок отвлек от непринужденного разговора. Виктор Грейсон извинился перед гостями: он вынужден откланяться и отлучиться ненадолго.

9.20 вечера. Друзья обеспокоены и спрашивают, куда он направляется и с какой целью. Грейсон признается, что его ждут неподалеку, в отеле, по важному делу. Он не вернулся, и никто

больше не видел его ни живым, ни мертвым. Никогда.

Характеристика

Альберт Виктор Грейсон – уроженец Ливерпуля, 1881 года рождения; политически активен, тяготеет к социализму и социальной справедливости; член Независимой Лейбористской партии; пристрастие к алкоголю и эмоциональная неуравновешенность; имеет склонность к политической агитации и ораторству; победил на выборах в Парламент в 1907 году.

Заметим: вскоре он стал пить, пропускал заседания, ушел из Парламента. Британский Парламент (да и любой парламент) – это собрание холодных и хладнокровных людей, покрытых политикой, как броненосец – чешуёй. Виктор Грейсон испытывал напряжение, его эмоциональный склад и правдолюбивое беспокойство этого давления не выдерживали. Пристрастие к алкоголю и эмоциональная неуравновешенность присущи честным натурам, не справляющимся с фарисейской манерой поведения в верхах и химерической сущностью политики. Ему было тошно среди этих тузов. Но можно ли винить за это Виктора Грейсона? Кто-то скажет: а зачем он в эту большую политику полез? неужели нельзя было найти себе иное занятие? Видимо, нельзя. Никому не дано уйти от своего предназначения и от своей судьбы. А Грейсон был разоблачителем и правдолюбом по призванию.

После войны ничего не изменилось, он продолжал собирать публику и начал собственное расследование коррупции в верхах. В центре его расследования оказались крупнейшие фигуры мировой политики, даже Ллойд Джордж – один из победителей прошедшей войны и правителей мира. Его Грейсон подозревал в коррупции, присвоении денег, торговле должностями и титулами. Торговал, конечно, не сам публичный премьер, а его правая рука – крупнейший государственный аферист Монди Грегори.

Характеристика

Монди Грегори – бывший театральный агент, сотрудник британской разведки, участник политических скандалов; заработал на махинациях с должностями более 465 миллионов фунтов стерлингов.

Инспектор Скотланд-Ярда Артур Эскью с неприязнью вспоминал этого щеголеватого господина 56 лет с наспех

сочиненной биографией и восемью британскими королями в родословной: «Его считали в Лондоне самой влиятельной персоной, но это был типичный серый кардинал – о его существовании большинство британцев даже не подозревали. Но всяких слухов ходило полно: некоторые, к примеру, думали, что он один из руководителей английской разведки, а другие считали, что он член королевской семьи. А уж как он был богат, об этом вообще молчу!»

Спустя много лет вышедший в отставку инспектор Эскью добавил к сказанному: «В своей жизни я повидал немало негодяев, но никто из них не вызывал во мне большей неприязни, нежели Монди Грегори. Все в нем было фальшью. Он был дорого одет, но в остальном ощущалась какая-то помпезная пошлость – в волосах слишком много бриолина, на пальцах слишком много перстней. Один из них – перстень с зеленым скарабеем – раньше принадлежал самому Оскару Уайльду. По крайней мере, он так говорил. Увидев этого типа, я сказал себе: “Если я что-то понимаю в мошенниках, то передо мной точно один из них”».

* * *

В кабинете Эскью высокопоставленный мошенник Грегори появился 3 февраля 1933 года, уже после загадочного исчезновения Виктора Грейсона. Теперь серому кардиналу Ллойд Джорджа никто не мешал.

Конечно, Грейсона убили. Он ведь неоднократно заявлял, что находится в курсе афер Грегори и его покровителей, угрожал разоблачением. После этих заявлений Грейсона избили на улице нанятые агенты. Его это не остановило.

Впоследствии выяснилось, что Виктор Грейсон в тот вечер, 28 сентября, соврал своим товарищам: не в отель он пошел, а прямо в логово врага – в дом Монди Грегори.

Глупость? Может быть. Шаг отчаянья? Возможно. Но возможно и иное: была какая-то веская причина, заставившая Грейсона покинуть друзей и отправиться навстречу опасности. Его на это спровоцировали.

Информация поступила от художника Джорджа Флемвелла: он узнал Виктора Грейсона, поскольку еще до войны писал его портрет. Художник оказался последним, кто видел Грейсона живым, но Грейсон его не видел: он как раз входил в дом Грегори. Художник дал показания в полиции. Однако обыск дома Грегори ничего не дал – никаких следов пребывания Грейсона.

Эта история бесследного исчезновения стала одной самых

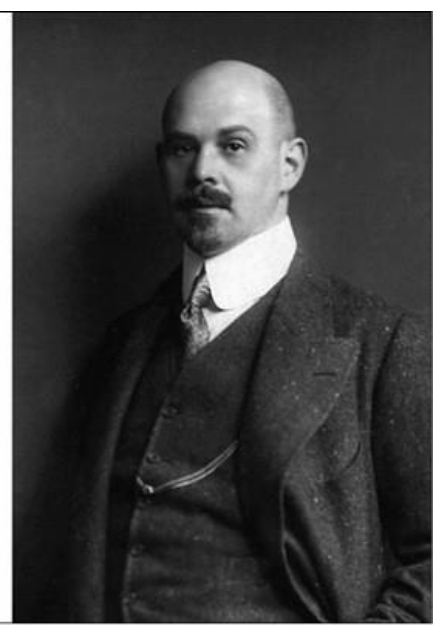
ярких загадок XX века. Впрочем, долгое время обстоятельства дела замалчивались: слишком важные фигуры государства оказались замешаны в этом скандале. Имя Виктора Грейсона постепенно было предано забвению. Думается, это несправедливо, потому что внутреннее беспокойство и стремление к правде – самые лучшие качества человека.

Покушение на Вальтера Ратенау

Министр иностранных дел Германии Вальтер Ратенау был убит утром 24 июня 1922 года. По словам самого именитого конспиролога Джона Коулмана, он был убит за то, «что имел смелость открыто заговорить о тайных властителях из Комитета 300» – т. е. о тех правителях, которые после войны сидели наверху, ведали геополитикой и финансами всего мира, проворачивали свои личные дела и отнюдь не жаждали огласки. Это связано и с менее громким делом об исчезновении Виктора Грейсона: правдолюбивый бедняга просто подвернулся им под руку, а на кону были большие деньги, которые обеспечивал серый кардинал Монди Грегори.

С Вальтером Ратенау дело замять не получилось: он уже был министром с февраля 1922 года и успел подписать советско-германский договор в Рапалло.

Ратенау был убит в Грюневальде гранатой и выстрелами из пистолета-пулемета, после чего скончался от ран в госпитале. Полиция арестовала трех боевиков правого толка из радикальной группировки «Консул», которые утверждали, что причиной покушения стали условия Раппальского договора с Россией и еврейские корни Ратенау. В это бредовое заявление не верил ни один здравомыслящий человек, но именно оно стало официальной версией.



Покушение на Вальтера Ратенау 24 июня 1922 г.

Коулман пишет, что Вальтера Ратенау убили, потому что он «был хорошо осведомленным человеком», знал о Комитете 300, а также «играл ключевую роль в переговорах, которые привели к заключению 16 апреля 1922 года Раппальского договора, урегулировавшего отношения между Россией и Германией. Он был тем самым министром иностранных дел Германии, который обсуждал этот вопрос с русским комиссаром по иностранным делам и бывшим сотрудником царского Министерства иностранных дел Георгием Чичериным». По словам Коулмана, главными противниками этого договора были союзники – англичане, французы, американцы. Причина – решение Германии и России списать друг другу все долги. России был выдан кредит. «Комитет 300 не одобрил далеко идущих результатов договора. По существу, Германия обвела вокруг пальца Великобританию и Францию, разрушив их планы торговли с Россией».

После этого Ратенау неоднократно предлагал странам-союзницам Антанты заключить экономические соглашения на основе новых реалий. В сущности, он пытался спасти экономику Германии и её ресурсы, т. е. предотвратить следующую мировую войну. Все его инициативы были отвергнуты, а Великобритания обложила импортируемые из Германии товары налогом в 26 % и отобрала большую часть промышленных ресурсов, транспорта и заводского оборудования. Отрезанная от мировых кредитных рынков Германия потеряла 75 % своих железорудных месторождений. Франция и Великобритания ходатайствовали об отмене договора в Рапалло, а через два месяца Вальтер Ратенау был убит, оставив 12 книг, дневники, 4 тома писем. Он принципиально отказывался от телохранителей, полагаясь на свою историческую судьбу.

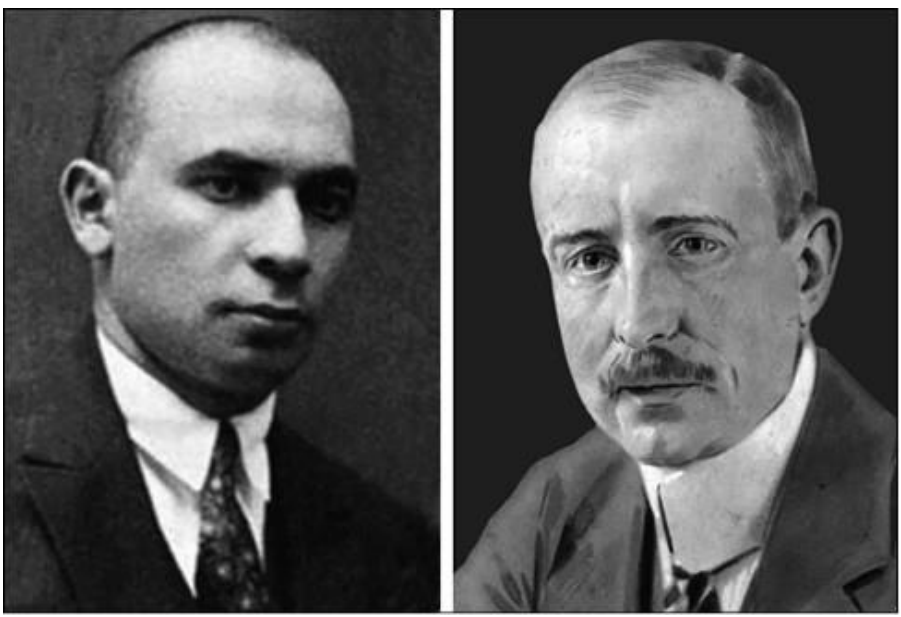
Проще всего было списать убийство на трех боевиков-нацистов, а еще проще – нанять этих троих, которым в Германии того времени ничто не угрожало.

Мирбах и авантюристы

6 июля 1918 года в здании германского посольства в доме 5 в Денежном переулке прогремели выстрелы и взрыв. Был убит посол Германии Вильгельм Мирбах.

4 июля Мирбах, пришедший в Большой театр на V съезд советов, подвергся обструкции левых эсеров, скандировавших «Долой Мирбаха!» Верховное собрание страны оказалось во власти левых эсеров, которых в то время поддерживало большинство населения в стране. Выступивший на съезде создатель партии левых эсеров и яростный противник Брестского мира Борис Камков заявил, что правительство играет роль лакея перед германскими империалистами, которые осмеливаются присутствовать в зале.

А через два дня в четверть третьего в дверь посольства позвонили двое, и один из них по-немецки сказал, что им нужно к послу по важному делу. По-немецки объяснялся юный, но уже очень знаменитый Яков Блюмкин, личность страшная, но яркая и незаурядная. Его молчаливого товарища звали Николай Андреев, и он работал в ВЧК фотографом у Блюмкина. При этом Андрееву было на тот момент 28 лет, а Блюмкину всего 19.



Яков Блюмкин и его жертва – посол Вильгельм фон Мирбах

С собой у них имелся мандат ВЧК с двумя подделанными

подписями (Дзержинского и Ксенофонтова) и подлинной печатью, которую Блюмкину поставил помощник Дзержинского Вячеслав Александрович. Говорят, у Александровича имелись все ключи от кабинета и шкафов Дзержинского, и он завел Блюмкина в кабинет, поставил ему печать, потом ненароком заглянул за ширму в углу, а там «железный Феликс» спит. Так ли оно было или иначе, но Александрович дал убийцам еще и автомобиль.

В посольстве их встретили советник Карл Рицлер и военный атташе Леонард Мюллер. Блюмкин заявил, что дело к послу личное. Появился Мирбах, и они сели за стол в маленькой гостиной. Блюмкин сообщил послу заранее заготовленную информацию – что за шпионаж задержан его родственник Роберт Мирбах. Посол ответил, что его это совершенно не интересует. Рицлер, почуяв неладное, заволновался. Он предложил прекратить встречу, а на все вопросы ответить письменно. Тут Андреев бросил кодовую фразу: «Видимо, господину графу интересно знать, какие меры могут быть приняты с нашей стороны?» Блюмкин выхватил из портфеля браунинг и стал стрелять, но не попал в присутствующих. Рицлер и Мюллер бросились под стол, а Мирбах выбежал из гостиной. Андреев бросил ему вслед бомбу, которая не взорвалась. Тогда фотограф кинулся за послом и ударил его по голове, а Блюмкин схватил бомбу и снова бросил в Мирбаха. Прогремел взрыв. Андреев и Блюмкин выбежали в сад и полезли через ограду. Блюмкина ранили в ногу, но он смог добраться до автомобиля. Убийцы скрылись в особняке Морозовых в Трехсветительском переулке, где был размещен кавалерийский отряд ВЧК, состоявший из эсеров. Им командовал член ВЦИК, бывший моряк-балтиец Попов.

Со слов Луначарского известно, как отреагировал на сообщение об убийстве Мирбаха Ленин: «Искать. Хорошо искать. Искать и… не найти».

Дзержинский, напротив, взял трех телохранителей и помчался в Трехсветительский переулок, где потребовал от Попова выдачи преступников. Вместо этого его охрану разоружили, а он сам был арестован.

Поскольку убийство Мирбаха было сигналом к восстанию, эсеры захватили телеграф и телефонную станцию, а потом поехали агитировать военные части. Председатель реввоенсовета Троцкий немедленно вызвал из пригорода два отряда латышских стрелков с броневиками и артиллерией, и они обстреляли штаб в Трехсветительском переулке. К концу 7 июля с мятежом было покончено, а все его руководители арестованы.

Но самым удивительным было то, что убийц действительно не искали. Их заочно приговорили к 3 годам тюрьмы и забыли о

них. А вот поставившего им печать Александровича расстреляли. Поскольку подделка печати была менее тяжким грехом, чем убийство, ему приписали и арест Дзержинского, его начальника. Газеты сообщали, что Александрович бежал с крупной суммой казенных денег и укрылся в Трехсветительском переулке, где по приказу Попова арестовал главу ВЧК. Самого Попова, находившегося на бюллетене, тоже вызвал туда Александрович, и вообще Александрович был «главным организатором мятежа эсеров». Но были и те, кто утверждал, что Александровича расстреляли вовсе не поэтому: просто он много знал – например, что убийство Мирбаха выгодно в первую очередь вовсе не эсерам, а большевикам. Потому-то и Ленин и говорил «искать…и не найти».

Возникает парадокс: российская революция, устроенная на германские деньги, опасается и ненавидит германского посла. Какая выгода в его устранении? Но есть письмо самого Мирбаха из Москвы: «За два месяца очень внимательных наблюдений я не могу более положительно оценивать большевиков. Постоянные удары по нашим интересам можно было бы использовать как предлог для военного выступления в любой удобный для нас момент».

Очевидно, германцы рассчитывали на другой ход событий: они спровоцируют русскую революцию, она начнет набирать обороты, Николай II обратится к Германии за помощью, и тогда можно будет диктовать России свои условия и распространить на неё свое влияние. Никто не ожидал, что император отречется от престола, а революция победит.

В свою очередь, левые эсеры считали, что заключение договора с Германией – это отказ от мировой революции и соглашательство с буржуазией. Большевики хотели покончить и с германским влиянием, и с эсерами, но сделать это, не испачкав рук. Посол Мирбах идеально подходил на роль жертвы, он оказался никому не нужен, и от него избавились.

Для этого понадобился эсер Блюмкин – прирожденный ликвидатор и мистификатор. Кстати, слово «эсер» настолько прилипло к нему, что стало употребляться вместо имени.

После убийства Мирбаха Блюмкин какое-то время скрывался в украинских городах и селах, где намеревался совершить покушение на гетмана Скоропадского, пока не пришли петлюровцы и не избили его до полусмерти. Он подлечился, вернулся и довольно быстро стал ценным сотрудником советской разведки ИНО, работал под легендой в Иране и Турции, даже путешествовал под прикрытием экспедиции Рериха. Блюмкин оказался опытным лицедеем и неглупым человеком, но и его

ждал один конец. Из-за связей с Троцким Блюмкина расстреляли 3 ноября 1929 года.

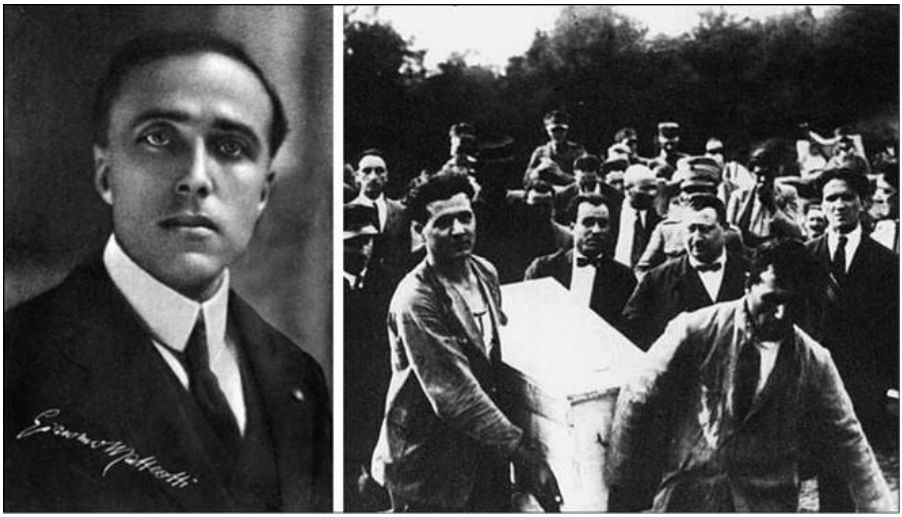
У фотографа Андреева оказалась более скучная судьба: отправившись с Блюмкиным в Украину, он тоже строил планы убийства Скоропадского, но потом ушел с отрядами батьки Махно и через полгода умер в Одессе от сыпного тифа.

Похищение Джакомо Маттеотти

Политика – дело темное, а послевоенная – вдвойне. Здесь открываются невиданные ранее перспективы в борьбе за власть. Одной из жертв борьбы стал итальянский социалист Джакомо Маттеотти, осмелившийся обвинить фашистскую партию Италии в мошенничестве и шантаже при проведении выборов. Через 11 дней он был похищен и убит.

Он родился в Фратта Полесине провинции Ровиго в обеспеченной семье, изучал право в Болонском университете. Убежденный атеист и активист социалистического движения, Маттеотти энергично выступал против вступления Италии в Первую мировую войну и за это был интернирован в Сицилию. После войны трижды избирался в парламент – в 1919, 1921 и 1924 годах. В октябре 1922 года Маттеотти вместе с другими реформистами был исключен из Итальянской социалистической партии и участвовал в основании Унитарной социалистической партии. Он открыто бросал вызов фашистской фракции Муссолини и являлся лидером оппозиции. В 1921 году Маттеотти опубликовал брошюру под названием Inchiesta socialista sulle gesta dei fascisti in Italia («Расследования социалистами “подвигов” итальянских фашистов»).

После войны события развивались стремительно. В марте 1919 года Муссолини учреждал фашистские организации и союзы. В январе 1922 года на Конгрессе социалистических партий в Ливорно некоторые депутаты вышли из их состава и создали Коммунистическую партию. 28 октября 1922 года Муссолини стал главой правительства.



Джакомо Маттеотти в глазах оппозиционных режиму итальянцев стал символом мученичества

В апреле 1924-го состоялись выборы в парламент. А 30 мая на заседании новой палаты депутатов Джакомо Маттеотти произнес гневную речь о воздействии профашистской полиции на избирателей, о подтасовке голосов и о том, что все члены счетных комиссий входят в фашистскую партию. Его неоднократно прерывали злобными выкриками, а Муссолини сидел молча, бросая на оратора мрачные взгляды. Трагедия Маттеотти заключалась еще и в том, что на этом заседании он был фактически один: никто не решился высказаться или продолжить его речь. Уже в коридоре соратники-социалисты льстиво восхищались его смелостью, но эту пустоту вокруг себя он не мог не ощутить и был раздражён.

10 июня Маттеотти вышел из своего дома на набережной и сразу увидел этот автомобиль. В нем весело и нахально переговаривались несколько парней. Они повернули прямо к нему и остановились в ожидании. Едва он успел сделать несколько шагов, как его схватили и затолкали в машину. Маттеотти отчаянно сопротивлялся. А дальше он исчез, исчез бесследно, однако никто уже не сомневался, что его нет в живых.

Приказ об убийстве исходил от группировки Муссолини, окопавшейся в его правительстве – секретаря администрации фашистов Джованни Маринелли и начальника отдела печати Чезаре Росси. Следователи сразу поняли, что исполнение преступления – дело рук боевиков бандитской группировки Америго Думини – Альбино Вольпи, Аэто Путато, Джузеппе Виоло, Амлето Поверомо, Аугусто Малакрия и Филиппо Панцери, за которыми стояли Муссолини и его партия.

Думини был арестован и уверенно пел дифирамбы Муссолини и его уму, надеясь на благодушие следствия и помощь премьер-министра. Он очень удивился, когда этого не произошло. Дело в том, что похищение депутата Маттеотти оказалось настолько громкой и беспардонной акцией, что общество восстало и раскололось. На всех улицах клеймили фашизм, газеты выпускали гневные статьи, сам Муссолини пребывал в безмолвии, а сыщики, воспользовавшись моментом, спешно задерживали подозреваемых, не считаясь с мнением премьер-министра и его партии. Они смогли арестовать даже «неприкосновенных» заказчиков – Маринелли и Росси.

Директор «Карьере Италиано» Филиппо Филипелли также был арестован в числе причастных к делу лиц, но, оказавшись в тюрьме, сразу стал давать показания – не из трусости, а от возмущения жестоким убийством. Филипелли устроили очную ставку с Думини, но это его не смутило и не испугало. Он сообщил комиссару, что накануне, 9 июня, он предоставил заговорщикам автомобиль из гаража Треви, не зная их намерений. На следующий день к нему пришли Амириго Думини и Аэто Путато, и Думини сказал: «Сегодня случилась неприятная история. Нужно из неё выкручиваться. Маттеотти подох. Муссолини дал нам понять, что хорошо бы его как следует проучить за выступление 30 мая. И вот мы сегодня по заданию Маринелли и Росси украли его». Потом Думини признался Филипелли, что они украли Маттеотти у самого дома, он кричал, сопротивлялся, и они там же, в машине, прикончили его. Главарь добавил: «Нужно уничтожить машину, в ней заднее сидение залито кровью». Это настолько шокировало Филипелли, что он рад был избавиться от столь тяжкой ноши в кабинете следователя, не обращая внимания на взбешенного Думини, пытавшегося его запугать.

После гибели Маттеотти в стране разразился парламентский кризис. Это была последняя битва против фашизма, и в ней, помимо Маттеотти, имелись другие жертвы – 38-летний священник Джованни Минцони, 44-летний депутат Джованни Амендола, 24-летний журналист Пьеро Габетти. Их всех за смелые высказывания подстерегали на улице фашистские банды и забивали до смерти. Таковы были методы новой власти Италии.

Но было в этом деле ещё одно обстоятельство. Позиция короля Виктора Эммануила III казалась в расследовании осторожной и зависимой. Он словно боялся сделать лишний шаг. К нему обращались по поводу этого наглого убийства, а он невпопад принимался рассуждать об охоте и куропатках, порой напоминая слабоумного. Но слабоумным король не был. Он и его

семья давно уже были замешаны в махинации с нефтью, а Маттеотти в своих расследованиях коррупции зашел слишком далеко. Виктору Эммануилу III смерть Маттеотти была так же нужна, как и фашистам. Король безоговорочно принял Муссолини и позволил ему распоряжаться в своей стране, ведь Муссолини тоже был в курсе нефтяных дел королевского семейства.

* * *

Тело Джакомо Маттеотти нашли только 16 августа 1924 года – через два месяца после убийства, когда состоянию останков уже трудно было производить дознание. Бандиты закопали депутата в лесополосе возле Риано, в 20 милях от Рима, где его и обнаружила собака местного сторожа. К тому моменту Муссолини и его партия уже справились со своей растерянностью, и участь Италии была предрешена. Оппозиционно настроенные жители Италии называли Маттеотти мучеником, но их голоса звучали всё тише.

Удрученный происходящим генерал Танкреди попросил освободить его от ведения дела. Непосредственные исполнители убийства уже находились в тюрьме, но через два года вышли на свободу.

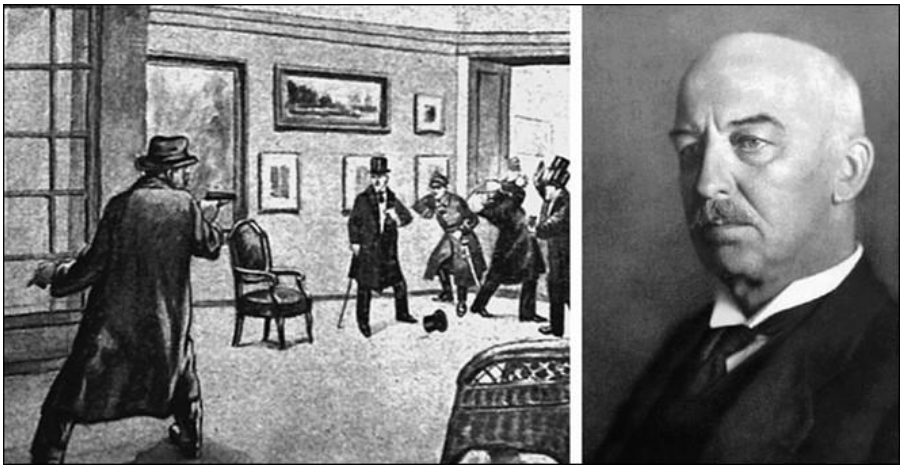
Пять дней президента

Сказанные ранее слова о политике и власти после войны к первому президенту Польши Габриэлю Нарутовичу относятся в полной мере. Это был самый недолговременный из всех мировых правителей, если не принимать в расчёт однодневное правление российского императора Михаила Романова в 1918 году. По сравнению с русским великим князем Нарутовичу довелось править целых пять дней – с 11 по 16 декабря 1922 года. Его убийство выглядело театрально, тем более что убийцей оказался художник.

16 декабря 1922 года Нарутович присутствовал на вернисаже в варшавской галерее живописи «Захента». Там же оказался правый радикал Элигиуш Невядомский, художник-модернист и искусствовед, который вдруг выхватил оружие и тремя выстрелами убил только что избранного президента. Через месяц, 31 января 1923 года, в 7.19 утра Невядомского расстреляли. Перед этим он на суде сам потребовал для себя смертной казни и заявил, что раньше хотел убить Юзефа Пилсудского, но, когда тот передал власть Нарутовичу, решил избрать другую мишень.

Похороны преступника были публичными и собрали 10 тысяч человек, что говорит о либерализме польских законов. Правые провозгласили его мучеником. Президенту поставили памятник. Но вопросы остались.

За что и почему убили Нарутовича? Этот мужчина был уже немолод – ему под 60. Профессор из Цюриха, гидроинженер, интеллигентное лицо, задумчивый взгляд серых глаз. Как президент он ещё ничего не успел сделать. Два года был министром общественных работ, ещё полгода – министром иностранных дел, потом он стал президентом. Власть ему передал глава государства Юзеф Пилсудский – на пять дней. Дальше будут правительственный кризис в стране, майский переворот 1926 года, и – диктатура Пилсудского. Настал момент задать вопрос: кому это выгодно?



Покушение на президента Нарутовича в варшавской галерее «Захента» 16 декабря 1922 г.

Нарутович был ставленник левых – по сути, интернационала поляков, украинцев, литовцев, евреев. Националистам никогда не нравились интеллигенты, особенно те, которых поддерживают левые силы.

Разумеется, период с 1916 по 1922 год – это эпоха террора, причем очень часто – личного и стихийного. Социалисты и анархисты, студенты и поэты приходили в рестораны, театры, выставочные залы и, не колеблясь ни минуты, палили в ненавистную мишень – австрийского премьера фон Штюрка, советского дипломата Воровского, польского президента Нарутовича. И это далеко не полный список.

Но все они действовали по внезапному порыву, что случается с людьми в 20–25 лет. Убийце Нарутовича Элигиушу Невядомскому – 53: он всего на четыре года младше своей жертвы. В таком возрасте надо иметь большие основания для преступления.

Выходец из старинной дворянской семьи, Невядомский учился в Петербургской Императорской Академии Художеств, которую закончил с золотой медалью в 1894 году. Судя по всему, он принадлежал к плеяде неоромантиков, потому что его дипломной картиной были «Кентавры в лесу». Учась в академии, Элигиуш получил 2 малые серебряные медали и 2 годичные поощрительные 300-рублёвые стипендии. В середине 1890-х он учился в Париже. Вернувшись в Варшаву, стал успешным художественным критиком и с 1897 года преподавал рисование в Политехнической школе. Его интересовала европейская школа живописи, и Невядомский создавал в Варшаве Школу изящных искусств. Он преподавал в художественных школах, читал лекции

в провинции, увлекся Татрами и лазил по горам, составляя карты, написал несколько научных работ по истории искусства и иконографии. Одна называлась претенциозно – «Польская живопись XIX–XX столетий». В XX столетии автору предстояло прожить только 23 года.

После начала Первой мировой войны он преподавал историю живописи, рисовал портреты и художественные композиции. 1 марта 1918 года его назначили заведующим отделением живописи и скульптуры во временном правительстве оккупированного немцами королевства Польского.

Возникает законный вопрос: зачем при такой благополучной биографии и насыщенной творческой деятельности 53-летнему профессору вдруг понадобилось выхватывать револьвер и стрелять в президента страны? Второй вопрос логически следует за первым: кто стоял за Элигиушем Невядомским и в нужный момент подтолкнул его к этому шагу? Возможно, именно тому, из чьих рук Нарутович получил власть.

Убийство полковника Перацкого

15 июня 1934 года министр внутренних дел полковник Войска Польского Бронислав Перацкий пришел в варшавский ресторан «Товарищеский клуб». Охрану он заранее отпустил. К полковнику приблизился украинский террорист Григорий Мацейко и хотел взорвать бомбу, но взрыва не произошло. Мацейко смертельно ранил Перацкого несколькими выстрелами и сбежал. Он умер в Аргентине в 1966 году.

Бронислав Перацкий, сообщение о покушении и его убийца Григорий Мацейко

Имена убийц все знали. Мацейко был исполнителем, организатором – националист Микола Лебедь, а заказчиком – Степан Бандера, краевой проводник, отдавший приказ об устранении. Мотив преступления был связан с деятельностью Перацкого на посту министра внутренних дел.

Характеристика

Когда в 1917 году Россия признала Польшу независимой, Бронислав Перацкий отказался присягать императору Вильгельму II и был разжалован. В 1918–1919 годах он стал участником польско-украинской войны в Львове.

Он был сторонником Пилсудского и в мае 1926 года вместе с ним совершил переворот. В годы «майской диктатуры» был начальником Генштаба. В 1934 году стал министром внутренних дел и сразу начал борьбу с радикальными националистами и их подпольем. Перацкий пытался внушить населению антивоенные

настроения, занимаясь при этом арестом членов ОУН – украинских националистов. Мероприятия Перацкого затронули 450 сёл. Всего было арестовано 1739 человек. Это угрожало существованию ОУН.

Именно тогда Степан Бандера и отдал приказ убить Перацкого.

* * *

На Варшавском процессе 1935–1936 годов по делу о покушении на Перацкого предстал весь цвет украинского националистического подполья: Степан Бандера, Ярослав Карпинец, Евгений Качмарский, Николай Климишин, Николай Лебедь, Иван Малюца, Роман Мигаль, Богдан Подгайный, Ярослав Рак, Яков Чёрный и две девушки – Дарья Гнаткивская и Катерина Зарицкая.

Дарья вместе с Миколой Лебедем организовала слежку за Перацким, чтобы установить его рабочий график. Она получила 15 лет заключения. Позднее Дарья эмигрировала в США к боевому другу Лебедю и умерла там в 1989 году.

Зарицкая не шпионила за Перацким и не спускала курок, но тоже участвовала в деле, поэтому получила 8 лет. Отсидела всего 4 года. В 1939 году она обвенчалась со своим единомышленником Михаилом Сорокой. Когда в марте 1940 года её арестовало НКВД по обвинению в сотрудничестве с националистами, она была уже на пятом месяце беременности. Её сын Богдан родился в тюрьме и рос в семье дедушки-математика. В июне 1941 года Зарицкая сбежала и стала главой женского подразделения ОУН-УПА. Националист Роман Шухевич сделал её своей связной. В сентябре 1947 года она была арестована НКВД и во время задержания застрелила оперативника. Теперь от смерти её могло спасти только сотрудничество со следствием. И она стала сотрудничать – назвала все тайные квартиры Шухевича, о которых знала, всех связных своего командира, сообщила адреса 105 явок боевиков УПА. Было арестовано 93 человека, а 14 завербовано в качестве осведомителей НКВД. Зарицкую приговорили к 25 годам заключения, а в сентябре 1972 года освободили без права поселения в Западной Украине. Она жила в Хмельницкой области и умерла в 1986 году.

Сын Зарицкой, ставший художником, заведовал кафедрой промышленной графики Львовской Академии искусств.

* * *

В 1936 году Варшавский суд приговорил Бандеру, Лебедя и Карпинца к смертной казни. Но в это время умер Пилсудский, и по амнистии смертный приговор заменили пожизненным заключением. Н. Климишин и Б. Пидгайный тоже были осуждены пожизненно, Р. Мигаль и Я. Чорний – на 12 лет, а Я. Рак и Е. Качмарский – на 7 лет. Все они вышли из заключения в 1939 году, после нападения Германии на Польшу, но судьба их сложилась по-разному. Лебедь эмигрировал в США. Карпинец сражался и погиб в боях с Красной армией в 1944 году. Качмарский служил при нацистах заместителем комиссара райотдела украинской полиции в Львове и умер от туберкулёза в 1942 году. А Степан Бандера прошел извилистый путь, в котором было всё – от борьбы с Советской армией в годы войны до пребывания в лагере Заксенхаузен на территории Рейха. 15 октября 1959 года Бандеру убил в Мюнхене агент КГБ Богдан Сташинский при помощи шприца-пистолета, начинённого ядом – через четверть века после смерти Бронислава Перацкого.

Тайна фермы Хинтеркайфек

В послевоенной Германии царили пораженческие настроения и горький привкус поражения. В страну возвращались «седые мальчики», как их назвал писатель Ремарк: те самые наглотавшиеся газов и прошедшие фронт солдаты, ушедшие на войну прямо со школьного плаца и умеющие только убивать. Они вливались в тусклую массу безработных, ставшую впоследствии благодатной почвой для набиравшего силу национал-социализма.

События, о которых пойдет речь, произошли на юге Германии – в консервативной баварской глухомани возле городка Шробенхаузен, где о прошедшей войне не особо вспоминали, предпочитая увеличивать поголовье крупного рогатого скота.

Хутор Хинтеркайфек считался крупной и зажиточной фермой, но счастливыми его обитателей едва ли назовёшь. Во всей округе о ферме ходили нехорошие слухи, и без особой причины туда предпочитали не заглядывать.

К 1914 году отец семейства, 58-летний Андреас Грубер был женат на женщине почти на девять лет старше него: на тот момент его супруге Цецилии было 67 лет. Очевидно, поэтому он предпочитал общество своей 27-летней дочери, с которой вступил в кровосмесительную связь. Соседи считали семью греховной, но не вмешивались, зная агрессивный нрав хозяина хутора. Цецилия не обращала на это внимания, а дочь Виктория с 16 лет покорно сносила домогательства дебошира-отца, возносила Богу молитвы и пела в церковном хоре. О своих несчастьях она рассказала священнику на исповеди, а он поведал об этом другим, поэтому неприятная тайна семейства Груберов стала известна всем. 28 мая 1915 года в Нойберге состоялся закрытый судебный процесс. Грубера приговорили к году каторжных работ за кровосмешение, а его дочь к месяцу тюрьмы, но через год ничего не изменилось, и Груберы продолжали жить как жили раньше. Их жизнь ненадолго изменилась лишь перед войной, когда Виктория вышла замуж за Карла Габриэля. Теперь владельцами хутора считались молодые супруги Габриэль, причём Виктория имела две трети, а Карл одну треть. Никакой любви между ними не было, Карл презирал бессловесную супругу, зная о её связи с отцом, он тяготился своим пребыванием в этом семействе, а потом и вовсе ушёл на фронт добровольцем. Там он и погиб, о чём Виктория узнала, уже будучи беременной. У неё родилась дочь, которую в честь бубушки назвали Цецилией.

В полукилометре от Груберов жили Шлиттенбауэры – муж и жена. Лоренц Шлиттенбауэр, местный общественник и

авторитетная личность, в 1918 году стал вдовцом, а через две недели после похорон у него начался роман с Викторией. Через некоторое время выяснилось, что Виктория вновь ждёт ребёнка, и, пока все сплетничали о том, кто же настоящий отец, Шлиттенбауэр предложил пожениться и пошёл к Груберу просить руки его дочери. Такой брак с уважаемым человеком мог даже польстить Груберам. Виктории удалось бы уйти из дома к мужу и стать хозяйкой на его ферме, а Лоренц Шлиттенбауэр получил бы тысячу марок приданого, как отступные за признание отцовства. Но папаша Грубер не на шутку разозлился. Он грубо прогнал соседа, добавив, что его дочери и так есть с кем понежничать. Шлиттенбауэр был оскорблён.

В июле 1919 года у Виктории родился сын Йозеф, а 13 сентября Андреаса Грубера вновь арестовали и выпустили только после того, как Шлиттенбауэр признал отцовство. Не будучи женатым на Виктории, он теперь должен был платить ей алименты до совершеннолетия ребёнка.

Первый сигнал о надвигающейся опасности Грубер получил в конце марта 1922 года. Кто-то ходил по усадьбе, к ней вели следы на снегу, он слышал шаги, видел свет факелов. Грубер был напуган, сказал на рынке соседям, что завёл ружьё, потому что опасается ограбления.

Тела убитых на ферме Хинтеркайфек

Утром 31 марта Андреас Грубер зашёл на почту и получил от

почтальона Франка Мейера газеты и письма. В пять часов вечера к Груберам приехала горничная – 45-летняя Мария Баумгартнер, хромая, одинокая женщина. Больше их никто не видел. Неизвестно, что произошло на хуторе в ночь 31 марта, и, возможно, Груберов не хватились бы ещё долго, но 1 апреля 7-летняя Цецилия не пришла в школу, и это заставило округу забеспокоиться. Тогда же, 1 апреля, в Хинтеркайфек по договорённости пришёл продавец кофе, но ему никто не открыл. 2 апреля никто из Груберов не явился на воскресную мессу, а вечером столяр Михаэль Плек видел возле дома свет фонаря. Три дня возле хутора происходили странные вещи: проходившие мимо селяне утверждали, что в доме кто-то топил печь, но ни самих Груберов, ни их домашних животных во дворе не было.

Первым тревогу забил почтальон Мейер. Он уже пару дней бросал газеты в кухонное окно, но на его призывы никто не отзывался. 4 апреля в 9.00 на ферму приехал монтёр Альберт Хофнер. Не дождавшись хозяев, он сам начал чинить двигатель и слышал лай собаки Груберов. Закончив работу, Хофнер отправился к Шлиттенбауэру, и тот, прихватив четырёх человек, пошёл выяснить, что происходит на хуторе. Было 4 часа вечера 4 апреля.

Соседи обнаружили собаку и скот привязанными, но хозяев нигде не было. И только зайдя в сарай, они увидели жуткую картину: трупы Андреаса, его жены Цецилии, Виктории Габриэль и её 7-летней дочери. В доме были найдены трупы горничной Баумгартнер и двухлетнего Йозефа. У всех жертв был разбит череп, но больше всего досталось женщинам и двухлетнему ребёнку.

В половине десятого вечера на хутор прибыла полиция. Она не нашла следов взлома, все сбережения хозяев оказались нетронуты. По словам Шлиттенбауэра, он вынужден был изменить положение трупов, поскольку они были свалены в кучу и прикрыты сеном, а он испугался, что под другими телами находится его двухлетний сын. Но в самом доме был порядок, а домашние животные накормлены. Это означало, что все эти дни на ферме кто-то хладнокровно жил рядом с трупами хозяев, невзирая на жуткую обстановку преступления и постоянные визиты посторонних – механика, продавца, почтальона. В северной части дома на чердаке явно кто-то скрывался: солома была примята, везде валялись объедки и мусор. Преступник питался копчёными окороками, висевшими в кухне Груберов.

Расследование, которое вёл комиссар мюнхенской полиции Георг Райнгрубер, было громким и вызвало всеобщий интерес. Полиция объявила награду за сведения о преступнике – 100 тысяч

марок. Потом она была увеличена до 500 тысяч. Оставив головы жертв, как самую пострадавшую часть, на попечение судмедэкспертов, тела погибших похоронили 8 апреля 1922 года на кладбище Вайдхофена возле церкви Святого Венделина, где Виктория Габриэль пела в хоре.

Дальше встал вопрос о подозреваемых. У Шлиттенбауэра был мотив: во-первых, его оскорбили Груберы, во-вторых, он был прижимистым хозяином, но вынужден был унизительно выплачивать алименты на ребёнка, даже не будучи уверенным в своём отцовстве, в-третьих, именно Шлиттенбауэр обнаружил орудие преступления – мотыгу, и в-четвертых, у него не было алиби на ночь 31 марта. Ещё одной странностью стало последующее брожение Шлиттенбауэра по территории Хинтеркайфека: когда ферма была снесена, сосед бродил по развалинам и перебирал камни, будто пытался что-то найти или увидеть. Потом он заявил, что преступник хотел закопать тела, и показал на вырытую могилу: «Он был местным – я в этом уверен!» Но всё это вместе ещё не свидетельствовало о виновности соседа.

Следующими подозреваемыми стали братья Адольф и Антон Гампы, а дело приобрело политический характер. Подписание Версальского договора, репарации Германии, уступки Веймарской республики, два восстания 1919 года (в Берлине и в Мюнхене) – всё это привело к общественному недовольству в Германии и созданию народного ополчения. После Берлинского путча 1920 года это ополчение приказано было расформировать, а его бойцов разоружить, но боевики на местах не подчинились, из оружия вернули лишь половину, а в Баварии многие отряды ополчения оставались на нелегальном положении.

В Мюнхенское гражданское ополчение, просуществовавшее с мая 1919 года по июнь 1921 года, входил и хозяин Хинтеркайфека Андреас Грубер. То есть его хутор мог быть тайным складом оружия, приготовленного для ополчения: соседи не раз замечали, как по ночам к хутору подъезжали грузовики. Лидерами ополчения были братья Гамп, с которыми хозяин хутора был знаком. Адольф был уголовником и наёмным убийцей, а его брат Антон – его подручным. Эта версия появилась из-за исповедального признания их сестры Кресценс Мейер священнику: когда ей пришла пора умирать, она позвала в больницу священника и рассказала, что её братья расправились с Груберами. Причиной убийства стала скупость Грубера: когда братья явились за оружием, он потребовал денег за его хранение. Правда это или легенда, сказать трудно. Тем более что возможная свидетельница умерла, не успев дать показания.

Куда более правдоподобной кажется самая неправдоподобная

из всех версий – возвращение погибшего на войне Карла Габриэля. На него пришла похоронка, но в годы Первой мировой войны такие ошибки были нередки. Не испытывая к своей жене тёплых чувств и не горя желанием вернуться в Хинтеркайфек, Карл мог после войны просто не заявить о себе. Но часть хутора по закону принадлежала ему, и он мог вернуться, чтобы посмотреть, как живут обитатели хутора. В таком случае все обстоятельства убийства складывались в одну логичную картину. Карл и раньше не был уверен, что Цецилия – его дочь, а теперь увидел ещё одного ребёнка и понял, что Виктория продолжает жить со своим отцом. Ненависть переполнила ветерана войны, и он с особенным гневом обрушился на женщин. Вполне логично и то, что он несколько дней жил рядом с трупами: во-первых, для человека, привыкшего к окопной жизни, это не столь уж необычно, во-вторых, он считал хутор своим и находился «у себя дома». Это последнее объясняет и его отношение к домашним животным: они были его собственностью, поэтому он их кормил. Едва ли рецидивисты Гампы стали бы кормить чужой скот и отсиживаться на ферме, к тому же они непременно забрали бы деньги хозяев. Карла Габриэля не интересовали деньги. В его разгоряченном обидами и войной сознании окружающая жизнь давно уже существовала в преломленном виде – совершенно иначе, нежели у других людей. Он пришёл домой мстить.

Но что произошло на самом деле на хуторе Хинтеркайфек, едва ли кто-нибудь узнает, ведь прошло уже почти сто лет.

Дело Горгоновой

На первый взгляд может показаться, что дело Маргариты Горгоновой попало в начало 1930-х годов по ошибке: уж очень оно напоминает зловещие семейные драмы начала XX века. Однако никакой ошибки нет: общественная непримиримость и националистические настроения, обрушившиеся на Горгонову, были типичны для Европы 30-х годов, где наступали фашистские времена и неприязнь ко всему чужому – стоило произойти какому-то неприятному событию, как тут же появлялся «образ врага».

Обстоятельства этой истории неясны до сих пор. Некая Маргарита Илич, родом из Далмации, успела побывать замужем за Эрвином Горгоном, проживавшим в Львове. Вскоре её муж уехал в США зарабатывать деньги и исчез навсегда. Маргарита устроилась няней и экономкой в семью архитектора-модерниста Хенрика Зарембы. Сорокалетний архитектор жил в собственном доме в Бжуховицах, а его жена давно находилась в психбольнице. Вскоре Заремба заменил её красивой 23-летней няней. За восемь лет совместной жизни архитектор и его возлюбленная произвели на свет девочку Рому, которая на момент несчастья была еще совсем маленькой. Рома была любимицей отца, и, когда случилась беда, она осталась с ним в семье. В 1931 году Маргарита Горгонова ждала второго ребенка.

Маргарита Горгонова и комната, где нашли мертвую Люсю

У Зарембы было двое своих детей – 17-летняя Эржбета и 14-летний Станислав. Стась был робким и послушным, а Эржбета, которую дома звали Люсей, к мачехе относилась насмешливо:

они не сошлись характерами, да и мать Люси еще была жива. Судя по всему, Люся Зарембянка отличалась своенравным характером, она кокетничала, интересовалась мужчинами, что не удивительно для её возраста. Архитектор желал мира и покоя в семье, постоянное напряжение между двумя женщинами нервировало его, и он начал подумывать о расставании с Маргаритой, намереваясь оставить ей и новорожденной дочери свой дом в Бжуховицах (ныне это поселок Брюховичи) и переселиться во Львов. Разъехаться они собирались 1 января, но за два дня до этого произошло убийство.

* * *

30 декабря 1931 года в гостиной дома Зарембы в Бжуховицах уже стояла высокая, украшенная ёлка. Все поужинали и легли спать. Но Стасю в ночь на 31 декабря не спалось. Разбуженный каким-то шорохом, он пошел проведать сестру и, чиркнув спичкой, вдруг увидел на кровати мёртвую Люсю с окровавленной головой. Вслед за этим в темноте гостиной послышался звон разбитого стекла, и со двора потянуло морозным холодом. Своим жутким криком Стась поднял на ноги весь дом.

Обстоятельства убийства оказались весьма странными. Люся лежала в ночной рубашке с умиротворенным лицом, при этом её голова и шея были в крови: кто-то размозжил ей череп. Сыщики сочли, что на теле имеются признаки сексуального насилия, а возле кровати они обнаружили кучку кала.

Это привело к противоречивым выводам. Один следователь полагал, что у преступника сдали нервы. Другой посчитал, что кал оставлен убийцей в знак презрения к жертве: Люся флиртовала с мужчинами, и, возможно, ей кто-то отомстил. Но поскольку усадьба Зарембы была уединенной и тонула в снегу, никаких зацепок не появилось, и эту кучку кала решили использовать в других целях – чтобы допросить Стася. Дознаватели всерьез взялись за подростка, внушая ему, что это он сам питал к зрелой и кокетливой сестре далеко не братские чувства, поэтому подстерег её, пытался изнасиловать, ударил по голове, чтобы скрыть грех, а потом от страха обделался. Мальчик оказался для взрослых, опытных сыщиков благодатной добычей: он был настолько запуган и унижен, что уже готов был рассказать всё что угодно, лишь бы его оставили в покое.

В начале допроса Стась сказал правду: выйдя в темную гостиную, он увидел за ёлкой тёмную фигуру, которую поначалу

принял за сестру. Затем он пошел в комнату Люси, а фигура исчезла: в полутора метрах от ёлки была дверь в заснеженный сад, и в ней зияло разбитое стекло.

Следователям явно везло: выяснилось, к тому же, что насилие было лишь имитацией. Но Стасю об этом не сказали: лучшего свидетеля надо было подогревать на медленном огне. Однако отсутствие насилия и его имитация могли указывать и на женщину, и тут сыщикам очень кстати подвернулась под руку Горгонова – «чужая». Она была чужой и в стране, и в семье Зарембы. Иностранка, втёршаяся в доверие к архитектору, окрутившая его и убившая старшую дочь, которая мешала ей полностью воцариться в этом семействе. После заключения матери в лечебницу Люся фактически стала обитателям дома не только дочерью и сестрой, но и матерью, она заботилась об отце, Стасе и Роме. Едва ли Горгонова могла с этим смириться. Захват дома и имущества Зарембы – весомый мотив. Тем более что Горгонова была беременна и не могла не думать об устройстве своего будущего, которое оказалось под угрозой.

Вот для чего понадобилось запугивать Стася. Ему начали внушать, что он на самом деле видел за ёлкой высокую женскую фигуру в шубе, и ею могла быть только Горгонова. Поскольку только что обвиняли его самого, Стась начал соглашаться, что фигура могла быть и женской, она могла быть и Горгоновой. На нервной почве у него даже начались галлюцинации: каждую ночь, как только темнело, ему мерещилось, что возле ёлки стоит Горгонова в своей черной шубе и смотрит на него. Он уже сомневался в своих показаниях и просто повторял то, чего от него хотели сыщики.

Не лучше вёл себя и архитектор: он был человеком слабым, уставшим от женских дрязг и от допросов, поэтому просто устранился, заявив, что у него несчастье и ему не до следствия. Так Маргарита Горгонова оказалась на скамье подсудимых.

Улики против неё были косвенные: показания Стася о женской фигуре, сделанные под давлением, и порезанная стеклом рука (Горгонова утверждала, что поранилась пузырьком от лекарства). Самой главной уликой оставалось её зависимое положение в доме Зарембы. Кому ещё могла быть выгодна смерть Люси, мешавшей няне стать хозяйкой? Но самым странным оставались чьи-то испражнения. Однако следователи полагали, что существует два объяснения: Горгонова положила эту кучку возле кровати из ненависти к падчерице, и – она это сделала, чтобы запутать следствие, как и в случае с мнимым изнасилованием.

При отсутствии более серьезных улик общественное мнение

было уже подготовлено прессой: теперь, где бы ни появлялась Горгонова, ей вслед неслись крики и проклятия. Все окрестные жители были уверены, что убила она. В окна поезда, на котором её перевозили, летели камни. Приходилось запутывать толпу и возить арестованную другой дорогой.

В дело вступили лучшие львовские адвокаты Маурициий Аксер, Мечислав Эттингер и Йозеф Возняковский. Они приложили все силы для спасения подзащитной. Всё это напоминало дело Бейлиса, с небольшой разницей – Горгонова еврейкой не была. Зато её адвокаты были евреями, и теперь им тоже приходилось слышать оскорбительные выкрики. Горгонову и Аксера польские обыватели даже считали любовниками и кричали, что не родившийся ещё ребенок прижит ею от адвоката.

Горгоновой грозил смертный приговор – казнь через повешение, но из-за беременности его отложили, а потом заменили на восемь лет заключения. После начала войны и амнистии в 1939 году она была освобождена и куда-то уехала. Говорили, что вышла замуж за границей.

Хенрик Заремба в соавторстве с журналистами написал книгу «Исповедь отца убитой Люси» с декадентской обложкой, по которой сверху стекала кровь. Многим это показалось спекуляцией собственным несчастьем. Но книга стала бестселлером и хорошо разошлась.

Судьба сына архитектора Станислава Зарембы сложилась трагично: он вскоре погиб в горах во время схода лавины. Горгонова после освобождения пыталась встретиться с дочкой Ромой, оставшейся в доме отца, но та назвала её убийцей. Две дочери Маргариты, Рома и Эва, однажды встретились и даже обрадовались друг другу, но о матери у них было разное мнение. Эва, родившаяся в тюрьме и не признанная отцом, была убеждена, что мать невиновна, и хотела разыскать её могилу. Свою дочь она назвала Маргаритой.

Адвокат Маурициий Аксер стал жертвой холокоста: он был арестован в Львове и погиб в 1942 году в концлагере Белжец. Йозеф Возняковский был расстрелян в 1943 году в концлагере Освенцим. Их коллега Мечислав Эттингер попал в гетто, но пережил войну, правда, ненадолго – на 2 года.

Находясь в заключении, Маргарита Горгонова, испытывая глубокую благодарность к этим единственным людям, бескорыстно протянувшим ей руку помощи, назвала свою дочь именем ЭВА – по первым буквам их фамилий: Эттингер, Возняковский, Аксер.

* * *

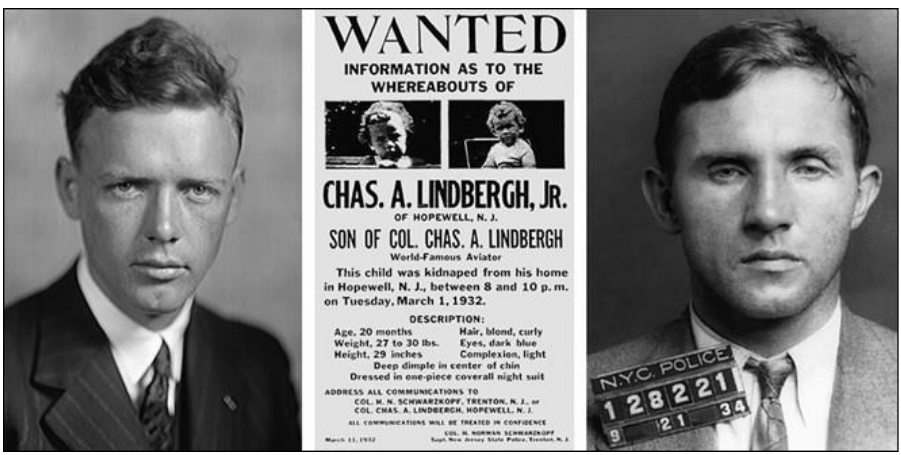
Много позднее в деле Горгоновой забрезжила ещё одна версия. Появилась публикация о том, что садовник Йозеф Каминский, работавший в саду Зарембы, перед смертью признался в убийстве. Сам Каминский, живой и здоровый, отверг обвинение и утверждал, что убийцей была Горгонова.

В художественном фильме «Дело Горгоновой», снятом в 1977 году режиссером Янушем Маевским, на заднем плане всё время мелькала высокая фигура садовника, заставляя зрителей подозревать именно его. Роль Маргариты играла красавица Эва Дальковска, сделавшая ставку на выразительное молчание Горгоновой. Казалось, что мрачная женщина в начале фильма и затравленная толпой арестантка – два разных человека. Маевский не намеревался предлагать зрителю готовые решения, и едва ли мы когда-нибудь узнаем, какими эти люди были на самом деле.

25 ноября 1977 года на премьере фильма в Варшаве ведущий сказал, что героиня фильма еще жива и если кто-то увидит в толпе старую даму, то она может оказаться той самой Маргаритой Горгоновой.

Похищение ребенка Линдберга

Произошла эта история в США в годы Великой депрессии. Ежедневно в мире пропадает множество детей, но, если родители ребенка известные люди, уголовное дело превращается в кампанию крупного масштаба: к процессу подключаются политики, газетчики и просто случайные прохожие, жаждущие попасть в свидетели и прославиться. С другой стороны, известные люди и притягивают к себе такие преступления: у них больше денег, и требование выкупа становится делом заурядным.



Чарльз Линдберг, объявление о пропаже его сына и Рихард Хауптманн

За пять лет до этого происшествия, 20–21 мая 1927 года, лётчик Чарльз Линдберг прославил Америку своим перелетом через Атлантику – из Нью-Йорка в Париж. Испытания самолетов, изобретение космических ракет и спутников – таков был прекрасный мир Чарльза Линдберга, когда ему пришлось столкнуться с жестокой реальностью. Он любил риск и адреналин в крови, но жизнь преподнесла ему настоящую встряску, по сравнению с которой полеты через океан могут показаться сущим пустяком.

Однако причина скандального резонанса вокруг этого дела заключалась не только в мировой известности Линдберга.

Там, в США, благополучно доживал свою не слишком счастливую жизнь Менахем Бейлис, бежавший от ксенофобии и киевского произвола. Но и в самой Америке начиналось нечто похожее, только под прицелом оказались не евреи, а немецкие эмигранты – именно против них начинала раскручиваться

националистическая лихорадка. Когда совершалось преступление, американские сыщики точно так же искали «чужого».

* * *

1 марта 1932 года в Ист-Эмвилле (Нью-Джерси), неподалеку от Хопвелла, был похищен сын Линдберга, которому едва исполнилось полтора года. В 8 часов вечера медсестра Бетти Гоу положила ребенка спать в его кроватку, завернула в одеяло и скрепила двумя булавками. В половине десятого послышался шум, и Линдберг-старший подумал, что это на кухне упали из ящика апельсины. В десять вечера Бетти не обнаружила ребёнка в его спальне и спросила супругу лётчика, не забрала ли она малыша в свою спальню. Потом они обе спустились и нашли Линдберга в библиотеке, он поднялся вместе с ними в детскую и обнаружил на подоконнике конверт. Лётчик забрал конверт и, прихватив ружьё, обошел дом в поисках злоумышленников.

Через 20 минут прибыла полиция в сопровождении корреспондентов и адвоката Линдбергов. К моменту, когда полиция приступила к обследованию дома, окружающие успели уничтожить все следы, и дактилоскопист только беспомощно развел руками. Полицейские нашли на влажной от дождя земле отпечаток шины, а при обходе участка обнаружили в кустарнике сломанную лестницу, по которой похититель влезал на второй этаж.

В конверте, найденном Линдбергом, оказалась записка с требованием выкупа в 50 тысяч долларов. В нижнем правом углу листа был странный рисунок – соединенные овалы, красный и синий, а рядом – две скобы и две чёрные точки. Что означал этот знак, полиция так и не выяснила, да и не особо старалась, хотя Линдберг и полковник Шварцкопф считали, что это дело рук организованной преступности, а рисунок является эмблемой. Лидеры мафии во главе с Аль Капоне, находившиеся в тюрьме, предложили свою помощь в поисках мальчика и даже деньги, но не бескорыстно – в обмен на освобождение. К расследованию подключился президент Гувер, решивший задействовать ФБР. Полиция предложила вознаграждение в 25 тысяч, к которым Линдберги готовы были добавить свои 50. 75 тысяч в годы депрессии – огромная сумма.

Родители заплатили выкуп, но сына им не вернули. Всего они получили три письма о выкупе с почтового отделения Бруклина. Несмотря на посредничество учителя Джона Кондона,

вызвавшегося вести переговоры о возвращении ребёнка, похитителей выявить не удалось.

12 мая 1932 года, через два месяца после похищения, водитель автофургона Уильям Аллен остановил грузовик на обочине, неподалеку от городка Хоупвелла. Он пошел в рощу облегчиться и обнаружил сильно разложившиеся и объеденные животными останки ребёнка. Следствие установило, что причиной смерти стала черепно-мозговая травма, и погиб он сразу после похищения – скорее всего, во время падения с той самой, найденной неподалеку лестницы. Это означало, что деньги требовали уже за мёртвого ребенка.

Вся Америка была шокирована жестокостью: от рук злодеев погиб полуторагодовалый беспомощный малыш. За делом следили политики, средства массовой информации и простые граждане. В июне подверглась подозрениям англичанка Вайолет Шарп, горничная из дома Линдбергов. Из-за давления полиции она 10 июня покончила с собой, отравившись цианидом. Невиновность её была выяснена, а полицию критиковали во всех газетах за давление на свидетелей. Подозревали и учителя-посредника Кондона, а журнал Liberty поместил заметку «Джефси Кондон говорит всё!».

Надежда была только на «золотые сертификаты», использованные при выкупе. Они имели срок давности 1 год и дальше утрачивали ценность, поэтому преступники не могли залечь на дно, припрятав выкуп. Кроме того, номера купюр были переписаны полицией. Меченые купюры всплывали в разных местах, но их было мало, и никого не удалось выявить. Лишь в сентябре 1934 года был задержан человек, пытавшийся расплатиться этими купюрами. Им оказался плотник Рихард Бруно Хауптманн, немецкий эмигрант, нелегально работавший на ферме. Во время обыска в его доме были найдены 14 тысяч 600 долларов из выкупа. Куда пропали остальные деньги Линдбергов, осталось тайной, ведь потратить их без риска быть пойманным никто не мог. После сравнения почерков – Хауптманна и похитителя на листке – сомнения отпали: записку о выкупе писал Хауптманн. В его доме нашли схему лестницы, её соединительную часть и телефон Кондона на листке. Хауптманн объяснил, что прочитал о Кондоне в газете и потому переписал телефон. Арестованный упорно отрицал свою вину, а его жена и работодатель дали показания, что на момент убийства он был в Нью-Йорке. Избитый на допросе Хауптманн утверждал, что деньги ему оставил его деловой партнёр Исидор Фиш. Проверить слова обвиняемого было невозможно: Фиш умер в Лейпциге от туберкулеза 29 марта 1934 года. Эксперт Эрастус Хадсон заявил,

что отпечатков пальцев Хауптманна не было ни в лесу, ни на лестнице, но полицейский в ответ воскликнул: «Ради бога, не говорите нам это, доктор!» Полковник Шварцкопф распорядился не использовать лестницу как улику.

Со 2 января по 13 февраля 1935 года проходили судебные слушания. В деле было много противоречий, но это не убедило присяжных. Скорее всего, на утвердительный вердикт повлияло поведение Хауптманна, который был неразговорчив, угрюм и противоречив. Увидев не слишком обаятельного человека, к тому же немца, присяжные долго не раздумывали, и уже 3 апреля 1936 года в 20 часов и 44 минуты Хауптманн был казнен на электрическом стуле в суде Нью-Джерси. Своей вины он так и не признал.

Однако после смерти Хауптманна осталось много вопросов. Юристы, эксперты, историки снова и снова обращались к громкому процессу о гибели ребёнка Линдбергов и находили всё больше несоответствий. Существовала точка зрения, что дело против Хауптманна сфабриковала полиция, а он стал жертвой преследования по национальному признаку.

Говорили, что на самом деле в похищении участвовала мафия, имевшая гораздо больше возможностей уйти от ответственности. Это и все детали дела послужили материалом для известного романа Агаты Кристи «Убийство в Восточном экспрессе», в котором похитителем и убийцей ребенка является главарь мафиозной группировки.

Свои соображения сформулировал и конспиролог Юстинас Муллинс, считавший, что похищение было местью деду ребёнка, известному конгрессмену Чарльзу Августу Линдбергу-старшему за его ожесточенную борьбу против создания Федерального резерва – внутренней финансовой системы США, которая как спрут охватила не только Америку, но и Европу. В книге Муллинса приведена речь конгрессмена Линдберга перед комитетом по регламенту 15 декабря 1911 года: «Этот закон создаст самый гигантский трест на земле. Когда Президент подпишет этот законопроект, будет легализовано невидимое правительство денежной власти. Народ может не осознать это сразу, но час расплаты удалён только на несколько лет». Выступления Линдберга-старшего произвели шоковый эффект и сделали его персоной нон грата. Но могла ли борьба в высших эшелонах власти стать причиной похищения и гибели годовалого ребенка десять лет спустя?

* * *

Для самого лётчика Линдберга окончание процесса не стало облегчением. Ему досаждали журналисты. Чарльз и его жена не могли спокойно выйти из дома. Они решили покинуть США и переселились в Европу, забрав старшего сына.

Трагическая ошибка

Прусский аристократ, выходец из истинно арийской семьи – противник гитлеровской политики и защитник евреев. Он давно уже считался в нацистской среде неблагонадежным. С 1934 года Эрнст служил в МИДе Германии и проходил практику в Париже, будучи секретарем своего дяди Роланда Кёстера, немецкого посла во Франции. 18 октября 1938 года его назначили секретарём миссии.

Эрнст фом Рат и его убийца Гершель Гриншпан

Эрнст фом Рат был убит в понедельник, 7 ноября 1938 года, в здании германского посольства в Париже. Нелепость этому убийству придавал тот факт, что стрелявший в дипломата оказался евреем – Гершелем Гриншпаном, жаждавшим отомстить кому-нибудь из немецких чиновников за несчастья своей семьи. На свою беду именно фом Рат принял Гриншпана и оказался первым немцем на его пути. Историк Ганс-Юрген Дёршер предполагал, что они могли быть знакомы: казалось странным, что фом Рат принял посетителя запросто, не протоколируя встречу и не привлекая свидетелей или секретаря.

Гриншпан выпустил в свою жертву пять пуль. Он крикнул: «Un sale boche!» («Грязная немчура»), а потом без сопротивления сдался полиции и был отправлен в тюрьму Фрэн для

несовершеннолетних. У него в кармане лежало письмо к родителям: «Мое сердце облилось кровью, когда я узнал о вашей судьбе, и я должен протестовать так, чтобы об этом узнал весь мир».

Гершель Гриншпан родился в польско-еврейской семье в Германии. Школу он не окончил. Учителя считали, что он умён, но нетерпелив. Он стал членом сионистской группы «Мизрахи» и спортклуба «Бар-Кохба». По настоянию родителей он поступил в иешиву Франкфурта, где изучал иврит, но вскоре ушёл и оттуда. В Германии, где для евреев вводились ограничения на обучение и на работу, Гриншпан никуда не смог устроиться. В июле 1936 года он с польским паспортом и въездной визой в Германию уехал в Брюссель к своему дяде Вольфу Гриншпану, у которого мог переждать год и с наступлением совершеннолетия эмигрировать в Палестину. Но дядя встретил его без особого радушия – у бедного родственника оказалось всего 10 марок. Тогда Гриншпан тайно переехал в Париж к другому дяде, Аврааму, и бродил по клубам и кинотеатрам. Два года Гриншпан пытался получить вид на жительство, но безуспешно. В мэрии Ганновера ему тоже отказали с правом на возвращение, поскольку истек срок паспорта. В августе 1938 года подростку было предписано покинуть Францию, и дядя спрятал его в пустующей мансарде соседнего дома. Просидев в заточении до середины осени, Гершель узнал, что его семья была депортирована через немецко-польскую границу в числе 17 тысяч евреев. Сестра прислала горькое письмо с просьбой о деньгах или теплых вещах. Гершель просил у дяди деньги для семьи, но тот отказал, и они поссорились. После этого парень ушёл из дома, захватив немного денег, снял номер в дешевой гостинице, написал прощальное письмо и отправился покупать револьвер. Он пошел прямо в посольство – стрелять в любого, кто попадется.

* * *

Это преступление зеркально напоминало другое, произошедшее в Львове пятью годами раньше. Сотрудник посольства Андрей Павлович Майлов был застрелен 21 октября 1933 года по нелепой случайности. Заказчиком был основатель ОУН Евгений Коновалец, организатором – Степан Бандера, исполнителем – боевик Николай Лемик. Мишенью террористов был консул СССР, которого Лемик не знал в лицо. Майлов, заменивший заболевшего консула на приеме посетителей, погиб по ошибке.

* * *

После покушения на Эрнста фом Рата гитлеровскому режиму удалось убить сразу двух зайцев: избавиться от неблагонадежного дипломата и устроить в отместку за него еврейский погром «Хрустальная ночь». Вечером 9 ноября отряды вооруженных штурмовиков поджигали синагоги, издевались над людьми, мародёрствовали. В тот день сожгли 267 синагог и 815 магазинов. Было убито 36 человек и 20 тысяч арестовано.

Гриншпану не повезло: он убил не того парня, да еще и спровоцировал убийства и погромы евреев в Германии. Эрнст фом Рат был способным дипломатом и неплохим человеком. Но ему тоже не повезло: он просто оказался не в том месте. Чудовищное недоразумение, обусловленное временем.

Гордый самурай

Днём 12 августа 1935 года в кабинет начальника службы военных дел Министерства армии Японии Нагаты Тецудзана вошел подполковник Айдзава Сабуро и после короткого обмена репликами зарубил его мечом. Это вызвало шок в армии и в стране: младший офицер убил старшего, т. е. своего командира. Подполковник не пытался скрыться и был арестован. Когда на суде его спросили, что он при этом чувствовал, Сабуро ответил, что «чувствовал стыд, потому что, будучи мастером меча, не смог покончить с ним одним ударом». 45-летний Айдзава ощущал себя не подполковником армии, а самураем, исполняющим долг чести, и его ответ судье свидетельствовал о том же. Для Сабуро Тецудзан олицетворял тиранию.

Но история эта началась гораздо раньше 1935 года.

* * *

Первая мировая война отделила прошлое от современности, став поворотным моментом для всего мира, и Япония не являлась исключением.

Сторонник фракции императорского пути Сабуро зарубил мечом Нагату Тецудзана в его кабинете

Такие же процессы происходили и в её правительстве. С 1914 года в стране успешно шли демократические процессы, названные впоследствии демократией эпохи Тийсё. Это было время появления общественных движений, двухпартийной системы (с ведущими партиями Минсэйто и Сэйюкай), установления конституционного правления. За 8 лет – с 1924 по 1932 год – сменили друг друга 7 правительственных кабинетов. К 1927 году сформировалась система с народными выборами и всеобщим

избирательным правом для мужчин, достигших 25 лет; шли межпартийные дискуссии о том, чтобы предоставить такие же права женщинам; стали укрепляться социалистические партии.

Однако этому противостояла японская армия, в которой усилились агрессивные амбиции и стремление к власти. Международное разоружение и развитие партийной системы армии были не выгодны. 21 октября 1931 года была сделана попытка государственного переворота, поскольку в армии существовали 2 враждующие фракции – «фракция контроля» и крайне правая «фракция императорского пути». Убитый Нагата Тецудзан принадлежал к первой фракции, Айдзава Сабуро – ко второй.

Дальнейшее напоминало события в России начала XX века: 15 мая 1932 года премьер-министр Инукаи Цуёси был застрелен во время очередной попытки государственного переворота, инициированного правым офицерством, и создано временное правительство, много обещавшее, но ничего кроме сворачивания реформ не давшее. Конституционное правление с этого момента пошло на убыль, и назревал новый переворот.

Это развитие событий и привело к убийству крупного военачальника его подчиненным.

В марте 1934 года Тецудзана, успевшего в годы Первой мировой войны побывать военным атташе в Дании, Швеции, Швейцарии и Германии, назначили начальником службы военных дел. Он, будучи сторонником «фракции контроля», тут же перешёл к преследованию оппозиционной «фракции императорского пути», в которую входило консервативное офицерство. За эти репрессии Сабуро и убил его, не испытывая ни малейшего раскаянья. Судебный процесс над Сабуро превратился в демонстрацию недовольства армией, подсудимого называли национальным героем, а молодые офицеры скандировали под окнами лозунги.

26 февраля 1936 года произошла еще одна попытка государственного переворота. Очевидно, переворот, будь он успешен, мог изменить судьбу Айдзавы Сабуро, который всё еще содержался в тюрьме. Но этого не произошло, и по приговору военного трибунала подполковник был расстрелян 3 июля 1936 года.

* * *

Но такова была внешняя, героическая картина событий. Существовала и внутренняя картина, в связи с которой

происходящее в Японии становилось поучительным прецедентом.

Создателем в 1918 году «фракции императорского пути», ратовавшей за консерватизм и вооружение против всего мира, был некий Садао Араки, в прошлом – помощник военного атташе в Петербурге. Пожив в России, он преисполнился мыслью о неизбежности войны с этой державой за Дальний Восток. Постепенно Араки превратился в фанатика японской избранности и армейской силы. Он считал духовное и патриотическое начало приоритетом над военными знаниями и добивался исключения из воинских уставов разделов об отступлении и сдаче в плен. Выступая с экспансивными лекциями об исторической миссии Японии, Араки к началу 1930-х годов стал самой популярной фигурой. Он клеймил Европу, Запад, Россию и всякую модернизацию в армии. Оппозиционные круги, которым не нравились конституционные реформы и демократизация в Японии, подумывали сделать его своим военным министром в случае переворота. А дальше стали происходить странные вещи.

Араки, как создатель мятежной фракции, был связан с офицерским мятежом в октябре 1931 года, но в последнюю минуту не поддержал заговорщиков. И уже через полтора месяца, в декабре того же года, был назначен военным министром Японии в обход более высокопоставленных и влиятельных претендентов на этот пост. Будучи министром, он продолжал выступать за военные расходы и милитаризацию, призывал восстановить традиционные ценности и начать поход на запад. Тут начали поговаривать, что неплохо бы сделать Араки премьер-министром или даже самим японским фюрером. Вдохновлённые им молодые офицеры из пресловутой «фракции императорского пути» опять предприняли попытку переворота 15 мая 1932 года. Но духовный лидер вновь отошел в сторону и не поддержал их. Дальше было, как и в первый раз: Араки ждало поощрение. Он продолжал оставаться военным министром после роспуска кабинета, упрочил свои позиции в правительстве и элите, даже получил новый чин. Но не всё веревочке виться.

Начало 1930-х годов с кризисами и мятежами оказалось неподходящим моментом для призывов увеличить военный бюджет. Араки перегнул палку и поссорился с премьер-министром и министром финансов, после чего подал в отставку в январе 1934 года. Он продолжал заседать в Высшем военном совете, получил титул барона, но после мятежа 1936 года был отправлен в отставку в ходе чистки его фракции. Позднее генералу довелось поработать министром просвещения, но после войны, в 1945 году, он был арестован как военный преступник и в 1947 году приговорен к пожизненному заключению. В середине

1950-х его выпустили, и он написал мемуары «30 лет шторма и штиля», в которых оказался на редкость скромен и чужд самовосхваления. Очевидно, некоторые моменты биографии ему просто не хотелось вспоминать во всех деталях.

В жизни Садао Араки не был тем самураем, который рисовался романтизированному молодому офицерству: как показала его биография, он любил оставаться в тени и всего добиваться чужими руками. Но в своих речах и посланиях лидер подталкивал к подвигам таких, как простак Сабуро Айдзава. По злой иронии, Араки подпил сук, на котором сидел сам: мятежи и преступление Айдзавы Сабуро привели к обратному – усилению «фракции контроля» и репрессиям в отношении консервативных оппозиционеров, жаждущих возрождения в Японии духа самураев.

Идейный убийца Рамон Иванович Лопес

Проходя по живописному Кунцевскому кладбищу на юге Москвы, можно увидеть множество известных имён: здесь нашли своё последнее пристанище актёры и певцы, журналисты и генералы. Но одно имя звучит несколько иначе – Рамон Иванович Лопес. Кто-то подумает: «Наверное, из испанских интернационалистов». На самом деле в этой могиле покоится знаменитый Рамон Меркадер, сотрудник спецслужб, убивший Льва Троцкого в 1940 году.

Троцкий жил в Мексике с начала 1937 года и активно влиял на положение в Испании. Испанская троцкисткая партия совместно с анархистами начала восстание в тылу республиканцев. В результате троцкистского восстания республиканцы потеряли в одной только Барселоне пять тысяч человек. Неудивительно, что многие испанские коммунисты видели в троцкистах врагов и предателей.

Рамон Меркадер и убитый им Лев Троцкий

Троцкий понимал, что его жизнь в опасности, и поставил свой дом под усиленную охрану. Незадолго до этого, в 1938 году, при странных обстоятельствах скончался в Париже его старший сын Лев Седов, и многие подозревали его отравление в русской клинике. Эта версия, впрочем, не была доказана. Но страх заставлял Троцкого проверять пищу, а выезжая на автомобиле, он специально ложился на пол салона, чтобы его не увидели с улицы.

Три года готовилась операция по устранению Троцкого и проходили проверку люди, которых следовало внедрить в окружение бывшего советского политика. Около его дома был

устроен наблюдательный пункт, замаскированный под стройплощадку. Троцкий, на которого покушались уже несколько раз, считал свою высылку из страны вынужденной мерой советского правительства, которое не могло применить к нему обычных репрессий: он был в те годы слишком заметной фигурой, окружённой сторонниками.

Очередное покушение 24 мая 1940 года завершилось неудачей, и причастный к нему знаменитый художник-коммунист Давид Сикейрос оказался в тюрьме. Впоследствии он говорил, что ошибался в Троцком: по его представлению, человек такого масштаба не стал бы прятаться от пуль под кроватью. Художник видел главную цель нападения на резиденцию Троцкого в поиске документов, а не в убийстве.

Дальше миссию по устранению Троцкого передали полковнику Эйтингтону, главе особого отдела НКВД в Испании. Гражданской женой Эйтингтона была известная коммунистическая валькирия Каридад Меркадер – мать Хайме Рамона Меркадера дель Рио Эрнандеса, майора республиканской армии. В 1935 году он принял участие в молодежном движении Испании, сидел в тюрьме. В 1938 году под именем Жака Морнара он познакомился с американской гражданкой русского происхождения Сильви Агелофф, урождённой Масловой. Она была активной троцкисткой, но не на шутку влюбилась в красавца Меркадера. Её не смутило даже то, что у возлюбленного всё время меняются имена: навестив её в США, он назвался канадцем Джексоном. Сославшись на необходимость избежать призыва на фронт, Меркадер убедил доверчивую подругу в своей искренности. Пригласив Сильви в Мексику, Рамон помог ей устроиться к Троцкому секретаршей – попросту внедрил её в дом-крепость. На тот момент они жили по-семейному в отеле «Монтехо», и Рамон подвозил подругу на работу. Наконец в апреле 1940 года ему удалось попасть в дом: требовалось подвезти друзей Троцкого Росмеров, и очень кстати подвернулся молодой человек с автомобилем. Простая услуга и невероятная осторожность Меркадера: он знал, что в таком деле торопиться нельзя, поэтому помог пассажирам отнести вещи и сразу ушёл. Конечно, его никто не заподозрил, даже пригласили на обед 28 мая. Начальник охраны проводил его в столовую, и Меркадер был представлен Троцкому как друг Сильви. Он предложил подвезти Росмеров в порт.

Так Меркадер стал вхож в дом Троцкого и появлялся там 12 раз. Он даже беседовал с хозяином дома на серьёзные темы. А потом попросил отредактировать статью об американских троцкистах, которых критиковали за отступление от партийной

линии. Меркадер намеренно взял с собой плащ и перекинул его через руку, чтобы хозяин дома привык к этой позе, увидев, что под плащом ничего нет. Пока Троцкий читал, Меркадер стоял у него за спиной, но ничего не предпринял. Тем не менее политик что-то заподозрил: ему не понравилась эта молчаливая тень сзади, не понравилась и ситуация со статьёй, как будто было дурное предчувствие. Троцкий даже рассказал об этом жене, но Меркадера из своего дома не удалил, что стало его роковой ошибкой.

Так прошло почти три месяца с момента их знакомства. И 20 августа Меркадер снова зашёл к Троцкому с перекинутым через руку плащом. Затворник пригласил его в кабинет. Предлогом вновь стала статья. Убийца положил плащ на стол и вынул из кармана ледоруб, решив, что медлить больше нельзя – можно упустить и время, и доверие хозяев. Видя перед собой затылок читающего Троцкого, Рамон сжал орудие убийства и, зажмурившись, нанёс удар. Троцкий ужасно закричал, и впоследствии Меркадер говорил, что не забудет этого до конца своих дней. Из последних сил хозяин дома бросился на убийцу и укусил его за руку, а потом упал на пол. Меркадер бросился из комнаты, у него на руке остались следы от зубов.

Почти сразу Меркадер был схвачен охраной и жестоко избит. Рамон кричал, что сделал это из-за матери: она заложница спецслужб. Убийца повторял заранее заготовленную легенду: что сообщников у него нет, что Троцкий пытался завербовать его и переправить в СССР для террористической деятельности, что он препятствовал женитьбе на Сильви. Всё это для большей убедительности было зафиксировано в письме, датированном 20 августа 1940 года и получившем название «Письмо Джексона-Морнара». Через три года Меркадера судили в Мехико и приговорили к 20 годам. Пока шло следствие, Меркадер писал статью «Почему я убил Троцкого». Первый год в тюрьме его часто били, пытаясь получить признание, а потом ещё пять лет держали в одиночке, похожей на каменный мешок.

Троцкий умер в больнице через сутки, не приходя в сознание, и его похороны превратились в демонстрацию протеста. Все участники покушения скрылись, кроме Меркадера, который был арестован. Его мать и Эйтингтон бежали в Калифорнию, где по радио узнали обстоятельства покушения. По секретному каналу из Москвы передали, что готовы помочь Рамону: в сообщении его называли «пациентом». За месяц до начала Великой Отечественной войны Каридад Меркадер и Эйтингтон из Китая приехали в Москву, и М.И. Калинин вручил матери арестанта орден Ленина. Несмотря на то что с 1944 года Каридад жила во

Франции и умерла в Париже, на её стене висел портрет Сталина.

Эйтингтон получил генеральское звание, но в 1953 году оказался в лагере.

Отсидев 20 лет, Меркадер вышел из тюрьмы в 1960 году и с женой-индианкой Ракель Мендоса оказался на Кубе, откуда выехал в Прагу, а потом в СССР. В 1961 году ему присвоили звание Героя Советского Союза. В москве он работал в Институте марксизма-ленинизма и стал одним из авторов истории Испанской коммунистической партии.

Он доживал свой век на Кубе и умер в 1978 году. Но по его желанию прах захоронили в Москве, на Кунцевском кладбище. Гранитная плита на его могиле появилась в 1987 году.

Ещё больше тумана

Вторая мировая война парадоксальным образом и соединила народы в борьбе с гитлеризмом, и разъединила их на два лагеря – капиталистический и социалистический. Конец кровопролитной войны, братание русских и американцев на реке Одер, осторожная дипломатия Ялтинской и Тегеранской конференций – всё это было частью сложного процесса мирового и государственного строительства в те годы, когда не только гитлеровский рейх, но и весь мир был далек от идеала. В нем продолжали существовать геополитические и колониальные интересы, разветвленная сеть шпионажа и террористические группы, борьба идей и борьба отдельных личностей за власть. Это определило и характер тех тайн, многие из которых будоражат воображение до сих пор и, возможно, никогда не будут раскрыты.

Гибель генерала Сикорского

Владислав Сикорский был премьер-министром польского правительства в изгнании. 4 июля 1943 года он погиб рядом с Гибралтаром, и это стало одной из самых больших тайн польской истории.

Через 16 секунд после взлета, в 11 часов и семь минут вечера, самолёт «Либерейтор II» 511 эскадрильи Королевских ВВС (бортовой номер AL 523) упал в море. Официально это считается несчастным случаем, но версии о заговоре против командующего польской армии звучат до сих пор, причем устранение Сикорского приписывают советским, британским, польским секретным службам. Исследователи задаются вопросом: был это несчастный случай или заговор?

Несмотря на то что ещё шла война, расследование длилось долго и велось тщательно. Оно контролировалось Уинстоном Черчиллем, произнесшего на могиле Сикорского внушительную речь.

Сикорский был самым влиятельным лицом польской эмиграции, и после его смерти взаимоотношения Польши с союзниками сильно изменились не в лучшую сторону. В мемуарах адъютанта генерала Андерса Ежи Климковского есть портрет Владислава Сикорского: «Сикорский был среднего роста, с довольно крупным лицом, с высоким и слегка выпуклым лбом. Глаза голубые, быстрые, очень живые, свидетельствующие о его интеллекте. Одет он был в темный гражданский пиджак и в чуть более светлые брюки. Весь вид генерала дышал солидностью и энергией. Заметны были настойчивость и сила воли».

* * *

В обстановке непростых советско-польских отношений, отягощенных Катынским расстрелом, Владислав Сикорский выглядел дружественно настроенным человеком. Он хотел нормализации отношений и противостоял непримиримому генералу Андерсу. Из мемуаров Климковского: «…В декабре 1941 года был дополнен как июльский договор, так и военное соглашение. Все это произошло под личным влиянием Сикорского во время пребывания его в Кремле. Завершением и как бы подтверждением установления дружественных советско-польских отношений этого периода стала декларация Сикорский – Сталин от 4 декабря 1941 года».

В то же время Сикорского интересовал Ближний Восток, где находились польские войска. Туда-то он и направлялся с инспекцией в тот злополучный день. Гибралтар, из аэропорта которого вылетел генерал, был британской территорией.

Вместе с генералом погибли ещё 11 человек и 6 членов экипажа, состоявшего из служащих британской авиации. Состав пассажиров оказался весьма пёстрым. Кроме Сикорского и его людей (дочери Зоси, начальника штаба Тадеуша Климецки, начальника оперативного отделения польского штаба Анджея Марецкого и адъютантов генерала Кулаковского и Поникивского) были в самолете и другие. Британские депутаты-консерваторы Джон Персиваль Вайтли и Виктор Казалет, курьер Армии Крайовой Гралевский и англичане Пиндер и Уолтер Лок (M. Pinder и W.H. Lock). Наличие на борту Гралевского из оппозиционной Москве Армии Крайовой – деталь интересная. Но не менее интересны двое «гражданских» – Лок и Пиндер. Оба, по словам историка Вацлава Кроля, были агентами Secret Servise.

При этом говорилось, что официально пассажиров было 11, но точно никто сказать не может – возможно, их было больше. К тому же найдены были тела только 10 человек. Тело Сикорского подобрал польский эсминец «Оркан» и доставил в Великобританию.

Владислав Сикорский в Гибралтаре 4 июля 1943 г.

Единственный чудом спасшийся человек, пилот Эдуард Прчал, показал на допросе, что падение вызвано неисправностью: штурвал заклинило, но по какой причине, Прчал объяснить не смог и вообще путался. Насторожил комиссию по расследованию и надетый на него спасательный жилет, словно заготовленный на случай катастрофы. Поскольку при исследовании обломков были обнаружены контрабандные вещи – меха, драгоценности, фотоаппараты, блоки сигарет, ящики с коньяком и виски, – напрашивалось предположение, что именно нелегальный груз мог стать причиной отказа штурвала. Так появилось несколько версий, и в их числе – несчастный случай, вызванный зацепившимся контрабандным грузом, который вывел из строя штурвал. Ещё одним настораживающим моментом стала замена одного из пилотов другим британским лётчиком. По словам автора 4 книг о генерале Сикорском Тадеуша Киселевского, в последний момент никому не известный англичанин присоединился к лётной команде и мог оказаться исполнителем этого заказного убийства, а второй пилот, Прчал, понимая, что происходит нечто непредвиденное, не вмешивался и на всякий случай надел спасательный жилет. Выжив, он превратился в неудобного свидетеля и до самой своей смерти в 1984 году подвергался шантажу со стороны разведки М-16. Однажды в Калифорнии его подстерегли в супермаркете журналисты и спросили о его подозрениях. Прчал ответил: «Вам лучше об этом не знать».

Весьма интересной фигурой в контексте этого события был генерал Владислав Андерс, оппонент Сикорского в вопросе отношений с СССР.

Из мемуаров Климковского следует, что Андерс «постоянно носился с каким-то странным “комплексом превосходства”, проявляя пренебрежение ко всему советскому. Правда, эти чувства генерал хорошо маскировал умением вести себя в обществе, но в откровенных беседах со знакомыми не стеснялся, и было видно, он ожидает лишь момента, когда Советский Союз будет побежден. В возможность победы Советского Союза Андерс никогда не верил».

Биография Андерса представляется загадочной: с одной стороны, он учился в России и позднее противостоял диктатуре Пилсудского, с другой – оказался в числе белополяков, а потом, уже в Польше, воевал и с немцами и с русскими. Наконец с 21 сентября 1939 года, по словам Климковского, он утратил всякую волю к борьбе от ужаса, переложил всю ответственность на своего начальника штаба, а 23 сентября под Красныбродом исчез и

попал в плен, после чего оказался на Лубянке. Там он содержался до 4 августа 1941 года и был освобожден лично Лаврентием Берией, который сообщил ему, что по назначению лондонского правительства он должен возглавить польскую армию, составленную из бывших заключенных. Со стороны всё это выглядит удивительно, тем более что Андерс мечтал только о том, чтобы уйти на Запад, подальше от СССР. Какую роль генерал Андерс мог играть в истории с Сикорским, остается только догадываться. На суде 27 ноября 1943 года Климковский, по его словам, «…Раскрыл, каково было отношение Андерса к Сикорскому, рассказал о его письмах к президенту, в которых он добивался устранения Сикорского, о его телеграммах президенту, в которых он заявлял, что не признает Сикорского верховным главнокомандующим». Климковский писал и о том, что в тени гибели Сикорского осталось загадочное убийство его преданного сторонника, полковника Корнауса, врага Андерса. В период разногласий Корнауса нашли мёртвым в его квартире. Гибель от выстрела пытались выдать за естественную смерть, а когда это не удалось, стали говорить, что он отравился, но и в это никто не поверил: след от пули был хорошо заметен. Поэтому официальная версия гласила, что он застрелился. Для Климковского причины смерти Сикорского вполне ясны: «Со смертью Сикорского Андерс получил возможность сорвать планы покойного относительно будущего армии, и перед ним открылись перспективы стать вождем, к чему он так стремился. Со смертью Сикорского англичане также получили свободу политических действий в польском вопросе, что также содержалось в их политических планах, но чего при жизни Сикорского они абсолютно не могли реализовать. С горизонта исчез человек, с которым должны были безусловно считаться, а вместо него пришли люди, а вернее человек, который являлся лишь марионеткой в руках англичан».

Британские документы, содержащие тайну катастрофы в Гибралтаре, по-прежнему засекречены и увидят свет только через 100 лет после гибели Сикорского – в 2043 году.

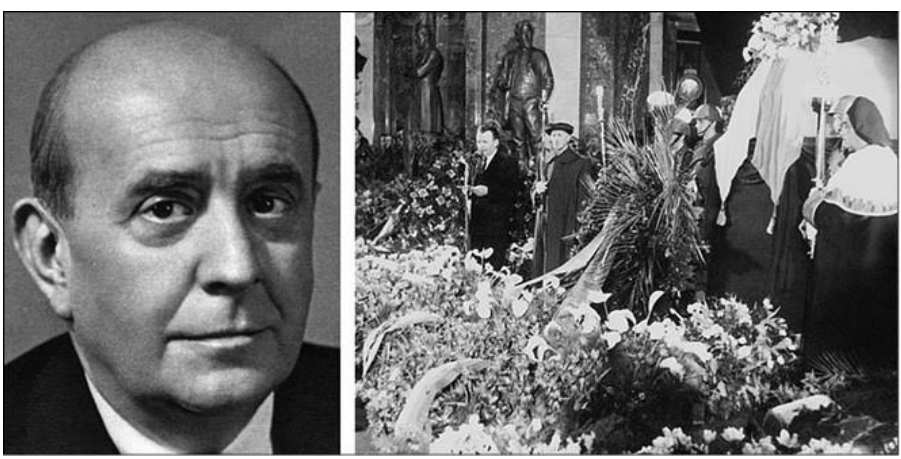
Происшествие с Яном Масариком

Загадочная и трагическая история Яна Гаррига Массарика заставила вновь заговорить о странном чешском феномене, известном под названием «Пражская дефенестрация» – в дословном переводе с латыни «выбрасывание из окна». Подобно «Стокгольмскому синдрому», «Пражская дефенестрация» стала общим местом и неким национальным синдромом Чехословакии.

Первый случай произошел в 1419 году, в эпоху Гуситских войн. В результате беспорядков с башни полетели камни, попавшие в процессию, несущую святые дары. Толпа ворвалась в здание башни и выбросила в окно судью, бургомистра и 13 членов городского совета.

Второй раз дефенестрация случилась во время очередной кровавой междоусобицы в Праге. 24 сентября 1483 года из окон были выброшены бургомистр Старого Города и семь членов городского совета Нового Города.

В третий раз это произошло через 200 лет после первого случая – во время восстания чехов против власти Габсбургов. 23 мая 1618 года протестантские дворяне во главе с графом Турном сбросили австрийских наместников Вилема Славату и Ярослава из Мартениц, а также их писца Филиппа Фабрициуса в ров. Падали они из высокого крепостного окна в Пражском граде, однако на сей раз остались живы и смогли выбраться и бежать.



10 марта 1948 г. тело Масарика было найдено во дворе здания МИДа

С той поры потрясенные пражане завели реестр всех выбрасываний, и это тем более удивительно, что частота таких

происшествий у чехов исчислялась вековыми перерывами, в то время как в США самоубийства банкиров эпохи Великой депрессии случались постоянно, а Россия начала 1990-х, безусловно, побила чешский рекорд еженедельными дефенестрациями финансовых чиновников. Скорее всего пражский феномен строится не на частоте случаев, а на их массовости.

* * *

Происшествие с Масариком считалось третьим по счету случаем «Пражской дефенестрации», хотя было четвертым (почему-то случай 1483 года не учитывается).

10 марта 1948 года тело Масарика было найдено во дворе здания министерства иностранных дел. Сын первого чешского президента лежал в пижаме под окном ванной комнаты. На первый взгляд всё указывало на самоубийство. В последние дни погибший министр находился в тяжёлой депрессии и мог пойти на крайний шаг.

Ян Масарик возглавлял министерство иностранных дел и был единственным не социалистическим и беспартийным министром в коммунистическом правительстве Клемента Готвальда. В 1948 году Чехословакия стала членом социалистического лагеря, и Масарик превратился в нежелательную фигуру в руководстве страны.

Сын чеха и американки, Ян Масарик с 1907 по 1913 год работал в США пескоструйщиком и формовщиком на заводах своего дяди, фабриканта Чарльза Крейна. Он вспоминал это время как счастливое, и это можно понять, учитывая положение чехов внутри Австрийской империи в те годы. Тем не менее Масарик в Первую мировую войну сражался в австрийской армии. Когда началось становление чешского государства, он стал дипломатом и три года работал поверенным Чехословакии в США, а с 1925 года был назначен послом в Англию. Уход правительства Эдварда Бенеша в отставку в 1938 году, после прихода нацистов, привел к отставке Яна Масарика, но из Лондона он не вернулся. После раздела страны Масарик стал министром иностранных дел в изгнании.

А дальше в Чехословакии сложилась патовая ситуация. Некоммунистическое правительство ушло в отставку, рассчитывая на выборы, но Климент Готвальд сформировал новое правительство из своих сторонников. Масарик и раньше был недоволен просоветской линией Готвальда и отказом от плана

Маршалла. В 1948 году, после февральских событий, он принципиально не подал в отставку и остался в правительстве белой вороной. Через месяц наступила его смерть. В том, что Масарик покончил с собой, был уверен даже его секретарь Антонин Сум. Откуда же взялись иные версии?

Во время Пражских революционных событий 1968 года временными властями было предпринято новое расследование обстоятельств гибели Масарика, исключившее возможность случайного падения. Третье расследование в 1990-х годах признало факт самоубийства.

Сенсацией стал приход в чешское посольство в Берлине Леонида Паршина. Это произошло в 1992 году. Паршин сказал, что его мать, русская разведчица Елизавета Паршина знает убийцу Масарика, но не хочет называть его имя. Елизавета Паршина работала под легендой с середины 1930-х годов, сначала – в воюющей Испании, потом – в Париже. После войны она не торопилась возвращаться, опасаясь ареста спецслужбами СССР, и поставила условие – дать ей знать, когда со своего поста уйдет Абакумов: она не доверяла этому человеку. Паршина, владевшая 11 языками и множеством диалектов, перебралась в Чехословакию и там ждала благоприятного момента, чтобы вернуться на родину. Проживала с 1945 по 1953 год в Праге, Карловых Варах, Остраве и других городах; бесспорно, она знала много тайн этого города. В 1953 году Абакумов был расстрелян, и только тогда разведчица вернулась. Она была задержана сотрудниками КГБ после переезда через белорусскую границу, но ей повезло: во время возвращения в СССР её «вёл» один из сотрудников разведки и сразу доложил в центр о её аресте. Через несколько дней её вызволили из плена. Сын Паршиной почти 20 лет рос без матери, отношения у них сложились непростые. В момент своей явки в посольство Паршин жил в Ольденбурге, в лагере для беженцев, этим объяснялось его желание рассказать о тайнах спецслужб.

Через два года Паршина подтвердила на российском телевидении, что знает имя убийцы Масарика, но вновь не назвала его. Возможно, хотела себя обезопасить. Лишь позднее это имя было названо, но уже не Паршиной, а ведущим радио «Свобода» Ефимом Фиштейном и сотрудником Управления документации и расследований преступлений коммунизма криминальной полиции Чешской Республики полковником Ильей Правда. По их словам, Паршина назвала организатором убийства генерала Михаила Ильича Белкина, начальника Управления Кадровой Разведки МГБ СССР Центральной группы советских войск, а исполнителем – младшего оперуполномоченного

Бондаренко. Имелись свидетели, слышавшие во время встречи ветеранов НКВД, как генерал Белкин рассказывал, что он сам с его помощником Бондаренко вытолкнули Яна Масарика из окна. Сколько же тайн раскрывается во время таких встреч ветеранов спецслужб! Однако Белкин умер в 1980 году после длительной опалы, лишения званий и понижения в чинах. Этот крупный сталинский чиновник в последние годы жизни трудился на заводе. Почему его имя скрывалось столько времени? У полковника Ильи Правда был ответ на этот вопрос: «В соответствии с некоторыми положениями Уголовного кодекса, мы могли бы завести уголовное дело на убийцу, даже если бы он был уже мертв, но была четко установлена его личность. Разумеется, вести против него дело мы бы не могли, потому что он уже мёртв».

Назывались и другие участники покушения – майор НКВД Августин Шрамм, подполковник Войцех Когоут, полицейский Мирослав Пих-Тума, бывший партизан Йозеф Вавра-Старик и Александр Михайлович Коротков.

Эта версия убийства выглядела так: ведущие представители чехословацкой компартии прекрасно осознавали важность того, чтобы Ян Масарик был на их стороне – для общества, для мировой общественности, но прежде всего для себя. Однако простого согласия с его стороны было недостаточно. Необходимо было чем-то его скомпрометировать, чтобы существовала возможность постоянного шантажа. Посему было необходимо найти какие-либо материалы, которые бы «привязали» Масарика к коммунистам. Была собрана группа во главе с Августином Шраммом, которая бы провела обыск на квартире Масарика. Возможно, именно вторжение в его дом и послужило причиной попытки его побега, с вытекшими из этого трагическими обстоятельствами. Свидетели утверждали, что утром 10 марта 1948 года сотрудник Военно-исторического архива подполковник Когоут явился на работу очень рано в помятом пальто и взволнованный. Подчиненные услышали из его кабинета обрывок телефонного разговора, в котором прозвучала фраза: «Допрыгался! Свершилось!» Подчиненные из любопытства решили обыскать пальто шефа и нашли в кармане личную печать Масарика.

Некоторые судьбы участников этой темной истории уже являются косвенным сидетельством причастности к убийству. Например, Шрамм был застрелен при загадочных обстоятельствах в пражском районе Виноградy через несколько месяцев после Масарика. В его смерти обвинили студента Милослава Чоса, и он был расстрелян, хотя было ясно, что Чос – невинная жертва.

Шрамм был связным между НКВД и чехословацкой службой госбезопасности. Во время войны он руководил высадками десанта на оккупированной территории Словакии, а после войны возглавил отдел по вопросам сопротивления и партизанского движения в ЦК и в Министерстве национальной обороны. Его имя впервые появилось в свидетельских показаниях лишь в 1993 году – после возобновления расследования.

Йозеф Ввра-Старик после смерти Масарика уехал за границу – якобы по заданию спецслужб, но в 1953 году тоже был убит. Говорили, что – бывшими товарищами за измену и преступления.

Мирослав Пих-Тума в годы войны был начальником штаба первой коммунистической дивизии, а потом агитатором партии. Он призывал расправляться с теми, кто противостоит компартии. В 1995 году Пих-Тума повесился.

Войцех Когоут был преподавателем Военной академии и главой архива. В 1954 году он умер собственной смертью, поэтому обвинения, возникшие в 1990-е годы, его уже не коснулись.

Секретари Масарика Иржи Шпачек и Антонин Сум отвергли версию ликвидации Масарика. Им больше нравилось в своих мемуарах изображать Масарика чешским Гамлетом – трагической и одинокой фигурой, противостоящей коммунистическому аппарату.

Новые данные, появившиеся на протяжении 1990-х годов, послужили причиной возобновления расследования в 2001–2003 годах, но запрос в Россию запоздал: разведчица Паршина умерла. Генеральная прокуратура России ответила в 2003 году, что «архивные материалы, к которым был проявлен интерес, в соответствии с предписаниями надлежащих законов Российской Федерации, до сих пор являются государственной тайной».

«Русские идут!»

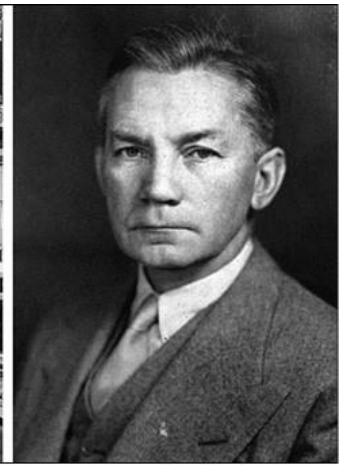
Тема дефенестрации коснулась в те же годы и Америки, причём загадочную смерть министра обороны США Джеймса Форрестола не только сравнивали, но и связывали со смертью Масарика в попытке найти общий след.

Джеймс Форрестол был педантом и фанатиком своей профессии, человеком с мрачноватым и высокомерным лицом. Он родился в последнее десятилетие XIX века и вошел в историю своей фразой «Русские идут!», которую якобы выкрикнул, выкинувшись из окна 16-го этажа. Впрочем, свидетелей того, как он кричал эту фразу, стоя на подоконнике, не нашлось, а потом и вовсе заговорили, что Форрестола убили, сымитировав самоубийство.

Тело бывшего министра было обнаружено в 1.50 ночи 22 мая 1949 года на крыше третьего этажа больничного корпуса. Коронёр округа Монтгомери сразу счёл это самоубийством. Однако до сих пор возникают вопросы, а в официальную версию самоубийства верят не все, тем более что руководство морского флота скрыло от общественности протоколы следствия. Возможно, ключом к тайне Форрестола был его характер.

Он был энтузиастом своего дела, считал, что будущее – за авианосцами. Такое пристрастие объясняли факты его биографии. Во время войны Форрестол служил во флоте и стал морским летчиком, а профессии обучался в Канадском авиационном корпусе. В конце войны он проходил стажировку в отделе морских военных операций Вашингтона в звании младшего лейтенанта.

Начало его карьерного взлета пришлось на 1940 год, когда он вовремя помог предвыборной кампании Рузвельта, и тот назначил энергичного сторонника своим секретарем. В июле 1940-го он уже занимал должность заместителя министра военно-морского флота и активно курировал военную промышленность. Тоже своего рода загадка: для чего человеку, уже попавшему в политическое окружение президента



Форрестол выбросился из окна военной больницы «Bethesda Naval Hospital», где лечился от хронической усталости

Рузвельта и ставшему практически министром, вдруг уходить на войну, проходить в Канаде стажировку и при этом в звании младшего лейтенанта? Очевидно, Форрестола привлекала не карьера, а новые навыки и польза для нации. Он хотел быть профессионалом, потому и учился. Перфекционистов и фанатиков профессии не любят, а иногда и боятся: от них много проблем.

Форрестол настолько ушёл в работу, что ему стали безразличны даже близкие: двое малолетних сыновей были предоставлены сами себе, жена, подсевшая на алкоголь и наркотики, неоднократно попадала в психбольницу. Возможно, ему просто нельзя было иметь семью: он и себя-то с трудом контролировал, относясь ко всему избыточно серьезно.

Впоследствии стало ясно, что в планировании программы для морской авиации Форрестол был прав – но произошло это уже после его гибели, когда началась война в Корее. В 1947 году его не услышали и не поняли, отклонили его предложения, оставив приоритет за силами наземного базирования. И вновь парадокс: как раз в 1947 году, несмотря на его разногласия с правительственными кругами и ВМФ, он был поощрён и достиг пика своей карьеры – в сентябре назначен первым министром обороны. Но радоваться ему долго не пришлось, потому что Гарри Трумен сократил финансирование военного ведомства, а Форрестол посчитал это результатом тайного советского влияния на американские верхи.

Говорят, эти постоянные встряски – взлёты и падения, споры и отказы – в конечном итоге свели его с ума. У Форрестола начались перепады настроения – от истеричной взвинченности до

депрессии и апатии. Многие считали его мнение о советском влиянии манией преследования.

В 1949 году Форрестол, очевидно, против его воли, был помещен в военную больницу «Bethesda Naval Hospital» (населенный пункт Бетесда находится в округе Монтгомери штата Мериленд) с диагнозом «хроническая усталость» и содержался в специально оборудованной палате на 16-м этаже. Но выброситься из окна этой одиночной камеры было просто невозможно: там стояли «окна безопасности» – укрепленные оконные ставни, которые Форрестол не смог бы открыть самостоятельно. К тому же в постели министра после его смерти нашли осколки стекла, а его тело обнаружили под окнами кухни 16 этажа, находившейся с другой стороны корпуса – вдали от его комнаты. Лежало оно на крыше третьего этажа, что могло бы указывать на перемещение тела неизвестными лицами. Всё выглядело так, будто Форрестола туда просто подбросили. Еще больше указывал на версию убийства тот факт, что его шея была затянута поясом от халата.

Версии гибели военного министра кажутся экзотичными – устранение американским правительством, советскими спецслужбами, израильской подпольной организацией «Иргун», находившейся в Палестине, пришельцами с НЛО.

Причины убийства – связь с делом об убийстве Яна Масарика, связь с программой «Синяя книга» и сведениями об НЛО, теория заговора и месть масонской ложи и прочее.

В 1966 году Корнеллом Симпсоном была написана книга «Смерть Джеймса Форрестола». В 1994 году появился фильм Джереми Кагана «НЛО: операция прикрытия» («Розуэлл»). В 2004 году вышел т. н. доклад Виллкатса. В 2006 году Клинт Иствуд снял картину «Флаги наших отцов», где есть образ министра обороны. Все эти публикации, отчеты, доклады и фильмы предлагали обществу свой образ Джеймса Форрестола, но ни на шаг не продвинулись к истине.

«Человеческое достоинство не продается»

Сегодня судьба Юлиуса и Этель Розенберг, обаятельной и дружной семейной пары, едва ли является загадкой. Их причастность к шпионскому скандалу в США известна, однако степень их вины вызывает большие сомнения. Известна и версия эпохи холодной войны для советской общественности: супруги Розенберг шпионами не были, никогда на СССР не работали и были отправлены на электрический стул лишь за свои коммунистические убеждения. Это вполне согласовывалось с обстановкой в США начала 1950-х годов: разгулом маккартизма и «охоты на ведьм», допросами в специальной комиссии, запретами на профессию, затронувшими людей из «черного списка» – ученых, артистов, писателей. Жертв было много, были самоубийства отчаявшихся актеров, лишенных зрителей, но дело Розенбергов стало самым громким и вызвало множество протестов. За них вступался сам Альберт Эйнштейн, но безуспешно. Другие физики «Манхэттенского проекта» (программы США по разработке ядерного оружия) тоже просили президента Трумэна отнестись к супругам снисходительно, но президент, срок которого подходил к концу, вмешиваться в процесс не стал. Розенбергов приговорили к казни.

Последние минуты перед смертью супругам дали провести вместе, но рядом поставили телефон – последнее искушение. Достаточно было поднять трубку и позвонить в министерство юстиции, тогда им дали бы шанс сотрудничать со следствием, заговорить на допросах. Это могло спасти им жизнь, но Юлиус Розенберг демонстративно отвернулся от телефона. Его последние слова перед смертью: «Человеческое достоинство не продается».

Супруги Розенберги

19 июня 1953 года Юлиуса и Этель казнили на электрическом стуле – на одном и том же: в 20 часов 6 минут погиб Юлиус, в 20 часов 12 минут на место мужа была посажена Этель. Вот как об этом вспоминали очевидцы: «Водворенная в кресло, из которого только что убрали мёртвое тело ее мужа, Этель поцеловала в щеку тюремную надзирательницу. Палачу пришлось пять раз включать ток, так как кожаная шапочка с электродом оказалась слишком велика для ее головы».

Ему было 35, ей – 37 лет, у них остались двое малолетних сыновей. Мальчики на редких свиданиях с родителями выглядели удрученными и напуганными. На всех фото – симпатичная пара: муж в очках, типичный ученый среднего звена; жена в шляпке с вуалью и кружевной кофточке, типичная домохозяйка, скромная и наивная. Можно ли заподозрить этих простых людей в передаче одной могущественной державе ядерных секретов другой могущественной державы?

Всемогущий Айк (Эйзенхауэр) оказался на стороне обвинения, мотивируя это ныне удивительным, а в то время вполне понятным для американца предположением, что теперь,

получив из США ядерные данные, СССР обязательно развяжет атомную войну.

Утверждалось, что урон ядерным секретам США Розенберги нанесли немалый. Юлиус работал в группе Клауса Фукса, физика из «Манхэттенского проекта», с 1941 года сотрудничавшего с СССР.

Но Розенберг не имел прямого отношения к ядерной физике и занимался электроникой. Не он, а именно Фукс передавал чертежи через советского связного Гарри Голда. До 1946 года это было успешно, пока Голд не начал нарушать нормы безопасности. После этого с ним отказалась сотрудничать советская разведка. Почему Фукс и другие информаторы продолжали передавать через него документы, понять невозможно. Клауса Фукса арестовали 4 февраля 1950 года британские спецслужбы. Его приговорили к 14 годам заключения; возможно, в США с ним поступили бы жестче. Гарри Голд был арестован 22 мая в США и приговорен к 30 годам, из которых отсидел половину.

Супругов Розенберг выдали Гринлассы – брат Этель Дэвид и его жена Рут, которых Розенберги втянули в разведывательную деятельность. Дэвид работал механиком в Лос-Аламосе, и Юлиус внушил Дэвиду, что это никакой не шпионаж, а просто научное сотрудничество между странами. Это выглядело убедительно, поскольку Лос-Аламос и воспринимался как научный центр: там даже был создан ядерный музей. Дэвид добывал ценную информацию и передавал её Голду, который был коммунистом и служил на советскую разведку еще с 1934 года по идейным соображениям. Учитывая зыбкое положение Голда с 1946 года, можно сделать вывод, что Дэвид Грингласс всё время ходил по лезвию бритвы. После задержания Голд рассказал следствию о Гринглассе, а тот, в свою очередь, выдал Юлиуса Розенберга.

Предательство внутри одной семьи вызывает отвращение. С одной стороны, Гринглассов можно понять: Дэвида шантажировали арестом жены, у него тоже было двое маленьких детей, которые могли остаться без родителей. С другой – никто не заставлял Рут Грингласс оговаривать Этель Розенберг. Фактически именно Рут подписала своей золовке смертный приговор. Что это? Личная неприязнь? Причина трусости Дэвида тоже оказалась эгоистичной: она была связана с грехами юности – его уже задерживали за кражу, и с тех пор он боялся ареста.

Говорилось, что Грингласс, работая в Лос-Аламосе, передал Голду рабочие чертежи «толстяка» – бомбы, сброшенной на Нагасаки. Кроме того, Дэвид в отчётах постоянно информировал Голда о своей работе. Но в противоречие с этими утверждениями следствия вступают отзывы учёных. Схемы атомного устройства,

сделанные Гринглассом от руки, Виктор Нанскопф назвал «ничего не стоящими детскими рисунками», Филипп Моррисон – «грубой карикатурой». После таких заявлений физиков в суд не вызвали. Не было там и первоначально заявленного свидетеля Роберта Оппенгеймера, поскольку эти скептические оценки развалили бы дело.

Получается, не такой уж урон нанесли американской ядерной промышленности. И не так уж важны были эти данные для СССР, где в 1947 году были проведены собственные испытания атомного устройства. Причиной поиска шпионов и арестов в США и Великобритании называют неверие ФБР в способность СССР самостоятельно создавать атомное оружие: по мнению службистов, без предателей тут не обошлось. И тут им попался коммунист Розенберг с левым прошлым. Его жена тоже вела себя сомнительно – в 1930-е годы подписывала коммунистические петиции, а шурин служил в Лос-Аламосе. Так и сложилась теория крупномасштабного заговора советских шпионов.

Главные виновники шпионского дела Клаус Фукс, Гарри Голд, Дэвид Гринглосс и британец Аллан Нан Мей отсидели лишь небольшой срок, а у Розенбергов отняли жизнь. Многие историки, в том числе и американские, видели в этом показательную акцию против коммунистических убеждений. Розенберги из-за своей общественной деятельности стали слишком заметны. Поэтому для показательного процесса выбрали именно их.

«Моя дорогая… Слезы наворачиваются мне на глаза, когда я пытаюсь излить свои чувства на бумаге, – писал Юлиус своей жене. – Я могу лишь сказать, что жизнь имела смысл потому, что подле меня была ты… Вся грязь, нагромождение лжи и клеветы этой гротескной политической инсценировки не только не сломили нас, но, напротив, вселили в нас решимость твердо держаться, пока не будем полностью оправданы… Нежно тебя обнимаю и люблю…»

Тайна аварии Генерального секретаря ООН

12 сентября 1961 года Генеральный секретарь ООН Даг Хаммаршёльд уже в четвёртый раз прибыл в Конго. В сентябре 1961 года кризис, связанный с Катангой, обострился, силы сепаратистов начали оказывать активное сопротивление войскам ООН, размещённым в этой провинции. По мнению Хаммаршёльда, для поиска выхода из сложившегося кризиса следовало срочно организовать прямые переговоры между назначенным в августе главой конголезского правительства Сирилом Абдулой и лидером сепаратистских сил провинции Катанги Моисом Чомбе. Единственной мерой для обеспечения переговоров Хаммаршёльд считал свою личную встречу с Чомбе. Встреча была запланирована на 18 сентября в городе Ндола, принадлежавшем территории Федерации Родезии и Ньясаленда (сейчас это территория Замбии). Но встреча не состоялась.

Вечером 17 сентября 1961 года небольшой четырехмоторный самолет DC-6B под названием «Альбертина», принадлежавший Генеральному секретарю, вылетел из Леопольдвилля. Прибытие в Ндолу ожидалось в 23.45 вечера. На подлёте к Ндоле пилот сообщил авиадиспетчеру, что видит огни аэропорта. Затем связь прервалась.

Даг Хаммаршёльд

Обломки самолёта были найдены в полдень 18 сентября в 14 километрах от аэропорта. Судя по остановившимся часам, катастрофа произошла в 20 минут пополуночи 18 сентября. Предполагалось, что самолёт слишком низко зашёл на посадку, задел верхушки деревьев, упал на землю и, перевернувшись, загорелся. 16 человек, находившихся на борту (10 пассажиров и 6 членов экипажа), погибли. В числе пассажиров были секретарь Хаммаршёльда Леланд, два американских советника Бишоф и Фабри, пять охранников. Пилотировал «Альбертину» шведский экипаж под командованием Пера Галлонквиста, состоявший из пилотов авиакомпании «Транс эйр». Сходство с делом о гибели генерала Сикорского возле Гибралтара поразительное, хоть их и разделяет почти 20 лет и 6 с половиной тысяч километров.

Через 10 дней после катастрофы останки Хаммаршёльда доставили в Швецию. Церемония прощания, проходившая в Кафедральном соборе Упсалы, транслировалась по телевидению. 29 сентября Генеральный секретарь ООН был похоронен в семейной могиле на старом кладбище Упсалы. Но в деле о его смерти рано было ставить точку.

* * *

В обстановке секретности было проведено шесть официальных расследований и восстановлен ход событий той ночи. Обстоятельства катастрофы оказались весьма странными.

Из соображений безопасности «Альбертина» вылетела в 5 часов вечера, когда уже было темно. Радист на связь с землей во время полета над Конго не выходил. Маршрут был засекречен. После пересечения границы Родезии экипаж сообщил, что они находятся над озером Танганьика. Дальше за самолетом следили наземные службы в Солсбери и в Ндоле.

Диспетчер аэродрома в Ндоле А. Кемпбелл Мартин в 23.30 принял сигнал бортового радиста. Было передано расчетное время посадки – 0.35. В 00.20 диспетчер уточнил высоту и дал сигнал пилоту снизиться до 6000 футов (1800 метров). Переговоры не были записаны на магнитофон, что привело к обвинениям в адрес Мартина со стороны комиссии ООН. Он оправдывался тем, что магнитофон был неисправен. В Комиссии по расследованию утверждали, что обратились к властям США с просьбой рассекретить записи разговоров внутри кабины в соответствии с законом о свободе информации, но получили отказ. Своё нежелание раскрывать данные в Вашингтоне объяснили «соображениями безопасности».

На высоте 650 метров «Альбертина» выпустила шасси и, мигая огнями, пошла на предпосадочный круг. Аэродром объявил о посадке, но ещё через десять минут радист на запрос диспетчера Мартина не ответил. Некоторые свидетели говорили, что слышали шум мотора и самолёт шёл на посадку. Но другие утверждали, что самолёт внезапно развернулся и полетел в обратном направлении. В половине первого ночи «Альбертина» врезалась в гору Ндола-Хилл и загорелась.

Большинство пассажиров сгорели на своих местах, двое – сержант службы безопасности Гарри Джулиен и Даг Хаммаршёльд – были выброшены за борт. Генеральный секретарь сжимал в руке вырванный из горного склона пучок травы, что свидетельствовало о том, что после падения он ещё был жив. Но его травмы оказались несовместимы с жизнью. Джулиен умер в больнице через пять дней, успев сказать, что Хаммаршёльд перед крушением приказал возвращаться назад.

В ходе следствия выдвигались многочисленные версии, среди которых – ошибка пилотов, технические неисправности, диверсия на борту, отсутствие топлива, обстрел воздушного судна тем единственным военным самолётом, который имелся у повстанцев Катанги. Самая экзотическая версия появилась через несколько

лет после гибели Хаммаршёльда и сводилась к тому, что Генеральный секретарь в состоянии депрессии от происходивших в Африке событий решил покончить с собой и заставил пилота врезаться в дерево, но это казалось полной нелепостью.

Следственную комиссию возглавлял полковник британской авиации Барбер. Он считал, что всему виной роковое стечение обстоятельств.

Важная деталь: при вылете из Катанги Хаммершёльду не доложили, что ранее «Альбертина» уже была повреждена огнем из стрелкового оружия. После ремонта самолет 4 часа находился на летном поле без охраны.

Версия о том, что самолёт задел деревья, выглядела не очень правдоподобно, учитывая большой опыт лётной команды. Однако позднее врачи обращали внимание на то, что перед полётом экипаж работал 30 часов подряд и был изрядно вымотан. Ещё одну причину ошибки назвали журналисты, ожидавшие прибытия Генерального секретаря возле аэропорта. Они обратили внимание на слишком низкую высоту полёта, а позднее, исследуя обломки, заметили большое дерево на холме, которое в темноте мог задеть самолёт.

В сентябре 1992 года бывшие сотрудники ООН Джордж Смит и Конор О'Брайен на страницах газеты «Гардиан» рассказали, что самолет Хаммаршёльда сбили пилоты-наёмники по заданию бельгийской горнорудной компании «Юнион миньер». Смит заявил, что у него есть 20 записей интервью с французским дипломатом и одним из пилотов, сбивших самолет. Бельгийцы стремились сохранить контроль над медными, урановыми и алмазными месторождениями Катанги, и Хаммаршёльд мешал им. Промышленники собирались насильственно посадить «Альбертину» на бельгийской базе ВВС в Камине и там уговорить Хаммаршёльда не путаться у них под ногами. Но предупредительная очередь случайно угодила в самолёт.

Уже 30 с лишним лет спустя, 19 августа 1998 года, появилось заявление архиепископа Десмонда Туту. Он утверждал, что, судя по рассекреченным письмам спецслужбы Южной Африки, именно ЮАР причастна к гибели генсека ООН, равно как и ЦРУ с Ми-5. Но британский «Форин-офис» назвал эти письма «возможной советской дезинформацией».

В августе 2011 года британская газета The Guardian опубликовала результаты независимого расследования, согласно которым самолёт Хаммаршёльда был сбит. Международная комиссия юристов заново приступила к расследованию обстоятельств гибели Генерального секретаря. В комиссию вошли бывшие должностные лица и академики, а возглавил её

британский политик Дэвид Ли. Члены комиссии надеялись представить отчёт о своём расследовании в ООН.

Ещё через 4 года, 30 марта 2015 года, приступила к работе по изучению обстоятельств авиакатастрофы независимая группа экспертов, назначенная Генеральным секретарём ООН Пан Ги Муном. В соответствии со сложившейся к 2015 году обстановкой в мире, появилась новая теория заговора – версия об участии в покушении советских властей. Для правдоподобия была внедрена и альтернативная версия – британская: Хаммершёльд подозревал Лондон в поддержке сепаратистов и попытке сорвать перемирие.

* * *

Понять, что происходило в Африке в начале 1960-х годов, возможно только обратившись к истории. Бывшие колонии в тот момент контролировались силами ООН, но оказались перед выбором – местная марионеточная диктатура или социалистический режим, поддерживаемый СССР. Борьба за сферы влияния шла в те годы нешуточная, и она не обходилась без жертв.

Незадолго до Хаммаршёльда, 17 января 1961 года, погиб 35-летний конголезский премьер-министр Патрис Лумумба, ставший заложником перемирия между прозападным режимом Моиса Чомбе и президентом Касавубу: отставка и устранение Лумумбы было одним из условий прекращения военного конфликта. Была ли гибель Генерального секретаря ООН связана с убийством Лумумбы?

Для ООН ситуация в Конго стала испытанием. Нужно было избежать гражданской войны, начавшейся после получения независимости 30 июня 1960 года. С одной стороны – шаткое правительство Касавубу и Лумумбы, с другой – дикие племена со своими традициями, с третьей – белые поселенцы, за судьбу которых опасалась Бельгия. Была и четвертая сторона – те бесчисленные сотрудники иностранных разведок, в задачу которых входило обеспечение влияния их страны.

Мятеж войск в Леопольдвилле начался 5 июля 1960 года, и вскоре все крупные города были охвачены восстанием. Через 6 дней Чомбе провозгласил Катангу независимым государством, и в стране воцарилось двоевластие. После этого Касавубу и Лумумба обратились за помощью в ООН. Вечером 13 июля Генеральный секретарь ООН созвал заседание и настаивал на принятии мер. СССР требовал осуждения бельгийской агрессии, США вступились за союзника по военному блоку. При этом Хаммаршёльд в тот

момент никому не нравился: СССР призывал к замене Генсека ООН, а европейские державы обвиняли его в прокоммунистических взглядах.

В половине четвертого утра 14 июля была принята резолюция, поручившая Хаммершёльду направить в Конго миротворцев и призвать к выводу бельгийские войска. Ещё через пять дней по призыву Генерального секретаря в Леопольдвилль прибыли 3500 солдат из Ганы, Марокко, Туниса и Эфиопии. Но гражданскую войну остановить не удалось. Власть захватил главнокомандующий Мабуту, потеснивший президента Касавубу. Именно тогда Лумумба был смещен, и Хаммаршёльд поддержал его отставку. Но США стремились уничтожить Лумумбу, как коммунистического лидера. 18 августа 1960 года ЦРУ рекомендовало президенту Эйзенхауэру способы ликвидации Лумумбы из огнестрельного оружия и с помощью яда. Потом был разработан план операции «Голубая стрела», и в Конго направили доктора Сиднея Готтлиба с грузом «смертельно опасного биологического материала» (так в ЦРУ называли вирус). Требовалось заразить Лумумбу распространенной в Африке болезнью, однако вирус не был применен, поскольку внедрить агента в окружение премьера не вышло.

Патрис Лумумба был убит людьми Чомбе и бельгийскими военными. Позднее появилась версия о причастности к убийству Лумумбы сотрудника британской разведки Ми-6 Дафны Парк, работавшей в те годы консулом и секретарем посольства в Леопольдвилле. Незадолго до смерти она призналась в организации убийства, назвав причиной национализм и коммунистические взгляды Лумумбы. Ещё раньше, в начале 1950-х, баронесса Парк, получившая прозвище «королева шпионов», была британским резидентом в Москве.

* * *

17 февраля 1961 года полномочия Хаммаршёльда по предотвращению гражданской войны в Конго были расширены Советом Безопасности. К лету того же года коалиционное правительство Леопольдвилля объединилось в единый союз, оставив за его пределами Чомбе. К концу августа численность войск ООН в Конго достигла 16 тысяч. Генеральный секретарь приказал окружить европейских наёмников и захватить ключевые пункты в столице провинции Элизабетвилль. Он тут же подвергся нападкам со стороны Запада и обвинениям в прокоммунистических взглядах. И тогда Хаммаршёльд пообещал

уйти в отставку, если не сможет решить проблему Катанги. Но, когда он прибыл в Конго, между войсками ООН и наёмниками из Катанги уже шли сражения, а Чомбе успел бежать в Северную Родезию. Хаммаршёльд предложил беглому диктатору переговоры, а потом отправился на самолете в Ндолу.

После аварии никто не стал снимать показания с местных жителей, наблюдавших падение «Альбертины» своими глазами. Они утверждали, что видели два самолета – большой и преследующий его маленький. Эта версия выглядит убедительно, если предположить, что именно тогда, заметив опасность, Даг Хаммаршёльд отдал приказ о возвращении назад, а пилот Галлонквист в спешке не заметил дерево на холме.

Даг Хаммаршёльд вполне мог быть убит. Он был известен своей беспристрастностью в отношении мирного урегулирования на планете, и вызывал раздражение у всех агрессивно настроенных сил. Преемником шведского дипломата на этом посту стал бирманский политик У Тан. Поначалу он был ставленником США, но вскоре американские власти пожалели о своем выборе: новый Генеральный секретарь тоже не собирался исполнять чужие приказы – он осудил агрессию во Вьетнаме, боролся против апартеида и основал много благотворительных программ.

Трагическая стажировка

Воскресенье 21 октября 1962 года было омрачено страшной и непонятной трагедией. В тот день 50-летний советский посол Илья Семёнович Чернышев и его личный секретарь 22-летний Валерий Иванович Яриков при невыясненных обстоятельствах утонули вблизи пляжа Тижука, в Бразилии. Говорили, что посол имел обыкновение плавать по утрам на побережье Гуанабара, и 21 октября он, как обычно, нырнул в воду. Внезапно океанское течение стало уносить его от берега. Крикнув о помощи, Илья Семенович скрылся под водой. Секретарь Валера Яриков бросился ему на помощь. Меньше чем через час спасательный корабль доставил тела Чернышева и Ярикова на берег.

Но не всё в этой истории так просто. По некоторым сведениям, в море в тот день был и третий человек: он единственный из троих спасся. Долгие годы после гибели Чернышёва этот человек работал в Министерстве иностранных дел и умер совсем недавно, но имя его никогда не разглашалось.

Побережье Гуанабара стало местом гибели советских дипломатов И.С. Чернышева и В.И. Ярикова

Более близкое знакомство с жертвами порой проясняет обстоятельства происшествия. Чернышев родился в 1912 году и с 1940 года работал в Народном Комиссариате Иностранных Дел. Тогда же, в 1940-м, он с семьёй уехал работать в Берлин в качестве атташе Посольства СССР. 22 июня 1941 года, когда Германия напал на СССР, Чернышёв был выслан из Берлина вместе с остальными сотрудниками посольства. После этого он работал в центральном аппарате Наркоминдела, был помощником советского государственного деятеля, контрразведчика Владимира Деканозова. В 1944 году Чернышёва

назначили советником посольства СССР в Швеции – под начало посланника СССР Александры Михайловны Коллонтай. Жена Чернышёва Галина Дмитриевна, первая красавица русской дипломатии, стала крестной короля Швеции Карла XVI Густава. В конце войны Коллонтай по причине тяжёлой болезни вернулась в СССР. А 27 июля 1945 года Чернышёв сменил ее на посту и стал Чрезвычайным и Полномочным Посланником, а затем и послом Швеции. Получив этот ранг в 1947 году в возрасте 32 лет, он стал самым молодым советским послом.

С 1953 по 1957 год Чернышёв был заместителем Генерального секретаря Организации Объединённых Наций – шведа Дага Хаммершёльда, погибшего при невыясненных обстоятельствах в авиакатастрофе над Африкой в 1961 году – за год до гибели Чернышёва. Возможно, это обстоятельство и близость дат смерти обоих дипломатов имеют значение.

В 1957–1959 годах Чернышёв стал советником Министра Иностранных дел СССР, а потом – членом коллегии МИД СССР. И наконец он был назначен Чрезвычайным и полномочным послом СССР в Бразилии с 11 декабря 1961 года. В этой должности Чернышёв пробыл чуть менее года. Семья Чернышёва сомневалась в том, что его смерть была результатом несчастного случая.

Валерий Яриков, студент МГИМО, никакого отношения ни к военным событиям, ни к Коллонтай, ни к Генеральному секретарю ООН Дагу Хаммершёльду не имел. Он просто оказался не в том месте и не в то время.

В 1961 году он писал свою автобиографию. О том, что родился в 1940 году в семье военнослужащего и родители назвали его в честь легендарного летчика Валерия Чкалова. О том, что отец и мать – участники Великой Отечественной войны, военные лётчики. Его семья переезжала из города в город, и за десять лет Валера сменил три школы, что не помешало ему получить в 1957 году золотую медаль. Поступление в МГИМО было его мечтой: хотел стать дипломатом. Иностранные языки он осваивал легко. Валера получал ответственные должности. В 1958 году отправился в Казахстан на целину по путевке комсомола и был награжден медалью «За освоение целинных земель». Валера стал членом бюро ВЛКСМ курса и членом бюро ВЛКСМ факультета международных отношений. При этом жил он в студенческом общежитии и никогда не жаловался на жизнь. Денег не было, но он ходил в консерваторию, в театры, в музеи, собирал песни Булата Окуджавы.

Через 4 дня после назначения Чернышёва на пост посла в Бразилии Яриков готовился к будущей практике: его назначили секретарем в бразильское посольство. Эта практика началась в

феврале 1962 года. Коллективу посольства студент очень понравился. В Бразилии Валерий завершил пятый курс своего обучения и начал шестой.

Впоследствии внучка Чернышёва Мария Хаирова говорила, что в семье была версия сильного шторма и морских камней, о которые разбился её дед. Говорили и о стае акул, но едва ли это было правдой: «Тело деда вытащили почти без повреждений, так что вряд ли могло быть нападение рыб. Но мой отец, зять Ильи Семёновича, никогда не верил, что это несчастный случай. Бабушка – железная леди, молчала».

В то же время бразильский информационный портал отмечал, что гибель посла пришлась как раз на пик Карибского кризиса, то есть могла быть не случайной. Наводит на размышления и странная смерть Дага Хаммершёльда годом раньше.

Восстановить все обстоятельства смерти советского посла Чернышёва и его секретаря Ярикова почти невозможно. Также невозможно установить прямую взаимосвязь этой трагедии с ракетным кризисом 1962 года. Оба дипломата были похоронены на Новодевичьем кладбище.

Судьба резидента Рыбкина

В том самом 1947 году, когда Чернышёв стал советским послом в Швеции, при загадочных обстоятельствах погиб другой человек, имевший отношение к этой же стране – разведчик Борис Рыбкин, муж разведчицы и писательницы Зои Воскресенской, работавшей секретарем у Александры Коллонтай. До конца своей жизни Воскресенская пыталась выяснить, что произошло с ее мужем 27 ноября 1947 года на трассе под Прагой. По официальной версии он разбился на автомашине, но его жена не верила в случайность этой аварии, а во время церемонии прощания она заметила замаскированные следы от пуль возле затылка мужа.

В сентябре 1935 года Борис Рыбкин был направлен в Хельсинки и под прикрытием должности консула работал легальным резидентом под псевдонимом «Кин», его заместителем была Воскресенская – «Баронесса». В 1938 году отозванный в Москву Рыбкин получил задание от Сталина подготовить подписание оборонительного договора между СССР и Финляндией. Но Рыбкин не успел это сделать из-за начала Советско-финской войны. Он был отозван в Москву и назначен начальником 8-го отделения 5-го отдела главного управления государственной безопасности НКВД, а в сентябре 1941 года направлен резидентом в Стокгольм, где служил в должности советника посольства СССР в Швеции.

Зоя Воскресенская и Борис Рыбкин

Там произошел странный эпизод со знакомым Рыбкина и его жены, шведским коммерсантом Томасом Эриксоном, которого Воскресенская попросила по прибытии в Германию передать сообщение связному организации «Красная капелла», однако Эриксон из страха выбросил это послание, и наша разведка не смогла связаться с подпольщиками. Рыбкина по подозрению в провале операции вызвали в Москву и долго допрашивали на Лубянке, избивая и не давая спать, но никаких признаний от него не добились. Известие о провале «Красной капеллы» из-за доноса других лиц привело к освобождению Рыбкина и его определению в разведывательный отдел штаба действующей армии. Перед подготовкой наступления наших войск на этом участке фронта Борис Рыбкин успешно провел разведывательную операцию по выявлению местоположения немецких батарей и был награжден орденом Красного Знамени. Весной 1943 года, вернувшись в СССР, Рыбкин выезжал в специальную командировку на Северный Кавказ, а в августе был зачислен в отдел «ДР» на должность

заместителя начальника 2-го отдела 4-го управления НКГБ СССР. В 1943 ему было присвоено звание полковника государственной безопасности. С 1944 года он стал начальником отдела 4-го управления НКГБ и в этой должности курировал заброску нелегалов и разведывательно-диверсионных групп в страны, оккупированные гитлеровцами. Рыбкин и Воскресенская предотвратили переправку стратегических военных грузов из Норвегии в Германию и передали в центр информацию о готовящейся бомбардировке Урала немецкими летчиками-смертниками. Они сорвали много планов Гитлера, а после войны официально зарегистрировали свой брак в Мурманске, на борту эсминца Королевского британского флота.

С февраля 1947 года Рыбкин служил в отделе «ДР» – то есть Спецслужбе МГБ СССР под началом Павла Судоплатова. Ему приходилось посещать Турцию и другие страны для связи с нелегалами на Ближнем Востоке и в Восточной Европе и осуществления оперативных мероприятий. В сентябре Рыбкин и Воскресенская в первый раз после долгих лет оперативной работы смогли отдохнуть вместе в санатории, отметить 10-ю годовщину своей женитьбы, но тут Рыбкина вызвали в отдел и направили в Прагу. Эта командировка сразу насторожила Зою Ивановну, у нее было дурное предчувствие. Но начавшиеся позднее чистки в разведывательных органах СССР, арест Судоплатова и ее собственное сложное положение лишили Воскресенскую возможности провести самостоятельное расследование. Командировка Рыбкина и его внезапная гибель так и остались тайной советских спецслужб.

На тихой улице Гвардейской

Вечером 24 октября 1949 года в своей квартире на улице Гвардейской, в южной части Львова, был убит украинский писатель-интернационалист Ярослав Галан. Он знал убийц, был с ними знаком, гостеприимно принимал их у себя, не подозревая, что это подготовленная провокация.

Ярославу Галану нравилось, что к нему приходят студенты

Убийство Галана было поручено бандиту Михаилу Стахуру, которого Галан и его домработница называли просто Мишенькой и сажали пить чай. Наверняка Ярослав Александрович пожимал ему руку, не подозревая, что эта рука по локоть в крови: Стахур совершил девять зверских убийств, а своим жертвам отрубал руки. Он даже не был идейным националистом, просто наёмным убийцей. В дом Галана его привели сыновья священника Каменецкого, студенты, которым удалось войти в доверие к писателю. Предлогом для знакомства стало то, что один из них, будущий педагог, сочинял стихи. Советские писатели той послевоенной эпохи охотно впускали к себе в дом молодежь, считая, что таким образом осуществляется связь поколений. Вот и Галану нравилось, что к нему приходят поговорить студенты, тем более – с педагогическим и поэтическим будущим.

Михаил Стахур, казалось бы, ничего общего с этими просвещенными юношами не имел, он вообще был не из их среды. Сближало их только то, что все они входили в организацию ОУН. Убийца был высок ростом и невероятно тощ. Его небольшая голова контрастно смотрелась на длинном теле, как и крупные грубые руки. Он приехал в Львов прямо из лесного лагеря одной из банд и жил на квартире активиста ОУН. Во Львове ему приходилось менять квартиры для безопасности и познакомился с детьми священника Каменецкого. Предлог для знакомства с Галаном был тот же: Стахур пишет стихи и жаждет показать их известному писателю. Стахур и братья студенты несколько раз приходили в гости, пока к ним не привыкли.

Когда в дверь позвонили, домработница спросила: «Кто там?» Из-за двери ответил знакомый голос. «Это Мишенька пришёл», – сказала она и открыла. Стахур набросился на домработницу, связал ей руки и ноги телефонным шнуром и засунул кляп в рот. Она не успела издать ни звука. Галан в это время сидел за письменным столом спиной к двери, он не слышал шума и не обернулся. Вошедший поздоровался, подошёл сзади, вытащил из-под плаща гуцульский топор и несколько раз ударил Галана по голове. Галан вместе с креслом упал на пол. На стенах остались брызги крови.

По официальной версии задание убить Галана бандеровцы получили от Униатской церкви, за которой стоял Ватикан. Главой униатской церкви Львова был в то время священник Каменецкий, отец тех самых студентов, которые приходили в гости к писателю и познакомили его с будущим убийцей.

Расправившись с писателем, Стахур спрятал топор и скрылся у знакомых, а потом вновь ушёл в леса. Почему этот матёрый убийца оставил в живых домработницу, непонятно до сих пор. Это стало его роковой ошибкой. По её показаниям оперативники уже знали, кого разыскивают. Всего было арестовано почти сто человек, причастных к убийству, и среди них – братья-студенты. Были выявлены и хозяева квартир, прятавшие убийцу. Студентов приговорили к расстрелу, остальных к длительным срокам наказания. Это дело контролировал лично Сталин, симпатизировавший Галану. По его указанию во Львов был послан отряд оперативников 2-го Главного управления МГБ для поимки убийцы.

Стахура искали почти 2 года. В 1951 году был найден тот лесной массив, в котором скрывалась банда из 4 человек. Стало известно и уязвимое место банды: они приходили обедать к местным крестьянам, а потом спали во дворе. Женщин в банде не было, поэтому одежду им штопала тоже местная старуха. Чекисты

дали крестьянам задание подсыпать боевикам снотворное, а сами устроили засаду. Члены банды были доставлены в районный отдел МГБ. Все преступления Стахура были подтверждены доказательствами. Процесс начался уже в 1952 году и на него пускали только по пропускам. Побывавшие на суде удивлялись тому, что перед ними оказался не громила с бандитским лицом, а худой парень 19-ти лет. Он был обычным, ничем не отличался от студентов, которые ходят по улицам. Тогда многим стало понятно, почему Ярослав Галан так спокойно пускал его к себе в дом.

Убийцу Галана приговорили к смертной казни через повешение, что в то время являлось исключением: со времён войны она не применялась. В данном случае суд над Стахуром приравнивался к военному трибуналу. Потом в газете «Правда Украины» появилось сообщение, что приговор приведён в исполнение.

Гибель Галана от рук бандеровцев долгое время было горячей темой, привлекавшей журналистов и кинематографистов. О нём было снято много документальных фильмов и две игровые картины – «Об этом забывать нельзя» (1954) и «До последней минуты» (1973). Писателю устанавливали памятники, его именем называли улицы. В Львове на площади Галана был его музей. После провозглашения независимости Украины все памятники снесли, музей закрыли, а площадь переименовали. Улица Гвардейская, на которой жил и умер Ярослав Галан, сегодня носит название улица Героев Майдана. На украинской земле наступила эпоха новых героев.

Теория заговора

Вторая половина XX века окончательно превратила частные драмы в достояние общественности, а несчастные случаи с политиками обрастали множеством слухов и домыслов, из которых впоследствии выросли целые конспирологические теории. Но стоит признать, что все эти теории, над которыми принято иронизировать, не такая уж неправда.

Покушение на графа Бернадота

1940-е годы хранят много загадок политического характера, связанных с послевоенным переделом Европы и развитием новых отношений. Одна из таких загадок – убийство графа Бернадота неподалеку от Иерусалима.

Шведский дипломат Фольке Бернадот был человеком голубых кровей, потомком королей и принцев, но родился он за пять лет до наступления не аристократического века и карьеру свою строил не на родословной, а на политических делах.

В конце войны рейхсканцлер Гиммлер хотел сделать Бернадота своим посредником на переговорах с союзниками, но 27 апреля 1945 года Бернадот ответил ему, что половинчатая капитуляция союзников не устроит. В то же время когда Гиммлер предлагал Бернадоту отправить узников-евреев в Швецию, граф ответил ему, что отношение к евреям у них обоих одинаковое. После операции по спасению узников Равенсбрюка Бернадота хотели внести в реестр Праведников мира, но тогда это не было сделано.

FRIDAY, SEPTEMBER 18, 1948. THREE CENTS

BERNADOTTE IS SLAIN IN JERUSALEM; KILLERS CALLED 'JEWISH IRREGULARS'; SECURITY COUNCIL WILL ACT TODAY

U. N. MOVE IS SWIFT

Cadogan Calls Session, Lie Is Flying to Paris— Delegates Shocked

AMERICAN IS PUT IN POST

Dr. Ralph Bunche Is Ordered to Take Over Count's Work— Washington, London Stirred

By THOMAS J. HAMILTON

PARIS, Sept. 17 — A special meeting of the United Nations Security Council will be held at 3 P. M. tomorrow in the Palais de Chaillot to consider what action should be taken regarding the assassination of Count Folke Bernadotte, United Nations Mediator, in Palestine.

U. N. MEDIATOR KILLED IN PALESTINE

HIS CAR AMBUSHED

Mediator Was Defying Warnings by Tour— French Aide Dies

STERN GROUP IS BLAMED

U. S. Consul Calls Terrorists 'Presumably' Responsible —Palestine Is Tense

By JULIAN LOUIS MELTZER

TEL AVIV, Israel, Sept. 17— Count Folke Bernadotte, United Nations Mediator for Palestine, and another United Nations official, detached from the French Air Force, were assassinated this afternoon within the Israeli-held area of Jerusalem.

Газетное сообщение о гибели Фольке Бернадота

В 1946 году он стал президентом шведского Красного Креста, а в 1947 году его назначили председателем комиссии ООН по урегулированию арабо-израильского конфликта. Это сыграло в жизни Фольке Бернадота роковую роль.

Назначенный на этот пост на второй день арабо-израильской войны, Бернадот сразу же взялся за соглашение о прекращении огня, и ему удалось остановить конфликт на четыре недели.

Но главные положения, которые предлагал Бернадот, подвергались критики со стороны разных лагерей. 15 июля 1948 года в Совете Безопасности ООН от СССР выступал представитель Украины, заявивший, что действия Бернадота уничтожат израильскую государственность. Израиль был против деления территории с Трансиорданией, но особенно израильтян возмущал пункт о том, что Иерусалим останется в ведении арабов. Арабская сторона, в свою очередь, добивалась ликвидации государственности Израиля и не была согласна на полумеры. Обе стороны отвергли предложения Бернадота, видевшего главные проблемы конфликта в судьбе палестинских беженцев, обозначении государственных границ и статусе Иерусалима. Вначале граф хотел оставить Иерусалим арабам и этим вызвал гнев Израиля. Позднее он предлагал сделать этот священный город зоной международного контроля. Именно об этом он говорил накануне убийства – 16 сентября.

Бернадот еще в конце 1940-х годов столкнулся с проблемой, которая до конца не решена до сих пор. Возможно, ему казалось, что существуют способы договориться, и он увяз на Востоке. Понимал ли он, что уже не выберется оттуда никогда?

17 сентября 1948 года кортеж из трёх автомобилей выехал на дорогу, ведущую из Катамона, в котором стояла израильская армия, к Рехавии, где находилась резиденция военного губернатора Иерусалима. Но в этот момент дорогу кортежу перегородил военный джип Израиля. К автомобилям под предлогом проверки документов подошли три солдата. Один из них подбежал к машине «крайслер», где был Бернадот, и начал стрелять из ручного пулемёта, выпустив в графа 6 пуль. Вместе с Бернадотом был застрелен полковник Андре Серо, ответственный за освещение событий в СМИ: ему досталось 18 пуль.

Через двое суток началось расследование покушения. Поскольку убийцы и не скрывали своей принадлежности к израильской армии, были сделаны выводы, что за покушение ответственна радикальная еврейская группировка «Лехи» («Лохамей Херут Исраэль» – «Борцы за свободу Израиля»). «Лехи» действовала с 1940 по 1948 год и была частью организации «Иргун», отколовшейся из-за разногласий. В связи с покушением

был арестован руководитель группировки Натан Елин-Мор, но позднее отпущен. Задержать виновных так и не удалось, потому что в израильской армии их просто не было: это были переодетые в солдатскую форму экстремисты.

Это преступление до сих пор вызывает споры. Кто стоял за этим планом, непонятно. В сентябре 2008 года Иерусалим, Стокгольм и Нью-Йорк отдали дань памяти графа Фольке Бернадота, ставшего жертвой политического террора.

Двойное убийство в Далласе

Убийство в ноябре 1963 года 35-го президента США Джона Кеннеди стало загадкой столетия и продолжает будоражить умы до сих пор. Конспиролог Джон Коулман называл его «самым важным уголовным делом новейшей истории Америки»[5].

На глазах у огромной толпы, собравшейся на улицах Далласа, в открытом автомобиле был застрелен президент США. При наличии отснятых кадров, толпе свидетелей, множестве томов уголовного дела и 888 страниц отчёта Комиссии Уоррена ничего толком установить не удалось. Мнения разделились: кто-то считал, что президент Кеннеди погиб в результате заговора спецслужб, кто-то винил во всём сумасшедшего стрелка Ли Харви Освальда, засевшего на книжном складе с винтовкой. В США любят романтизировать «полуночных ковбоев», «беспечных ездоков», стрелков-одиночек и маньяков, но Ли Харви Освальд, выбранный на эту роль, не походил ни на ковбоя, ни на одинокого стрелка.

С одной стороны, 24 года вовсе не помеха для резонансного убийства: Гаврило Принципу было и того меньше, когда он, застрелив престолонаследника, детонировал Первую мировую войну. С другой, облик Освальда скорее наводит на мысль об университетской юности и сидении над книгами. Тем не менее он успел послужить морским пехотинцем и навыки военного дела освоил.

Комиссия Уоррена однозначно пришла к выводу, что этот рохля за пять с половиной секунд трижды выстрелил в машину президента с шестого этажа. Три выстрела поразили три мишени – президента Кеннеди, губернатора Техаса Джон Конналли и одного из случайных людей, причём два последних были ранены, а президент убит наповал. Но ещё интереснее, что по выводам комиссии пуля, тяжело ранившая Конналли в спину, потом попала в шею президента. Убить одной пулей двух зайцев по силам только идеальному стрелку, а если вдуматься – то никому не по силам.

Races Stocks Sports
Results from Major Tracks Final Wall Street Lists Latest Developments

ASSASSIN'S SHOT KILLS PRESIDENT

Red Head Edition THE KNICKERBOCKER NEWS

LBJ Takes Office; Suspect Arrested

A Stunned Albany Receives the News

Stock Prices Dip; Markets Close Down

Senate Adjourns; Capital at Standstill

A Nation's Disbelief Turns into Anger

Одни считали, что Кеннеди погиб в результате заговора спецслужб, другие винили во всём сумасшедшего стрелка Освальда

Но комиссия утверждала, что этот нервический молодой человек действовал в одиночку, и за ним никто не стоял. Существовало множество подтверждений того, что Кеннеди был убит выстрелом спереди, а не в затылок, но это полностью разрушало версию об убийце-одиночке: Освальд со своего места мог попасть только в затылок. Именно поэтому понадобилось устроить возню вокруг больницы, выкрасть мозг Кеннеди и фальсифицировать результаты экспертизы. Многочисленные свидетели, стоявшие по пути следования кортежа, видели, как вокруг сыпались пули, и понимали, что площадь со всех сторон простреливается снайперами, но никто из них не был выслушан, а многие из них запуганы. Годами позднее в разных местах Америки находили убитых наёмников, явно связанных с этим покушением.

По каким соображениям Ли Харви Освальд решил убить Кеннеди, установить не удалось, потому что через два дня он сам стал жертвой покушения. А это уже наводило на мысль, что не очень-то хотелось прояснять роль Освальда в этом тёмном деле, наоборот – от Освальда надо было избавиться, свалив на него всю вину.

В этом отношении куда более интересной оказалась загадочная миссия владельца ночного клуба Джека Руби, застрелившего арестованного Освальда через два дня после убийства президента – то есть именно в тот день, когда началось

следствие по делу о покушении в Далласе. Устранение главного обвиняемого должно было всех обескуражить, но и объяснить поступок Руби как эмоциональный срыв под воздействием патриотических настроений. Однако в такое объяснение тоже никто не поверил. Во-первых, Руби вовсе не походил на патриота. Он походил на человека, связанного с итальянской мафией. Во-вторых, Джек Руби уже через час после покушения вертелся в больнице, куда отвезли Кеннеди, и возникло предположение, что он принимал участие в фальсификации доказательств. Последнее предположение выглядит тем более убедительным, что Руби позднее вообще отрицал свое пребывание в больнице, несмотря на то что его там видели с десяток свидетелей – Сет Кантор, Вильма Тайс и другие. Вильме Тайс перед её показаниями в комиссии Уоррена позвонили и велели держать язык за зубами. И как тут не возникнуть теории заговора?

После ареста Освальда Джек Руби находился в штаб-квартире полиции, выдав себя за репортера из газеты. Он даже поправил окружного прокурора Уэйда, когда тот на брифинге перепутал название организации, к которой принадлежал Освальд: Уэйд сказал «Свободная Куба», а Руби – «Честная игра для Кубы». Это было принципиально: вторая организация в отличие от первой выступала за режим Фиделя Кастро, а Освальда решено было представить как наёмника коммунистов. Через два дня Руби пробрался в подвал штаб-квартиры полиции и в 11.21 при транспортировке Освальда в окружную тюрьму вышел из группы репортёров и выстрелил Освальду в живот. Специальный комитет по терроризму вынужден был признать, что этот поступок не был спонтанным актом одиночки, к тому же Руби не мог пробраться в подвал криминальной полиции без посторонней помощи, а с территории гаража почему-то именно в этот момент была удалена охрана.

В этом деле никто не говорил правды. Комиссия Уоррена для того и была избрана, чтобы по указанию спецслужб составить неправдоподобный отчёт об убийстве Кеннеди, а полиция, в свою очередь, скрывала от комиссии все обстоятельства, связанные с убийством Освальда.

Коулман, назвавший доклад Комиссии Уоррена «фикцией», писал: «До тех пор, пока нанесённая этим преступлением ужасная рана зияет на теле американского народа, пока он запятнан им, наша национальная совесть не может, не должна позволить сокрыть от нас правду навсегда»[6].

Смерть франкиста

Через 10 лет после убийства американского президента в самом центре Мадрида был убит премьер-министр Испании Луис Карреро Бланко. Его прочили в преемники Франко, рассчитывая, что при смене диктатора молодым королем Хуаном Карлосом опытный Бланко останется председателем правительства и будет оказывать влияние на монарха и проводить прежнюю линию.

Ради осуществления непростой акции боевики баскской организации ЭТА заранее отследили весь маршрут премьера франкиста. Они узнали, что Бланко в одни и те же часы посещает церковь, и вырыли под улицей Кладио Коэльо тоннель для заложения взрывчатки. 20 декабря 1973 года мощный взрыв катапультировал машину Бланко на террасу иезуитского монастыря высоко над улицей, отчего прибывшая полиция не сразу поняла, что произошло, и беспомощно топталась на месте, пока не заметила груду покореженного металла на балконе.

20 декабря 1973 г. мощный взрыв выбросил машину Бланко на террасу иезуитского монастыря

Пятеро убийц премьера Бланко были в масках и скрылись во Франции. Существовала версия, что первоначально председателя правительства Испании намеревались не убить, а похитить ради обмена на полторы сотни политических заключенных. По другой версии покушение было тщательно спланировано людьми из властных структур, конкурентами Бланко, а боевики баскской радикальной организации ЭТА оказались лишь исполнителями плана, пешками в чужой игре.

История с убийством премьера имела продолжение. Во

всяком случае, нераскрытые убийства нескольких баскских сепаратистов в 70-х – 80-х годах во Франции многим историкам представляются акцией возмездия, осуществленной эскадронами смерти по секретному приказу властей.

Одним из участников покушения на Бланко считался Клаудио Коэльо. Но он был не единственным подозреваемым. Так, 21 декабря 1978 года в Лабурдане был взорван автомобиль ещё одного организатора покушения – Хосе Мигеля Беньярана. По свидетельству некоего информатора «Леонидаса», офицера из силовых структур, Беньяран был ликвидирован подразделением эскадрона смерти под названием «Испано-баскский батальон». Эта организация наемников возглавлялась военным моряком Педро Мартинесом и состояла из трех морских пехотинцев, лётчика и карабинера. Они действовали при помощи разведки, итальянского неофашиста Марио Ричи, ультраправого аргентинца Хосе Мария Боккардо и француза-оасовца Жана-Пьера Шерида. Такое внушительное количество участников и их интернациональный состав, а также то, что все они были военными профессионалами, свидетельствовало не о мести, а о хорошо организованном заговоре. Многие предполагали, что речь идет не о бумеранге, настигшем террористов, а об устранении исполнителей, которые слишком много знали об истинных организаторах убийства премьера Бланко.

Последний князь Возрождения

При устранении фактурных фигур, связанных с политикой или промышленностью, чаще всего используется самолёт: аварию авиалайнера легче списать на несчастный случай или метеоусловия. Так было и с Энрико Маттеи, которого называли «последним князем Возрождения» и «самым могущественным римлянином после императора Августа».

Его отец был бригадиром карабинеров Аскуланье. Энрико родился в 1906 году, с 15 лет работал на фабрике, к 20 годам возглавил химическую лабораторию, в которой изготавливали лак для покрытия металла. Потом началась война. Маттеи участвовал в Сопротивлении и подружился с коммунистическим лидером Луиджи Лонго, будущим главой ИКП. Эта дружба позднее помогла Маттеи заключать договора с СССР.

После войны Маттеи стал директором газовой компании Агип, разрабатывавшей месторождения газа и метана в северной Италии. Вскоре его начали теснить англо-американские конкуренты, но ему удалось выстоять и даже увеличить свои метановые разработки.

Когда Энрико Маттеи заключил договор о торговле с СССР, его судьба была предрешена

Премьер-министр Италии Альчиде Де Гаспери, который родился на территории северной Италии и сам был сыном полицейского бригадира, проникся симпатией к волевому директору, но после войны вынужден был просить финансовой помощи у США и ездить на Запад с протянутой рукой, поэтому он не мог в полной мере поддержать Маттеи. Тому приходилось прокладывать трубы под новые месторождения за ночь, поскольку ночное строительство не подпадало под действие закона. Он даже ухитрился купить у англичан ядерный реактор, а в 1953 году создал «ЭНИ» – энергетический консорциум, которым очень гордился. При этом Маттеи не стал капиталистом и единоличником, все его программы были государственными. Но главным достижением Маттеи и его роковой ошибкой было переманивание бывших колоний: странам Азии и Африки он предлагал более выгодные условия торговли ресурсами, чем англичане и американцы. Семь ведущих компаний превратились в его врагов, а когда он заключил договор о торговле с СССР, его

судьба была предрешена.

Промышленника пытались скомпрометировать, писали о его политической неразборчивости, превышении полномочий, деспотичном характере. Но в случае с Маттеи политика и промышленность уже являлись синонимичными понятиями, поскольку энергетика была тесно связана с политикой Италии и была движущей силой страны. И никто из его работников не обвинил бы его в деспотизме, потому что он создал для них превосходные условия труда, а отпуск они проводили в специальном курортном комплексе в Доломитовых Альпах, который выстроил для них заботливый хозяин. Себя он при этом не баловал: предпочитал вкладывать деньги в благотворительность и культурные проекты Италии. Такого человека можно было только убить.

27 октября 1962 года он возвращался из Сицилии в Милан, и его самолёт упал в Павии, возле Баскапе. Что Маттеи убили, никто не сомневался, но лишь недавно повторное расследование установило, что в самолёт был заложен тротил, взорвавшийся во время посадки.

Авторами проекта устранения Маттеи были американская и сицилийская мафия. Но расследование велось поверхностно, официальной версией стала авария. Тем не менее помощник Маттеи Бенито Ле Виньи отправил в США и документы, свидетельствующие о том, что президент Кеннеди хотел через Маттеи наладить тесные связи с СССР. В результате убиты были они оба.

Политический кинематограф Италии всегда отличался бесстрашием и точным, почти документальным отражением событий. В 1972 году корифей политического и криминального кино Франческо Рози, несмотря на угрозы со стороны мафии, снял художественный фильм «Дело Маттеи». Рози своей картиной невольно породил новую криминальную драму: во время съемок пропал консультант фильма, журналист Мауро Де Мауро, который по просьбе режиссера начал уточнять детали гибели Энрико Маттеи. Италия в XX веке напоминала минное поле: здесь каждый шаг в сторону был опасен для жизни.

Опасная профессия

Когда Франческо Рози начал снимать «Дело Маттеи», журналист Мауро Де Мауро встретился с ним и обещал написать ту часть сценария, которая связана с убийством. По его словам, это будет бомба, настоящий скандал. В начале сентября 1970 года в газеты попало сообщение, что Мауро знает заказчиков Маттеи и готовит разоблачительные материалы.

Это произошло в Палермо, столице Сицилии. 16 сентября Мауро задержался в редакции и по телефону предупредил домочадцев, что вернется поздно. В 10 часов вечера он вышел из редакции, сел в автомобиль и отправился домой. На углу улицы Пиранделло он зашёл в бар купить сигарет и вина. Подъехав к дому, Мауро увидел свою дочь и её жениха. Они поднялись в квартиру. Вдруг из своей комнаты дочь услышала громкий разговор отца с какими-то людьми. По её словам, они были знакомы. Трое незнакомцев стояли возле машины журналиста. Он вышел, сел за руль и вместе с ними уехал. Больше его никто не видел. Автомобиль вскоре обнаружили на окраине с купленной журналистом бутылкой вина и пачкой сигарет. Общественность приняла участие в поисках Мауро Де Мауро, его искали по всей Сицилии и даже обратились в Интерпол.

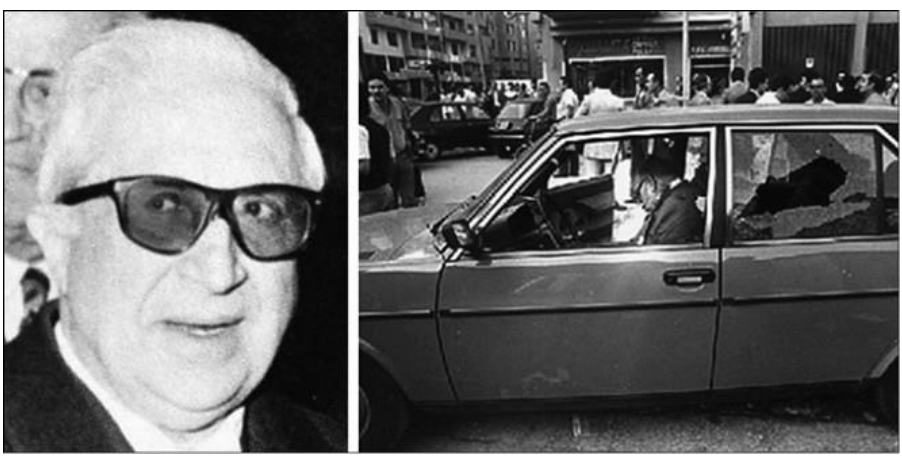
Лишь спустя несколько лет появился сенсационный материал – анонимное признание итальянского священника об исповеди наемного убийцы Джузеппе П., который назвал себя информатором Мауро Де Мауро. Это он получил заказ на убийство журналиста. Вместе с двумя приятелями он пришёл к Мауро и выманил его из дома под предлогом важных материалов по делу Маттеи. Журналист попался на эту приманку. Его привезли на конспиративную квартиру мафии и обкололи наркотиками. Там его 19 дней допрашивали, пытали и вновь вводили препараты, пытаясь выяснить, что ему известно и кто его информаторы.

Мауро Де Мауро исчез в Палермо 16 сентября 1970 г.

На фургоне «скорой помощи» его вывезли в приморский посёлок и три дня держали в рыбацком домике, а потом увели на рыбацкую шхуну. Мауро Де Мауро погрузили в железный контейнер и выбросили в море. Впоследствии выяснилось, что этим Джузеппе П. был Лючано Леджио, бандит, известный под кличкой «Красная примула». У него был богатый послужной список, и впервые он был арестован ещё в 1944 году полицейским комиссаром Анджело Мангано, который впоследствии утверждал, что через Леджио можно было бы выйти на «голову змеи» (капо деи капи») – того, кто был главным и кто заказал Мауро. Но мафия не прощает болтунов, и Леджио никогда ни в чём не признавался.

Промах прокурора Скальоне

Через несколько месяцев дело об исчезновении Мауро повлекло за собой ещё одну криминальную драму: 5 мая 1971 года был убит генеральный прокурор Палермо Пьетро Скальоне. Он давно пытался побороть организованную преступность на Сицилии и наконец прибег к рискованному приёму: собрал пресс-конференцию и заявил, что в ближайшее время раскроет похищение Мауро Де Мауро и убийство Энрико Маттеи, а также представит доказательство связи этих двух дел. Многие считают, что в основе пресс-конференции было желание пригрозить, запугать, но не какие-то реальные свидетельства и улики. Так или иначе, это заявление стало роковым для самого Скальоне, измотанного бесчисленными убийствами на вверенной ему территории.



Пьетро Скальоне пытался побороть организованную преступность на Сицилии

Вообще, в 1970-е годы принимать должность генерального прокурора в Палермо мог только убеждённый самоубийца, а единственным способом уцелеть на этой должности была дружба с мафией и умение закрывать уголовные дела.

Утром 5 мая Скальоне покинул свой дом на Виа Маркезе и в компании сержанта карабинеров Сабастьяно Агостино и своего сына Антонио поехал в центр на автомобиле. В центре он высадил спутников, а сам отправился на кладбище «Деи Капуччини» навестить могилу жены. Возвращался он по узенькой улочке Виа Деи Чипресси, где автомобилю Скальоне преградил дорогу белый «фиат», из которого вышли двое мужчин, они обстреляли машину

прокурора, после чего уехали. Прибывшей на место преступления полиции оставалось лишь зафиксировать смерть прокурора, в которого выпустили 11 пуль.

Единственным свидетелем убийства оказался 11-летний мальчик, который впоследствии начал менять детали в своих показаниях. Он уже не помнил, сколько было нападавших, а машина, остановившая прокурора, стала не белой, а чёрной. Преступников так и не нашли.

Сто дней в Палермо

Италию весь XX век сотрясали заговоры и убийства. Она жила как будто двумя параллельными жизнями – как государство и как государство в государстве, которое изнутри влияло на все структуры. Это был организм, безнадежно пораженный раковой опухолью и все-таки продолжавший существовать и заражать всё вокруг. Спрут – так была названа эта болезнь.

Если вернуться к началу нашей книги, то можно вспомнить частное, провинциальное дело об убийстве в 1906 году четы Куоколо – ресторатора и его жены. Казалось бы, ничего особенного – просто местное преступление, однако именно тогда впервые появились щупальца этого спрута, который впоследствии опутает всю страну. К 1970 годам эти отношения внутри государства обострились до крайности. Советская итальянистка Цецилия Кин писала о «некоторых отвратительных персонажах», проникавших в политику, во все структуры власти, о «таинственной «группе», которой очень нужны были деньги». Судья Пьетро Калоджеро выдвинул «теорему», согласно которой все террористы объединены между собой – и черные и красные – и всеми руководит некий Великий Старец, Тони Негри. Это оказалось профанацией. Запутанные в мафиозные дела делятся на 5 групп: 1) пентити (раскаявшиеся), 2) диссочиати (завязавшие, но молчуны), 3) ирридучибили (нераскаявшиеся), 4) инноченти сти (утверждающие, что все не виновны), 5) кольпеволисти (считающие, что все виновны).

Первая волна арестов по спискам, данным одним из фигурантов Фиорони (ему дали 27 лет заключения, и он активно сотрудничал со следствием), прокатилась 7 апреля, вторая – 22 декабря 1972 года. В деле обличения мафии проявил себя знаменитый генерал Карло Альберто Далла Кьеза, префект Палермо и заместитель командующего корпуса карабинеров, руководитель антитеррористической группы. Тогда было арестовано множество людей.

Префект Палермо и зам. командующего корпуса карабинеров Карло Альберто Далла Кьеза

Еще в начале 1970-х годов Далла Кьеза возглавил расследование резонансных убийств журналиста Мауро Де Мауро 16 сентября 1970 года и прокурора Пьетро Скальоне 5 мая 1971 года. Тогда во время т. н. процесса 114 на скамье подсудимых оказалось множество боссов мафии.

В 1973–1977 годах Далла Кьеза был бригадным генералом в Турине, он командовал «дивизией Пастренго». После похищения «Красными бригадами» судьи из Генуи Марио Сосси энергичный Далла Кьеза внедрил в террористическую организацию своего агента, что привело к арестам лидеров группировки. После побега членов «Красных бригад» из тюрьмы «Casale Monferrato» генерал организовал поиск и добился решения о содержании террористов в тюрьмах строгого режима. В мае 1977 года он занял должность координатора между службами безопасности и органами профилактики преступлений и исполнения наказаний. В сентябре 1978 года занялся координацией деятельности полицейских структур в борьбе против терроризма. Ему удалось добиться значительных успехов.

2 мая 1982 года Далла Кьеза был назначен префектом Палермо и поклялся решительно бороться с мафией. Мафия ему этого не простила. Незадолго до своей смерти ставший вдовцом генерал женился на молодой красавице Эмануэле Сетти Карраро. 3 сентября 1982 года Далла Кьеза был убит вместе с женой и телохранителем Доменико Руссо. В последние мгновения, когда

генерал понял, что в них стреляют, он попытался своим телом закрыть жену.

Исполнители преступления были найдены. Ими оказались люди клана Корлеонези – Антонио Мадония и Винченцо Галатоло. Они были приговорены к пожизненному заключению, а их сообщники Франческо Паоло Ансельмо и Калоджеро Ганчи получили по 14 лет тюрьмы. Удалось разоблачить 11 участников покушения на генерала, но один всё-таки остался неизвестным…

Секретный узник

Убийство генерала Далла Кьеза не кажется удивительным, учитывая тот преступный характер, который сложился в итальянских госструктурах, пронизанных коррупцией и клановыми связями. Гораздо более таинственной предстает история похищения и убийства бывшего премьера Италии и влиятельного политика Христианско-демократической партии Альдо Моро. Долгое время Моро содержался в плену у террористов на одной из улиц Рима, а его поиски велись без всякого успеха. Казалось, никто в Италии не заинтересован в спасении человека, так много сделавшего для страны.

16 марта 1978 года в 8.30 утра охранники Моро позвонили, чтобы сообщить о своем выезде к нему домой. Через два часа должно было состояться заседание нового парламента, в который благодаря дипломатическим усилиям Моро входила теперь коммунистическая фракция. Без четверти девять автомобиль Моро выехал в сторону парламента. В конце улицы Виа Фани кортеж ждала засада. Пятеро телохранителей были застрелены 92 автоматными очередями, причём 49 из них были выпущены из одного автомата.

Альдо Моро в плену у «Красных бригад» и его тело на Виа Каэтани

Позднее выяснилось, что этим опытным снайпером был

Валерио Маруччи, киллер группировки «Красные бригады». В обмен на молчание его тюремный срок был сокращен с 30 лет до 15. Маруччи во время интервью кажется умным, хладнокровным и равнодушно вальяжным. На фанатика или революционера он не похож, скорее – на профессионального наёмника.

На тротуаре осталось пять тел, а сам Альдо Моро был увезен в 9 часов 10 минут в неизвестном направлении, причём автомобиль похитителей спокойно проследовал мимо патрульной машины. Неподалеку от полицейских террористы пересели в другой автомобиль. Момент похищения был зафиксирован фотографом-любителем синьором Нуччи, стоявшим на балконе прямо над улицей Виа Фани. Фотографии он передал следователю, после чего они исчезли из дела.

В 10 утра премьер-министр Андреотти сообщил парламенту, что не намерен вести переговоры с похитителями. Коммунистическая фракция поддержала решение правительства. Газеты вышли с заголовками «Никаких переговоров с “Красными бригадами”», «Объединимся в борьбе с терроризмом». Полиция запустила слух, что вместе с Моро были похищены документы государственной важности. Это делалось для того, чтобы заставить молчать свидетелей.

С самого начала это дело сопровождали странные подробности. Почему-то в 9 утра на улице Виа Фани оказалась машина полковника спецслужб, который позднее утверждал, что был приглашен на ланч своим знакомым. Никто в такой ланч в 9 утра не верил, и все понимали, что этот полковник инструктировал похитителей. Одна из радиостанций сообщила о похищении Моро за полчаса до того, как оно произошло, а некий слепой пенсионер, гулявший с собакой накануне вечером, ещё 15 марта, услышал разговор в автомобиле: «Альдо Моро похитили и перестреляли всю охрану». Можно предположить, что этот случайный свидетель уловил отрывок из сообщения для прессы, готовившегося заранее. Член парламентской комиссии по расследованию похищения Серджо Фламеньи говорил, что ещё до 16 марта ему сообщали о готовящемся похищении одного из влиятельных политиков. Но буквально накануне, 15 марта, начальник полиции заверил Моро, что никакой опасности нет.

В 10.00 16 марта Альдо Моро был доставлен на улицу Виа Градоли, на юге Рима, и помещен в маленькую комнатушку с плакатом «Красных бригад» на стене. Там будет стоять его кровать, а его самого террористы будут снимать в течение 53 дней на фоне этого плаката.

Сразу после похищения полиция и военные развернули крупномасштабную операцию по поиску бывшего премьера.

Полицейские машины с сиренами и мигалками носились по городу, в воздухе кружили вертолеты. Всё это несказанно изумило специалиста по розыскной работе Никколо Боццо, вызванного из Милана. За 10 дней римской командировки он ни разу не был приглашен на совещание и совершенно не знал, куда себя девать, о чём и сообщил в Милан своему начальнику. По словам Боццо, он никогда не видел подобных поисков, направленных не на розыск пропавшего, а на совершенно иные цели – создать как можно больше шума и оповестить террористов о своем приближении.

На этом странности не кончились. Люди, живущие на Виа Градоли, много раз сообщали о странных стуках в стену, напоминавших азбуку Морзе, о шуме и перемещениях в соседней квартире. Но приехавший наряд полиции вскрывал все квартиры, кроме тех, которые занимала компания «Монте Велле Верде», финансировавшая спецслужбы Италии. Именно эти квартиры 11 подъезда занимали террористы «Красных бригад». Италия клановая страна, а в доме напротив жил земляк главы террористов Марио Маретти, полицейский Алессандро Монтанья, который со своего балкона наблюдал за всей улицей и оповещал о приближении спецслужб. Позднее Монтанья получил повышение – работу в разведке.

Абсурдом стала вечерняя встреча шести ведущих полковников спецслужб на спиритическом сеансе. Запросив у медиума местонахождение Моро, они получили всё тот же адрес – Виа Градоли. И наконец, вожди калабрийской мафии сообщили товарищу Моро Бенито Гуццони тот же адрес, о чём он сообщил полиции. Но начальник полиции ответил ему, что такой улицы в Риме нет, и послал военных и полицейских в деревню под названием Градоли, в которой они к полному удивлению местных жителей обыскивали сараи и коровники.

Что спецслужбы прикрывали «бригадистов», подтверждал и Малетти, возглавлявший отдел антитеррора. За всем этим стояла знаменитая крайне правая «Ложа Р-2» во главе с Личчио Джелли. Членами этой преступной масонской ложи были все представители силовых структур Италии: начальник военной разведки Санта-Вито, начальник политической разведки Бассеини, начальник экономической полиции Вальтер Перузи и другие Рядовые члены «Красных бригад» были демонстративно арестованы, но главные действующие лица этой драмы оставались на свободе.

Из своего заключения Альдо Моро писал обращения к правительству: «Неужели ради так называемой лояльности государству вы допустите мою гибель? Это будет позорная

страница нашей истории. Моя кровь падет на вас, на партию, на всю страну». Андреотти тут же заявил для недавно образованной левой газеты «La Repubblica», что условия содержания Альдо Моро не позволяют воспринимать его письма всерьёз, поскольку он сломлен и это уже не тот Моро, которого все знали.

Моро сам понимал, что его предали все. В одном из писем он назвал премьер-министра холодным и безжалостным человеком, а в завещании, составленном в плену, писал: «Я не хочу, чтобы на моих похоронах присутствовали политики, за исключением тех, кто любил меня». Обращался он и к министру внутренних дел Франческо Коссига, но тот был сторонником жесткой линии и во всем поддерживал Андреотти.

План по окончательному устранению Моро и ускорению событий разработали Андреотти и его друг, руководитель спецслужб Клаудио Витталони. Все были в этом уверены, потому что без Андреотти в стране не решался ни один вопрос. Появились сообщения, что состоялся суд над Моро, он приговорен к смерти, а потом был запущен слух, что тело Моро находится на дне озера Дучессо. Водолазы и солдаты обыскивали озеро, хотя все понимали, что это «утка»: попасть в горы, окружавшие озеро, можно было лишь на вертолёте. Узнав об этом, Моро написал: «Это репетиция моих похорон».

«Красные бригады» сразу дали сообщение: «Мы этого не делали, вся ответственность лежит на Андреотти». И тогда начался последний акт трагедии. Глава бригадистов Марио Маретти находился в это время во Флоренции и с изумлением увидел в теленовостях изображение своей квартиры. Некто неизвестный открыл её своим ключом и устроил наводнение в ванной комнате, затопившее соседку. По её вызову выехала полиция и обнаружила в квартире театрально разбросанное оружие, гранаты и тот самый автомат, из которого были убиты охранники. Именно это Маретти и увидел в новостях. Было ясно, что это – провокация с целью ускорить события.

Сразу вслед за этими событиями киллер Валерио Маруччи позвонил профессору Франко Титто и передал ему, что тело Моро находится в автомобиле на Виа Каэтани. Священники, газетчики, полиция окружили автомобиль «Рено-4». Моро лежал внутри, он был убит 11 выстрелами.

В деле Альдо Моро рассматривались разные версии – от советской до американской. В тот момент компромиссные действия Моро не устраивали обе стороны холодной войны. Причиной похищения и убийства Моро стал его политический альянс с коммунистами, благодаря которому стало возможным включение коммунистов в парламент. Лидером ИКП был в те

годы Энрико Берлингуэр, вызывавший симпатии Моро. «Еврокоммунисты» Италии отошли от советской линии и вызвали критику руководства СССР, к тому же лидер СССР Брежнев помнил свою обиду на Моро: тот, будучи премьером, отказался от официальной встречи с партийной делегацией Брежнева в 1964 году. ЦРУ давно сотрудничало с «Ложей Р-2», а его агенты были членами ложи. Во время визита Моро в США ему угрожали, требовали ухода из политики, и он вынужден был прервать поездку.

Компромисс итальянского правительства с коммунистами не устраивал Москву, Вашингтон, само итальянское правительство и силовые структуры Италии. Можно сказать, что такой альянс не устраивал никого, а в подобных случаях под ударом оказываются не стороны противостояния, а промежуточное, связующее звено, способное повлиять на ситуацию: достаточно вспомнить историю Григория Распутина или Дага Хаммаршёльда. В данном случае таким звеном оказался Моро.

Беспокойный Пекорелли

Автором крупномасштабного расследования дела Моро и сторонником версии всеобщего заговора против политической линии Моро был журналист Кармино Пекорелли. В сентябре 1978 года Пекорелли написал статью «Великое Собрание Ватикана», представив в ней 121 имя предполагаемых масонов. В списке оказались кардиналы, епископы и высокопоставленные прелаты, в числе которых Жан Вийо, глава банка Ватикана Пол Марцинкус и его личный секретарь Паскуале Макки.

Пекорелли был убит в своём автомобиле на улице Виа Орандо

20 марта 1979 года Пекорелли был убит в своём автомобиле, припаркованном в конце улицы Виа Орандо. В него выстрелили четыре раза, последний выстрел был сделан в рот, что выглядело символично: как послание мафии тому, кто много болтает.

* * *

В романе португальского конспиролога Луиса Мигеля Роча «Смерть понтифика» (2007), посвященном загадочной смерти Иоанна Павла I, рассматривалась версия связи Мино Пекорелли с «Ложей Р2» и самим Личио Джелли, снабжавшим его информацией. По словам Роча, 50-летний Пекорелли «кичился тем, что имеет доступ к эксклюзивным материалам и опубликовал ряд статей, которые никто другой не смог бы написать. По слухам, своими успехами он был обязан связям в высшем обществе; поговаривали, что журналист нередко

появляется во влиятельных кругах, поближе к источникам новостей, и водит дружбу с множеством сильных мира сего».

Роча писал, что Пекорелли сам был членом масонской ложи и хотел получить от Личио Джелли 15 миллионов за нераспространение информации. Но версия о шантаже кажется притянутой: довольно странно, что всемогущий хитрец Джелли делился секретной информацией с журналистом-разоблачителем, платил ему, а потом еще и стал жертвой его шантажа.

* * *

В реальности всё было иначе: в убийстве журналиста подозревалась другая политическая фигура – Джулио Андреотти, премьер Италии, связанный с делом Альдо Моро.

В апреле 1993 года один из членов мафии Томмазо Бушетта заявил, что Андреотти был заказчиком убийства. Причиной убийства стало желание Пекорелли опубликовать дневник Альдо Моро, который тот вёл в плену у «Красных бригад». Каким образом постоянно контролируемый Моро вёл этот дневник и как он потом попал в руки журналиста Пекорелли и к префекту Карло Далла Кьеза, было не очень понятно.

После трех лет слушаний дела об убийстве Пекорелли, в сентябре 1999 года, суд города Перуджа оправдал Андреотти, несмотря на 168 заседаний и показания 230 свидетелей. Фактически этот суд затронул всю правительственную верхушку 50—70-х годов.

В ноябре 2002 года суд всё же признал Андреотти виновным и приговорил его к 24 годам заключения. В заключении говорилось, что для ликвидации Пекорелли была привлечена «коза ностра», организатором убийства стал Гаэтано Бадаламенти, который тоже получил 24 года. Четверо исполнителей были освобождены и оправданы, очевидно, за сотрудничество со следствием: слишком высокими оказались ставки.

Суд вызвал волну протеста. Сильвио Берлускони подключил СМИ, прокурор Джанфранко Кьяни заявил, что у Андреотти не было мотива для убийства, а дело против него является «гипотезой без доказательств».

Судью Лиино Веррину, вынесшего приговор, пришлось взять под защиту полиции после того, как ему пригрозили расправой.

Суд высшей инстанции отменил вынесенное решение, а 84-летний Андреотти, бывший премьером Италии семь раз, так и не попал за решётку. По итальянскому законодательству это было

окончательное решение, не подлежащее обжалованию.

6 мая 2013 года Андреотти скончался, унеся с собой в могилу множество тайн. О его жизни был снят талантливый, полный сарказма фильм Паоло Сорентино «Изумительный», в котором Андреотти предстает почти пародийной фигурой – угрюмым, полным злой энергии горбуном.

Исчезновение Эмануэлы Орланди

Казалось бы, что может связывать 15-летнюю девочку с префектом Палермо Далла Кьезой или влиятельным политиком Альдо Моро? Эта девочка даже не была гражданкой Италии. Она являлась гражданкой Ватикана – карликового католического государства в центре Рима. Однако эта история обросла политикой и политиками, как морской риф ракушками.

В начале восьмого вечера 22 июня 1983 года дочка чиновника вышла из консерватории и пропала на той же площади, как будто растворилась. Последней Эмануэлу видела ее одноклассница Раффаэла Монци. Они обе учились музыке, а Эмануэла осваивала класс фортепиано и флейты. С Раффаэлой она рассталась на остановке автобуса. Нашлись свидетели, утверждавшие, что Эмануэла села в машину марки BMW, за рулем которой сидел мужчина.

Через две недели Папа Иоанн Павел II в ходе традиционной воскресной проповеди выступил с неожиданным обращением: «Я хочу выразить живое участие и близость к семье Орланди, страдающей оттого, что их дочь Эмануэла, 15-ти лет, с 22 июня отсутствует дома, не теряя надежды на чувство человечности ответственных за этот случай».

Многим показалось странным такое официальное обращение. Во-первых, Эмануэла была не единственным подростком, ушедшим из дома. Во-вторых, понтифику было бы уместнее просто навестить с частным визитом её семью, проживавшую в двух кварталах от папской резиденции.

Высокопоставленный американец – монсеньор Марцинкус мог быть замешан в деле Эмануэлы Орланди

Для чего было взывать к общественности, если это могло насторожить преступников? Но за этим последовали еще семь официальных обращений Иоанна Павла II к неизвестным «похитителям» с требованием освобождения Эмануэлы Орланди, и тогда в дело включились спецслужбы нескольких стран, для которых призывы главы церкви стали руководством к действию. Так «дело Орланди» превратилось в событие государственной важности. При такой шумихе похитителям оставалось только убить заложницу, если она вообще была жива.

10-е управление восточногерманской контрразведки ШТАЗИ запустило дезинформацию о том, что Эмануэлу похитили, чтобы обменять на турецкого террориста Али Агджи, совершившего покушение на Папу Римского в мае 1981 года. Впоследствии эту версию и ее связь со ШТАЗИ подтвердили немецкий разведчик Маркус Вольф и полковник Бонсак. Тем самым спецслужбы Восточной Германии хотели снизить давление на арестованных болгар со стороны итальянского следствия. К тому же давили и на самого Папу Римского с его антикоммунистической позицией и поддержкой польской оппозиционной партии «Солидарность». Никакого отношения к похищению девочки спецслужбы ГДР и других стран социалистического лагеря не имели.

Эмануэла Орланди исчезла бесследно, и все политические интриги вокруг скандала не отменяли этот факт. К тому же понтифик действительно испытывал понятную неловкость: гражданка его государства исчезла прямо в центре Ватикана.

Многие считали, что это итальянская мафия похитила Эмануэлу в качестве предупреждения её отцу-чиновнику, знавшему о тёмных делах банка «Амброзиано», то есть речь шла о мести.

Потом появилось предположение судьи Розарио Приоре: «Версией, наиболее заслуживающей доверие в настоящий момент, является огромная ссуда, которую предоставила “банда Мальяна” на дело “Солидарности”, речь шла о 15–20 миллиардах лир (7,5—10 миллионов евро), факт, в определенном смысле установленный. Мотивом (похищения) явилось требование вернуть указанную сумму, которая удерживалась и не возвращалась. Учитывая гражданство девушки, это было своего рода давление, форма шантажа». Однако почему надо было для оказания давления похищать 15-летнюю девушку, дочь простого чиновника, не имевшую к этому никакого отношения? Не проще ли было украсть прелата или кардинала? По делу Орланди действительно звонили с требованием выкупа всевозможные похитители, в том числе назвавшиеся «Пьерлуиджи» и «Марио»,

которые могли быть членами «банды Мальяна». Как сообщил прокурор, запись телефонного разговора с «Марио» сохранилась и вскоре состоится его идентификация вследствие разоблачений раскаявшегося бандита и Сабрины Минарди, бывшей любовницы главаря банды Энрико Де Педиса.

Но весомых доказательств причастности «банды Мальяна» и Де Педиса к похищению Эмануэлы не было, а к проститутке Сабрине Минарди вообще отнеслись без особой серьезности: она была законченной кокаиновой наркоманкой и всё время путалась в показаниях. Могла вдруг вызывающе объявить, что сама караулила Орланди, чтобы та не сбежала, потом – что «девчонку прикончили и закатали в бетон», а на следующий день – что она ничего не знает.

Но такие выдумки порождают новые легенды, и вот уже появились сообщения, что тело Эмануэлы нужно искать в склепе погибшего в перестрелке Де Педиса, похороненного в храме Святого Аполлинера – как раз рядом с консерваторией. Когда она из консерватории вышла, её туда сразу и затащили, поэтому она словно растворилась в воздухе.

Каким образом бандит Де Педис по кличке Ренатино, убитый в ходе разборок между бандами в 1990 году, удостоился чести быть похороненным в храме Святого Аполлинера, где хоронят лишь кардиналов, может понять только Италия. Одни говорили, что он еще при жизни заплатил церковным властям за свое погребение 500 миллионов лир, или 250 тысяч евро. Другие возражали на это, что Де Педису и платить было не надо: он так много знал о тайнах Ватикана, что мог шантажировать этим склепом любого из столпов церкви.

Ватикан решительно воспротивился вскрытию гробницы Де Педиса, но брат Эмануэлы и общественное мнение настояли на своем. Могилу вскрыли, останки бандита перенесли на обычное кладбище, и… обнаружили вместе с Де Педисом кости другого мертвеца. Останки отправили на экспертизу. Только это была не Эмануэла.

Автор книг об Эмануэле Орланди, Пино Никотри, с самого начала считал, что никаких следов исчезнувшей девушки в могиле не будет и что Ватикану это известно. Он настойчиво намекал на то, что упомянутая Сабрина Минарди до своей кокаиновой судьбы работала поставщицей малолетних проституток для руководителя банка Ватикана и самого высокопоставленного американского прелата литовского происхождения за всю историю существования Ватикана – монсеньора Пола Марцинкуса. Он был персоной неприкасаемой и отмывал преступные доходы вместе с покойным Энрико Де

Педисом. Папа Римский Войтыла также пользовался грязными деньгами Марцинкуса и Де Педиса для финансирования «Солидарности» и других оппозиционеров. Именно об этом была сказана знаменитая фраза Марцинкуса: «Нельзя править церковью с помощью “Аве Мария”».

Деятельность банка «Амброзиано» едва не была разоблачена, и всесильный глава банка подал в отставку на фоне международного скандала и требований от Ватикана многомиллионных компенсаций в пользу обманутых вкладчиков банка.

В своем интервью Никотри сказал: «Де Педис абсолютно ни при чем. Доверие к Минарди равно нулю. Кроме того, нет доказательств того, что, по ее утверждению, она была любовницей Де Педиса на протяжении 10 лет: например, на свидания в тюрьму к нему ходила не она, а будущая жена, с которой Де Педис был давно обручен. Кроме того, как объяснила сама Минарди судебным следователям, она была высококлассной проституткой, по сегодняшним понятиям “эскорт”, и трудно себе представить, чтобы кто-то держал в любовницах в течение 10 лет проститутку. Наконец: если бы они действительно были любовниками, то правоохранительные органы не следили бы месяцами за Минарди, чтобы схватить Де Педиса, – достаточно было бы пару дней. Вам так не кажется? Максимум из того, что могла сделать “банда Мальяна” это попытаться извлечь выгоду из этой истории, вклинившись в нее каким-нибудь образом, чтобы содрать денег. Возможно, они почуяли или получили известия о том, что исчезновение красивой девушки имело отношение к какому-нибудь высокопоставленному прелату, занимающемуся педофилией, и, следовательно, попытались, а, возможно, и сумели осуществить прибыльный шантаж».

Версия о педофилии в Ватикане звучала всё громче. Выяснилось, что некий «американец» с церковной и несколько архаичной манерой изъясняться часто звонил в дом Орланди. Подруга Эмануэлы вспомнила, как та говорила ей о человеке, предложившем подработать. Девушка радовалась, что условия работы подходящие и деньги неплохие. Это уже тогда показалось подруге подозрительным. Скорее всего, речь шла о том самом «американце», звонившем в дом Орланди. Девушку могли под этим предлогом заманить в западню. Глава итальянских спецслужб Винченцо Паризи считал, что высокопоставленный «американец» – это и есть монсиньор Марцинкус.

Пино Никотри писал, что даже публичные выступления понтифика были вызваны желанием замять скандал вокруг некоторых своих приближенных, склонных к педофилии.

Секретарем у него работал ирландский прелат Джон Мегги, скрывавший случаи сексуального насилия в ирландской курии. Кроме того, Войтыла любил окружить себя соотечественниками, а его покоями заведовал уроженец Польши монсеньор Юлиус Петц, которого позднее деликатно убрали из Ватикана и сделали архиепископом Познани. Там, в Познани, извращенные наклонности Петца и вскрылись, когда был подан иск об изнасиловании десятков семинаристов.

Племянник кардинала Сильвио Одди сообщил Никотри о том, что, по словам дяди, «в Ватикане многие знали о том, то девушка состояла в интимной связи с высокопоставленным прелатом, и что её исчезновение было связано с этим фактом».

Сам Никотри придерживается мнения, что версия исчезновения достаточно проста: девушка умерла случайно во время застолья в компании известного прелата, входившего в Государственный Секретариат Ватикана, и произошло это в нескольких метрах от Ватикана, в тот самый вечер ее исчезновения. А её тело было спешно захоронено на территории папского государства, недоступной для итальянских следователей. В качестве доказательства Никотри ссылается на дело 1953 года, когда на пляже в Остии было найдено тело фотомодели Вильмы Монтези, умершей во время вечеринки сына известного политика: этот политик тогда потерял влияние и голоса. Поэтому тела отныне предпочитали скрывать.

В разговоре с журналистами Никотри коснулся и нынешнего Ватикана, сказав, что новый Папа, Ратцингер, едва ли подходит на роль разоблачителя, поскольку он сам ушёл от правосудия еще в США, вовремя став понтификом, а потом приказывал подчиненным замалчивать все дела, связанные с педофилией в католической церкви.

Дело Орланди вскрыло множество грязных тайн и неприятных истин, однако Эмануэлу Орланди так и не нашли. Ни живую, ни мёртвую.

Смерть на кончике зонта

Слова «укол зонтиком» обычно вызывают у нас улыбку, потому что вспоминается старая французская комедия с Пьером Ришаром. Однако у этих слов есть иной, зловещий смысл.

Болгарский диссидент, популярный писатель Георгий Марков уже почти десять лет жил в Великобритании. Его творчество пользовалось успехом, а на театральном фестивале в Эдинбурге он получил первую премию. Писатель работал на студии «Би-би-си» и был женат на англичанке Аннабель Дилайк.

Георгий Марков был не только талантливым драматургом, но и весьма интересным прозаиком. Его проза известна меньше, чем пьесы, и почти не переводилась. Однако именно она наводит на размышления ещё об одном аспекте этого дела. До своей литературной деятельности Марков довольно долгое время работал в так называемом «ящике» – закрытом научном учреждении. По образованию он был химиком и занимался разработкой новых химических реактивов. Его первые повести («Ночь цезия», «Последний патент» и др.) посвящены взаимоотношениям в таком закрытом отделе. Там нет никаких секретных научных деталей, в большей степени показана рутинность этой работы, однако возникает резонный вопрос: не было ли устранение Маркова связано не только с его диссидентской, но и с его научной деятельностью? Даже в самом способе устранения – при помощи яда в капсуле – видится черная ирония спецслужб.

7 сентября 1978 года, в среду, Марков вел передачу на студии в вечернюю смену. Он оставил свой автомобиль на противоположном берегу Темзы из-за проблем с парковкой и в половине седьмого вечера, когда время ограничений на парковку закончилось, вышел, чтобы переставить машину.

Профил на агент „Пикадили“

Име Франческо Гулино

Дата на раждане 31 май 1946

Място на раждане Бра (на 50 км от Торино), Италия

Националност италианец

Гражданство датско

Семейно положение неженен

Връзка с родители не поддържа

Дата на вербовка
6 април 1971, София, България

Кодово име „Пикадили“

Агент на Първо главно управление (ПГУ) на Държавна сигурност (разузнаването)

Начин на вербовка на компрометираща основа (за престъпления в България през 1970)

Характеристика дисциплиниран, изпълнителен, съобразителен, с практичен и пъргав ум, не е страхлив, податлив на влияние от съседних, стремеж към лесна печалба

Георгий Марков и учетная карточка его убийцы – агента Франческо Гуллино

В толпе людей на остановке, расположенной на мосту Ватерлоо, он почувствовал боль от укола в ногу и понял, что наткнулся на чей-то зонт. Стоявший рядом человек извинился и уехал на такси. Закончив передачу, Марков поздно вечером вернулся домой, а наутро у него начались головная боль и тошнота, поднялась температура, и он оказался в больнице. Из последних сил он вспомнил события предыдущего дня и инцидент на остановке, сказал о болгарских спецслужбах и потерял сознание. Врачи уже ничем не могли ему помочь: время было упущено. 49-летний писатель скончался вечером того же дня.

Впоследствии похожие случаи приводили к оперативной госпитализации и своевременной медицинской помощи. Маркову не повезло: он был первым, к кому применили зонтик.

Расследование установило, что Маркова убили уколом в ногу. В игле зонта находилась металлическая капсула с рицином. При вскрытии тела она была обнаружена. Убийцу и заказчиков не нашли. Но такие дела раскрываются позднее, обычно через 10–15 лет.

В 1991 году выяснилось, что одним из организаторов убийства был генерал КГБ Олег Калугин – новое лицо перестройки, «наш демократический генерал», как его называли в то время сторонники новой линии. Калугин был улыбчив, откровенен и во всём поддерживал новых людей России. Он вовремя перекрасился в другой цвет – вышел из КПСС, примкнул к оппозиции, выступал на митингах, участвовал в учредительном съезде «Демократической России» и вступил в организацию «Военные за демократию». Калугин и не скрывал своей причастности к убийству писателя. Он не сомневался в том, что сейчас, когда в России происходят политические катаклизмы, до

убийства 13-летней давности никому уже нет дела, всех интересует только одно – «наш» это генерал или «не наш». А иметь в своем активе бывшего генерала спецслужб, знающего все тайны и приёмы КГБ, виделось в те годы большой удачей. Но ещё в 1980 году Андропов перевёл Калугина из внешней разведки в обычную, подозревая через него утечку в ЦРУ. Этот человек привык предавать и менять хозяев. Через 7 лет Калугин, предчувствуя свою отставку в связи с пенсионным возрастом, передал письмо Горбачёву о необходимости реформы КГБ, что привело к развалу не только репрессивной, но и профессиональной структуры контрразведки. В 1989 году генерал стал пенсионером и сразу же включился в демократическое движение.

Историк разведки Борис Володарский утверждал, что в 1978 году «Операцией, по существу, руководил генерал Олег Калугин, который очень подробно о ней рассказал. Он неоднократно давал показания на эту тему».

В октябре 1993 года Калугина, прилетевшего в Лондон для участия в телепрограмме «Панорама», задержала английская полиция. Глава антитеррористического отдела Скотланд-Ярда Кристофер Бёрд, руководивший расследованием убийства Маркова, арестовал Калугина в аэропорту Хитроу и 2 дня его допрашивал. Генерал рассказал дело во всех подробностях: кто и когда обращался в КГБ, чтобы убить Маркова.

Калугин сообщил, что это убийство было санкционировано главой Болгарии Тодором Живковым, который запросил у КГБ такой экспериментальный зонтик со сжатой пружиной. В этой цепочке назывались и глава КГБ Юрий Андропов с его заместителем Владимиром Крючковым. Зонт был передан болгарской стороне генералом Калугиным через его заместителя Сергея Голубева. Рицин изготовлялся в «лаборатории № 12» – специальном отделе КГБ. По мнению ветеранов разведки, Марков был одним из последних «врагов», которых предписывалось ликвидировать. Имя генерала Голубева называл позднее и двойной агент Олег Гордиевский. По его словам, яд и зонтик были доставлены в Болгарию самим Голубевым. После покушения Живков наградил 14 сотрудников болгарской службы безопасности и одного советского сотрудника КГБ.

В июне 2005 года «The Times» упоминал в качестве главного подозреваемого датчанина итальянского происхождения Франческо Гуллино, известного под кодовым именем «Пикадилли». Гуллино был завербован болгарскими спецслужбами после ареста и обвинения в контрабанде. Ему предложили на выбор тюремное заключение или работу на

спецслужбы. Он даже получил две государственные награды Болгарии «за заслуги в обеспечении безопасности и общественного порядка». В 1993 году Гуллино был ненадолго задержан британской полицией, но потом выпал из поля зрения полиции. Сегодня он беспрепятственно путешествует по странам Евросоюза. 5 ноября 2012 года германский телеканал ZDF выпустил документальный фильм «Приговорён к молчанию», в котором есть интервью с Гуллино, сделанное в Австрии. Там он сказал, что вовсе не обязан признаваться в убийстве, если даже совершил его.

Генерал Калугин, бежавший в 1995 году в США, написал книгу «Первое главное управление. Мои 32 года в разведке и шпионаже против Запада», сдал известную ему российскую резидентуру и в 2003 году получил американское гражданство. В России он был осужден за государственную измену в 2002 году и лишён всех званий и наград. В настоящий момент он живёт в США и читает лекции по истории разведки. Кто-то цинично скажет: этот человек всегда умел вовремя поменять вектор своей жизни, чтобы остаться на плаву.

Два лица Пак Чонхи

Военный и государственный деятель Республики Корея Пак Чонхи был президентом страны в 1963–1979 годах. За это время он успел сделать много, но и подвергся нескольким покушениям.

Экономические реформы Чонхи дали возможность Южной Корее обогнать Северную, преимуществами которой были энергетические ресурсы, полезные ископаемые и помощь СССР. Выходец из многодетной крестьянской семьи, Пак Чонхи в детстве познал нищету, но благодаря своим способностям и трудолюбию смог получить хорошее образование и сделать военную карьеру. Этот самородок стал генералом, а потом и «отцом нации» в самый тяжелый период её существования. Он видел исторические перспективы и умел добиваться своей цели. Принципами нового президента стали патриотизм, благо народа, коллективизм, политическая стабильность, ответственность и мораль. Современная Южная Корея – это детище Пак Чонхи.

Но, как у многих правителей, у Пак Чонхи было два лица. Преобразования и прогресс требовали жёстких мер, и президент Пак вошёл в историю не только как реформатор, но и как деспот, прибегавший к репрессивным методам.

21 января 1968 «Отряд 124», в который входили 31 спецназовец Кореи, совершил первую попытку покушения, но в 800 метрах от резиденции президента был встречен полицейским патрулём. Половина была убита, половина арестована, двоим удалось скрыться.

В покушении на Пак Чонхи усмотрели северокорейский след. Именно тогда правительство создало «Команду 684», целью которой было устранение Ким Ир Сена, лидера Северной Кореи. Эта команда была распущена в 1971 году.

15 августа 1974 года произошло второе покушение на Пак Чонхи. Он выступал на церемонии в честь 29-й годовщины освобождения страны от японского колониального господства в Национальном театре. Промах заговорщика Муна Се Гвана, в котором тоже видели наёмника из Северной Кореи, стал роковым для жены президента Юк Ён Су. Она умерла через несколько часов. Мун Се Гван выстрелил ещё раз и вновь промахнулся: ружейная пуля убила случайную девушку. Пак Чонхи, решивший продемонстрировать непреклонность и равнодушие к опасности, продолжил выступать, когда его жену увезли в больницу.

Президент Пак Чонхи был убит Кимом Джэ Гю – директором Центрального разведывательного управления Южной Кореи

Третье покушение оказалось последним. 26 октября 1979 президент был убит Кимом Джэ Гю – директором Центрального разведывательного управления Южной Кореи. На вопрос о причинах покушения убийца ответил, что Пак Чонхи препятствовал установлению в стране истинной демократии, и убийство было совершено по патриотическим мотивам. 24 мая 1980 года Ким Джэ Гю был повешен, и все ещё долгое время пытались понять, было ли это покушение делом принципа убийцы или попыткой военного переворота.

В Южной Корее, как и во многих странах, прошедших жёсткий путь реформ, негативное в правлении президента забывалось, а политические реформы оставались в памяти, поэтому Пак Чонхи остался для народа выдающимся деятелем и автором новаторской книги «Возрождённая Корея: модель развития».

Поздний киносеанс

Трудно себе представить более мирного и обаятельного политика, чем премьер-министр Швеции Улоф Пальме. Кому и зачем понадобилось убивать его, никто не понимал. Эта смерть стала настоящей трагедией не только для шведов, но и для многих людей всего мира, а похороны премьера собрали многотысячную толпу.

Поздним вечером 28 февраля 1986 года Пальме с женой возвращались из кинотеатра «Гранд», расположенного по адресу Свеавеген, 45, и успели дойти до перекрёстка, граничившего с улицей Туннельгатан. Это был самый центр Стокгольма, и премьер-министр перемещался по нему без телохранителей, тем более что в тот час он был не на работе. Когда супруги Пальме остановились, к ним подошёл незнакомец, два раза выстрелил из револьвера «Смит-Вессон» и ушёл. Это было настолько невероятно, что окружающие просто растерялись.

Лишь в конце 1988 года по подозрению в убийстве арестовали наркомана и уголовника Кристера Петтерссона по прозвищу «Штык». Он ещё в 1974 году был осуждён за убийство и имел зуб на Улофа Пальме, поскольку тот, по его мнению, нарушил его гражданские права: не обеспечил защиту и отказал в пересмотре дела и помиловании. Пальме он ненавидел, а в камере нашёл себе соратника по борьбе с правительством – рецидивиста Ларса Тингстрёма по кличке «Подрывник». Они дали друг другу обещание: если кто-то из них будет вновь посажен в тюрьму, второй отомстит резонансным преступлением.

По подозрению в убийстве Улофа Пальме арестовали наркомана и уголовника Кристера Петтерссона (фото справа)

Петтерссон был приговорён к пожизненному заключению, но уже через год полностью оправдан после подачи кассационной жалобы, несмотря на протест семьи Пальме.

* * *

Это громкое преступление выглядело на удивление тёмным. Причиной оправдания Петтерссона было отсутствие оружия. При этом сам Петтерссон неоднократно заявлял журналистам, что убил премьера именно он, а супруга премьера Лисбет узнала в Петтерссоне убийцу. Сыновья Пальме Йоханн и Мортен добивались возобновления уголовного дела в отношении Петтерссона, но всё это ничего не дало.

В 1998 году была сделана ещё одна попытка возбудить дело против Петтерссона, однако генеральному прокурору Класу Бергенстранду было отказано. Во-первых, по закону принимались только показания не более чем годичной давности, а свидетельство владельца игорного клуба Сигге Седергрена, у которого Петтерссон стащил револьвер, было сделаны позднее, да и Сигге умер в 1996 году, поэтому уже не мог дать показания. Во-вторых, посмертное письмо тюремного приятеля Петтерссона Ларса Тингстрёма, оставленное адвокату Пелле Свенсону, не может быть принято как свидетельство по причине его смерти в 1993 году и невозможности допроса.

В 2005 году вышла книга Hinsehäxan, в которой владелец игорного клуба Седергрен признавался, что шведская полиция вербовала его для убийства Петтерсона как наркомана-должника. В 2007 году анонимный источник по телефону указал место, где находится револьвер, и водолазы извлекли его со дна вместе с несколькими пулями, которые оказались идентичны пулям с места убийства Пальме.

Смерть самого Петтерсона стала ещё одной загадкой, потому что казалась цепью нелепых случайностей. Дальше слова «казалось» и «почему-то» становятся определяющими. Казалось бы, преклонный возраст должен был образумить этого человека, но 15 сентября 2004 года 57-летний Петтерссон почему-то подрался с полицейскими и был ранен в руку. В Королевском госпитале Соллентауна у него обнаружили перелом левой плечевой кости, наложили перевязку и почему-то направили в Госпиталь имени Святого Георгия. Журналистов телеканала TV-4 в госпиталь почему-то не пустили. На следующий день пациента выписали, но, уходя из больницы, он упал и ударился головой об асфальт. Петтерссона отправили в реанимацию и обнаружили у

него перелом основания черепа, кровоизлияние в мозг и судороги, напоминающие эпилептический припадок.

Согласитесь, всего этого было слишком много для человека, упавшего с высоты своего роста, но… вполне достаточно для человека, который почему-то звонил из госпиталя сыну премьера Мортену Пальме и умолял приехать, пообещав рассказать что-то очень важное. Мортен приехал, но Петтерссон уже не смог ничего рассказать: его срочно начали оперировать, и он умер, не выходя из комы.

В начале нового столетия поиски истины продолжались. Руководителем следственной группы был назначен Стиг Эдквист.

Версии убийства премьера Пальме оказались весьма разнообразны. Виновниками называли правых радикалов, агентов ЦРУ, иранских экстремистов, шведские и югославские спецслужбы. Рассматривался даже курдский след. После убийства Пальме лидер курдов Абдулла Оджалан сообщил, что приказ об убийстве был отдан его бывшей женой Кесире Йылдырым, проживавшей в Швеции. Причиной якобы стало непримиримое отношение Пальме к курдским радикалам и объявление курдской рабочей партии вне закона. Однако такое заявление могло появиться в отместку Кесире, вышедшей из РПК и разведшейся с Оджаланом. Позже арестованный в 1999 году Оджалан заявил, что ни он, ни его партия к убийству не имеют никакого отношения.

Писатель Стиг Ларссон, занимавшийся независимым расследованием, называл организатором убийства премьера южноафриканского наёмника Бертиля Ведина по кличке Морган. Его якобы наняли спецслужбы ЮАР.

Была также версия, что премьер-министра вообще убили по ошибке, приняв его за уже упомянутого Сигге Седергрена, владельца клуба и торговца наркотиками. Внешне они действительно имели сходство, и в темноте их можно было перепутать. Телевидение показало в 2006 году документальный фильм об убийстве Улофа Пальме, в котором говорилось, что Петтерссон хотел застрелить Седергрена, с которым перепутал Пальме, волею случая оказавшегося неподалёку от игорного клуба «Oxen». Полиция следила за притонами и наркодилерами, но в тот день сняла слежку за 45 минут до покушения. Фильм критиковали, даже было опубликовано открытое письмо двух журналистов, возмущённых подтасовкой фактов. Но версия с ошибкой выглядела убедительно: в соответствии с ней полиция могла снять наблюдение именно потому, что была заинтересована в устранении Седергрена. Узнав о том, что произошло чудовищное недоразумение, она принялась заметать

следы. В эту версию укладывалась и вся странная цепочка последующих событий. Петтерссона, как наёмника, поспешили вывести из игры – сначала оправдав, а когда он стал опасен – уничтожив.

Во всяком случае, думается, последнее слово в этом деле ещё не сказано.

Скромное обаяние буржуазии

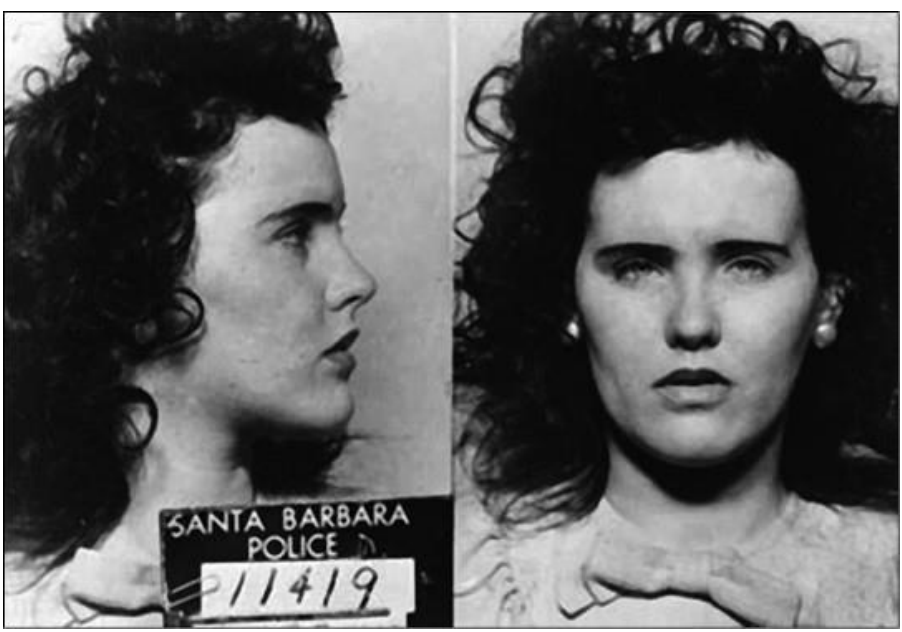
Некогда знаменитый сыщик Шерлок Холмс говорил своему другу Ватсону, что самые скверные преступления совершаются не в лондонских трущобах, а в уютных и привлекательных виллах. Криминальные драмы в богатых кварталах, в мире артистического бомонда и промышленной элиты – вот самые таинственные тайны на свете. Заговор молчания и странное стечение обстоятельств делает их неразрешимыми.

Гибель Черного георгина

15 января 1947 года на бесхозном земельном участке по Саус-Нортон Авеню в Леймерт-Парке, недалеко от границы города Лос-Анджелес, было обнаружено тело 22-летней Элизабет Шорт. Оно оказалось разрублено на две части в районе талии и расчленено – удалены соски и наружные и внутренние половые органы. Рот женщины был рассечён от уха до уха.

Тело около 10 утра обнаружила местная жительница Бетти Берсингер, гулявшая с трехлетней дочерью. Она сначала думала, что это выброшенный из магазина манекен. Когда поняла, что видит труп, бросилась к ближайшему дому и позвонила в полицию.

Это дело могло стать рядовым убийством, если бы Элизабет Шорт не считалась начинающей старлеткой Голливуда, известной в богемных кругах под именем Черный Георгин. Прозвище возникло из-за пристрастия девушки к черной одежде, эффектно подчеркивавшей её черные волосы и синие глаза. Позднее говорилось, что и это прозвище, и богемный ореол вокруг девушки были придуманы журналистами.



Элизабет Шорт. Полицейское фото, сделанное во время ареста 23 сентября 1943 г.

Действительность выглядела не столь радужно. Элизабет

родилась в 1924 году. Отец бросил семью, и её мать с трудом справлялась с четырьмя детьми, поэтому в 19 лет Бет отправилась в Лос-Анджелес искать отца. Встреча не была сентиментальной, Шорт оказалась на улице незнакомого города и неприкаянно болталась по Калифорнии, пока в Санта-Барбаре её, пьяную, не задержала полиция. Поскольку она была по американским законам несовершеннолетней, её отправили в родной Массачусетс. Потом она работала во Флориде официанткой и обручилась с лётчиком Мэттью Гордоном, майором ВВС. Сохранилась их переписка, но пожениться они не успели, потому что 10 августа 1945 года он разбился в Вест-Индии. Элизабет Шорт вновь осталась одна. В 1946 году она перебралась в Калифорнию, чтобы встретиться еще с одним своим любовником – лейтенантом Гордоном Фиклингом. 9 января 1947 года в гостинице «Билтмор» её видели живой в последний раз.

В процессе расследования возникало множество ложных показаний, ошибочных опознаний и надуманных версий. Так, кто-то пустил слух, что Шорт, желая стать актрисой, но, не имея связей, начала работать «девушкой по вызову». Кто-то добавлял, что она снималась в подпольных порносценах. Ни то, ни другое не подтвердилось. Еще фантастичнее выглядел миф о неспособности Шорт к половой жизни из-за недоразвитых органов. Полиции удалось узнать о трех её связях, да еще о том, что беременной она не была и никогда не рожала. Сама Элизабет любила приврать: она рассказывала знакомым, что у неё с Мэттью был ребенок, умерший в младенчестве.

Подозреваемых было много, и к делу подключилось ФБР. В убийстве Элизабет Шорт признались 60 человек (о, загадочная американская душа!). Но дело так и не сдвинулось с мёртвой точки.

* * *

Элизабет похоронили на кладбище Маунтин Вью в Окленде, но не похоронили всю эту историю, которая продолжает будоражить умы. Шорт погибла почти 70 лет назад, но о ней пишут до сих пор. Откройте импортные сайты Элизабет Шорт, и вы найдете много интересного – от шокирующих фото трупа на лужайке до биографии самой Шорт и полулюбительских сайтов фанатов, предпринимавших собственное расследование. Потрясают вовсе не части тела, а фото самой Элизабет, в котором есть одна черта, сразу бросающаяся в глаза. Она вызывающе обаятельна и вся насквозь фальшива, как будто задалась целью

врать всю свою недолгую жизнь. Изумительно стильное лицо эпохи без всякого намека на естественность. И еще один феномен противоречия, на котором строится в мире искусства почти все – Элизабет Шорт абсолютно естественна, цельна и последовательна в своей неестественности. Это её кредо, её лицо, её стиль. Возможно, именно так должна выглядеть звезда Голливуда – то, к чему она так стремилась. Но кто мог совершить такое варварство?

И вдруг, глядя на эти безобразно искореженные куски человеческого тела, понимаешь, что – никто. Это жуткое деяние – не суть дела, а его витрина, причём в данном случае – витрина, предназначенная именно для Америки. Знаете анекдот про американского национального героя? «Когда у нас в США прикажут быть маньяком, у нас маньяком становится любой». США – страна триллеров и маньяков. Так почему бы не сыграть на общественном помешательстве? Именно поэтому смерть Шорт до сих пор считается делом рук какого-то не существующего в природе вурдалака, а режиссер Брайан Де Пальма в насмешку над собственным зрителем снимает пародию на «маньячный триллер» под названием «Черный Георгин». В кино маньяк выглядит самым большим идиотом на свете, и глупее его только два агента полиции. И понимаешь – не было этого. Потому что всё было не так.

Второе, что потрясает, это как раз те самые сайты любителей расследования, в которых с отчаянными интонациями предлагается наконец-то обратить внимание на такую вещь, как реальность. Вот письма Шорт, вот её телеграммы, вот еще какие-то записки, документы, на основании которых мы можем сделать вывод, что она еще с середины 40-х путалась в каких-то махинациях с нехорошими людьми, дружила с матросами, промышлявшими контрабандой, и, очевидно, стала нежелательной свидетельницей чьих-то преступных деяний, за что и была устранена. А всеми любимая версия о маньяке имитирована и состряпана наспех в расчете на сумятицу 40-х и вульгарные инстинкты публики. Публика повелась вовсе не на карьеру звезды, которой и не было вовсе, а на жуткие обстоятельства убийства.

В 1987 году детективный писатель Джеймс Эллрой написал о ней книгу. Почти через 20 лет, в августе 2006 года, появилась еще одна книга – «Black Dahlia Avenger», автором которой является частный детектив из Лос-Анджелеса Стив Ходел. Сенсационность книге придало признание Ходела, что убийца всё время находился рядом с ним – это его ныне покойный отец, оставивший фотографию её тела: он был серийным убийцей. Возможно, что таким способом Ходел просто рекламирует свой

опус, и тогда права пословица: «Ради красного словца не пожалел родного отца». Впрочем, идея экранизации уже привлекла Джонни Деппа и Кевина Спейси.

Певец Мэрилин Мэнсон в 2002 году нарисовал цикл картин об убийстве Черного Георгина, множество певцов и вокальных групп включили в свой репертуар песни о Шорт, а одна рок-группа даже носит название «Убийца Черного Георгина».

Так Элизабет Шорт, не успев стать звездой, ухитрилась сделать себе рекламу собственной смертью.

Девица Розмари

29 октября 1957 года в своей квартире во Франкфурте-на-Майне была найдена убитой известная «дама полусвета» Розмари Нитрибитт. 24-летнюю проститутку, проживавшую в респектабельном районе, задушили. Тело было обнаружено на кровати с признаками разложения: она умерла несколько дней назад.

Германия 1950-х годов – послевоенная страна, построенная канцлером Конрадом Аденауэром. Он взял на себя грандиозную миссию по полному искоренению фашизма и восстановлению разрушенного хозяйства. В итоге эпоху Аденауэра стали называть «экономическим чудом». Бóльшая часть гражданского общества в Германии действительно прошла шоковую терапию по отношению к любым проявлениям нацистской идеологии. А «экономическое чудо» превратило бывший Третий рейх в государство зарождающегося капитализма со всеми его достоинствами и недостатками. Здесь были деловые отношения и промышленный шпионаж, возможности легкого заработка и мошенники, идущие на любую авантюру. Как пелось в непритязательной уличной песенке тех лет: «Да, жизнь жестока: ей нужны сытость, счастье и золото».

Один из клиентов, вероятно, использовал Нитрибитт для выведывания секретов у его партнеров и конкурентов

Именно в такой среде оказалась Розмари, девочка из неблагополучной семьи, наделенная только привлекательной внешностью и женской хитростью. Её неухоженный вид и бедная одежда контрастировали с роскошью Франкфурта-на-Майне – города-мегаполиса, наводненного черными «Мерседесами», дорогими отелями и магазинами. На всё это девушка из провинции могла бы только облизываться. Розмари не смогла сделать карьеру фотомодели, о которой мечтала, потому что её сочли вульгарной и недостаточно привлекательной для глянцевого журнала.

Тут следует сделать одно уточнение: эталон женской красоты в разные десятилетия XX века претерпевал изменения, и в конце 1950-х годов витрина экспонировала женский тип, схожий с Джиной Лоллобриджидой. Отчасти это было связано с отторжением в европейском сознании арийского типа «белокурой бестии» – идеала Третьего рейха. Облик Розмари напоминал недавнее германское прошлое – звезд гитлеровского кино Марику Рёкк и Кристину Зёдербаум. Однако внутри немецкого общества и особенно среднего класса буржуа и промышленников по-прежнему предпочитали блондинок, как тип «сексуального ангела». Именно таким «ангелом» стала Розмари Нитрибитт, привлекавшая мужчин песенками на площадях. Она начинала с обеспеченных простаков-функционеров, каких в Германии было множество. Приезжая на деловые переговоры, эти не слишком умные хозяева-практики уставали от переговоров и докладов. Им хотелось отдохнуть в компании приятной женщины. Розмари была слишком умна, чтобы шантажировать их супружеской неверностью: в Германии это мало кого волновало. Но она привязывала их к себе хитрыми уловками, а потом заставляла ревновать и ненавязчиво сталкивала друг с другом. При этом она вовремя отходила в сторону, получая от поклонников приличные откупные.

Вскоре ей открылись не только площади, но и апартаменты дорогих отелей Франкфурта. Нитрибитт перебралась в собственную дорогую квартиру, купила «Мерседес», норковое манто, хорошую мебель. Хитрость и приятная внешность едва ли могли обеспечить ей ту невероятную роскошь, в которой девушка купалась в последние годы.

Так у следствия возникла версия о промышленном шпионаже – опасной игре, на которую подсадил её один из клиентов, решивший использовать Нитрибитт для выведывания секретов у

его партнеров и конкурентов. Он щедро оплачивал эти услуги, но для Розмари её жадность, самодовольство и страсть к манипулированию мужчинами сыграла роковую роль: она слишком много знала.

Несмотря на то что убийца Розмари Нитрибитт так и не был найден, это дело кажется достаточно простым по своим мотивам. Тем не менее вокруг него развернулась настоящая поисковая лихорадка. Образ жизни Розмари, её роскошь, большое количество деловых людей и крупных государственных чиновников, вовлеченных в скандал, – всё это привлекло внимание шоу-бизнеса и кино. О Розмари в Германии были сняты две кассовые картины – «Девица Розмари» (1958) и «Любовники Розмари» (1986).

Тайны доктора Прауна

Это дело вошло в историю как образец вопиющей некомпетентности следственных органов, а известный автор детективов Гюнтер Прёдль написал о деле Прауна полный иронии роман.

Этот процесс получил название «Уголовное дело АК 1/62» и собрал огромное число зрителей, устроивших возле здания мюнхенского суда палаточный городок. Утром у входа в суд продолжалась битва за места в зале заседаний. Кино, опера, чемпионат мира не собирали столько зрителей. Временно превратился в зрителя даже известный киноактёр Хайнц Рюман, занимавший место в первом ряду.

Обстоятельства дела с самого начала казались удивительными и необъяснимыми. 19 апреля 1960 года 65-летний мюнхенский врач Отто Праун не вышел на работу. Перед этим была Пасха, и его никто не беспокоил, но в тот день, после обеда, он должен был приехать на Линдвурмштрассе, 213, и ассистентка доктора, медсестра Рената Мейер, забеспокоилась и вечером предложила секретарю доктора Фогелю съездить в поселок Пёкинг на Штарнбергском озере, где находилась вилла доктора. В десять вечера на вилле горел свет, рядом стояла машина доктора, и Рената даже обиделась, решив, что доктор проводит время с очередной дамой и не удосужился предупредить её. Однако в ящике лежала нетронутая почта, а рядом с ней – пакет с булочками, заказанными в магазине. Фогель вошёл в дом и сразу обнаружил начавший разлагаться труп доктора. Праун лежал возле батареи, причём был в верхней одежде, а шляпа при падении упала с его головы. Из этого можно было заключить, что он только что пришёл домой и не успел раздеться и разобрать хозяйственную сумку, в которой были фрукты.

Позвонив в полицию, Рената Мейер подверглась странному и неуместному опросу. Инспектор Котт спросил её, почему она решила, что с доктором произошёл несчастный случай. Позднее она говорила, что полиция как будто что-то знала об этом деле: «Он задавал такие странные вопросы… Например, знаю ли я, где доктор Праун провел Пасху, договаривался ли он с кем-нибудь о встрече, хорошо ли я знаю круг знакомых доктора Прауна. В общем, все выглядело так, будто он хотел выяснить, что мне известно о повседневной жизни доктора. Это меня еще больше обеспокоило. Я подумала, что полиция что-то знает об исчезновении доктора и хочет от меня это скрыть».

Весной 1962 года Вера Брюне была задержана по подозрению в убийстве Прауна и его экономки

Полицейские обнаружили в подвале дома ещё один труп – экономки доктора Эльфриды Клоо, с которой его связывали давние личные отношения. Приехавший по вызову инспектор Карл Родатус, по всей видимости, уже получил инструкции от Котта, поэтому объявил, что дело абсолютно ясное: доктор поссорился с экономкой, застрелил её, а потом раскаялся и выстрелил себе в висок. Каким образом он мог выстрелить в себя дважды, инстпектора не волновало. Он сообщил эксперту, что вскрытие не требуется, и уединился с прибывшим в дом сыном доктора Гюнтером Прауном.

Поскольку в гостиной стояли два бокала для виски и две рюмки для коньяка, которые явно были приготовлены для какой-то встречи, Гюнтер предложил инспектору выпить, и они употребили эти вещественные улики по назначению, уничтожив все следы. После этого Родатус по совету Прауна-младшего пристрелил дряхлую собаку доктора, причём – из револьвера, который валялся рядом с телом Прауна. Так были уничтожены и следы баллистики. Согласившись, что это было самоубийство, мужчины расстались. 22 апреля 1960 года Прауна похоронили на

Северном кладбище Мюнхена. Но это было только начало.

Вскоре выяснилось, что скромный доктор оставил немалое состояние в 1,6 миллиона марок, два дома в Мюнхене и замок в Испании – в местечке Ллорет дель Мар. Поинтересовавшись происхождением таких богатств, Родатус услышал от сестры покойной экономки, что доктор постоянно курсировал по всем странам Европы, даже в Африку и Азию заезжал, потому что торговал оружием и вообще вёл темные дела. Но Родатусу это показалось сплетнями скучающей старушки, и он остался при своей версии, добавив к ней разве что мотив ссоры доктора с экономкой: доктор весьма любил женский пол и пользовался услугами самых дорогих дам полусвета столицы Баварии. А тут ещё выяснилось, что у него завелась новая пассия, и дело шло к серьёзным отношениям, что не могло понравиться Эльфриде Клоо…

Пассию звали Вера Брюне, и была она далеко не промах. Её отцом был бургомистр небольшого городка. Уже не молодая, Вера успела пожить, и в мужьях у неё числились знаменитый актёр Ганс Косси и композитор Лотар Брюне. С доктором она познакомилась в ресторане и сразу очаровала его: Вера Брюне и в 49 лет была очень хороша собой, к тому же обладала интригующей кокетливой улыбкой. Праун предложил ей довольно странную должность личного шофёра, хотя на самом деле её обязанности сводились к тому, что называется «эскорт»: Вера должна была сопровождать его за границу, в театры и рестораны. Доктор писал ей трепетные письма (одно из них было найдено в доме) и составил на её имя завещание: после его смерти Вера должна была унаследовать испанские владения. Сердцеедка внушила Родатусу, что доктор был психопатом, страдавшим паранойей. Он всех боялся и носил с собой пистолет, говорил, что его отравят. По её словам, он и экономки своей боялся, потому что она шантажировала его давней историей: еще в начале 50-х годов была убита одна его знакомая, и его несколько раз вызывали на допрос как свидетеля. И вообще, по словам Веры Брюне, доктор доверял только ей.

Разговорившись с этой свидетельницей по делу в непринуждённой обстановке, инспектор Карл Родатус сам влюбился, начал дарить даме цветы и конфеты, а потом неосмотрительно завёл с ней роман. Когда всё это всплыло, и чувствительный инспектор стал героем газетной хроники, он вынужден был уволиться и позднее работал детективом в посылторге «Неккерманн», вылавливая похитителей нижнего белья.

Завещание доктора было датировано 23 мая 1959 года. Но

стало известно, что совсем недавно Праун решил продать свою испанскую недвижимость. Сделка должна была состояться через неделю, но в это время доктор погиб. Ассистентка доктора Рената Мейер рассказала Гюнтеру Прауну, что в начале пасхальной недели доктор упоминал человека по фамилии Шмитц: «Шмитц из Рейнланда – знакомый Веры Брюне. Она продала ему мой старый фольксваген. Теперь он хочет купить у меня еще и землю в Испании». Это же подтвердила другая любовница Прауна – баронесса фон Дуйсбург: за два дня до смерти доктор говорил ей, что продаст испанские владения, и в четверг 14 апреля встречается с покупателем.

Исходя из этого, можно сделать вывод, что от покупателя Шмитца Вера могла узнать о намерении доктора продать испанские земли – её будущее наследство. Но в разговоре с инспектором Родатусом Вера отрицала своё знакомство со Шмитцем.

2 августа в суде Штарнберга было вскрыто завещание доктора, оставленное у испанского нотариуса: «Доктор Праун завещает госпоже Вере Брюне, урождённой Колен, проживающей в Мюнхене, недвижимость в Испании, состоящую из земельных участков близ Ллорет дель Мар со всей землей и ценностями, которыми он там владеет. В случае если завещатель к моменту своей смерти более не владеет недвижимостью в Испании, сие завещание недействительно. Ей предоставляется полная воля в отношении того, что она будет делать с владениями после его смерти. После ее смерти владения отходят сыну завещателя Гюнтеру Прауну».

Адвокат Гюнтера оспорил завещание, по которому 70 тысяч квадратных метров испанской земли с замком причитались любовнице доктора. Мотив для убийства имелся только у Веры Брюне, и её адвокат написал запрос в прокуратуру, в котором просил произвести эксгумацию и аутопсию трупа, чтобы снять с Веры подозрение. Гюнтер тоже потребовал эксгумации, и она состоялась 28 октября 1960 года. Вскрытие показало, что Отто Праун был убит двумя выстрелами в голову.

Доктор и его экономка погибли 14 апреля, за пять дней до обнаружения трупов. В тот день доктор был на работе с 3 часов дня и сказал, что ждет телефонного звонка от Веры Брюне или доктора Шмитца, потому что вечером состоятся переговоры: очевидно, две рюмки и два бокала были предназначены для них. В пять часов зазвонил телефон, потом Праун воскликнул: «Ага, они уже в Штарнберге». Его экономка мучилась ревматическими болями, но он попросил её накрыть на стол. Перед возвращением домой доктор искал какой-то документ, связанный с продажей

фольксвагена. Около семи он пожелал Ренате Мейер счастливой Пасхи и уехал, прихватив 17 тысяч марок. Впоследствии Гюнтер Прауп не нашёл этих денег.

Весной 1962 года Вера Брюне и её приятель Иоганн Фербах были задержаны по подозрению в убийстве Прауна и его экономки. Одну из ключевых ролей в расследовании сыграла юная дочь Веры и актера Косси: она путалась в показаниях, а её действиями руководил отец. На основании всего этого 4 июня Брюне и Фербаха приговорили к пожизненному заключению.

Позднее Вера Брюне была помилована канцлером Францем Йозефом Штраусом и дожила до 91 года. Но из-за ошибок на ранней стадии следствия были утрачены многие улики, и даже при наличии очевидного мотива преступления прокуратура продолжала сомневаться в причине гибели доктора и виновности осужденных.

Иные версии гибели Прауна и его экономки варьировались от «нападения неизвестных» до секретов государства. Поводом к последнему послужили таинственная деятельность Прауна во всех уголках мира, его деньги и связи, а также то, что члены семьи Прауна со времен Второй мировой войны были связаны с германскими спецслужбами. Его двоюродный брат Альберт Праун был при нацистах генералом информационного корпуса, а с 1956 года под кодовым именем «Black» возглавлял управление информационной разведки. А племянник доктора, Дитрих Праун, служил начальником охраны в контрразведке и позднее под псевдонимом «Pranner» был резидентом в Тунисе. Многие считали, что спецслужбы ФРГ просто поторопились списать всё на Брюне и Фербаха, чтобы отвести от себя подозрение и лишнее любопытство.

Атолл Пальмира и расследование Винса Буглиози

Издавна об этом заброшенном атолле ходили малоприятные легенды. Говорили, что он проклят. Даже свое название он получил в честь разбившегося о рифы корабля. В путников атолл вселял тревогу, а потерпевших крушение ожидала участь акульей трапезы или жертвы ядовитых водорослей, которые там повсюду. Кроме того, всеми, кто побывал на острове, отмечалась странная агрессивность, которая сразу охватывает прибывших туда путников. В общем, отправиться на атолл Пальмира для проведения уик-энда способен только сумасшедший. Атолл, в отличие от острова, представляет собой кольцо, образованное скоплением кораллов, растущих возле некогда погрузившегося на дно вулкана.

Пальмира считалась необитаемой, и на ней никогда никто не жил, кроме военных, которые создали здесь базу в годы Второй мировой войны и оставили после себя немногочисленные пришедшие в упадок бараки посреди глухого леса и кое-какое оборудование, сыгравшее свою роль в этой истории.

Малькольм и Элеонора Грэмы

В 1974 году, то ли по неведению, то ли из любви к риску, там

оказались две пары. Малькольм и Элеонора Грэмы, которых друзья называли просто Мак и Мафф, были людьми благополучными и далеко не бедными. Да и возраст не способствовал авантюрам: обоим было больше сорока. Впоследствии говорилось, что Мафф была против поездки: нехорошее предчувствие, да и мифы об острове ей были известны. Сестра Мака свидетельствовала, что Мафф перед поездкой сказала ей, что они не вернутся. Но Мафф была преданной женой и последовала за мужем, а он умел слышать только собственные желания. Малькольм и Элеонора жили в Сан-Диего и увлекались путешествиями. Они поженились в 1961 году и с тех пор уже 13 лет не переставали искать новые, ещё не открытые места.

Роскошная яхта «Морской ветер», пришвартованная к острову, была оснащена всем необходимым для длительного отдыха. Атолл Пальмира в тот момент не напоминал необитаемый остров, на нем оказалось немало отдыхающих, однако упрямые Грэмы дождались уединения – пересидели всех.

Всех, да не всех. Кроме них на Пальмире осталась еще одна парочка – наглый Бак Дуэйн Уокер и его молодая подруга Стефани Стернс. Кстати, об их истинных именах Грэмы не подозревали: они представились как Рой и Стефани Аллен. У «Алленов» было три пса (лабрадор, питбуль и пудель) и, как выяснилось, – куча проблем с законом. Бак Уокер, наркоторговец с приличным послужным списком приводов в полицию, с юности знал, что такое тюрьма, и больше туда не собирался, поэтому и оказался в столь уединенном месте под чужим именем.

Его любовница Стефани казалась добрым и безмятежным созданием: она мирилась с выходками приятеля и пыталась наладить на острове нормальную жизнь, даже пекла хлеб и выращивала овощи на искусственно созданном огороде. Судно, на котором они приехали, было куплено на её сбережения. В общем, эта девушка походила на тех юных особ, которые готовы связаться с преступником, лишь бы сбежать из благополучной буржуазной семьи. Кстати, в том же 1974 году большую известность получило дело ещё одной беглянки – Патрисии Хёрст, дочки миллиардера, ставшей террористкой и грабившей банки.

Вскоре у преступной пары возникла элементарная проблема выживания. В отличие от Грэмов, Бак и Стефани не могли на своей маленькой дырявой яхте увезти большой запас продовольствия, к тому же они плыли на атолл 18 дней, сбиваясь с курса, и съели почти все припасы, а продуктовых магазинчиков на атолле Пальмира не предполагалось. Вместо этого там были ядовитые водоросли и непригодная для еды рыба. Всем, что водилось на острове, можно было отравиться, но не пообедать.

Грэмы не без содрогания наблюдали, как Бак в злобном отчаянье бродит по мелководью и пытается подстрелить рыбу из пистолета. Чтобы достать с пальмы кокосы, он уничтожал всё дерево, спиливая его электропилой.

Напряжение нарастало вместе с классовой неприязнью: богатых Грэмов злили хипповские замашки и навязчивость бунтарей, а Уокера и Стернс – сытость респектабельных буржуев. К тому же Бак считал, что свобода предполагает возможность делиться, причём не только продовольствием, но и партнёршами, он приставал к Мафф Грэм, а Стефани старалась не обращать на это внимания. Оставшись на атолле в количестве четырех человек, эти люди представляли друг для друга опасность и оказались практически обречены – либо на убийство, либо на участь жертвы.

Грэмы, раздраженные одичавшими псами и их хозяевами, жаловались друзьям по радио. Мак кричал, что прибьёт псов, если сунутся снова. В последнем сообщении он сказал, что этот Аллен принес им какой-то пирог якобы для налаживания отношений. Потом сообщения прекратились, и обеспокоенные друзья супружеской пары обратились в полицию. Грэмов любили в яхт-клубах Сан-Диего, и яхтсмены организовали поиски. Но поисковая операция с самолетами и вертолетами не обнаружила не только Грэмов, но даже их яхты. Атолл Пальмира казался абсолютно пустым и необитаемым. Яхту и её хозяев объявили в розыск.

Вскоре похожее судно было обнаружено на Гаваях, но перекрашенное в другой цвет. Новыми хозяевами оказались Бак и Стефани, утверждавшие, что яхта была ничья, поэтому они её и взяли. Им никто не поверил, и было заведено дело о краже яхты. Бака Уокера приговорили к десяти годам, а Стефани Стернс к двум.

Возможно, на этом все бы и закончилось, но через шесть лет ещё одна супружеская пара, рискнувшая отправиться на Пальмиру для отдыха, обнаружила удивительные вещи. В полуразрушенном военном бараке, оставшемся в лесу Пальмиры со времен Второй мировой войны, валялись газеты с сообщениями о поисках четы Грэмов. Тут Джорданы почувствовали близость удачи и поисковый азарт. Они тоже читали об исчезновении в газетах и решили выяснить, что здесь произошло. Джорданы принялись исследовать побережье, и вскоре Шэрон Джордан повезло: она нашла на пляже железный ящик, один из оставленных военными. Ящик прибило к берегу, а в нём… Женщину затошнило, но она взяла себя в руки и принялась собирать человеческие останки. Позднее экспертиза

установила, что череп и кости принадлежали Мафф Грэм, у которой была разбита голова.

Предполагаемый убийца в это время отбывал срок за кражу яхты, а его подруга оказалась на свободе усилиями лучшего адвоката Америки, нанятого её родственниками. Легендарный Винсент Буглиози был в 1968 году обвинителем на процессе против банды Мэнсона.

Для Буглиози дело атолла Пальмира не было легким, он всё время сомневался в невиновности своей клиентки. Стефани Стернс выглядела безупречно: в ней было много романтичной меланхолии, доверчивости и даже детской наивности. Но Буглиози повидал на своем веку много разных преступников. Что-то в этой девушке напомнило ему и Патти Хёрст, и девиц из банды Мэнсона. Все они выглядели невинными жертвами или праведницами, принимая участие в преступлениях. Наблюдая за Стефани, Буглиози, в силу опыта уже не только юрист, но и психолог, пытался понять, что за феномен сформировался в обществе 60—70-х годов – невинные убийцы в женском обличии.

Буглиози был отличным адвокатом и, конечно, добился оправдательного приговора в отношении Стефани. Свои сомнения он изложил в книге, посвященной процессу. Центром книги была личность Стефани. Бак Уокер, осуждённый на пожизненное заключение за убийство Элеоноры Грэм, адвоката не слишком интересовал.

И уж совсем непонятно было, куда подевался Малькольм Грэм. Его тело так и не нашли. Некоторые говорили, что его съели одичавшие собаки Уокера. По мнению других, Шэрон Джордан ещё повезло, что ящик с останками Элеоноры Грэм не унесло в море, потому что именно это, скорее всего, и произошло с телом её мужа, помещённым в другой ящик. Естественно, была и другая версия: что Малькольм Грэм виновник убийства. Ведь именно он, вопреки увещеваниям жены, настаивал на этой рискованной поездке на необитаемый остров. Не собирался ли он таким способом решить свою личную проблему?

Любопытно и другое обстоятельство: кто мог отсиживаться в заброшенном военном бараке в глухом лесу и читать газеты об исчезновении Грэмов? Да и откуда эти газеты взялись на заброшенном острове?

Через 20 лет, в 2007 году, Бак Уокер получил право на освобождение, но к тому времени он уже был не молод и болен. Своей вины он так и не признал, о чём и сообщил незадолго до смерти в книге мемуаров. По его словам, Мафф Грэм захотелось завязать с ним флирт, и он не стал возражать. За этим их застукал Мак Грэм и в гневе убил жену, а Бак, защищаясь, убил

его. Но вся эта история выглядела как дешевая мелодрама, и в неё никто не поверил. В 2010 году Бак Уокер умер, так и не сообщив подробностей.

«Лишь море раскроет тайну» – так называлась книга Винса Буглиози, и точнее этого названия трудно что-нибудь придумать. В одноименной экранизации книги имя главной героини было изменено на Дженнифер Дженкинс из соображений корректности, а также потому, что её образ получился противоречивым. В фильме героиня видит сон, в котором на дне моря покоится еще один ящик, зацепившийся за валун. Это как будто должно обозначить место захоронения второй жертвы. Малькольма Грэма продолжали искать, но Бак мрачно заметил: «Ищите, ищите, вы его всё равно не найдёте». Поскольку тела не нашли, Мак до сих пор считается пропавшим без вести.

Хэллоуин в Гринвиче

Эта история стала достоянием широкой общественности потому, что косвенно затрагивала злополучный «президентский» клан Кеннеди, с членами которого вечно что-нибудь случалось. На этот раз речь шла о людях, связанных с Кеннеди не кровными, а родственными узами – о племянниках вдовы Роберта Кеннеди.

В начале 1970-х годов преуспевающий бизнесмен Моксли стал старшим партнером нью-йоркской аудиторской фирмы «Touche Ross» и перевёз свою семью из Сан-Франциско в престижный район Гринвич, где жили богатые и знаменитые. Его дочери Марте в 1975 году исполнилось 15 лет, и она была по тем временам красавицей и королевой посёлка: стройная, обаятельная блондинка с лукавой улыбкой, она нравилась многим и вела себя весьма раскрепощенно, хотя ни в коей мере не была испорченной.

Собственный каменный особняк, большой сад, обеспеченная юность – есть чему позавидовать: девочка, как говорят англичане, родилась с серебряной ложечкой во рту. Однако завидовать в данном случае было нечему, потому что семейство калифорнийцев Моксли угораздило поселиться в 150 ярдах от племянников Этель Кеннеди-Скейкел, о которых говорили, что они связаны с ирландской мафией и вообще предоставлены сами себе. Матери у этих семерых детей не было, а отец, родной брат вдовы Роберта Кеннеди, не особо занимался ими, потому что пребывал в затяжной депрессии после смерти жены в 1973 году. То есть два года, предшествовавшие трагическим событиям в Гринвиче, были для младших Скейкелов далеко непростыми и сказались на их характерах. Впрочем, Раштон Скейкел тоже не был пустым бездельником, он владел крупнейшей в Америке частной компанией «Great Lakes Carbon».

Говорили, что главной причиной случившейся в Гринвиче трагедии стала ревность: сыновья Раштона Том и Майк были неравнодушны к Марте, а обострение отношений произошло во время празднования Хэллоуина – праздника далеко неоднозначного и пробуждающего тёмные чувства. Этот праздник отмечался в США официально – с трехдневным уик-эндом, гуляниями и своеобразным колядованием, как на Рождество: дети ходили по дворам и пели песни, а им бросали конфеты, печенье и подарки. 30 октября закончились занятия, а 31-го подростки гуляли по дворам и забрели к Скейкелам. Раштон в тот вечер ушёл с друзьями на охоту, младшие дети вместе с гувернёром Кеннетом Литтлтоном отправились обедать в клуб, а дома в тот

момент был только садовник, сообщивший ребятам, что никого нет. Поздним вечером они не раз возвращались, потом некоторые из них разбрелись по домам. В конце концов, небольшая компания застала в доме Скейкелов 17-летнего Тома и 15-летнего Майка. Майк сидел в автомобиле «линкольн» и слушал музыку, Марта уселась рядом, а её приятели Джеффри и Хелен разместились на заднем сидении. Потом появился немного нетрезвый Том. Поскольку мест в машине больше не было, он игриво потеснил Марту и положил ей руку на колено. Девушка руку отвергла, но на шутки Тома ответила вполне дружелюбно. Было видно, что они нравятся друг другу.

В 21.30 вечера пришла 18-летняя Джули Скейкел и потребовала машину, поскольку собиралась отвезти домой подругу. В это время из дома вышли 19-летний Раштон, 16-летний Джон и их двоюродный брат Джим. Они сообщили, что идут к Джиму в гости, и позвали остальных. Но Джеффри и Хелен сказали, что это слишком далеко, и ушли домой. Том и Марта остались во дворе, причём уходящие видели, как они целовались.

Ещё через полчаса, в десять вечера, Дороти Моксли начала беспокоиться, потому что дочь не вернулась домой. Она позвонила друзьям Марты и выяснила, что её видели в обществе Тома. Однако старшая сестра Скейкелов Джули сообщила, что Том уже лёг спать, и нехотя позвала его к телефону. Том подтвердил, что они с Мартой расстались в половине десятого, и она пошла домой. Дороти позвонила в полицию, и патрульные проехали по посёлку, ничего не обнаружив. Наутро Дороти вновь пришла к соседям, и ей открыл Майк. Он выглядел нервным, но ничего убедительного сказать не мог. По его словам, он тоже видел Марту в половине десятого с Томом.

Только после полудня был найден труп Марты Моксли, причём в её собственном дворе под деревом. Она лежала ничком с разбитой головой, лицо было в синяках, а горло оказалось проткнуто чем-то острым. Джинсы и бельё спущены ниже колен, но никаких признаков изнасилования обнаружено не было, а девушка оказалась девственницей. Полицейские предположили, что она была забита металлической клюшкой для гольфа, но кто и почему нанёс ей такие жестокие удары, было непонятно. Клюшка разломилась на четыре части, однако полицейские нашли только крюк и два куска древка. Исчезла рукоятка, на которой могли быть монограмма владельца или отпечатки пальцев.

Марта Моксли и часть клюшки для гольфа, найденная на месте преступления

Первым подозреваемым оказался Том, который видел Марту последним. Он путался в показаниях, врал, что готовил школьный проект по истории – реферат про Авраама Линкольна. Клюшка в домашнем комплекте Скейкелов отсутствовала. Но у Тома оказалось прочное алиби. Если убийство произошло в те полчаса, после которых Дороти начала беспокоиться, то именно в это время он находился дома, и его видели.

Позднее говорилось, что расследование велось из рук вон плохо. Коронёр прибыл лишь через двое суток, тело, прикрытое простынёй, продолжало оставаться на земле всё это время, и его окоченение не дало возможности установить точное время смерти. Человеку стороннему не могло не показаться странным, что в течение вечера 31 октября и следующего дня 1 ноября Дороти не обнаружила труп дочери в собственном саду. Наверное, было бы резонным в первую очередь осмотреть собственные владения, однако и наутро она отправилась к соседям, а не на собственный участок. Возможно, участок был очень большим, и она просто не могла увидеть тело под деревом, но возможно и другое: в тот момент тела под деревом ещё не было. Этот последний вариант полицией не рассматривался.

Губернатор назначил награду в 20 тысяч долларов за помощь, полиция обследовала все химчистки на предмет обнаружения следов крови, отец Марты увеличил сумму награды до 50 тысяч, но всё это уже не дало никаких результатов.

Под подозрение попал даже гувернёр Скейкелов Кеннет Литтлтон. Дальше взялись за 15-летнего Тома, и тут папа Раштон употребил всё свое влияние и нанял лучших адвокатов, чтобы

вывести свою семью из расследования. Поскольку теперь на их семью было направлено внимание общественности и прессы, Скейкелы стали менять школы и вскоре совсем сбились с пути, подсев на алкоголь и наркотики. Не способствовало благополучию семьи и частное расследование, которое вздумал провести Раштон Скейкел. Он нанял детективов, которые обнаружили ДНК обоих братьев – Тома и Майка – на месте преступления. Том утверждал, что они с Мартой занимались петтингом, распространенным в то время у подростков, ещё не вступивших в половые отношения. Майк сказал, что возбуждал сам себя, наблюдая за братом и девушкой, которая ему нравилась. Раштону всё это не понравилось, и он велел детективам уничтожить материалы. Однако, как это всегда и случается, данные частного расследования были тайком скопированы служащим сыскного агентства и проданы журналисту Доминику Данну, который написал бестселлер «Сезон в чистилище», разошедшийся сразу после выхода. Семья Скейкелов и все её тайны оказались как будто под увеличительным стеклом.

Трудно себе представить, чтобы расследование какого-то уголовного дела, ограниченного локальным пространством одного квартала, длилось четверть века. Но именно так и случилось с делом Марты Моксли. Лишь в 1998 году оно попало в Большое жюри, и судья Джордж Тим, работавший с документами полтора года и ещё два месяца, вынес решение арестовать Майка Скейкела, которому на тот момент исполнилось уже 38 лет. 19 января 2000 года прокуратура получила ордер на арест, и в тот же день арестованный и отпущенный под залог Майк добровольно сдался в полицию. Адвокаты попытались направить это дело в суд по делам несовершеннолетних, мотивируя это тем, что в момент преступления убийце было, как и его жертве, 15 лет. Однако прокуратура настояла на рассмотрении в суде общей юрисдикции.

Прямых доказательств не было. Свидетели не раз говорили, что Майк признавался им в убийстве из ревности, но это были лишь косвенные улики. Раштон Скейкел уже ничего вразумительного показать не мог, он был стар, болен и страдал шизофренией. Майк не признавал себя виновным, тем не менее 29 августа 2002 года его осудили и приговорили к 20 годам.

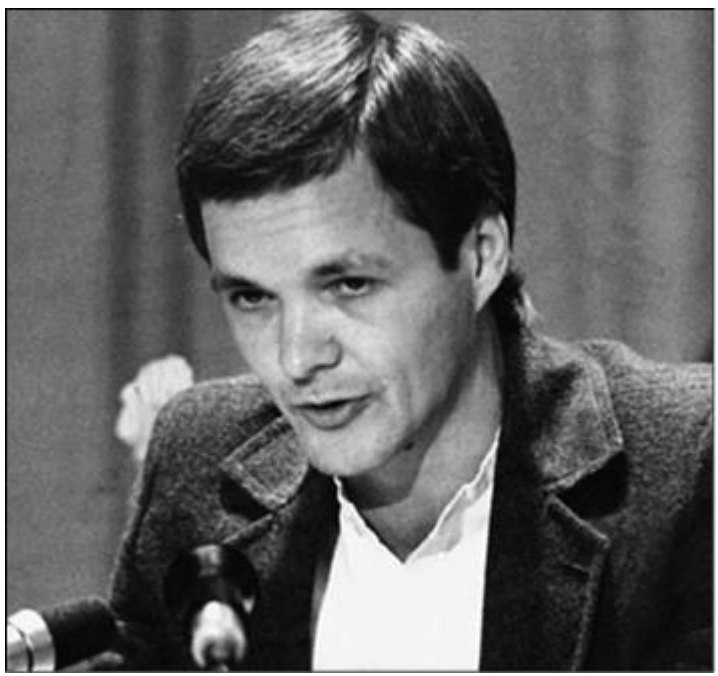
Трудно сказать, где в этом деле правда, а где ложь. Майк Скейкел иногда признавался, что ничего не помнил об этом вечере: он бежал через лес с окровавленной клюшкой в руке, но совершенно не понимал, что произошло. Потом он всё отрицал и говорил, что не виновен.

В 2002 году по горячим следам судебного процесса режиссер Том МакЛафлин снял картину «Убийство в Гринвиче», в которой сыщик Марк Фурман докапывается до правды, несмотря на противодействие могущественного клана Кеннеди.

Феномен Джека Унтервегера

Невероятно, но факт: долгие годы в спокойной буржуазной Австрии звездой телеэфира был серийный убийца. В каком-то смысле черный юмор этой ситуации является поучительным для благополучного мира капиталистической Европы: не всё то золото, что блестит.

Джек Унтервегер, получивший прозвище «Венский душитель», стал популярным телеведущим. Он превосходно ориентировался в мире криминала и не раз подсказывал полиции нужные версии именно потому, что знал преступность изнутри, а порой и сам являлся главным героем этих преступлений. Участие в серийных убийствах – превосходная информационная база для журналиста криминальной хроники. Но до появления Унтервегера такое приходилось видеть разве что в голливудских триллерах.



Статьи и телепередачи Унтервегера пользовались огромным успехом, его обожали чиновники и домохозяйки

Статьи и телепередачи Унтервегера пользовались огромным успехом, его обожали чиновники и домохозяйки. Когда над ним навис дамоклов меч американского правосудия в виде смертного приговора, Унтервегер прибег к испытанному средству – заявил,

что ему просто мстят за разоблачения исправительной системы. После этого в Европе развернулось движение в поддержку «невинно арестованного журналиста».

Жизнь Джека Унтервегера оказалась типичным случаем и в психиатрии, и в истории XX века: он был внебрачным сыном американского солдата и австрийской проститутки, встретившихся в конце 1940-х годов. После окончания войны в занятой войсками Австрии находилось много американских солдат, и они пользовались услугами женщин легкого поведения. Результатом такой связи и стал Джек, для которого это случайное и малодостойное происшествие определило характер и судьбу. 16 августа 1950 года он появился на свет и сразу был подброшен дедушке: проститутка продолжала подыскивать клиентов, ей было не до ребенка. Детство в бедном квартале, забота одинокого дедушки и отсутствие родителей породили в Джеке чувство несправедливости, ненависть к бросившей его матери и большие амбиции.

Уличная среда способствовала преступным наклонностям: здесь часто грабили и воровали, поэтому в социальном отношении Джек уже с детства не имел моральных преград, но ему хотелось большего: изнутри его подтачивала жажда мести. Так он решился на убийство. Подрабатывая грузчиком на железнодорожном складе, 24-летний парень расслаблялся в баре и познакомился с немецкой официанткой Гретхен Шефер, которая напомнила ему мать. Из-за внезапной ссоры он задушил её лифчиком. Поскольку их видели вместе, Джека арестовали и приговорили к 25 годам тюрьмы с правом на досрочное освобождение. И – что удивительно – 15 лет он действительно отсидел, занимаясь при этом самообразованием и творчеством, но ничуть не утратив преступных наклонностей. Унтервегер рисовал картины и писал книги, стал завсегдатаем тюремной библиотеки. Он даже занимался психиатрией и пытался самостоятельно разобраться в причинах своих наклонностей. В 1983 году была опубликована его книга «Чистилище, или Путешествие в дом заключения», ставшая в Австрии и ФРГ бестселлером.

Унтервегер пишет вторую книгу «Тюрьма», в которой рассказывает о внутренней жизни пенитенциарного заведения. Для простых читателей – это сенсация и откровение. Так он становится невероятно популярным и получает предложение написать пьесу. Всего он сочинил две пьесы, которые шли на сценах лучших столичных театров Австрии. В 1989 году общественность выступила за досрочное освобождение. В петициях приняла участие знаменитая австрийская писательница

Эльфрида Елинек, позднее, в 2004 году, получившая Нобелевскую премию по литературе.

К делу подключились лучшие адвокаты, и в 1990 году зверь был выпущен из клетки. Поскольку Унтервегер уже был известным автором, он начал путешествовать по Австрии и другим странам, читая лекции и выступая в театрах. Он легко вступал в контакт с публикой, и центральное телевидение пригласило его вести ток-шоу, посвященное проблемам заключенных и их реабилитации. Рейтинг передачи был невероятно высок, но у этой витрины имелась своя изнанка.

В 1990 году в одном из парков Праги был обнаружен труп женщины, задушенной бюстгальтером. Никому и в голову не пришло сопоставить это преступление с визитом в Чехословакию знаменитого телеведущего, который провел там несколько литературных вечеров.

Через неделю после возвращения телезвезды из Праги в лесном массиве австрийского Форарльберга нашли женщину, задушенную чулками. Потом, еще через пять дней – новый труп в Граце, задушенный лифчиком, причем завязанным на шее тем же самым характерным узлом, который Джек использовал 15 лет назад. Это был почерк убийцы, хорошо известный австрийской полиции в связи с первым делом Унтервегера, но никто не заподозрил успешного телеведущего в убийстве провинциальных проституток. К весне 1991 года в Вене начали друг за другом исчезать девушки определенной профессии, выяснилось, что и в других районах Австрии были подобные исчезновения. Позднее тела находили, причем всегда задушенными собственным нижним бельем – чулками или лифчиком.

Джек Унтервегер в своей передаче впечатляюще освещал события и рисовал портрет Венского душителя, он даже взял интервью у возглавившего расследование Макса Эдельбахера, во время которого с удовлетворением убедился в полной неосведомленности и растерянности следователя.

* * *

Материалы о Венском душителе попали на глаза опытному следователю, инспектору Августу Шеннеру, некогда раскрывшему дело об убийстве барменши Гретхен. Для него убийца был очевиден: он сразу обратил внимание и на профессию девушек, и на орудие преступления, и на редкий скользящий узел. Встретившись с Эдельбахером, Шеннер объявил ему, что знает убийцу и совершенно уверен, что это журналист Унтервегер.

Эдельбахер не поверил, но на него давили сверху: количество жертв увеличивалось, а результатов не было. Он решил проверить версию Шеннера и проследить путь Унтервегера после освобождения из тюрьмы. После всех запросов в разные полицейские отделения Австрии следователя ожидал шок: из всех мест, куда телеведущий приезжал с выступлениями, поступили данные на нераскрытые убийства и исчезновения девушек. Потрясенный Эдельбахер послал запрос в Интерпол и узнал об убийстве в Чехословакии. Но как связать всё это с Унтервегером, против которого не было прямых улик?

Между тем Унтервегера направили в Лос-Анджелес делать репортаж для журнала. Он даже зарегистрировался в полиции как добропорядочный гражданин и просил разрешения провести пару ночей с дежурными, чтобы осветить работу местной полиции. Ничего не подозревавшие патрульные провезли его по злачным местам города и показали местные районы «красных фонарей». Сразу после этого дежурства появились еще три женских трупа с чулками и бюстгальтерами на шее: 35-летняя Шеннон Эксли, 33-летняя Ирена Родригес, 26-летняя Пегги Бот.

Но американцы – это не европейцы. Они к маньякам привыкли как к собственной бабушке с воскресными булочками и псалмами. Мгновенно убийства объединили в серию, а сразу после этого связали серию с запросом Интерпола. Поначалу появление столь удивительной личности, действующей не в одном отдельно взятом районе, штате или хотя бы стране, а с всемирным размахом, показалось странным даже американцам. В связи с международным характером преступлений к делу подключилось ФБР и направило в Австрию своих сотрудников. Сопоставив события в Лос-Анджелесе и Вене с местонахождением телеведущего, полицейские всё поняли и по прибытии журналиста в Австрию вызвали его на беседу к следователю. Американцы настаивали на аресте, но австрийцы понимали, что ведущий выкрутится, а общественность вновь встанет на его защиту. Эдельбахер в ходе допроса встревожил преступника, который, покинув кабинет, решил бежать. Это был ход следствия: прямых улик против Унтервегера не было, но, спровоцировав его на побег, можно было объявить розыск и получить ордер на обыск квартиры. Так появились первые улики: его шарф, волокна которого оказались на теле одной из жертв, документы на автомобили, которые Унтервегер менял, чтобы сбить с толку полицию. Обыскав все автомобили телеведущего, эксперты обнаружили волосы одной из убитых девушек.

Журналист был задержан уже в Майами 27 февраля 1994 года. В штате Калифорния за подобные преступления полагается

смертная казнь, и Унтервегер, напугавшись, стал давать показания обо всех австрийских убийствах, чтобы его переправили домой. После экстрадиции он вновь стал настаивать на своей невиновности и оговоре следственных органов. Но присяжные ему не поверили и 29 июня 1994 года абсолютным большинством признали его виновным в 11 убийствах. Телеведущий был приговорен к пожизненному заключению без права на освобождение. Через 9 часов он повесился в камере на своих шнурках, поскольку в европейских тюрьмах подобные атрибуты у заключенных не изымают. Процессуальный казус: Унтервегер умер формально невиновным, поскольку не подал кассационную жалобу.

После смерти Джек Унтервегер не перестал быть медийной фигурой: уж слишком удивительными были его жизнь и карьера. О нём пишут книги, снимают фильмы и даже ставят мюзиклы. В пьесе Михаэля Штурмингера «Адская комедия. Исповедь серийного убийцы» роль Унтервегера играл выдающийся Джон Малкович.

В этой истории много удивительных моментов. Джеку Унтервегеру даже после совершенного убийства судьба предоставила уникальный шанс добиться славы, денег, признания, но это его не остановило, потому что истинным призванием для него были не книги, передачи и выступления, а убийства. Удивительной кажется и многолетняя европейская спячка, из-за которой убийца, живший у всех на виду, мог совершать свои преступления. Куда меньше удивляет та безудержная радость, с которой буржуазный шоу-бизнес вновь кинулся эксплуатировать образ маньяка-шоумена, теперь уже мёртвого. К этому все давно уже привыкли.

Тайны мира шоу-бизнеса

Среда кинозвёзд и богемных писателей, королей рекламы и спортсменов всегда завораживала публику. Эти люди вызывали восхищение, но и становились группой риска. За ними охотились папарацци, но и маньяки. Неуравновешенные поклонники готовы были превратить их существование в ад, а тщеславные репортёры – создать себе имя на их трагедиях.

Смерть «Белокурого ангела»

Так его называли поклонники: гасконец со светлыми волосами – редкость. Итальянскому футболисту Лучано Ре Чеккони было всего 28 лет, когда во время прогулки по Риму произошла дикая и необъяснимая вещь: молодой человек был застрелен. Обстоятельства более чем удивительные – шуточное ограбление магазина. Так выглядела официальная версия событий 18 января 1977 года.

Чеккони ушёл с базы в Тор-ди-Квинто после тренировки клуба «Лация» и отправился гулять по столице с одноклубниками Ренцо Росси и Пьетро Гедином. К ним присоединился знакомый парфюмер Джорджо Фратиччоли, который нёс заказ в ювелирный магазин на Виа Нитти в богатом районе Фламинио. Потом Росси ушёл, и они продолжили путь втроём. По дороге Чеккони узнал мясник, которому жена футболиста заказала продукты. Он хотел окликнуть Лучано, чтобы передать ему пакет, но не успел.

In un negozio del quartiere Flaminio a Roma

Il calciatore Re Cecconi ucciso da un gioielliere per un tragico scherzo

Aveva detto per gioco « questa è una rapina » - Il negoziante ha subito sparato - Con l'atleta si trovavano l'altro giocatore Ghedin e un amico - L'orefice lo scorso anno aveva ferito un bandito

Una scherzo, la simulazione di una rapina, è costato la vita ieri sera a Roma al giocatore calciatore della Lazio Luciano Re Cecconi. Entrato in una gioielleria del quartiere Flaminio insieme ad un altro calciatore, il terzino Pietro Ghedin, Re Cecconi si è messo a fingere di minacciare il proprietario estraendo la pistola e gridando: « questa è una rapina ». Subito quest'ultimo ha reagito sparando alcuni colpi che hanno raggiunto la povera vittima che è morta poco dopo. Con lui erano presenti il proprietario del negozio, il signor Bruno Tabacchini, e un amico di quest'ultimo, Maurizio Sarra, che hanno assistito alla scena. Il signor Tabacchini, che ha sparato, è stato arrestato, mentre una commissione rogatoria è stata inviata a Roma per l'interrogatorio di Sarra, che è stato rilasciato subito dopo. Il signor Tabacchini, che ha sparato, Bruno Tabacchini, è stato arrestato, mentre una commissione rogatoria è stata inviata a Roma per l'interrogatorio di Sarra, che è stato rilasciato subito dopo.

Re Cecconi nella pausa di un allenamento

По официальной версии Ре Чеккони был убит при шуточном ограблении магазина

В полвосьмого вечера приятели подошли к ювелирному магазину. Туда вошли Гедин и Фратиччоли, а потом влетел

Чеккони со словами: «Всем оставаться на местах! Это ограбление!» Хозяин магазина Бруно Табоккини выхватил «вальтер» и выстрелил в футболиста, попав прямо в грудь. Последнее, что успел сказать Чеккони: «Это была шутка, всего лишь шутка». Его отвезли в больницу Сан-Джакомо, но через полчаса после ранения футболист скончался.

Вполне понятно, что после этого ювелира оправдали, свернув следствие в рекордные 18 дней и признав выстрел необходимой самообороной. Табоккини утверждал, что успел пережить несколько ограблений и всё время находился в напряжении. Респектабельные итальянцы, опасавшиеся за своё имущество, оказались на стороне Табоккини. Рим раздирали уличные войны леваков, террористов, полицейских. Пресса поддержала сторону ювелира: клуб «Лацио» считался правым и был непопулярен в средствах массовой информации.

Сторонником иного отношения к происшедшему стал главный редактор газеты «Corriere dello Sport» Джорджо Тосатти. В своей статье он пытался воззвать к равнодушному обществу: «Смерть Ре Чеккони – это трагедия, которая никого не может оставить равнодушным. Она еще раз напомнила, в каком больном обществе мы живем. Эта болезнь проявляется и в комментариях гибели Ре Чеккони. Цинизм вместо сострадания и разговоры о нелепости розыгрыша вместо возмущения тем, каким способом у человека отобрали жизнь».

Никто из знавших Чеккони не верил в розыгрыш, а футболиста считали разумным человеком. У него была семья, двое детей, оружие он вообще не любил и никогда не носил.

На первый взгляд дело выглядело просто, но обстоятельства оказались далеко не просты. Пьетро Гедин вдруг открестился на суде от дружбы с Чеккони и начал путаться в показаниях. Сразу после гибели товарища он сказал другу Чеккони Джиджи Мартини, что никакого розыгрыша не было, и Лучано ничего не сделал. То же самое вначале говорил и Табаккини. Но под давлением они оба меняют показания и утверждают, что раньше перепутали всё по забывчивости. Испытывая стыд перед сыном Чеккони, Гедин позднее уходил от разговора с ним или предлагал билеты на футбол.

Было непонятно, почему Табоккини, ждавший парфюмера Фратиччоли с заказом, вдруг после его появления открыл стрельбу. По совету адвоката ювелир повторял, что не знал Чеккони в лицо и футбольным болельщиком никогда не был, но весь район Фламинио обклеен изображениями футболистов, и не обратить на них внимания было невозможно. Фразы, сказанной Чеккони, ювелир тоже не запомнил, и она варьировалась от «Всем

стоять, это ограбление!» до «Никому не двигаться. Это ограбление!»

Создавалось впечатление, что всем свидетелям заранее дали установку, чтобы процесс прошел без сучка, без задоринки. При этом сын футболиста, Стефано Ре Чеккони считал, что Табоккини лжёт: вначале говорилось, что Ре Чеккони поднял руки в ответ на действия ювелира, выхватившего оружие, а потом Табаккини утверждал, что руки он держал в карманах.

Был снят фильм «Дело Ре Чеккони», но семья Табоккини, обладавшая связями, запретила телекомпании RAI его показ. Эта картина вышла на экраны только в 1996 году, но потом вновь легла на полку. В 2012 году была опубликована книга «Не шутка», автор которой, журналист Маурицио Мартуччи, доказывал, что футболиста застрелили ещё до того, как он успел что-то произнести. По версии Мартуччи, у Табоккини сдали нервы, и, увидев входящих к нему людей, он прибег к пистолету, но еще во время следствия выяснилось, что механизм оружия был неисправен. Чеккони, увидев человека с пистолетом, поднял руки и сказал Гедину: «Стой и не двигайся!» Эта фраза и спровоцировала выстрел.

Что произошло на самом деле в тот роковой вечер, может сказать только тренер Мальты Гедин, но он упорно молчит. Президент клуба Лацио в открытом письме призывал его ради памяти товарища рассказать правду, но тренер ничего не ответил.

Судьба шоумена

История Боба Крейна типична для шоу-бизнеса: сначала взлет, успех, известность; потом падение, случайные заработки, сомнительный бизнес.

Бобу было 14 лет, когда он работал барабанщиком симфонического оркестра в Коннектикуте. Правда, надолго он там не задержался: вёл себя несерьезно и любил импровизировать. В роли радиоведущего Крейн оказался уместнее и снискал популярность, после чего переехал на запад – в Лос-Анджелес, где выступал на CBS и получил прозвище «Король воздуха». В его шоу, полных остроумия, участвовали музыканты, артисты, дрессировщики. Гостями шоу были Мэрилин Монро, Рональд Рейган, Джейн Мэнсфилд, Мэри Тайлер Мур, Боб Хоуп, Фрэнк Синатра. С этого момента у него было несколько проектов, в том числе контракт на озвучание со студией «Дисней». Он играл в телепостановках и регулярно снимался в шоу Донны Рид в роли доктора Дэвида Килси. Когда шоу стало давать сбои, Крейн забеспокоился, но в 1965 году получил главную роль – Хогана в пилотном выпуске сериала о заключенных гитлеровского лагеря. Его снимал Бинг Кросби для CBS.

Боб Крейн в роли Хогана

Сценарий был спорным: некоторым не нравились шутки на тему концлагеря, но выпуск оказался удачным, и сериал стал одной из самых популярных комедий, а Крейна номинировали на «Эмми». Именно там Крейн познакомился с Карпентером, ставшим для него Мефистофелем и втянувшим в разгульную жизнь.

В личной жизни Крейна всё складывалось удачно: 15-летний брак с Энн, трое детей. В тот момент казалось, что ничто не предвещает беды. Но это был хрупкий рай, построенный на пуританских правилах: Крейну возбранялось даже наличие эротических журналов. Поначалу он ещё хотел исправиться, быть трезвенником и примерным мужем, но он был актером и очень живым человеком. Ему нравились женщины, нравилось веселье баров, нравилось играть без остановки.

Секретом успеха Крейна как шоумена была его простота. Он сам говорил о себе: «Я не слишком образованный парень и побаиваюсь интеллектуальных снобов. Люди говорят на тему

культуры, а я себя ощущаю посторонним манекеном. Меня напугал Тони Рэндалл. Он принялся рассуждать об опере Пуччини! Но все, что я знаю, это Дейв Брубек. Поэтому я и не открывал рот в течение пятнадцати минут!»

Но к середине 1970-х годов вкусы публики начали меняться, а плоские шутки Крейна изрядно поднадоели. Постепенно он стал терять популярность и контракты. Актёр выпивал в компании своего приятеля, специалиста по электронике Джона Карпентера и пытался придумать что-то новое, чтобы не скатиться за черту бедности в благополучном и буржуазном Лос-Анджелесе – городе звезд и миллионеров. Крейн с Карпентером стали снимать порнографию на заказ. Узнав об этом, от него ушла жена.

Спиртное, наркотики, порно – дальнейший результат был предсказуем.

29 июня 1978 года Крейн был найден у себя дома с проломленным черепом. Орудие убийства не обнаружили, но позднее говорилось, что им послужил штатив от телекамеры. Это выглядело символично.

Подозреваемым сразу оказался приятель и партнер по бизнесу Карпентер. Позвонив Крейну домой и услышав голос полицейского, он не выразил никакого удивления. Позднее в его автомобиле обнаружили следы крови той же группы, что и у Крейна. Улики против Карпентера были косвенные, тем более что в то время ещё не существовало анализа ДНК, и невозможно было точно установить, чью кровь обнаружили в машине подозреваемого. Позднее, уже в 1990-х годах, когда дело можно было возобновить для такого анализа, выяснилось, что улика непригодна для идентификации из-за плохих условий хранения.

Джон Карпентер в 1978 году был оправдан, а в 1998 году скончался.

О Бобе Крейне время от времени вспоминали. Роберт Грейсмит написал книгу «Убийство Боба Крейна», в которой Боб Крейн и Джон Карпентер напоминают героев другой драмы, разыгравшейся в Англии в конце 1960-х – талантливого драматурга Джо Ортона и его убийцу Кена Халлиуэла. Или ещё одну пару – Дориана Грея и его злого гения лорда Генри из романа Оскара Уайльда.

Книгу Грейсмита экранизировали в 2002 году под названием «Автофокус». Главную роль сыграл Грег Киннер, а музыку сочинил композитор Анжело Бадаламенти.

Убийство эпохи

Все почитатели и знатоки рока помнят эту дату – 8 декабря 1980 года. В тот день был убит кумир миллионов, певец Джон Леннон. О жизни Леннона и его ансамбле «The Beatles» написано так много, что рассуждать здесь о его биографии было бы нелепо. Но кем был его убийца?

Марк Дэвид Чэпмен и не думал скрываться: сидел на месте преступления и читал книгу. Говорили, что он для того и убил великого певца, чтобы о нём тоже заговорили. Такое в психиатрии называется «синдромом Герострата». И если уж подходить к этой криминальной драме как к «синдрому», то весьма интересной оказывается именно биография убийцы, потому что она невероятна в своей типичности.

Чэпмен был уроженцем Техаса, то есть самого «американского» из всех штатов Америки. Техас – это своего рода «консерватизм американской истории» или «поэма ковбойского фольклора». Отец будущего убийцы служил в американских ВВС в чине сержанта, то есть был типичным американским «бравым парнем». Мать работала медсестрой, что тоже укладывалось в легенду о положительной средней семье. Принадлежавший к новому поколению Марк, достигнув подросткового возраста, не мог не стать битломаном, и он им стал, даже играл на гитаре в школьном ансамбле. Вся комната 12-летнего подростка была обклеена плакатами ливерпульской четверки, он даже одевался как члены группы «The Beatles» и отрастил длинные волосы. В психиатрии такое стремление перенять на себя чужой облик и чужую жизнь называется сублимацией.

До этого момента Чэпмен настолько укладывался в стандарт, что казался не настоящим человеком, а каким-то американским клише.

Джон Леннон и Йоко Оно. Справа – место убийства Леннона

Но дальше всё пошло не так. Рок-группа Джона Леннона распалась в тот момент, когда Чэпмену было 15 лет – то есть к тому возрасту, когда формируются активное самосознание, максимализм, стремление выразить себя. Для парня распад главного ориентира его жизни стал поворотным моментом и личной трагедией. Он просто начал сходить с ума и впал в депрессию. Естественно, этого никто не заметил: взрослые редко обращают внимание на юношеские пристрастия своих детей, потому что сами давно уже всё это пережили и забыли.

Психически неустойчивый юноша Чэпмен уехал из Атланты, пытался найти себя в чём-то другом. Вернувшись, парень принялся лихорадочно распродавать свою коллекцию пластинок – «с глаз долой, из сердца вон». Он постригся, начал одеваться как американский клерк. Выяснилось, что за это время он успел вступить в «Ассоциацию молодых христиан», изучил Священное писание. Логично это с точки зрения психиатрии? Более чем. Человек, понесший утрату, часто обращается к религии за моральной помощью, а с Чэпменом случилась именно утрата – он потерял близких людей, которые являлись для него единым и неделимым целым, своего рода семьёй.

Учиться он после этого не мог и не видел смысла. Депрессивное состояние всё время гнало его в дорогу. Очевидно, Чэпмен пытался убежать от самого себя. Он остепенился, женился, стал агентом по делам азиатских беженцев, но в сочетании с его всё ещё активным молодым возрастом благотворительные миссии выглядели неубедительно. Гораздо больше Чэпмена привлекало насилие: оно и страшило, и притягивало. Оказавшись на Востоке – в Южной Корее, Японии, Гонконге, Таиланде и Ливане, Чэпмен интересовался уличными

перестрелками, собирал записи стрельбы, которые возбуждали его и одновременно наводили ужас.

Наконец он перестал играть роль агента-миссионера, в которой тоже не видел никакого смысла, и, не имея никакой профессии, стал сторожем в административном центре округа Гонолулу «Вайкики». Скучная, рутинная работа вовсе не способствовала выходу из долговременной депрессии. При этом никто из окружавших Чэпмена людей не усмотрел в его поведении ничего странного, потому что оно по-прежнему выглядело типичным: мало ли таких средних американцев, затерянных в мегаполисах. Богачи со своими проблемами ходят к психоаналитикам, все остальные спасаются как могут.

Но сублимация Чэпмена никуда не исчезла. Об этом говорит тот факт, что, уходя с работы 23 октября 1980 года, он расписался в рабочем журнале как «Джон Леннон». Чэпмен уволился, купил пистолет, занял 2 тысячи долларов и отправился в свою последнюю поездку.

8 декабря 1980 года Чэпмену удалось дождаться Леннона возле его дома, и, когда певец в четыре вечера пошёл на студию грамзаписи, он взял у своего бывшего кумира автограф на новом альбоме. При этом присутствовал фотограф Пол Гореш, который, сделав снимок Чэпмена вместе с Ленноном, обещал сделать для Чэпмена копию. И Чэпмен остался возле дома ждать снимок. Без 10 минут 11 вечера Леннон и его жена Йоко Оно вернулись домой. Чэпмен окликнул певца: «Эй, мистер Леннон!» и пятью выстрелами в спину смертельно ранил его. Леннон был доставлен в больницу и в 23.15 скончался.

А Чэпмен сел на бордюре под фонарём и стал читать культовую книгу своего поколения «Над пропастью во ржи». Логично это для человека, только что убившего того, кто был для него в юности дороже всех? Абсолютно.

Никто здесь не пытается оправдывать Чэпмена и его жуткий поступок. Но никакого «синдрома Герострата» в его действиях нет. И не для того он всё это учинил, чтобы прославиться. Вектор жизни Чэпмена был направлен не на восхождение, а на спад. Он стрелял в собственное прошлое, в свою истинную веру. Религия для него верой так и не стала, да и не могла стать.

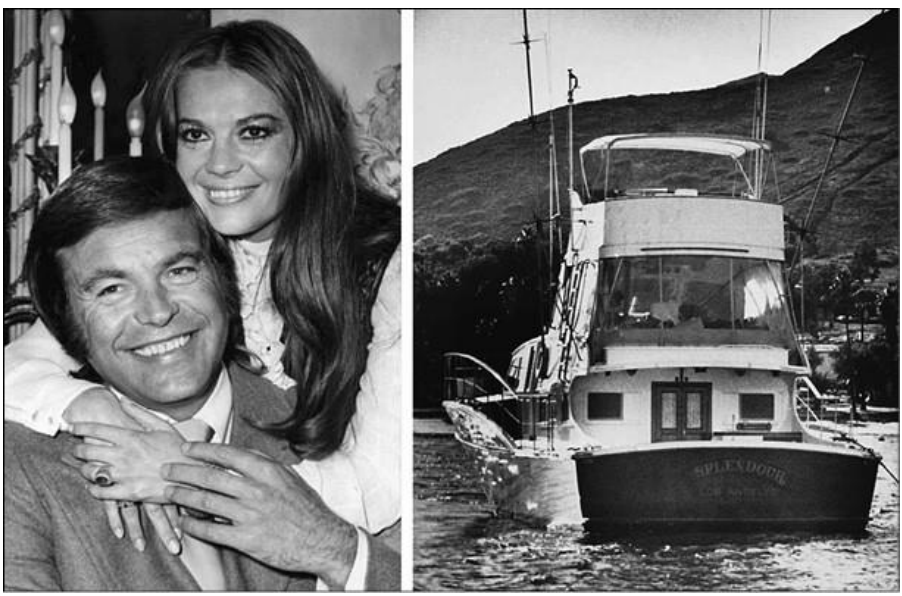
Уже на суде возникла теория о «синдроме Герострата», поскольку Чэпмен утверждал, что его целью было привлечение внимания к себе и желание самоутвердиться. Это вполне укладывалось в версию защиты о невменяемости клиента. Но убийцу признали вменяемым и приговорили к пожизненному заключению. Восемь прошений о помиловании были отклонены, во многом – из-за отношения к фигуре Леннона. Член

Исправительной ассоциации штата Нью-Йорк Роберт Гэнджи сказал, что Чэпмена никогда не помилуют из-за общественного резонанса, который может вызвать освобождение убийцы Леннона.

Джон Леннон давно уже был больше чем певцом, а «The Beatles» – больше чем рок-группой. Для огромной части юного поколения они стали членами семьи и смыслом жизни. Это был настоящий культ, обладавший всеми чертами, присущими культу – гипнотическим влиянием, абсолютным доверием и восхищением, перешедшим в поклонение. Но такой культ провоцирует серьёзные заболевания психики. Именно это и случилось с Чэпменом, который стрелял не в своего бывшего кумира, а в самого себя.

Смерть под парусом

На рассвете 29 ноября 1981 года рыбаки с острова Санта-Каталина заметили неподалёку от берега шлюпку и плавающее лицом вниз тело женщины. На лбу, на шее, на правом колене и правом предплечье женщины имелись ушибы, и ещё больше двух десятков кровоподтёков. В погибшей рыбаки узнали кинозвезду Натали Вуд – икону стиля 1960-х годов. Сниматься она начала с пяти лет, и мало кто вспоминал, что настоящее имя голливудской знаменитости – Наталья Николаевна Захаренко. Она была дочерью русских эмигрантов.



Натали Вуд с мужем. Справа – яхта «Великолепие»

Официальная версия гибели гласила, что, находясь на яхте, актриса принимала алкоголь, а потом легла спать, но ей мешал стук лодки о борт, и она вышла закрепить канат, что и привело к её падению в воду. Повреждения на теле были связаны с ударом о борт яхты.

Расследование вёл опытный эксперт-коронёр Томас Ногучи, который понимал всю щекотливость дела, связанного с актёрской средой Голливуда. Он не провел полноценных следственных действий, не сделал вскрытия трупа и лишь формально опросил тех, кто находился в ту ночь на борту яхты «Великолепие», а потом пришёл к заключению, что это был обычный несчастный случай. При этом не принималось в расчёт, что жизнь актрисы

была застрахована на 13 миллионов долларов в пользу её мужа Роберта Вагнера, который всю ночь препятствовал поискам пропавшей жены и продолжал пить.

Участниками этого происшествия кроме Вагнера были капитан яхты Деннис Данвер и Кристофер Уокен, партнёр Вуд по фильму «Мозговой штурм». Съемки фильма были приостановлены до декабря, и Натали Вуд успела побывать в Беверли Хиллз, где жили её дети. 26 ноября они отпраздновали День благодарения. На следующий день Натали Вуд, Роберт Вагнер и Уокен оказались на борту яхты, решив прокатиться вдоль побережья Южной Калифорнии и вернуться 30 ноября в Беверли Хиллз.

Вечером 28 ноября яхта была пришвартована в бухте Истмус острова Санта Каталина, и путешественники решили поужинать в ресторане Дагз Хабор Риф. Хозяин ресторана на всякий случай поручил своему помощнику проводить нетрезвых клиентов на судно.

Впоследствии это дело осложнилось ещё и тем, что чету Вагнера и Вуд окружало множество слухов. Они уже однажды разводились, но потом сошлись вновь. Вагнер обладал тяжелым характером, Вуд не хотела терпеть его измены, но сама она тоже любила флиртовать с мужчинами, чтобы спровоцировать его ревность. Так было и в этот раз: Натали намеренно крутила роман с Кристофером Уокеном, пытаясь поддразнить мужа. В результате на яхте возник конфликт. Вагнер и Уокен громко выясняли отношения, а потом уселись вместе пить и разговаривать, не заметив при этом исчезновения своей подруги. Или заметив?

Говорили, что Уокен после происшествия находился в таком шоковом состоянии, что его толком допросить было нельзя. Некоторые считали, что он что-то знал или стал свидетелем чего-то ужасного. Тем не менее во время допроса Уокен с Вагнером придерживались одинаковой версии: они оба поспорили, потом помирились, выпили и пошли спать; где в это время находилась актриса, они не видели.

Капитан Данвер в своих показаниях тоже был осторожен: он сказал, что поднялся на мостик, а потом совершил обход яхты и увидел, что пропала надувная лодка. Актрисы тоже нигде не было. Данвер сообщил об этом Вагнеру, но тот сказал, что она могла взять лодку и поехать в гости: в бухте в тот момент находилось много яхт. По мнению Вагнера, она могла вернуться в ресторан. Данвер хотел вызвать спасателей и оповестить береговую охрану, но по просьбе Вагнера не сделал этого. Через два часа Вагнер всё же сообщил по рации об исчезновении человека на их судне. Ещё через два часа он поставил в

известность начальника порта, который отправил на поиски спасательное судно и вертолёт.

Впоследствии Данвер говорил, что всё было не так, как представлено ранее: на яхте произошла ссора, но не между Вагнером и Уокеном, которые потом помирились, а между Вагнером и Вуд. Уокен в это время ушел спать, а он, предоставив ссорящихся супругов самим себе, поднялся на мостик. То есть окончания ссоры никто не видел. Потом капитан сообщил Вагнеру, что Натали исчезла, а тот ответил, что повода беспокоиться нет, потому что она взяла шлюпку и уехала. Из этого следовало, что Вагнер был последним, кто видел Вуд живой, а то, что именно ему причиталась сумма в 13 миллионов долларов, на которые Вуд была застрахована, делало его первым подозреваемым. В то же время автором официальной версии гибели актрисы был именно Вагнер: это он сказал, что ей мешал шум лодки и она пошла закреплять канат, хотя видеть всего этого не мог.

Следователи не проверили эти слова и не опросили возможных свидетелей на других судах, находившихся поблизости. Таких свидетелей было трое, но Ногучи не стал снимать с них показания, даже вопреки их желанию. Коронёр объяснил это тем, что они просто хотели попасть в громкую историю и оказаться на страницах газет. Он провёл вскрытие и осмотр, зафиксировал отсутствие повреждений и прекратил следствие в течение четырех суток.

Лишь через тридцать лет, когда капитан Данвер написал об этом трагическом инциденте книгу под названием «Прощай, Натали, прощай, “Великолепие”», и следствие было вновь открыто. По словам Данвера, 28 ноября Вагнер вернулся на яхту один, потому что Натали и Кристофер Уокен решили уединиться в гостиничном номере. По всей видимости, для Вуд это было не только увлечение партнёром по фильму, но и местью Вагнеру за его любовные интрижки. На следующий день Вагнер подступил к жене с вопросами, и она вызывающе подтвердила, что провела отличную ночь. После ресторана они продолжали ссориться уже втроем, и причиной была ревность. Данвер слышал, как Натали язвительно намекнула мужу на его возраст, и он в гневе разбил бутылку. В книге капитан использовал показания свидетельницы с соседней яхты, которая слышала женские крики о помощи и мужской голос: «сейчас мы тебя вытащим». Через 15 минут крики стихли.

Данвер делал вывод, что в смерти актрисы виновен её муж: он угрожал ей и избил, а она попыталась сбежать на лодке и погибла. По словам капитана, Вагнер нанял специального

адвоката, сочинившего подходящую версию, и позднее взял следствие под свой контроль.

Дочь Натали Вуд и Роберта Вагнера не общается с отцом, а он давно женат на актрисе Джилл Сент-Джон, известной как «девушка Бонда», и продолжает хранить молчание.

Крошка Джонбенет

26 декабря 1996 года в полицию города Боулдер в штате Колорадо поступило сообщение от Патрисии Рэмси о похищении её дочери и требовании выкупа в размере 118 тысяч долларов. Обычно поиски человека длятся днями и месяцами, но уже утром следующего дня в подвале дома Рэмси был найден труп девочки.

Дело становилось громким: 6-летнюю Джонбенет знали все – она была королевой детского конкурса красоты и звездой рекламы. Хорошенькое златокудрое создание, похожее на куклу Барби, она могла привлечь внимание маньяка, человека с нездоровой психикой. Но экспертиза не показала изнасилования, хотя на белье девочки и была найдена кровь неизвестного мужчины. Причиной смерти стала асфиксия – удушение веревкой.

Патрисия Рэмси – «Мисс Вирджиния» с детьми

Быстрое обнаружение тела да еще в самом доме жертвы не могло не насторожить полицию. Казалось, виновник убийства кто-то из семьи. Следователи коронера Алекса Хантера тщательно допрашивали всех членов семьи – от Джона Рэмси до 9-летнего Барка, старшего брата девочки. Но многое можно понять по фотографиям. А на фотографиях, запечатлевших «Мисс Вирджинию» с детьми, сразу бросается в глаза явное

благоволение матери к сыну и пренебрежение дочерью, которая изо всех сил пытается пристроиться сбоку к маминому плечу. Кажется, что блистательная мама не слишком охотно вынуждена признавать, что эта юная звезда тоже её ребенок. Интересны и другие фотографии миссис Рэмси. После смерти дочери на её лице заметна легкая тень сожаления, однако безупречный макияж и удачно подобранные комплекты драгоценностей как-то не вяжутся с трагичностью момента: дама явно контрастирует с искренне скорбящим мужем. Но есть и другое фото, на котором Патрисия Рэмси буквально разбита и полна отчаянья. Это уже совсем другая женщина – внезапно постаревшая и утратившая смысл жизни. Фото никак не связано с потерей дочери: Патрисия узнала, что сама скоро умрёт от рака, а своя жизнь – не чужая.

Домохозяйка и в прошлом «Мисс Вирджиния» могла приревновать девочку к юности и славе. Наконец, сама Джонбенет могла спровоцировать конфликт с матерью: например, закапризничать и отказаться работать на рекламу для пополнения семейного бюджета. Ведь не раз упоминалось, что она была источником дохода семьи.

Да мало ли что случается в «одноэтажной Америке» с её непредсказуемыми нравами. Иной раз один не рассчитанный шлепок может привести к смерти и попыткам скрыть преступление. Да и сам дом с его винтовыми лестницами и крутыми ступеньками в подвал может стать врагом хозяев и виновником смерти.

Подозреваемых у полиции не было. На нижнем белье Джонбенет были обнаружены следы крови, принадлежащей неизвестному лицу, как выяснилось потом, мужчине. Этим мужчиной мог оказаться Джон Марк Карр, задержанный в 2006 году в Таиланде. Он сам охотно заявил, что был с Джонбенет в момент её смерти. Но его ДНК не совпадал с найденными следами крови, и предъявить ему обвинения было не за что. Полиция перебирала одну версию за другой, даже пыталась уличить друга Джона Рэмси, Рода Вестморлэнда. Тот подал иск о клевете против анонимного веб-сервера, поместившего сообщения о нём в интернете. Рассматривалась и виновность 9-летнего Барка, который мог завидовать славе сестры. Джона Рэмси это возмутило, и он потребовал, чтобы его сына оставили в покое.

Расследование гибели звёздной девочки всё ещё продолжается, но едва ли оно даст результаты.

Главное – вовремя смыться

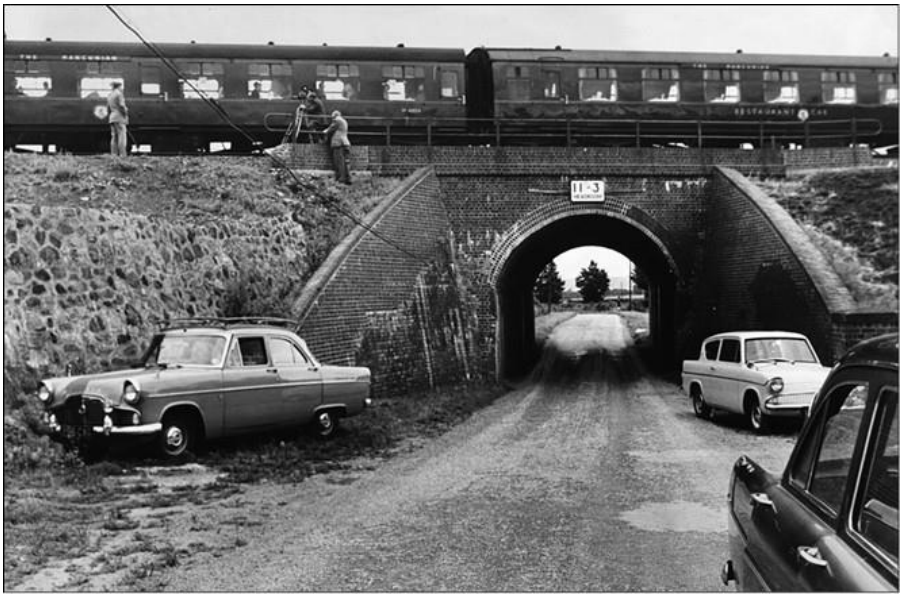
Великие авантюристы существовали во все времена, но лишь XX век поставил дело мирового авантюризма на поток, когда и организованные группы, и одинокие мошенники-маргиналы превратились в явление жизни, изучаемое не только авторами приключенческих романов, но и психиатрами. Эти последние, поймав кого-нибудь из грабителей банков или угонщиков самолётов, пытаются посредством медицинской науки обнаружить в их организме отклонения от нормальности. На самом деле авантюризм и внесоциальное поведение – это не отклонение, а свойство характера, врождённое или приобретённое. Просто в мире, погрузившемся в хаос глобализма, таких характеров становится всё больше, а пойманных и разоблачённых авантюристов – всё меньше.

История «Почтовых воров»

Этот случай вошёл в историю как «Великое ограбление поезда». 7 августа 1963 года около семи часов вечера из Глазго в направлении Лондона вышел почтовый поезд с дополнительным вагоном с деньгами и ценностями. Он состоял из 12 вагонов и сопровождался 72 сотрудниками почты, сортировавшими отправления по ходу движения состава.

8 августа 1963 года в три часа ночи грабитель Чарльз Уилсон по сигналу Брюса Рейнольдса закрыл зелёный свет семафора чёрным мешком и с помощью ручного фонаря имитировал красный свет. Ещё один участник ограбления Джон Дэли должен был таким же фонарём дать жёлтый свет. Шофёр Рой Джеймс в километре от места нападения ожидал в кабине грузовика своих подельников. Ещё один член банды следил за отправлением поезда в Глазго и сразу сообщил Рейнольдсу по телефону, что 128 мешков с деньгами находятся в вагоне с надписью «Royal Mail» и номером M30204M.

Поезд появился по расписанию. Грабители, переодетые в комбинезоны железнодорожных рабочих, находились на своих местах. После сигналов фонарей поезд начал торможение, а помощник машиниста пошёл к телефону выяснить, что происходит, но провода были перерезаны преступниками. Машиниста Миллза и его помощника обезвредили ударом по голове. При этом бывший железнодорожник, который должен был вести поезд дальше, перенервничал и выбыл из игры, а Рейнольдсу пришлось приводить Миллза в чувство, чтобы заставить его отогнать поезд к мосту. Инкассаторы вообще не заперли вагон и вели себя беспечно, поэтому их легко связали, а 120 мешков с купюрами (46 миллионов фунтов) перегрузили в кузов машины и на двух «лендроверах» скрылись. При этом 8 мешков остались в вагоне.



Место, где произошло так называемое Великое ограбление поезда

Штаб-квартирой грабителей была ферма Лезерслейд, куда они прибыли с деньгами и должны были провести несколько недель под видом рабочих. Банда Рейнольдса состояла из 15 человек. Главарь был владельцем антикварной лавки, он не раз привлекался за мошенничество. Рейнольдс узнал, что перевозимые купюры уже выведены из обращения. Их ещё не успели переписать в банке, но можно было пустить в повторный оборот. Тогда у него и созрела идея ограбления поезда. Команду он готовил тщательно, а главным помощником сделал своего друга Дугласа Гуди.

Уже на ферме они узнали по радио, что поиски расширены до 50 километров, поэтому было решено покинуть этот район. Обнаружив ферму и сверив отпечатки пальцев, полицейские вскоре знали имена всех грабителей.

Поскольку за поимку грабителей была обещана награда в 10 тысяч фунтов, в дело включились рядовые граждане. Уже в январе 1964 года почти все преступники сидели на скамье подсудимых. На свободе оставались Рейнольдс, Эдвардс и Уайт.

20 января 1964 года начался процесс, который длился 51 день – до 15 апреля. При этом было допрошено 240 свидетелей и рассмотрено 613 вещественных доказательств. Судья в заключительном слове назвал ограбление «корыстным насильственным преступлением, вдохновлённым огромной жадностью». Семеро подсудимых получили 30 лет, четверо – от 3

до 24 лет.

12 августа Рейнольдс и Эдвардс устроили Уилсону побег из тюрьмы, и вскоре он уже был вместе с ними в Мехико. В июле 1965 года из тюрьмы бежал Ронни Биггс. Побег был спланирован его женой Шармиан, которая подрядила для этой цели освободившихся из тюрьмы рецидивистов Сибурна, Лесли и Блэка. Кстати, Шармиан Биггс, узнав о страданиях водителя поезда Джека Миллза, который так и не оправился от травм, выплатила ему 65 тысяч фунтов, что позволило Миллзу переехать в комфортабельный район Крю. Умер машинист от хронического лимфолейкоза и бронхиальной пневмонии в 1970 году. Едва ли щедрое подношение грабителей могло возместить тот ущерб его здоровью, который они нанесли.

Но в конечном итоге арестованы были все члены банды, даже те, кому удалось сбежать. Некоторые пошли под арест добровольно, устав пребывать в бегах и соскучившись по родине.

Ронни Биггс, бежав в Париж, сделал пластическую операцию, чтобы не быть узнанным. Уже в 70-е годы он перебрался в Австралию и жил сначала в Аделаиде, а потом в Мельбурне. Но отовюду ему приходилось бежать, потому что его разыскивал Интерпол. Так он оказался в Бразилии, где женился и завёл сына. Выдать Великобритании Биггса не могли: не было закона об экстрадиции и было поручительство сына, как гражданина Бразилии. Но в 71 год Биггса неотвратимо потянуло на родину, по его словам – «хотелось сходить в паб и купить пинту горького пива». Он вернулся и был арестован. 6 августа 2009 года старика выпустили из-за проблем со здоровьем. Через 4 года он умер в Лондоне.

Биография главаря Брюса Рейнольдса похожа на психологический роман. Он с детства многого хотел, но оказался явно не востребован своим временем и средой. Отец Брюса привёл в дом мачеху, с которой парень не ужился, поэтому растили его бабушки. В 14 лет он хотел поступить в Королевский флот, но из-за плохого зрения не прошёл медкомиссию. Решив стать иностранным корреспондентом, он устроился посыльным в газету «Daily Mail», но вскоре понял, что это не журналистика, а рутина. Он работал в бухгалтерии, потом посыльным в компании по продаже велосипедов, после чего стал членом команды велосипедистов. Наконец ему всё это надоело, и он связался с криминалом, попав в тюрьму для несовершеннолетних. Побеги стали его хобби. В 1952 году Рейнольдса приговорили к 3 годам за проникновение в чужое жилище, после чего он перешёл к ограблениям сельских домов. Потом, осидев еще три года за драку с букмекером, стал красть антиквариат и вступил в банду

«Наполеон», ограбившую инкассаторский фургон с 62 тысячами долларов в аэропорту Хитроу. Рейнольдс был арестован последним из грабителей почтового поезда, он отсидел в тюрьме 10 лет и вышел на свободу 6 июня 1978 года. С середины 1980-х годов он заботился о жене и сыне, помогал товарищам и вообще проявил себя не как бандит, а как вполне обычный человек и не самый худший член общества. Незадолго до смерти, в 2010 году, он написал послесловие к книге Роберта Райана «Красный сигнал», посвященной великому ограблению поезда.

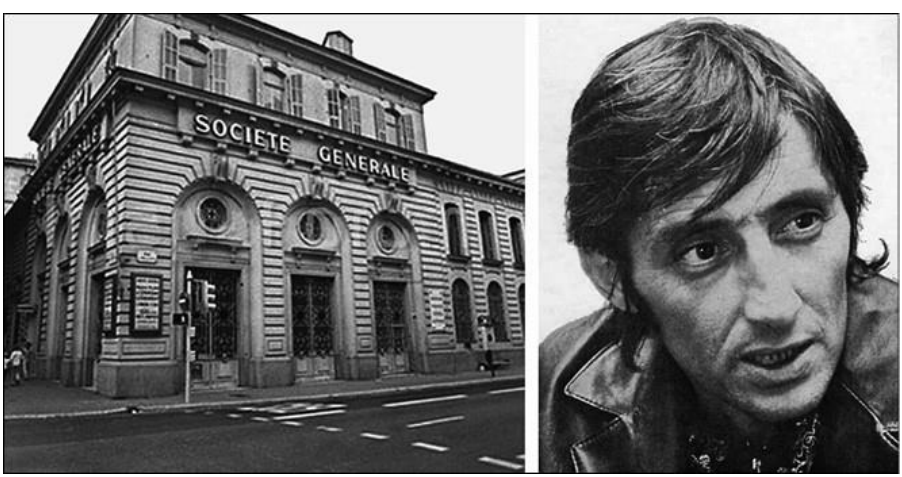
Остроумные грабители

18 июля 1976 года во Франции произошло одно из самых дерзких ограблений за всю историю страны: из банка «Societe Generale» в Ницце были похищены 50 миллионов франков (по сравнению с сегодняшним курсом – 30 миллионов евро).

Банк «Societe Generale» как объект ограбления был выбран потому, что его стена граничила с канализацией, и достаточно было пройти всего 8 метров и спуститься в люк, чтобы исчезнуть с деньгами навсегда. Время организации подкопа тоже было продумано: 14 июля страна традиционно отмечала День взятия Бастилии, и грохот фейерверков заглушил звук автогена, которым воры вырезали металлическую стену. С такой же легкостью были пробиты бетонные конструкции. Воры тщательно проверили действие сигнализации, арендовав в банке ячейку и поместив туда будильник: на его звон охрана не среагировала, и путь был свободен.

Два дня понадобилось на рытьё земли, и всё было готово. Устранив металлическую стену, воры получили доступ к сейфу. Когда деньги были похищены, грабители отправились по канализационным трубам в сторону пляжа, но им пришлось проделать этот путь три раза, чтобы унести все мешки с деньгами.

Наглость преступников сделала их легендарными: они вообще не спешили покидать место преступления, устроив в хранилище вечеринку в честь успешного завершения операции.



Во время предъявления вещественных доказательств Спажьяри выскочил в окно и умчался на мотоцикле

После себя они оставили дыру в стене, прорытый туннель, кучу объедков, пустые бутылки. Удивительно, как при таком количестве ДНК полиция не смогла найти никаких концов. На стенах хранилища воры оставили надпись: «Sans armes, ni haine, ni violence» («Без оружия, без ненависти, без жестокости», *франц.*), а рядом расклеили портреты с изображением знаменитостей. Всё это и было обнаружено на следующее утро изумлёнными служащими банка.

Полиции для поддержания своего реномэ необходимо было найти хотя бы одного подозреваемого, и она задержала фотографа Альбера Спажьяри. Суд над обвинённым в ограблении фотографом напоминал сюжет приключенческого фильма: во время предъявления вещественных доказательств Спажьяри выскочил в окно и умчался на стоявшем у здания суда мотоцикле. Найти его так и не удалось.

С тех пор минуло более 30 лет, и вдруг в 2010 году была опубликована книга анонимного автора, взявшего себе псевдоним Amigo («друг», *исп.*).

Автор утверждал, что именно он руководил ограблением банка, а фотограф Спажьяри был одним из исполнителей. Возможно, это была мистификация, организованная ради получения прибыли, но полицию книга заинтересовала. Через год удалось выйти на финансового махинатора Жака Кассандри, который, вероятно, и был автором бестселлера. Но Кассандри это было безразлично: срок давности по ограблению давно истёк, и его выпустили.

Так и осталось это дело одной из криминальных тайн XX столетия.

Дело переодетого полицейского

Это случилось 10 декабря 1968 года в Токио. Четыре сотрудника банка «Nihon Shintaku Ginko» перевозили на автомобиле 294 миллиона 307 тысяч 500 йен (около 817 520 долларов), предназначенных для работников компании «Toshiba». Деньги они везли в багажнике.

На улице рядом с токийской тюрьмой Футю их остановил полицейский на мотоцикле и попросил выйти из автомобиля. По его словам, в доме менеджера их компании произошёл взрыв, и было получено сообщение о бомбе, заложенной в их автомобиле. Когда они вышли, полицейский начал обследовать автомобиль. В это время из машины повалил дым, и полицейский прокричал: «Все в укрытие! Сейчас взорвётся!» Когда дым рассеялся, ни полицейского, ни денег уже не было.

Полиция полагала, что переодетый полицейский переложил коробки с деньгами в другую машину, а потом в третью, тоже угнанную заранее.

Несмотря на наличие 120 улик, включая самую главную – брошенный полицейский мотоцикл белого цвета, следователи оказались в тупике. Большая часть улик оказалась бытовыми предметами, специально подброшенными, чтобы отвлечь внимание.

В список подозреваемых были включены 110 тысяч полицейских и 170 тысяч участвовали в расследовании, которое стало самым крупным в истории Японии. Следователи опросили сотню тысяч свидетелей, и наконец им удалось задержать 19-летнего парня, отец которого был полицейским. У парня не было алиби, но он, ничего не сообщив, совершил самоубийство, отравившись цианистым калием.

12 декабря 1969 года «Mainichi Shimbun» указала ещё на одного 26-летнего мужчину. Он был арестован, но предоставил алиби: ограбление произошло в тот день, когда он сдавал экзамен. Поскольку арест этого человека производился незаконно, путём обмана, сотрудник полиции Мицуо Муто был обвинен в злоупотреблении властью.

15 ноября 1975 года за совершение другого преступления был арестован приятель того молодого самоубийцы. В момент ограбления ему было 18 лет, а дома у него нашли большую сумму денег. На допросе у него спросили о происхождении денег, но парень молчал, а полицейские не смогли доказать, что это те самые похищенные деньги. Обвинение не предъявили из-за отсутствия улик.

Несмотря на наличие 120 улик, включая брошенный полицейский мотоцикл, следователи оказались в тупике

Следствие длилось 7 лет, но в декабре 1975 года истек срок давности, поэтому похититель заочно был освобожден от каких-либо гражданско-правовых обязательств, что позволило бы ему поведать свою историю, не опасаясь юридических последствий. Но японской полиции так и не удалось найти дерзкого похитителя, несмотря на то, что всё это случилось на глазах у большого количества людей. Это ограбление получило название «Инцидент с 300-ми миллионами».

«Рембрандт на вынос»

Знаменитый музей в Бостоне был открыт в 1903 году Изабеллой Стюарт Гарднер. Эта художественная галерея, расположенная в стилизованном под венецианское палаццо здании, содержала классические и современные произведения искусства. Благотворительнице удалось собрать две с половиной тысячи шедевров европейского искусства, в том числе полотна Тициана, Рафаэля, Рембрандта.

Но ещё большую популярность музей приобрёл после самого громкого ограбления в истории Америки, до которого Изабелла Гарднер, к счастью, не дожила.

Ночью 18 марта 1990 года произошло невероятное событие. В музей вошли двое мужчин в форме офицеров полиции Бостона. Они сообщили охране, что на территории посторонние, потом связали сторожей и вынесли из музея 13 шедевров стоимостью 200 миллионов долларов – три картины Рембрандта, полотно «Концерт» Яна Вермеера, 5 картин Дега, по одной картине Мане и Флинка, китайский бронзовый стакан и флерон наполеоновской эпохи в виде орла. Никакого оружия во время ограбления применено не было.

Видеозаписи с камер наблюдения грабители унесли с собой, но сохранилась запись, сделанная 17 марта 1990 года, за день до преступления. На ней был запечатлён неизвестный человек, вошедший в музей ночью. Он приехал на автомобиле, похожем на тот, который использовали грабители, зашел через чёрный вход, охрана спокойно пропустила его, и это было удивительно. Впоследствии это видео было обнародовано на сайте Министерства юстиции США в надежде, что кто-то опознает незнакомца.

Похитители так и не были найдены, но в 1999 году за планирование другого вооруженного ограбления были арестованы Кармело Мерлино и Дэвид Тёрнер, а в 2005 году ФБР вышло на след мафии. Всё свидетельствовало о том, что Мерлино и Тёрнер принимали участие в ограблении музея Гарднер, а потом при посредничестве американской мафии продали картины европейским коллекционерам. В ходе допроса Тёрнер всё отрицал, а Мерлино намекал, что знает местонахождение картин. Но этот след никуда не привёл.

18 марта 2013 года ФБР сообщило, что личности грабителей установлены: все они входят в организованную преступную группу с северо-востока США. Имена преступников являются тайной следствия.

ФБР сумело проследить путь картин, часть которых оказалась в Коннектикуте, а другая – в Филадельфии. Но где они находятся теперь, неизвестно. ФБР обратилось к общественности с просьбой помочь в их поиске и пообещало 5 миллионов долларов в качестве вознаграждения.

Рамы от похищенных произведений в музее Изабеллы Стюарт Гарднер

Мотив неизвестен

Эту наиболее загадочную главу следует начать с самой таинственной страны в мире, где всё выглядит необычно и необъяснимо – природа, животный мир, уклад жизни и даже преступления. В Австралии бесследно исчезают премьер-министры, целые семьи и группы людей, зато неизвестно откуда появляются загадочные незнакомцы, которых никто не ищет, и непонятные надписи, которые никто не может разгадать.

Пикник у Висячей скалы

Эта история давно уже стала легендой, и никто не помнит, что здесь правда, а что – художественный вымысел лучшего режиссера Австралии Питера Уира, снявшего одноименный фильм, который сразу стал хитом и шедевром киноискусства. Своей мистической картине Уир предпослал эпиграф из Эдгара По: «Что видим мы и что видят в нас, есть только сон, и сон внутри другого сна». Эти слова как нельзя лучше характеризуют атмосферу призрачности нашего мира, в котором порой можно заблудиться в трех соснах и невозможно найти ответ на самый простой вопрос.

История гласит, что в 1900 году на день святого Валентина группа гимназисток с окраины Мельбурна вместе с учительницей математики и учительницей танцев отправились отдохнуть на природе. Достопримечательность Австралии Висячая Скала, или Хантинг-Рок, ранее носила имя греческого философа Диогена, который известен был своими поисками человека. В данном случае это название имело почти символический характер, поскольку три гимназистки – Миранда, Мэрион, Ирма – и учительница математики мисс Макгро бесследно исчезли.

Место их отдыха – парк в центре штата Виктория, в 70 километрах от Мельбурна – представляет собой чудо природы и по высоте (718 метров), и по ландшафту невиданной красоты. Контраст великолепной природы, мирного характера уик-энда и зловещей загадки, будоражащей человечество до сих пор, – это та взрывная сила, которая притягивает художников и заставляет их вновь возвращаться к тем давним, канувшим в Лету событиям.

Уцелевшие свидетели пикника – девочки, кучер, учительница танцев, случайные наблюдатели – позднее сообщали в полицию о странности поведения пропавших женщин и таинственных явлениях, сопровождавших этот уик-энд. У нескольких человек почти одновременно остановились часы, и учительница математики пыталась объяснить это геомагнитными колебаниями. На такую аномалию указывало и виденное гимназистками красное облако, повисшее над скалой. Одна из пропавших гимназисток перед поездкой на природу написала подруге письмо, в котором прощалась с ней навсегда. Уже рядом со скалой героини признавались, что их неотвратимо тянет природа, будто заманивает, что они испытывают непонятную сонливость, похожую на гипноз.

В 1900 году группа гимназисток исчезла у скалы Хантинг-Рок

Говорить о том, что было совершено преступление, и девушки с учительницей оказались убиты или похищены группой злоумышленников, было бы опрометчиво, поскольку ничто не указывало на преступление: на месте исчезновения, которое было основательно прочесано полицейскими, не нашлось ни следов борьбы, ни иных улик. Создавалось впечатление, что люди просто растаяли в воздухе, ушли в иное измерение.

Естественно, это породило фантастические теории о похищении пришельцами или путешествии в преисподнюю. Говорилось и о том, что группа попала в некую точку проницаемого пространства, где существует несколько равноправных времен и можно с легкостью попасть как в прошлое, так и в будущее.

Криминалистика ещё не достигла высокого уровня, но полицейские приложили изрядные усилия, чтобы разобраться в деле об исчезновении. Они были приземленными людьми и подозревали, что девушек изнасиловали и убили праздные хулиганы или похитили торговцы живым товаром. Директриса гимназии миссис Эппльярд полагала, что на Висячей скале на женщин напал сексуальный маньяк. Позднее её саму обнаружили разбившейся возле скалы, что в тот момент никого не удивило: она была удручена исчезновением гимназисток, испорченной репутацией школы, наплывом корреспондентов и, к тому же, много пила.

В 1967 году пожилая австралийская писательница Джоан Линдсей издала книгу «Пикник у Висячей Скалы», в которой без

особого мастерства, но с документальной точностью описала эти события, известные ей с детства, потому что она училась в этой гимназии. Линдсей придерживалась версии об ином измерении – некоем географическом и электромагнитном феномене, который находится на Висячей Скале. Впрочем, в книге были только скрытые намёки: последнюю главу писательница предпочла не публиковать. Эта глава появилась уже после экранизации и содержала описание искривления пространства. Книга Линдсей в момент выхода не нашла интереса и понимания, тем более что мистическая тема, характерная для начала XX века, в 1960-е годы виделась старомодной и неактуальной. Это было, как и во всем мире, время молодежных движений и общественной активности. Лишь экранизация Уира сделала роман бестселлером, а историю Висячей скалы – достоянием всего мира.

Уир в своём фильме не предлагал объяснений таинственного исчезновения, усматривая в самой тайне главный смысл. Лишь позднее он высказал ещё одну версию исчезновения – запутанный лабиринт пещер внутри горы, в котором могли потеряться его героини.

До сих пор толпы туристов взбираются на эту знаменитую скалу, пытаясь разгадать тайну пропавших женщин.

«Таман шуд»

История Австралии знает не только исчезновения, но, наоборот, загадочные появления людей. В 1948 году страна, пережившая Вторую мировую войну и японскую агрессию в Тиморе, постепенно приходила в себя. На тот момент население ее было немногочисленным, всего 8 млн человек, поэтому правительством был объявлен режим, благоприятствующий белой иммиграции, и в Австралию потянулись беженцы, в основном англичане и евреи. Для них строились лагеря для проживания. Именно поэтому появление неизвестного человека, возможно – иностранца, на территории страны в принципе никого бы не удивило и могло остаться вовсе незамеченным, если бы не странные события, которые за этим последовали.

На окраине города Аделаида, у самого пляжа района Соммертон, в конце ноября 1948 года прогуливались люди. Супружеская пара в половине восьмого вечера заметила сидящего у самой лестницы мужчину. Эта лесенка спускалась на пляж от детского дома для инвалидов. Супругам показалось, что незнакомец меняет положение и двигает рукой, но они решили, что этот человек просто выпил лишнее. Подъехавшая на мотоцикле парочка тоже видела мужчину, сидящего рядом с волнорезом, но не придала этому значения. На следующее утро, 1 декабря, мужчина был обнаружен мертвым, причем в уголке его рта оказалась погасшая сигарета.

Человек из Соммертона и найденная при нем зашифрованная записка

Вскрытие показало, что смерть наступила в 2 часа ночи 1

декабря, причем «сердце имеет нормальные размеры, признаки заболевания сердечнососудистой системы отсутствуют… кровеносные сосуды головного мозга легко различимы, что свидетельствует о приливе к ним крови. У погибшего зафиксировано распухание тканей глотки, а слизистая пищевода покрыта неглубоким налётом белёсого оттенка с язвенным воспалением приблизительно посредине. В желудке наблюдается смешивание крови с остатками пищи, также зафиксировано воспаление второго отдела двенадцатиперстной кишки. Обе почки воспалены, а в печени наблюдается переизбыток крови в сосудах. Селезёнка имеет неестественно крупные размеры, приблизительно в 3 раза больше нормы. В печени зафиксировано тканевое разрушение, наблюдаемое под микроскопом… также у погибшего обнаружены признаки острого гастрита».

Из этого можно было заключить, что мужчина умер от неизвестного яда, который и произвел во всех его органах такие изменения. Из заключения патологоанатома доктора Дуайера следовало, «что этот человек умер неестественной смертью… в качестве яда могли быть использованы соединения группы барбитуратов или растворимое снотворное».

Но как яд попал к нему в организм, было непонятно.

Попытавшись выяснить личность умершего, полицейские столкнулись с загадкой. Документов и бумаг при нем не было, а с одежды оказались срезаны все метки. Сама одежда тоже вызывала вопросы: дорогая, добротная и не по сезону теплая, она свидетельствовала о достатке человека, но никак не могла прояснить его личность. Еще более странным казалось отсутствие шляпы и наличие пачки сигарет «Army club», наполненной совершенно другими, гораздо более дорогими и редкими британскими сигаретами «Kensitas». У многих исследователей впоследствии появлялась версия об отравлении именно сигаретами. Кроме того, предполагалось, что незнакомец был связан с британскими спецслужбами и замаскировал «Kensitas» под другую коробку, чтобы не привлекать внимания местных жителей.

На вид мужчине было около 45 лет, он имел карие глаза, рыжеватые волосы с небольшой проседью, 180 сантиметров роста, крепкие икроножные мышцы, характерные для спортсмена или танцора. По внешности напоминал британца и не обладал никакими отличительными приметами, если не считать странную форму ступни: пальцы ног образовали форму клина, как это бывает у людей, носящих обувь с острыми носами.

Неизвестный был назван для удобства «Соммертон мен», а полиция стала разыскивать его вещи. Вскоре обнаружился

сданный в камеру хранения чемодан, наполненный вещами для путешествия – добротным халатом, тапочками, одеждой и мелкими предметами, среди которых выделялись индикаторная отвёртка, столовый нож, переделанный в заточку, ножницы с остро заточенными концами, кисточка для трафаретных работ и карандаши. Из этого можно было сделать вывод, что незнакомец занимался трафаретными работами – в то время это была доходная деятельность, востребованная в армии. Но документов не оказалось и в чемодане, лишь пару раз на одежде попалась надпись «T. Keane». Полиция, было, решила, что это и есть имя умершего, но никаких подтверждений не нашла, хоть и проверила всех Кинов на австралийской территории. Позднее некоторые связывали надпись «Keane» с островом Тимор: там это было название местной валюты. Именно на острове Тимор разворачивались в годы войны боевые действия: остров был захвачен японцами, и австралийские отряды организовали партизанское движение в лесах, что привело к карательным операциям японцев и гибели нескольких деревень. Мужчину из Соммертона тоже считали возможным участником этих событий.

И тут случайно при обыске брюк погибшего был обнаружен потайной кармашек для часов, где был найден вырванный листок бумаги с надписью «Tamam shud», оказавшийся куском листа из сборника стихов Омара Хайама, переведенных Эдвардом Фицджеральдом. Впоследствии при опечатке в газете эти слова стали цитировать как «таман шуд».

Полиция начала искать эту редкую книгу и ее владельца. Лишь позднее, когда фото отрывка опубликовали, нашелся человек, обладавший редким изданием Омара Хайяма, однако он не знал происхождения книги и утверждал, что нашел ее на заднем сиденье своей машины в ночь на 30 ноября 1948 года, а кто ее туда подбросил, неизвестно. При обследовании книги полицейские обнаружили на ее обороте еще одну загадку – странный шифр из пяти строчек, сделанных заглавными буквами:

WRGOABABD
MLIAOI
WTBIMPANETP
MLIABOAIAQC
ITTMTSAMSTGAB

Разгадать этот шифр никому до сих пор не удалось, даже британской разведке. Но появление клочка бумаги, книги и шифра еще больше способствовало развитию «шпионской» версии произошедшего. Срезанные с одежды метки, подмененные

сигареты, странные кодированные записи – всё это, казалось бы, указывало на таинственный род занятий незнакомца и его связь с армией или разведкой. Впрочем, стоит признать: и шифр, и найденная в кармане брюк записка были связаны с незнакомцем лишь косвенно – никто не видел, как он клал записку, никто не видел у него книгу, и никто не мог подтвердить, что странный шифр написан именно им.

Надеясь идентифицировать личность незнакомца, австралийская полиция пошла на беспрецедентный шаг: тело было забальзамировано и выставлено для идентификации на целых полгода. В полицию с сообщением о пропаже родственников и знакомых обращались многие, и всех их отправляли на опознание тела, однако все версии оказались ложными. С тела был снят слепок в виде бюста, а само оно захоронено под табличкой: «Здесь покоится неизвестный человек, найденный на пляже Соммертон 1 декабря 1948 года».

* * *

Довольно странно другое. История «Таман шуд» обросла огромным количеством деталей и подробностей, но ни разу не возникло одного логичного предположения. Одна и та же деталь всё время упоминалась в разных отчетах, но мимо неё проходили, не вдаваясь в объяснения. Неизвестного мужчину обнаружили у подножия лестницы, спускавшейся на пляж, а над лестницей был расположен всего один дом – детский приют для инвалидов. Он неоднократно упоминался в деле, но почему-то ничего не написано об этом следе: посещался ли этот дом полицейскими, старались ли они выяснить связь неизвестного с детским домом. А между тем всё могло объясняться достаточно просто и очень логично. Для чего неизвестному понадобилось ехать в самый конец Австралии на морское побережье – практически на край света? Рядом кроме детского дома для инвалидов нет никаких строений. Можно предположить, что человек этот несколько лет отсутствовал – из-за войны или по другой причине. Потом он стал разыскивать своего ребенка и узнал, что тот оказался в этом доме: например, мать ребенка умерла или решила начать новую жизнь. Неизвестный задался целью найти его и поехал в Соммертон. Но что-то помешало его планам: либо ребенка забрал кто-то другой, либо он умер. Это известие оказалось для неизвестного мужчины невыносимым, и отныне он видел в морском побережье конец своего пути. Ему больше некуда было торопиться. И тогда в дело вступили давно припасенные им

отравленные сигареты, возможно, полученные во время войны на крайний случай. Стараясь не привлекать внимание, мужчина закурил и спустился в безлюдное место – на пляж, рассчитывая, что там его никто не потревожит расспросами, но после смерти его найдут и похоронят.

Версию самоубийства следствие также рассматривало, причем именно из-за обрывка страницы в кармашке. Стихи Омара Хайама, из которых был вырван клочок, повествовали о бренности земного существования и о том, что каждому мгновению жизни следует радоваться и не сожалеть о том, что всё имеет конец. Если отрывок и вправду принадлежал неизвестному, то, возможно, это было последнее послание «Соммертон мена» к живым. Но едва ли мы когда-нибудь узнаем об этом.

Исчезновение детей Бомонт

Город Аделаида приобрел в Австралии печальную известность: именно там неведомо откуда появляются мертвые незнакомцы, которых никто не ищет, и бесследно исчезают дети, которых ищут все. Почти через 20 лет после истории «Таман шуд» тихое побережье района Соммертон вновь оказалось в эпицентре всеобщего внимания. На этот раз после посещения пляжа исчезли трое детей супругов Бомонт, причем произошло это в день национального праздника – 26 января 1966 года.

THE NEWS

SEE INSIDE

THREE VANISH

Vast hunt at beach

Three Somerton Park children—a nine-year-old girl, her sister, 7, and brother, 6—have disappeared.

All-night searches by large squads of police and civilians in boats, vehicles, and on foot have failed to trace the children who went to the Glenelg beach 24 hours ago.

SANDAL CHECK

WHY

WHY PAY MORE FOR A NEW HOLDEN or Vire?

ELLERS

THE BEST EVER OFFERED

Газетное сообщение об исчезновении детей Бомонт и фоторобот их возможного похитителя

На пляж Гленелг дети приехали на местном автобусе, шофёр которого хорошо их знал. В этом небольшом районе вообще все знали друг друга, и дети не остались незамеченными. Их видели знакомая девочка, пожилая соседка, почтальон, продавец продуктового магазина. Следствию удалось проследить путь детей вплоть до их исчезновения и обнаружить много странного. Так, старшая девочка Джейн покупала в лавке пирог с мясом и печенье за 1 фунт, в то время как у неё, по словам матери, было с собой всего 8 шиллингов. Некоторые, видевшие детей на пляже, говорили, что с ними был какой-то высокий худой блондин, который помог им одеться и увёл. Полицейские предположили, что именно он дал Джейн деньги на покупку еды. Но мать Джейн представить себе не могла, чтобы её скромные дети позволили

какому-то незнакомцу одевать их, снабжать деньгами и уводить в неизвестном направлении. В то же время она вспомнила, что ещё раньше младшая дочь Арнна упомянула «нового друга» Джейн, с которым та познакомилась на пляже. Миссис Бомонт решила, что речь идет о каком-то мальчике и не придала этому значения.

Что могло заставить детей водить знакомство с неизвестным мужчиной? Да что угодно. Дети были доверчивы и легко согласились бы на посещение чего-то интересного, например, домашних питомцев, конефермы или центра развлечений. Повод увести детей с пляжа не столь интересен, куда интереснее был мотив похитителя.

Похищение происходило на глазах множества людей, но дети о помощи не просили и шли в направлении своего дома, поэтому свидетели решили, что мужчина – их родственник или знакомый. Последним детей видел местный почтальон. Позднее в полиции на основании показаний свидетелей был составлен фоторобот, который тоже ничего не дал. 9-летняя Джейн, 7-летняя Арнна и 4-летний Грант исчезли, вместе с ними пропал и загадочный мужчина.

Через несколько месяцев живущая неподалеку дама сообщила, что видела на ночной улице мужчину и детей, которые шли к нежилому дому. Она подумала, что в дом наконец въехали новые жильцы, но на следующий день дом так и оставался пустым.

Вполне логично было предположить, что детей могли увезти из Австралии, и родители искали их поблизости – в Новой Зеландии и Тасмании, но поиски ни к чему не привели. Два лучших детектива, австралийский и нидерландский, вели каждый свое расследование, но инспектор Рэй Келли сразу понял бесперспективность поисков, а судебный психиатр Нидерландов Жерар Круазе вполне грамотно сузил их до ближайших объектов – дома, соседей, школы – и уверовал в то, что найдет в печи для обжига расположенной рядом стройплощадки детские останки. Удалось добиться разрешения на обыск, но там ничего найдено не было.

В числе версий называли появление серийного убийцы, торговцев детьми, торговцев органами и даже сектантов. Наиболее странный случай произошел с констеблем Роном Гроузом, который 27 сентября того же года услышал телефонный разговор двух женщин, упоминавших детей Бомонт, которые, по их словам, находились под присмотром «в доме у Хобарта». Констебль позвонил в Мельбурн. Однако женщины сказали, что речь шла о других детях, хотя детей Бомонт они тоже упоминали в разговоре. Зачем им понадобилось упоминать исчезнувших

детей, было непонятно.

Для Бомонтов исчезновение детей стало трагедией. После безуспешных поисков они продали дом в Соммертоне, но оставили полицейским и соседям свой новый адрес. Это дело до сих пор является загадкой, но уже через год его потеснило новое исчезновение.

Пропавший премьер

17 декабря 1967 года 17-й премьер-министр Австралии Гарольд Холт в сопровождении друзей и телохранителей поехал в Порт Филипп Бей в штате Виктория, где должна была состояться встреча с известным британским яхтсменом Алеком Роузом. Холт ещё успел повидать легендарного мореплавателя-одиночку, но потом всё пошло не так, как было задумано.

Решивший искупаться Холт направился на безлюдный пляж Шевиот. Его и там сопровождали несколько человек, которым не нравилась перспектива купаться в ветреную погоду. Холт отверг все их возражения и нырнул в море. Вскоре премьер-министр скрылся среди пенистых барашков волн, и больше его никто не видел. За ним помчались охранники, но премьер-министра нигде не оказалось. Друзья Холта вызвали полицию и службу спасения. Территорию обследовали водолазы. Над морем кружили вертолеты. Пляж был оцеплен войсками. За всю историю страны это была самая широкомасштабная поисковая операция. Но никаких следов пропавшего лидера страны не было найдено. Поиски продолжались более трех недель и не дали никакого результата. Всего через 2 дня, 19 декабря, Холт был признан умершим. На своем посту он пробыл всего 22 месяца – чуть менее 2-х лет. Его преемником стал Джон Макьюэн.

Выдвигались самые невероятные версии. Самой авантюрной оказалась китайская версия. Предлагая читателям этот сценарий событий, писатель Энтони Грейя в 1983 году утверждал, что в 1929 году Холт был завербован китайскими спецслужбами, но в 1967 году оказался раскрыт Австралийской Организацией Безопасности, поэтому заранее подготовил побег, замаскировав его под исчезновение в море. На самом деле его уже поджидала подводная лодка, на которой он покинул воды континента и впоследствии сменил имя. Австралийская Организация Безопасности отвергла этот абсурд.

По второй версии убийцами Холта стали агенты ЦРУ, которых направили в Австралию из-за скептического отношения премьер-министра к вьетнамской войне и его стремления вывести из Вьетнама австралийские войска. Официально такие обвинения не выдвигались и не обсуждались, но информация о политике Холта в отношении войны во Вьетнаме была верна.

Холта сопровождающие отговаривали купаться в ветреную погоду

Третья версия напоминала романтический кинофильм.

Дело в том, что Холт был уже 20 лет женат на хозяйке модельного агентства и весьма активной даме Саре Кейт Дикенс, от которой, по слухам, имел детей-близнецов, родившихся ещё в 1939 году – в её предыдущем браке с полковником Джеймсом Феллом. Потом Сара с Феллом развелась, вышла за Холта, и он близнецов усыновил. Таким образом, получалось, что Гарольд Холт провел с Сарой почти 30 лет своей жизни, причём Сара отличалась энергичным и неспокойным характером типичной феминизированной дамы Австралии. За это она, кстати, впоследствии получила от британской королевы титул «Дама-гренадер» как общественная деятельница.

По романтической версии, Холт вполне мог устать от неуёмной энергии своей жены и влюбиться в другую особу, помоложе. Как публичный человек, Холт не мог позволить себе роман на стороне, поэтому решил бежать со своей возлюбленной в Швейцарию, где они поселились под другими именами. Версия казалась нелепой, но только не для австралийских домохозяек, обожавших сплетни. Премьер Холт обладал импозантной внешностью и вполне мог стать героем любовного романа.

Версия полицейских выглядела более реалистично: они допускали, что Холта могли убить политические конкуренты, стремившиеся прийти к власти. Но при этом стражей порядка удивляло, что нет тела. Это была парадоксальная точка зрения,

если учесть, что конкуренты всегда хотели бы избавиться от тела, тем более – в Австралии. В этой стране известное положение «Нет тела – нет и дела» работало как ни в одной другой стране: там вообще невозможно было возбудить дело об исчезновении человека, потому что такой статьи не существовало в уголовном законодательстве. А это значит, связанные с Холтом процедуры ограничивались лишь поисками, и следственные действия не велись.

Эксперты считали, что тело Холта просто унесло в море течением. Скептики утверждали, что австралийская фауна небезопасна для заплывов, и премьер-министра настигли акулы, уничтожившие все следы. Полицейские и береговая охрана отвергали эту версию по причине полного отсутствия акул в той местности. Кстати, если бы премьер подвергся атаке ската или медузы, его тело никуда бы не исчезло.

Несмотря на то что уголовный закон о розыске пропавших лиц был принят в 1985 году, дело об исчезновении премьер-министра возобновили только в 2003 году, в честь 95-летнего юбилея Холта. Но никаких новых данных об этом деле не появилось. А Сара Кейт Холт через год написала книгу «Моя жизнь с Гарри», а ещё через год, в 1969-м, вышла замуж в третий раз – за фермера Джефа Бейта.

Кстати, выражение «сделать Гарольда Холта», вошедшее в обиход в англоязычных странах, почти соответствует нашим идиомам «сделать ноги» или «кануть в воду».

Загадка женщины в долине Исдален

Случаи, подобные австралийской истории незнакомца на пляже Соммертон, можно пересчитать по пальцам, и все они до сих пор вызывают интерес. Речь идет не о случайных неопознанных трупах, которых в мире гораздо больше, а о некоем загадочном явлении, обладающем схожими чертами и деталями.

Уже в 1970 году, причем, по невероятному совпадению, тоже в последних числах ноября и тоже неподалеку от морского побережья, было обнаружено тело сравнительно молодой женщины лет 30–40. Но случилось это на другом континенте – в пригороде Бергена, в Норвегии.

29 ноября 1970 года, в воскресенье, местные жители – отец и две его дочери – вздумали прогуляться в лес за зимними яблоками. В четверть второго дня они обнаружили на покатой лесной горе странную и жутковатую картину – погасший костер с полуобгоревшим трупом женщины, верхняя часть торса которой была как будто брошена на пепелище. Несмотря на ужасное состояние тела, было очевидно, что женщина отличалась привлекательной внешностью, была ухоженной, здоровой и хорошо одетой. На ней была темно-синяя пуховая куртка с ремнем, клетчатый сине-зеленый шарф, темно-синий вязаный свитер, длинные брюки того же цвета и резиновые сапожки синего цвета с белыми подошвами. Незнакомка не была ограблена: золотые серьги, кольцо, дорогие швейцарские часы остались на ней.

Женщина из долины Исдален. Реконструкция

Столь же удивительно выглядело место преступления – около костра лежали две пустые пластиковые бутылки, в которых ранее содержался бензин, а рядом была рассыпана упаковка фенобарбитала и валялась бутылка из-под недорогого коньяка «Сент Халвард». Создавалось впечатление, что таким странным и болезненным способом женщина решила свести счеты с жизнью, и для этого наглоталась таблеток, запивая их коньяком. К этой версии склонялась и бергенская полиция – весьма педантичная, но вовсе не жаждавшая долго копаться в таком странном и тупиковом деле.

Но версия самоубийства никак не вырисовывается по психологическим мотивам. Суицид методом самосожжения в глухом лесу выглядит абсурдно, поскольку в столь крайней форме ухода из жизни, болезненной и неэстетичной, всегда присутствует публичность, демонстрация. Для совершения акта самосожжения обычно выходят на центральную площадь города, а не забираются в лесную глушь. Поэтому все поныне склоняются к версии, что женщину кто-то настиг – мстители, подельники, ликвидаторы – и расправился с ней, как с человеком, который слишком много знал и стал неудобным.

Дальнейшее выглядело ещё более таинственным. На подушечках пальцев неизвестной женщины кислотой был

уничтожен папиллярный рисунок: вместо него оказались рубцы и ожоги. При этом ни следов борьбы, ни травм на теле не было. Полиция стала выяснять весь путь женщины в последние дни ее жизни и обнаружила всё те же «шпионские» детали. В камере хранения были найдены два чемодана, хранившиеся с 23 ноября, но с одежды были срезаны все метки, на швейцарских сапогах удалено название производителя, на медицинском рецепте крема, купленного в бергенской аптеке, уничтожены имя врача и пациента, а на всех пузырьках с косметикой сорваны этикетки. При этом в чемодане содержалась валюта нескольких стран (в том числе 500 германских марок), 8 пар очков, 4 парика с разными волосами, несколько карт городов, в основном в Норвегии и Германии, расписания паромов и автобусов и лист бумаги с набором непонятных цифр. На вещах и чемодане не нашлось ни одного отпечатка пальцев.

Казалось бы, здесь шпионская история налицо, тем более что среди вещей незнакомки оказалось еще и 9 паспортов с именами Клаудии Тильт, Веры Ярле, Клаудии Нильсен, Алексии Зерна-Мерчез, Фенеллы Лорк, Веры Шлоснек, Женевьевы Лансье, Элизабет Лин Хойфер, Элизабет Линхофер. Общим во всех этих паспортах была лишь фотография той самой незнакомки. Полиция сразу же запросила Интерпол, а потом по именам в паспортах стала восстанавливать путь погибшей.

20 марта она прибыла из Швейцарии и жила в Осло под именем Женевьева Лансье. 24 марта улетела в норвежский город Ставангер, а потом на корабле приплыла в Берген и поселилась в отеле как Клаудиа Тильт.

1 апреля она уехала в Ставангер и Кристиансанд, потом в датский город Хиртсхальс и швейцарский Базель. Потом исчезла, а 22 октября оказалась в Париже. 29 октября вылетела в Ставангер, а затем в Берген, где остановилась в отеле под именем Алексия Зернер-Мерчез.

6 ноября незнакомка уехала в Трохейм и поселилась там как Вера Ярле. 9 ноября отправилась в Осло и вновь в Ставангер, но уже как Фенелла Лорк.

18 ноября она была в Бергене под именем Элизабет Линхофер, причем 23 ноября, когда ее видели в последний раз, она еще не выписалась из гостиницы. Взяв такси, незнакомка поехала на вокзал, и больше ее живой никто не видел.

В отеле интересную и привлекательную даму хорошо помнили. По словам служащих, она была сдержана, неразговорчива, грамотно объяснялась на 4 языках (английском, французском, немецком и фламандском), по утрам заказывала молочную кашу. Никто больше ничего не мог о ней сказать.

Полиции удалось найти итальянского журналиста, который провел с ней ночь и утверждал, что она родилась в ЮАР и собирается осматривать норвежские достопримечательности. Но о ЮАР было известно только с её слов, а осматривать достопримечательности Норвегии, в которой она за последние два года бывала неоднократно, было бы странно.

Не добившись никаких результатов, женщину похоронили 5 февраля 1971 года на бергенском кладбище за счет города. На похоронах присутствовали 18 полицейских и священник, а официальным вердиктом смерти записали самоубийство. Дело было закрыто.

* * *

Возможно, женщины плохие шпионы. Но кто сказал, что речь идет именно о шпионке? Из женщин получаются весьма хорошие снайперы и наемные убийцы: они усидчивы, терпеливы и способны неделями караулить свою цель. Незнакомка, найденная в лесной долине, производила впечатление киллера-одиночки: спокойная, неразговорчивая, уверенная в себе, образованная и следящая за своим здоровьем. Типичный портрет дорогого и результативного наемника.

Не исключен и еще один вариант. В 1960 годы в Европе получили распространение «охотники за головами» – внештатные, но состоящие на особом учете сотрудники спецслужб, выполняющие по поручению контрразведки грязные дела: поимку или устранение государственных и политических оппонентов – партизан, подпольщиков, журналистов. Особенно охотно услугами «охотников» на «врагов государства» пользовалась в 1960–1970 годах итальянская секретная служба SISMI – военная контрразведка. Часто «охотниками» были провокаторы: люди, вызывающие доверие, близкие тем же подпольщикам по национальности или среде проживания. Работа агентов щедро оплачивалась, а женщина, найденная в лесу, привыкла жить дорого и комфортно, и, очевидно, рассчитывала закончить свою жизнь где-то далеко и очень обеспеченно. Многим из итальянских агентов это действительно удалось – и скрыться, и жить безбедно. Источники упоминают 600 таких наемников. У них было много врагов, в том числе и партизаны. Доставка партизана живым приводила к его 25—50-летнему заключению, что немало. Но перед агентом ставилась задача при непредвиденных обстоятельствах устранить врага государства. Не исключено, что женщину, сдавшую кого-то полиции или убившую

его, в конце концов, настигли мстители.

И что уже совершенно очевидно, так это то, что ни итальянская SISMI, ни любая другая секретная служба мира никогда не ответит на полицейский запрос из Бергена и не признает в погибшей женщине своего агента.

Именно это обстоятельство сближает таинственную «Женщину из долины Исдален» не с незнакомцем из Соммертона в далекой Австралии, а с итальянским наемником Кристианом Керблером, не найденным до сих пор.

Бегство Кристиана Керблера

Это случилось в горячие 60-е годы. В аннексированном Италией еще с 1919 года Южном Тироле развернулась национально-освободительная борьба. В результате бескровных акций протеста было арестовано, убито и осуждено множество тирольских немцев, стремившихся к самоопределению, но главных лидеров партизан – Луиса Амплатца и Йорга Клотца – итальянцы так и не нашли. Они оба еще с апреля 1961 года оказались в изгнании в Австрии. Поэтому была задумана провокация, автором которой явилась SISMI – итальянская секретная служба, подразделение контрразведки.

Луис Амплатц и Йорг Клотц

В 1963 году к живущим в Австрии подпольщикам обратился 23-летний телерепортер Кристиан Керблер, назвавшийся уроженцем Инсбрука. Он снимал документальный фильм об освободительном движении и предложил двум героям национально-освободительной борьбы отправиться для съемок в горы Южного Тироля. Это было безрассудно, но обоим подпольщикам понравился репортер: импонировал его азарт, молодой задор. К тому же Керблер объявил, что знает горы как свои пять пальцев и запросто обманет расставленных вдоль границы карабинеров.

В интервью Георга Клотца Керблеру, снятом на пленку в 1964 году. Клотц говорил, глядя в камеру: «Времени на долгое ожидание у нас просто нет. И нет другого пути. Поэтому мы продолжаем бороться».

Клотц в тот момент не подозревал, что по другую сторону стола от него находится убийца. Кристиан Керблер был агентом итальянской службы SISMI (Servizio per le Informazioni e la Sicurezza Militare – «Служба военно-информационной безопасности»). Провокаторы итальянских спецслужб хорошо оплачивались контрразведкой. Это были «чужие среди своих». Задание познакомиться с лидерами сопротивления Керблер получил еще в 1962 году. Он должен был переправить их в Южный Тироль живыми или мертвыми, за что ему причиталось 16 миллионов лир или 100 тысяч марок. Напарником Керблера был его брат Фриц, тоже шпион SISMI.

Жена Георга, Роза Клотц, оставшаяся с семьей в Южном Тироле, тоже видела Керблера: желая войти в доверие, он вертелся возле их дома и пытался заговорить с детьми. Она его прогнала, заподозрив недоброе. Но бывалых подпольщиков Керблеру удалось провести. Очевидно, сыграло свою роль чувство отчуждения: хотелось действовать.

В сопровождении Керблеров партизаны отправились в горы. Но с самого начала все пошло не так, как было задумано: патрули попадались часто, пришлось запутывать следы, и тирольцы порядком устали. Фриц отстал, а Кристиан заметно нервничал: теперь ему одному придется вести через горы двух партизан. Он решил не оставлять спутников в живых.

Вечером 6 сентября 1964 года они остановились в горной хижине «Brunner Mahder». Керблер напоил Луиса и Георга травяным чаем, подмешав туда снотворное. Клотц позднее вспоминал, что от этого чая «ощущение стало такое, будто голова налита свинцом». Спать легли на сеновале, причем провокатор предусмотрительно расположился между своими спутниками, отделив их друг от друга. В 2 часа ночи 7 сентября 1964 года Керблер убил спящего Луиса Амплатца тремя выстрелами. Клотц вскочил. Убийца выстрелил три раза наугад, ранив Георга в грудь. Потом у Керблера закончились патроны, он хотел перезарядить опустевшую «беретту», но в темноте уронил коробку с патронами в солому. Клотцу удалось выбраться во двор, спуститься на плато и скрыться в горах. Истекая кровью, он перебирался через горы, спускался на плато и в низины. Едва не угодив в руки карабинерам, переплыл через озеро, чтобы замести следы.

Он, тяжело раненный, проделал путь через весь горный

Тироль за 42 часа, ни разу не остановившись, и поздним вечером 8 сентября 1964 года вступил на территорию Австрии. Клотц понимал, что только он может сообщить о том, что произошло в хижине «Brunner Mahder». Если бы Керблеру удалось убить и его, о смерти двух подпольщиков в горах никто бы не узнал.

Теперь Керблера разыскивали три альпийские державы – Германия, Австрия и Швейцария. К поискам подключилась Италия. Чтобы не вызывать подозрений, итальянское правосудие заочно приговорило Керблера к 23 годам тюрьмы, дав ему при этом возможность скрыться. Позднее юрист Австрийского парламента, советник Вернер Нойбауэр, делавший доклад об этом происшествии на пленарном заседании, сказал, что итальянцы просто опасались ареста Керблера австрийской стороной. Он мог рассказать на допросах о планах SISMI, поэтому хозяева хотели найти его первыми, прежде чем он попадет в руки австрийской полиции, «а его арест в Италии закончился бы тем, что Керблер, спасая свою шкуру, согласился бы с помощью своих покровителей уехать в Лондон и просить там политического убежища»[7].

* * *

Со смертью Амплатца история предателя Керблера только начиналась. Он растерялся в темноте, а потом бросился прочь. В 5 часов утра завсегдатаи сельской таверны «Saltaus» были потрясены жалким видом мужчины, ворвавшегося в дверь с «береттой» в руке. Он был растрепан, грязен и весь в синяках: «Я Питер Хофман, студент-медик, мне 25 лет, и я приехал из Австрии. На меня напали грабители! Они за мной гонятся! Проводите меня до ближайшей станции альпинистов, умоляю! Я хочу домой…»

Донесение об этом странном происшествии было отправлено ночью из штаб-квартиры Мерано в полицию Боцена. Работники таверны по фотографиям, предъявленным полицией, опознали в явившемся им на рассвете «студенте Хофмане» Кристиана Керблера.

После этого появились сведения, что Керблер направляется на итальянском военном джипе «PKW» в сторону Боцена. По другим данным, он уже ехал к швейцарской границе, а потом нашёл убежище в Цюрихе.

В середине сентября 1964 года Керблер уже под именем Герта Просслера арендовал комнату в отеле «Bären» в деревне Хорнберг (район Шварцвальд), на территории ФРГ. Об этом полицейских из Штутгарта предупредили австрийские коллеги. В отель сразу

явилась опергруппа западногерманской криминальной полиции. Засада просидела в отеле больше суток, но Керблер не вернулся, о чем советник местного муниципалитета Вальтер Кризе поставил в известность пограничный контроль в Кобленце и полицию в баварском городке Киферсфельден. Советник предположил, что следует ожидать Керблера в этом районе с 19 на 20 сентября, поскольку он наверняка попытается перейти границу. Границу возле Киферсфельдена западные немцы охраняли совместно с австрийской полицией. Но ни 19-го, ни 20-го перебежчик не появился. 23 сентября австрийцы стали проявлять нетерпение, требуя от немцев более точных сведений о местонахождении Керблера.

В конце сентября в австрийском представительстве в Бонне зазвонил телефон: «Добрый день. Моя фамилия Троллберг, и я кое-что знаю об интересующей вас персоне». Звонивший сообщил, что еще 18 сентября члены BAS, мстящие за Амплатца, выследили итальянского агента и расстреляли между Брегенцем и Линдау, после чего смертельно раненный Керблер утонул в Боденском озере.

Всю первую неделю октября австрийская полиция совместно со швейцарской прочесывала Боденское озеро. Тела они, конечно, не нашли и поняли, что звонивший Троллберг – это сам Керблер, которому просто нужно было выиграть время.

Через несколько дней северные тирольцы получили от западногерманских товарищей сообщение, что Керблер был найден убитым в Ганновере. На запрос австрийцев о достоверности этой информации Интерпол отвечать отказался, сославшись на статью конституции по защите прав граждан. Но и в Ганновере Керблера не нашли – ни живого, ни мертвого. А его брат Фриц, находящийся в тюрьме Линца за пособничество в убийстве Амплатца, на допросе вызывающе заявил: «Кристиан в безопасности!»

Оказавшись в Цюрихе, Керблер попытался тайно продать свою историю «Wiener Express»: ему нужны были деньги, ведь он так и не получил вознаграждения за убийство. Требования скрывающегося Керблера заинтриговали шефа агентства «Metro-press» Вернера Шолленбергера: «Он хотел, чтобы я пришел к нему ночью». После полуночи Шолленбергер встретился с Керблером в гостинице «Hotel Elite». Керблер выглядел затравленным, то и дело отодвигал занавеску и выглядывал на улицу. Ему мерещились подозрительные автомобили и агенты наружного наблюдения. Но еще больше он боялся подпольщиков. Шолленбергер посодействовал публикации сенсационного интервью этого антигероя в журнале Bunte Illustrierte.

Шеф-редактор Bunte Illustrierte Теодор Кляйбер и выпускающий редактор серии статей Клаус-Юрген Франк встретились с Керблером на законспирированной территории: впоследствии оба утверждали в полиции, что летали к Керблеру на частном вертолете редакции «куда-то в западном направлении, но не в Швейцарию». По сообщению Кляйбера: «Керблер пока еще находится в Европе. Он все время дрожит, напоминает “комок страха” и отрицает свое предательство и убийство».

Тирольские товарищи убитого Амплатца заявили, что «не верят ни единому слову этого подонка». В австрийском Инсбруке немедленно была создана добровольная команда для поисков предателя.

По информации западногерманского журнала Der Spiegel, Керблер, опасаясь преследования, беспорядочно скитался по странам Бенилюкса[8], потом через Голландию перебрался в ФРГ. Кроме бельгийского удостоверения личности у Керблера было сорок бланков паспортов на разные имена с серийными номерами Австрии.

В мае 1969 года в итальянском городе Перуджа начались заседания суда присяжных по делу об убийстве, и 21 июня 1971 года Керблер был признан виновным в убийстве Амплатца и в покушении на убийство Клотца и заочно приговорен к 22 годам тюремного заключения. В декабре 1976 года Керблер был задержан британской полицией за кражу в лондонской аптеке. При нем оказались документы на имя Кристиана Эшенберга, и его вскоре освободили. Позднее его личность была установлена по фотографии, но Керблера уже след простыл.

18 июня 1991 газета Alto Adige, выходившая в Больцано, неожиданно сообщила, что Керблер живет в Дурбане, в Южной Африке. 15 ноября того же года газета Dolomiten утверждала, что живущий в Дурбане южноафриканец Ричард Каплан и есть Керблер. Нагрянувшие к нему журналисты поняли, что это ошибка. Пенсионер Каплан действительно в середине 1960 годов жил в Европе, но и только. Никакого отношения к описываемым событиям он не имел[9].

Последняя версия гласит, что 70-летний шпион доживает свой век в Бразилии под чужим именем.

Дело о свинцовых масках

Поскольку речь зашла о Бразилии, резонно будет переместиться на Южноамериканский континент и вспомнить одно крайне загадочное дело полувековой давности. В августе 2016 года ему исполнится ровно 50 лет, хотя никакой ясности за эти годы так и не прибавилось.

Мигель Хосе Виана и Мануэль Перейра да Круз

Всё началось утром 17 августа 1966 года, когда в городок Нитерой в 20 километрах от Рио-де-Жанейро прибыли два инженера: 34-летний Мигель Хосе Виана и 32-летний Мануэль Перейра да Круз. Они были жителями Кампуса дос Гойтаказиса, где вместе работали на фирме электронной аппаратуры.

В половине третьего они посетили магазины, где купили радиодетали, два непромокаемых плаща и бутылку минеральной воды. Позднее продавщица вспомнила, что они невероятно спешили и всё время смотрели на часы. В три часа дня черные тучи над городом разразились неистовым ливнем, но двое мужчин, невзирая на непогоду, устремились в сторону холма Винтем – возвышенности на окраине города, поросшей лесом. Позднее видевший их сторож рассказал, что они вылезали из черного пикапа, за рулем которого сидел блондин, помахавший им на прощание рукой.

В четверг 18 августа 18-летний ловец птиц Пауло Кордейру

отправился в лес, окружавший холм, и наткнулся на трупы двух мужчин. Поначалу он принял их за пьяных, но всё же сообщил патрульному Антонио Гуэрра, который не проявил никакого желания патрулировать лес в такую погоду. Впоследствии он получил за это выговор и был понижен в должности.

Через 2 дня, в субботу 20 августа, на холм отправился ещё один местный парень Хорхе да Коста Алвес, решивший запустить бумажного змея. Он сразу почувствовал запах разложения плоти, а потом увидел безжизненные тела. В половине седьмого вечера Хорхе удалось дозвониться в полицию, но полицейские приехали только утром 21 августа и явились на холм под очередным проливным дождём, безнадежно смывавшим все следы.

«Segunda Delegacia de Polícia Niterói» (Второе управление департамента полиции Нитероя) направило к холму отряд, к которому присоединились газетчики и местные жители.

Погибшие инженеры лежали навзничь на срезанных и аккуратно уложенных на земле листьях пальмы, а на их телах эксперт не обнаружил никаких повреждений, травм или следов борьбы. Ножа, которым срезали листья, нигде не нашли, а это означало, что с мужчинами был кто-то посторонний. Рядом с телами лежали пустая бутылка из-под минеральной воды, два мокрых полотенца в оберточной бумаге, странный стаканчик, сделанный из куска фольги, две пары черных солнцезащитных очков. Была там ещё одна вещь, которая до сих пор не дает покоя любителям загадочных историй. Это были похожие на очки металлические маски, и лежали они на лицах мертвецов. Из-за этих масок преступление впоследствии получило название «Загадочное дело о свинцовых масках».

Коронёр и эксперты терялись в догадках, потому что понять причину смерти было невозможно даже после вскрытия. Мужчины были абсолютно здоровы, никогда не употребляли наркотиков, не подвергались воздействию яда, не были задушены или покусаны животными. Поэтому предположили, что по какой-то причине у обоих случился сердечный приступ. В деле было записано, что «с учетом состояния тел установить причину смерти невозможно».

Дальше об этом деле забыли по причине внезапно случившегося покушения на местного бразильского политика. И только через год, в августе 1967 года, родственникам удалось настоять на эксгумации и повторном обследовании. Результаты вновь ничего не дали.

И всё же руководитель следственной группы Хосе Венансио Биттенкурт решил докопаться до истины. У него было своё объяснение событий: инженеры пришли на холм в сопровождении

кого-то третьего, после чего подверглись непонятному воздействию, которое привело к их гибели. Он побеседовал с родственниками жертв и выяснил, что Мигель и Мануэль давно готовились к этой поездке и покупали какие-то радиодетали, но вначале собирались отправиться в Сан-Пауло и купить подержанную машину. У Мануэля было с собой 2 миллиона 300 тысяч крузейро, то есть почти тысяча долларов.

Так появилась версия об ограблении, поскольку у мужчин в карманах нашли только документы и мелочь. При этом племянница Мигеля Виана вспомнила, как дядя говорил ей, что собирается выяснить, существуют ли на свете чудеса и стоит ли верить в спиритизм. Биттенкурту пришло в голову, что это как-то согласуется с найденными в карманах записками. На одной были формулы, связанные с физикой и электроникой, на второй – какой-то рецепт: «В воскресение принять одну капсулу после обеда; понедельник, одна капсула утром натощак; вторник, одна капсула после еды; среда, одна капсула перед сном». Была и третья записка, в которой говорилось: «16.30 – быть в условленном месте, 18.30 – проглотить капсулу, после применить защиту из металлических масок и ждать сигнала».

Сочетание второй и третьей записок приводило к выводу, что мужчины прибыли на холм Витем ради проведения какого-то магического ритуала, для которого им понадобились лекарственные средства и свинцовые маски. Возможно, речь шла о вызове духов или о проникновении в иное измерение. В 1960-е годы многие грезили такими вещами, особенно – физики. К тому же считается, что в Латинской Америке существует много загадочных мест, связанных с потусторонними силами.

Не исключено, что капсулы, принятые приятелями, привели их к смерти, но впоследствии не отразились на аутопсии. Ещё более вероятно, что весь этот ритуал был продуман и внушён доверчивым радиомеханикам кем-то очень хитроумным, имевшим цель заманить их подальше от дома и ограбить. Но в этом случае искать убийц следовало вовсе не в Нитерое, а в их родном городе Кампус дос Гойтаказис – среди тех, кто руководил там магическими кружками или спиритическими обществами. Именно там находился человек, посоветовавший им снять крупную сумму денег на покупку автомобиля и отправиться на холм для проведения опытов с духами.

Все остальные версии далеки от реальности и напоминают фантастический рассказ Герберта Уэллса «Неопытное привидение»: «…В ту минуту, в то самое мгновение, когда он завершил свои пассы, он вдруг изменился в лице, покачнулся и упал у нас на глазах – мертвый!»

Их было девять

Наука порой предстает совершенно необъяснимым явлением. Там, где физика, рядом оказывается метафизика, а где химия – алхимия. И даже вполне объясняемое природными и погодными условиями событие может сопровождаться деталями, которые ничем нельзя объяснить.

Об этой странной истории много писали. Всем не давала покоя загадочная гибель группы студентов, отправившихся в феврале 1959 года на перевал между горой Холатчахль и безымянной высотой 905. Возглавлял группу Игорь Дятлов, и перевал впоследствии стали называть его именем.

1950-е годы в СССР не были богатыми, наследие прошедшей войны давало о себе знать, в том числе и нередкими подрывами на неразорвавшихся снарядах детей и подростков. Земля хранила много смертоносного оружия. Но общий дух поражал оптимизмом, причём зачастую наивным, полным отваги и дерзости. Чем ещё можно объяснить эту внезапную экспедицию, не слишком подготовленную и продуманную.

Дух походного туризма охватил молодежь тех лет. В таких походах можно было найти верных друзей, проверить свою спортивную подготовку и выносливость, наконец – сидеть у костра и петь песни под гитару. Горы стали главным объектом притяжения, но и главной опасностью. Они влекли не только студентов, но и крупных учёных, которым хотелось расслабиться между формулами и научными открытиями. Некоторые из них, выдающихся математиков и физиков, погибали во время таких восхождений, вызывая скепсис у обывателей: выдающийся учёный, а погиб как мальчишка.

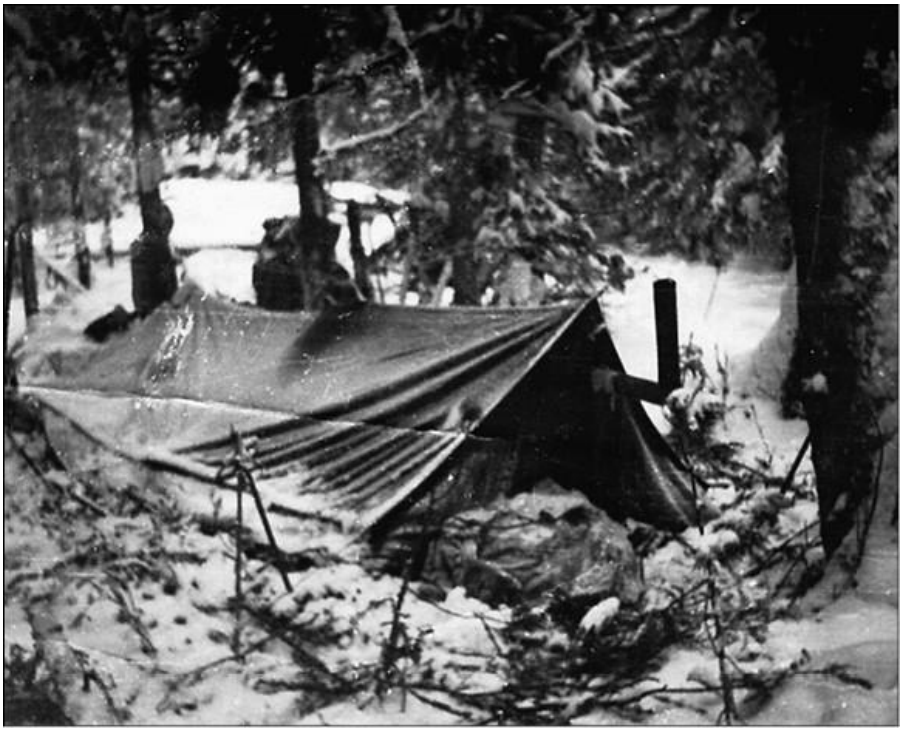
Лыжники из Уральского политехнического института ещё не успели сделать ни одного научного открытия, но вошли в историю из-за странных и необъяснимых событий, разыгравшихся зимой 1959 года. Чем больше это дело засекречивалось, тем больше обрастало слухами и версиями.

9 молодых людей – Семён Золотарёв, Рустем Слободин, Зинаида Колмогорова, Людмила Дубинина, Николай Тибо-Бриньоль, Юрий Дорошенко, Георгий Кривонищенко, Александр Колеватов и Юрий Юдин – отправились в поход во главе со студентом 5 курса Игорем Дятловым. Юдин из-за радикулита выбыл из группы в самом начале похода, 27 января, и поэтому остался жив. Он умер в 2013 году и завещал похоронить себя вместе с другими членами группы.

Поход относился к наивысшей категории трудности и должен

был продолжаться 16 дней. С 23 по 27 января группу студентов видели во время переездов. Утром 28 января они общались с людьми в последний раз. Первые дни похода обошлись без происшествий. От 2-го Северного рудника ребята следовали на лыжах вдоль реки Лозьвы. На берегу они заночевали. 29 и 30 января перешли от Лозьвы к её притоку Ауспии и двигались по санно-оленьей тропе манси. 31 января они приблизились к горе Холатчахль и хотели подняться, но из-за ветра и наступившей темноты отказались от своего намерения. Они спустились к Ауспии и там переночевали. 1 февраля группа сформировала лабаз для хранения вещей и снова начала восхождение. На вершине «1079» они остановились на ночлег. До перевала, который скоро станет известен на всю страну, было уже недалеко. В планы группы входило восхождение до посёлка Вижай к 12 февраля, отправление телеграммы в спортклуб и возвращение в Свердловск к 15 февраля. Но по дороге группа Дятлова исчезла. Ещё один руководитель тургруппы политехнического института Блинов сообщил, что Дятлова нет на маршруте. Заволновались родители. Руководители спортклуба послали запрос в Вижай, но оттуда ответили, что походники до них не дошли.

Ещё несколько дней, с 19 по 25 февраля, велись поисковые работы, и наконец была обнаружена палатка с вещами. К поисковикам присоединились охотники-манси, радист, прокурор и корреспондент газеты «На смену». 26 февраля в 50 метрах от крупного кедра были найдены тела Дорошенко и Кривонищенко, которые, видимо, из последних сил пытались согреться возле костра, но при этом на обоих были только трусы.



Палатка дятловцев

Рядом с ними валялись ветки кедра и лапника. В 300 метрах обнаружили тело Дятлова. Он лежал обхватив берёзу. Ещё в 330 метрах лежала Зина Колмогорова, одетая полностью, но без обуви. Через несколько дней нашли Слободина в одном валенке. Остальных членов группы обнаружили только в мае, когда начал сходить снег. На одежде погибших имелись ровные разрезы. Люда Дубинина стояла на коленях, прижавшись грудью к уступу над ручьём, у неё отсутствовали глазные яблоки и язык. Колеватов и Золотарёв лежали рядом, видимо, пытались согреть друг друга, причём на Золотарёве была куртка Дубининой, а нога Дубининой была обернута брюками Кривонищенко. Тибо-Бриньоль лежал отдельно от них. Трупы вытащили из талой воды и приступили к экспертизе.

Подозрение сразу пало на местных охотников-манси Анямова, Бахтиярова и Курикова, поскольку посчитали, что разрезы на палатке сделаны их ножом. Зачем им понадобилось нападать на туристов, было неясно, однако выдвигались версии ограбления и ритуального убийства. Но охотников даже близко не было от лагеря туристов, а разрезы, как выяснилось, были сделаны изнутри палатки. Зачем группа поспешно разрезала палатку и покинула её, никто понять не мог. Казалось, студентов кто-то напугал. В связи с этим позднее появилась версия о

нападении животного, возможно, медведя или волка.

Однако экспертиза вынесла для всех одно заключение – обморожение при воздействии низких температур. Но были ещё трещины и травмы черепа у нескольких человек, перелом множества рёбер у Золотарёва и Дубининой, отсутствие у девушки мягких тканей и глазных яблок. Впрочем, последнее ещё можно было объяснить промыслом голодных животных, ведь прошло уже несколько месяцев. Однако переломы получили своеобразную оценку официального эксперта-криминалиста Бориса Алексеевича Возрождённого, заявившего, что они «похожи на травму, возникшую при воздушной взрывной волне» и являются «результатом воздействия большой силы», то есть – вызваны «ударом, равным по силе при отбрасывании автомобилем, двигавшимся на большой скорости».

В тот же день, когда он это заявил, следствие было закрыто, что вызвало многочисленные кривотолки и конспирологические версии. Немало вопросов возникло в связи с необычным цветом лица погибших – шоколадно-кирпичным. Журналист А.И. Гущин считал, что группа попала в район испытания нейтронной бомбы, поэтому и цвет кожного покрова изменился. Однако другие объясняли это «морозной эритемой», которая ещё носит название «пятна Кеферштейна»: у погибших от обморожения бывает покраснение кожных покровов в результате разрушения клеток крови.

Все версии происшедшего делились на «естественные», «криминальные» и «конспирологические».

Естественные были связаны с погодой и животными – сходом лавины, ударом шаровой молнии, нападением медведя или волка.

Криминальные версии – с нападением людей: местных охотников, беглых заключённых, агрессивных охранников из лагеря. Рассматривалась и версия ссоры самих туристов, но также была отвергнута.

Конспирологические версии оказались ещё разнообразнее. Предполагалось воздействие на группу Дятлова ракетного топлива, натриевого облака из ракеты, взрывной волны и вакуумной бомбы. Отсутствие крови объяснялось тем, что трупы специально обмыли, чтобы представить смерть туристов как обычное обморожение в условиях плохой погоды, а фиолетовый оттенок одежды получился из-за проведения специальной обработки. В дальнейшем была инсценирована смерть в экстремальных естественных условиях. Трупы были обмыты, чем объясняется отсутствие крови, а также подвергались транспортировке в замороженном состоянии, чем объясняется

вырванный язык у Людмилы Дубининой: язык мог, как ледышка, отколоться при сильном ударе, а в дальнейшем был вымыт потоком воды в ручье. Странный светло-фиолетовый оттенок одежды – результат обработки реагентами для обеззараживания.

Полковник медицинской службы профессор В.Г. Волович выдвигал версию воздействия на психику неизвестного психотропного оружия, в результате чего туристы в помутнении рассудка искалечили друг друга и сами себя.

Конспирологи предполагали, что студенты случайно попали в эпицентр испытания секретного оружия, были уничтожены спецслужбами, обнаружили вражеский самолет с пилотом-разведчиком на борту, сами были сотрудниками спецслужб, которых разоблачили американские лазутчики.

Предполагалась даже атака НЛО.

Но точная причина гибели тургруппы до сих пор не установлена.

Смертельный уик-энд

Летом 16 июня 1968 года в курортном лагере маленького городка Гут Херт на озере Мичиган произошла трагедия.

В семейный коттедж въехала одна из самых богатых семей Детройта – супруги Робисон и четверо детей. Они собирались провести отпуск в этом красивом месте. Ради уединения семей домики находились на расстоянии друг от друга и были скрыты среди деревьев. Этим объяснялось отсутствие свидетелей в этом странном деле. Впоследствии выяснилось, что одних соседей в тот момент не было дома, а другие слышали выстрелы и крики, но решили, что ничего особенного не происходит. Один из соседей даже заметил, что это кто-то решил пострелять в чаек.

42-летний Ричард Робисон был главой рекламного агентства «RC Робинсон & Associates» и издателем журнала по искусству в Саутфилде. Кроме этого он, будучи воздухоплавателем и владея собственным самолетом, собирался обустроить местный аэропорт и создать в нем культурный центр. По характеру Робисон был веселым и не конфликтным человеком. Его жене Ширли было 40 лет. Она тоже отличалась общительностью и обаянием. Семья была дружная и гостеприимная. Робисоны часто посещали театры и музеи, занимались спортом. 19-летний Ричард-младший учился в Университете Восточного Мичигана, 17-летний Гэри посещал колледж, играл в рок-группе и собрал марки. 12-летний Рэнди ходил в школу и любил велосипедные поездки. 7-летняя Сьюзен хотела завести пони.

Семья Робисонов

От этой идиллической картины крайне трудно перейти к тому, что произошло потом. Кажется удивительным, что жестокое преступление было обнаружено лишь через месяц после того, как оно произошло. Полиция называет датой убийства вечер вторника 25 июня 1968 года. Но только 22 июля управляющий комплекса отдыха при обходе территории почувствовал явственный запах разложения. Решив, что где-то разлагается труп животного, он вызвал помощника и направился к коттеджу Робисонов, где через стекло увидел лежащее на полу тело. В половине одиннадцатого утра приехала полиция и обнаружила внутри домика шесть трупов, много застывшей крови и тучи мух. Окружной госпиталь отказался принять тела на экспертизу, и вскрытие проводилось на ближайшей ферме.

Картина преступления выглядела странно. На кровати лежал уже собранный чемодан, Робисоны были одеты в дорожные костюмы, и казалось, что семья собралась уезжать. В этот момент они и были убиты.

Тело Ширли находилось в прихожей, возле двери, и было накрыто красным пледом. Тело Ричарда-старшего лежало в коридоре, сверху на нём – тело Рэнди, рядом – тело Сьюзен. В спальне рядом с кроватью был обнаружен Гэри. В дверях спальни лежал Ричард-младший. На схеме видно, что входную дверь

скорее всего открыла Ширли.

Стрелять преступник начал через окно: в стекле были обнаружены отверстия. Выстрелы были произведены из редкой винтовки «Armalite AR-7» 0,22 калибра. Всего было найдено 11 гильз от винтовки и 4 гильзы от пистолета «Beretta» 0,25-го калибра. Через окно убийца попал в грудь отцу семейства и в спину Гэри. Потом он начал стрелять в Ширли, Рэнди и Сьюзен. Рэнди и Риччи бросились за оружием, но тоже были настигнуты убийцей. Потом он убил девочку молотком-гвоздодером и закончил контрольным выстрелом в голову каждого. Тела зачем-то были перемещены, тело Ширли покрыто пледом, а тела Ричарда и Рэнди накрыты ковром.

Потом у преступника хватило хладнокровия закрыть отверстия от пуль картонкой, почерком Робисона написать на бумажном полотенце записку «Will be back. Robison» («Я вернусь. Робисон») и зашторить окна. Очевидно, затем, чтобы в коттедж долго никто не заглядывал.

Странным казалось и то, что у матери, Ширли Робисон, было спущено нижнее бельё, и имелись 7 колотых ран в области гениталий. Это заставляло думать о сексуальной причине преступления, но криминалисты не смогли установить факта изнасилования.

На последней фотографии Робисонов заметно, что родители выглядели значительно старше своего возраста: на вид им обоим не меньше 50 лет. Это типичные респектабельные, даже консервативные американцы 60-х годов, которых невозможно представить в эпицентре уголовной драмы. Возле тела Ширли было несколько следов от ножа, который вонзали в пол. А это наводило на мысль о мести или вымогательстве. Возможно, Робисонов хотели запугать. Следствием рассматривались версии о наркоманах, бандах рокеров, сектантах и даже серийном маньяке по кличке «Зодиак». Но по всему выходило, что убийцей Робисонов был знавший их человек.

Вскоре стали появляться данные о том, что Робисон был вовсе не безупречен. Он не только увивался за своими секретаршами, но и обманывал клиентов, заставляя платить за рекламу, которую журнал не размещал. Одна из обманутых им фирм принадлежала мафии, которой Робисон задолжал 12 тысяч долларов. Выяснилось также, что Робисон был усыновленным ребенком и не знал своих настоящих родителей.

Главным подозреваемым стал партнер Робисона Джозеф Сколларо, бывший сотрудник Агентства национальной безопасности. Это был профессиональный разведчик и опытный снайпер. У него нашлись оба вида оружия – и редкая винтовка, и

браунинг: Сколларо был коллекционером. Он путался в показаниях, его алиби не подтвердилось. Стало известно, что Сколларо подтасовывал финансовые отчёты компании и подделывал подпись партнёра. Робисон в канун убийства говорил, что собирается провести полную проверку счетов, потому что 200 тысяч долларов, которые он ожидал, в компанию так и не поступили. К тому же именно Сколларо вводил в заблуждение родных Робисонов, утверждая, что вся семья уже отдыхает в Кетукки, и он разговаривал с ними по телефону.

Несмотря на мотив, Сколларо не было выдвинуто обвинение, тем более что никаким финансовым мотивом невозможно объяснить мстительное поведение убийцы в отношении матери семейства и 7-летней девочки. Но самым удивительным оказалось то, что в 1973 году Сколларо вдруг покончил с собой, оставив записку: «Я – лжец, преступник и аферист… Но я не повинен в смерти Робисонов».

Вторым подозреваемым был неуравновешенный строитель и владелец комплекса отдыха Мони Блисс. Причиной убийства мог стать гнев Блисса из-за того, что Робисоны, по их словам, не могли прийти на похороны его погибшего в аварии сына. Сын Блисса часто бывал в доме Робисонов. Он разбился на мотоцикле за два дня до их убийства. Но представить себе, что Блисс в одиночку расправляется со всеми членами семьи, включая маленьких детей, было невозможно, тем более что и редкого оружия у него не было.

Так следствие оказалось в тупике. Через год место преступления было уничтожено, поскольку дом из-за обстоятельств убийства оказался непригоден к проживанию. Ещё через пять лет, в августе 1973 года, на обочине шоссе был найден брошенный автомобиль «шевроле», а в нём – багажная бирка Ширли Робисон. Однако автомобиль побывал в руках многих людей, и никто из них этой бирки не видел. Дело об убийстве семьи Робисон так и осталось нераскрытым.

Семантическое убийство

В 2008 году вышла книга американской писательницы и философа Айфрик Кэмпбелл «Семантика убийства», посвященная окружённому завесой тайны убийству философа и математика Ричарда Монтегю. Кэмпбелл провела большое расследование. Несмотря на свою докторскую степень по философии, она записалась в университет студенткой, изучала семантику, работы Монтегю, но в ещё большей степени – учёные сообщества Лос-Анджелеса, систему взаимоотношений в этом городе-мегаполисе, архивные материалы полиции. Итогом этой работы стал роман, посвящённый Ричарду Монтегю и загадке его гибели. В центре сюжета оказался вымышленный брат убитого математика, преуспевающий лондонский психоаналитик Джей Хэммилтон, который для полноты своих исследований пограничных состояний использует практические наблюдения и ведёт приём пациентов. Однако «он был психоаналитиком с двойной жизнью – он заимствовал истории болезни своих пациентов и использовал их, чтобы разнообразить свою литературную карьеру». На самом деле Хэммилтон имеет тайную цель: общаясь с большим количеством людей, он рассчитывает выйти на убийц своего брата. Один из информантов представляется ему наиболее подозрительным, и герой берёт его в разработку, медленно приближаясь к истине.

Ричард Монтегю

Писательница не ставила перед собой задачу пролить свет на тайну Монтегю (до истины, по её словам, ещё очень далеко), но ей хотелось создать резонанс и вернуть читателей к жизни и смерти Монтегю, который был заметной фигурой в математическом мире. Прошло более 30 лет (сейчас уже – более 40) со дня его смерти, однако эта история покрыта завесой тайны до сих пор.

В своём интервью Кэмпбелл сказала: «Я впервые наткнулась на личность Монтегю, когда была магистранткой факультета лингвистики в Швеции, и была совершенно очарована этим человеком, который произвел революцию в изучении семантики естественного языка. Он родился в городе Стоктон в Северной Калифорнии, был блестящим музыкантом и математиком и стал одним из самых молодых профессоров, когда-либо назначенных в UCLA (Калифорнийский Университет Лос-Анджелеса. – *Прим. М. С.*). Да, говорили, что Монтегю был геем. Но его познавательные интересы и род деятельности весьма разнообразны… Он был найден убитым в своем доме в 1971 году в возрасте 41 года. Полиция предположила, что он был убит какими-то парнями, с

которыми познакомился в центре города, но убийство осталось нераскрытым. Я пишу об этом в деталях на моем сайте… Но это был настолько невероятный талант, что обстоятельства его смерти меня заинтриговали. Много лет спустя, когда я начала работать над “Семантикой убийства” его история вернулась ко мне в качестве отправной точки романа».

Обстоятельства этой истории таковы. 7 марта 1971 года Ричард Монтегю был убит в своей лос-анджелесской квартире: его обнаружили в ванне с полотенцем на шее. Эксперт подтвердил диагноз «удушение» и «смерть от асфиксии». Тело математика обнаружил сосед, который, как показалось впоследствии некоторым дознавателям, вёл себя нервозно и уклончиво. Знакомые Монтегю тоже считали, что этот сосед знает больше, чем говорит, но никто его толком не допрашивал. По виду вся эта история напоминала ограбление.

Одна из версий гласила, что Монтегю, занятый своими математическими изысканиями и одинокий, любил проводить время в церкви, играя на органе (о его музыкальных талантах упоминала Кэмпбелл), или беспорядочно знакомился с какими-то людьми в кафе и клубах Лос-Анджелеса. На органе он играл блестяще, и настоятели сами приглашали его играть для прихожан, однако ему хотелось живого общения, и нередко он приглашал едва знакомых людей к себе домой. В его биографии уже была история с автомобилем, который он сдал в аренду молодым людям, а они отняли автомобиль и избили математика. Сейчас, по версии полиции, произошло нечто похожее: Монтегю привёл к себе гостей, а они его ограбили и убили.

Математик действительно не был бедным человеком, мало того – он был весьма обеспечен, благодаря ещё одному своему пристрастию (об этом также упоминала Кэмпбелл, когда сказала о разнообразии интересов) – успешным операциям с недвижимостью. Совершив пару сделок, Монтегю ещё в молодом возрасте стал владельцем нескольких домов и квартир, которые сдавал, продавал и менял, испытывая в большей степени азарт, нежели алчность. Впрочем, привычка к комфорту была ему не чужда. И это вполне могло бы стать основой ещё для одной версии – о несостоятельном должнике, обманутом покупателе или возможном наследнике недвижимости.

Говорилось и о третьей версии – непосредственно связанной с профессией Монтегю. Нейролингвистическое программирование, математика и семантика порождают споры и научную конкуренцию, доходящую порой до ненависти и неприятия противника. В 1957 году Ричард под руководством своего учителя Тарского защитил в Калифорнийском университете диссертацию

«Вклад в аксиоматические основы теории множеств». Для Монтегю не существовало принципиальной разницы в семантике искусственных и естественных языков. Он использовал последние разработки интенсиональной логики для создания логической структуры естественных языков. Синтаксис основывался на лингвистической поверхности, не включая преобразования, такие как в синтаксисе Ноама Хомского. Как раз в начале 1970-х годов Монтегю и его последователи конфликтовали с другими лингвистами, последователями Хомского, которые не соглашались с Монтегю по различным вопросам. Профессор Массачусетского университета Барбара Парти в своей лекции говорила о несовместимости этих научных школ и называла их двумя непримиримыми лагерями: «Я хотела, чтобы они оба были совместимы, и это дало мне импульс на первые 10 лет моей работы. Просто чтобы стараться наметить путь и соединить Монтегю и Хомского. И было очевидно, что они никак не хотели соединяться. Но Монтегю, к сожалению, умер, а Хомский просто никогда не хотел читать эту работу. Они шли своими путями… Вот очень важная вещь, которую я когда-то поняла: конечно, я была разочарована тем, что Хомский не уважал мои попытки соединить его с Монтегю – он просто этого не хотел. Но, слава богу, я поняла, что не надо стараться убедить своего учителя, надо только убедить своих студентов».

Существовало даже понятие «иерархия Хомского» – как некое кастовое сообщество, жестко воспринимавшее любые отклонения от их догматов. В частности, с этим были связаны попытки опорочить Монтегю, приписав ему заигрывание со студентами. На такое математик никогда бы не пошёл, и впоследствии подтвердилось, что эти слухи были клеветой. Но точно так же удобно было оговорить научного конкурента и замаскировать его устранение под обычное ограбление или результат беспорядочных связей и знакомств: такое уже делалось неоднократно и приводило к желаемому результату – полиция крайне неохотно расследует подобные дела.

Но писательница Кэмпбелл, как и многие другие знавшие Монтегю люди, надеется на то, что на это дело когда-нибудь можно будет пролить свет.

Что такое YOGTZE?

Гюнтеру Штоллю было 34 года. Ранее он работал инженером пищевой промышленности на предприятии города Вильнсдорфа и был какое-то время связан с выпуском йогуртов: проверял технологии их производства. С некоторых пор близкие Штолля начали замечать у него признаки тревоги и опасения за свою жизнь: он говорил о том, что его преследуют какие-то люди и хотят его убить. Жена инженера слушала такие заявления без особого внимания: она считала, что это навязчивая идея и легкая форма паранойи, вызванная проблемами с работой и желанием обратить на себя внимание близких. Однако дальше произошло непредвиденное.

В 11 часов вечера 25 октября 1984 года Штолль снова сказал: «Они охотятся на меня», а потом неожиданно воскликнул: «Теперь мне всё ясно!» и написал на листке бумаги шесть букв «YOGTZE». Будто испугавшись, он зачеркнул слово и на ночь глядя ушел из дома.

Дальнейшие его передвижения могут показаться непонятными. Очевидно, он хотел не возвращаться домой. Штолль пошёл в бар «Papillon» и выпил кружку пива, но почему-то сразу же упал без сознания, хотя пьян не был. Сев в автомобиль «Фольксваген-Гольф», инженер уехал из города и отправился на родину – в город Хайгер.

Туда он прибыл через 2 часа и принялся стучать в дверь своей бывшей соседки. Был уже час ночи, и Эрна Хелльфриц ему не открыла, крикнув в окно, чтобы он ехал домой. Штолль ответил ей: «Этой ночью еще кое-что случится. Нечто невообразимое!»

В 3 часа ночи 26 октября водители Хольгер Мефферт и Георг Концлер сообщили в полицию, что в кювете на шоссе А45 лежит разбитый «фольксваген», а его водитель, судя по всему, ранен и нуждается в помощи. Они оба видели человека в светлой куртке, стоявшего возле машины.

Прибывшая на место происшествия полиция обнаружила инженера внутри автомобиля, но полностью обнаженного. Он только успел сказать, что его избили напавшие на него четыре человека. До больницы его живым не довезли. Зачем понадобилось нападать на инженера вчетвером, осталось неясным, тем более что, кроме одежды, у него ничего не забрали.

При обследовании тела выяснилось, что причиной травм было не избиение, а наезд автомашины. Очевидно, уже после того как Штолль был сбит, его перетащили в собственную машину и посадили на сидение.

Ein Wort, das es in keiner Sprache gibt, notiert in Großbuchstaben: YOGTZE. Am Abend seines Todes – es ist der 26. Oktober 1984 – schreibt Günther Stoll (34) YOGTZE auf einen Zettel, steigt in seinen hellblauen VW Golf und verschwindet in der Nacht. Er hat Todesangst. „Sie sind hinter mir her", sagt er seiner Frau, die ihn nicht mehr lebend sehen wird. Dann beginnt eine Irrfahrt durch das nächtliche Siegerland, in einer Kneipe fällt er bewusstlos vom Stuhl, später taucht er bei einer Nachbarin seiner Eltern auf: „Die Nacht passiert noch etwas. Was ganz Fürchterliches", ruft er ihr zu. Sie schickt ihn weg. Stunden später steht sein Golf bei Hagen an der Autobahn, Günther Stoll liegt nackt im verunfallten Wagen. Seine Kleider fehlen, er ist schwer verletzt: Jemand hat ihn mit dem Auto überfahren. Er stirbt in derselben Nacht. Der Tod des Günther Stoll – er war von Beruf Lebensmittel-Techniker, nicht vorbestraft, lebte völlig unauffällig – gehört zu den geheimnisvollsten Mordfällen der deutschen Geschichte: „Aktenzeichen XY" berichtet, die Hagener Kripo verfolgt 1200 Spuren, keine führt weiter. Noch heute melden sich Hobby-Kriminologen bei den Ermittlern und versuchen, das Wort YOGTZE zu entschlüsseln. „Die Akte wird jedes Jahr vorgelegt", sagt der Staatsanwalt. Denn irgendetwas muss Günter Stoll mit YOGTZE ja gemeint haben.

Der YOGTZE-Fall

Name	Unbekannter Täter
Delikt	Verdacht auf Mord
Tatort	Autobahn 45 bei Hagen-Süd
Tatzeit	26. auf 27. Oktober 1984
Auto	VW Golf I

Das Autobahn-Rätsel bleibt ungelöst

Bisher unveröffentlichte Tatort-Fotos: So fand die Polizei den Golf in einer Böschung der A 45. Bevor Günther Stoll stirbt, spricht er von drei Mitfahrern. Unfallzeugen gibt es nicht, alle Ermittlungen enden im Nichts

Статья в немецком издании о деле YOGTZE

Следователи рассматривали разные версии. По одной из них Штолль действительно страдал приступами душевной болезни, поэтому скинул одежду и пытался останавливать автомобили, несущиеся по трассе. Один из водителей мог случайно сбить его и перетащить в автомобиль, чтобы имитировать несчастный случай. Другой версией стали частые поездки инженера в Нидерланды, где, по мнению следствия, он имел дело с наркотиками или наркоторговцами. Ни одна из версий не подтвердилась.

Неразгаданной тайной осталась и записка со словом «YOGTZE». Перед своим уходом, написав записку, Штолль с удовлетворением сказал жене: «Всё понятно! Теперь-то я до него доберусь!»

В полиции ломали себе голову, чем может быть это слово – шифром, анаграммой к слову «Zygote», чьими-то инициалами? А может, это были цифры, а не буквы – 027906. Предполагалось также, что на самом деле это было «YO6TZE» – позывной румынских радиолюбителей. Но куда убедительнее выглядел смысл окончания «TZE» – условное обозначение йогурта. Это могло означать, что смерть инженера-технолога связана с его профессиональной деятельностью. Кстати, эта последняя версия – если допустить, что инженер всё-таки находился в здравом уме –

выглядит наиболее убедительной и распространенной: как технолог, Штолль мог обнаружить какие-то нарушения при изготовлении продуктов и начать самостоятельное расследование. Он предупредил жену, однако опасался обыска в своем доме и хотел оставить важные документы у кого-то из знакомых, у которого не станут искать, поэтому и выбрал бывшую соседку. Полиции следовало обратить внимание на места работы Штолля и причины его перемещений по службе. Подобных тайн внутри крупных пищевых концернов и подкупов экспертов было в Европе немало.

12 апреля 1985 года телевидение ZDF показало в передаче из цикла «Дело № XY… нераскрыто» сюжет об инженере Штолле, вызвав в Германии поисковую лихорадку. Уже в течение 20 лет это дело считается одной из самых интригующих тайн Европы.

Кто стоял за Райнером?

Самой загадочной криминальной драмой в истории Южного Тироля последних 20 лет стало убийство депутата парламента Кристиана Вальднера. Если в случае с убийством в 1964 году партизанского вождя Луиса Амплатца убийца был хорошо известен, и загадкой стало лишь его бегство и бесследное исчезновение, то в истории с Вальднером всё оказалось намного сложнее.

В 1990-е годы был окончательно принят статут расширенной автономии земли Южный Тироль на территории северной Италии. Это означало закрепление за немецкоязычным меньшинством, составлявшим в крае большинство, прав на самоуправление, двуязычное образование и политическую борьбу за депутатские места в Ландтаге. Харизматичную и обаятельную фигуру стареющего южнотирольского губернатора Сильвиуса Маньяго в тот момент сменил его более молодой преемник по Народной партии (SVP) Луис Дурнвальдер. Маньяго уважали и немцы, и итальянцы за трудолюбие, силу воли и справедливость. Дурнвальдер не был столь уважаем своими соотечественниками, хотя и снискал популярность жизнелюбием и постоянными выступлениями в СМИ. Вместе с ним в политику пришли буржуазность, потребительский эгоизм и политический популизм. Даже сама Народная партия в те годы утратила часть своего электората. Середина 90-х стала самым подходящим временем для борьбы за власть.

Для южнотирольских немцев закрепление статута автономии стало сигналом к началу партийного строительства края. Наиболее инициативные, гражданси заинтересованные, да и просто шустрые жители принялись создавать партии и союзы, сливаться и делиться, сочинять свои программы и конфликтовать друг с другом. Одним из таких лидеров стал Кристиан Вальднер.

Он родился в обеспеченной семье и рано начал интересоваться политикой. Весьма дальновидно было с его стороны влиться в ряды перспективной Народной партии, имевшей 17 мест в парламенте, то есть больше половины. Иным способом влиять на политику в те годы было невозможно. Однако, будучи молодым радикалом, Вальднер быстро разошелся с партией в понимании будущего края. Стать заметным можно было лишь с лозунгом самоопределения Южного Тироля. С момента выхода из Народной партии Кристиан Вальднер превратился в политического конкурента для бывших товарищей, потому что с ним ушла часть избирателей.

7 декабря 1992 года Вальднер основал политическую партию «Независимых». В этом ему помогли австрийские «Независимые» и популярный политик-националист из Каринтии Йорг Хайдер. Возможно, скандальная личность нациста Хайдера оказалась не самым удачным подспорьем для Вальднера, однако выбирать ему в то время не приходилось. На выборах 1993 года его партия получила 2 места в парламенте. В 1995 году он ушёл от Хайдера и примкнул к сепаратистской партии «Лига Севера» – объекту слежки спецслужб.

Но вскоре у Вальднера начался конфликт с партией «Независимых», её активным членом, бывшим педагогом Пиусом Ляйтнером и стрелками южнотирольской обороны. «Независимые» приняли решение исключить его из своих рядов «из-за финансовых нарушений».

Выйдя уже из второй партии, Вальднер создал третью – «Bündnis 98» («Союз 98») – и начал готовиться к новым выборам. За самоопределение выступали три партии – «Независимые», «Союз 98», «Союз Южного Тироля». Называя свою партию «Союз 98», Вальднер едва ли мог предполагать, что до этого года он уже не доживет.

Он был застрелен пятью выстрелами 15 февраля 1997 года в номере отеля «Белый крест» в городе Больцано. Его тело лежало за конторкой ресепшн в огромной луже крови и было обнаружено итальянской политической полицией 17 февраля.

По обвинению в убийстве арестовали приятеля Вальднера и его соратника по партии Петера-Пауля Райнера. В юности Райнер возглавлял молодежную фракцию Народной партии, был референтом SVP.

Райнер отбывал наказание в Падуе

Казалось бы, всё указывало на него. Отель в Райхридлерхофе, где был убит Вальднер, принадлежал семье Райнера. После преступления Райнер скрывался на территории Германии, а потом Австрии, откуда был экстрадирован в Италию. Был назван и мотив преступления: Вальднер втягивал Райнера в свои дела, шантажируя его неутвержденным дипломом о высшем образовании. Дело в том, что диссертацию (в Европе она соответствует дипломной работе) на тему «Топонимические названия в Южном Тироле» Райнер защищал в Инсбруке на немецком языке, и она не была утверждена в Южном Тироле, где принята так называемая «матура» – двуязычное итало-немецкое образование. Если бы выяснилось, что итальянского диплома у Райнера нет, ему грозило бы обвинение в мошенничестве и отлучение от политики. Поэтому Райнер взял винтовку и застрелил шантажиста. Местонахождение оружия – расщелину в камнях возле замка Фирмиан (Зигмундскрон) – Райнер тоже указал сам.

Но для чего было стрелять пять раз? «Сдали нервы», – утверждала полиция.

Дело казалось ясным, и выступавший на процессе прокурор Куно Тарфуссер был доволен тем, что никаких осложнений не предвидится: преступник же сам сознался.

Надо заметить, что Куно Тарфуссер в Южном Тироле – личность уважаемая, но несколько одиозная и неоднозначная: он женат на дочери знаменитого партизана-сепаратиста (для Италии

политического преступника) Луиса Амплатца, убитого провокатором в 1964 году[10]. К этому браку предвзято относились как немецкие сепаратисты, так итальянские власти. Первые считали, что брак дочери героя-партизана и представителя деспотической итальянской власти (пусть даже он и немец по национальности) является мезальянсом. Вторые полагали, что, женившись на дочери сепаратиста, Тарфуссер начнёт подыгрывать своим, то есть тирольским радикалам. Именно поэтому каждое уголовное дело становилось для него проверкой на лояльность, беспристрастность и профессионализм.

Но, несмотря на кажущуюся ясность событий, с делом Вальднера всё оказалось не так просто.

Райнера приговорили к 22 годам и 6 месяцам заключения, но один из его адвокатов, Харальд Офнер, бывший австрийский министр, заявил в апелляции, что это чудовищный заговор, а факты сфальсифицированы и оружие подкинуто. В результате его усилий апелляционный суд в Тренто полностью оправдал Райнера, вызвав сенсацию в прессе. Кассационная жалоба, однако, была отклонена в Берешии, и суд этого города признал его виновным. Офнер сказал в интервью газете «Berliner Zeitung»: «Процесс в Брешии продемонстрировал явные нарушения прав человека, но судей это не интересовало».

Райнер отправился в тюрьму, где вскоре сделал заявление, что он не виновен и «что всё станет известно, но не сразу, потому что дело это тёмное». Тогда впервые заговорили о том, что в убийстве Вальднера замешаны спецслужбы. Всех по-прежнему интересовал вопрос: было ли это убийство глупостью одного человека или политическим покушением? Даже появилась версия, что Вальднер довольно активно добивался самоопределения для Южного Тироля, и поэтому его устранили, а Райнер сам был замешан в этом деле, как информатор спецслужб, поэтому и выступил в роли «стрелочника», вынужденного молчать.

Он отбывал наказание в тюрьме «Tolmezzo» в Падуе. В связи с хорошим поведением его срок был сокращен до 14 лет. Несколько лет он работал библиотекарем в социальном кооперативе за пределами тюрьмы. В 2007 году он был выпущен на свободу, но остался в Падуе.

Многие сомневались в виновности Райнера. Одним из таких людей оказался друг Райнера, писатель и журналист Артур Оберхофер. Он утверждал, что знает Райнера настолько хорошо, что даже предположить не может, чтобы тот кого-нибудь убил. Оберхофер собрал факты и написал книгу, а ещё через три года – вторую, с новыми фактами[11]. Он поставил себе задачу выяснить истину, до которой ещё очень далеко. Так, Оберхоферу удалось

установить, что из сейфа Вальднера пропала большая сумма денег. Также он собирался сделать разоблачительное заявление, но текст его заявления тоже не нашли. Зато время преступления – 12.00 – было указано неверно. После этого часа с Вальднером разговаривали несколько человек. Алиби и его отсутствие базировалось именно на этом часе, но при убийстве после 12.00 всё дело начинало разваливаться вместе с обвинением. Также Оберхофер утверждал, что вокруг Райнера и Вальднера всё время крутились агенты военных разведок Германии, Италии и Австрии. Их прослушивала SISMI (итальянская военная контрразведка). И, наконец, на горизонте забрезжил некий «мерседес» с германскими номерами, который свидетели видели в день убийства во дворе. Этот след не был проверен прокуратурой.

Куно Тарфуссер впервые почувствовал себя неуютно: журналисты стали в ироничной форме намекать прокурору, что он провёл это дело спустя рукава. Он кинул семью и поспешно уехал в отпуск на курорт, а ему вслед неслось улюлюканье местной прессы.

Чем это всё закончится, говорить пока рано, однако Райнер загадочно отвечает репортёрам, что однажды правда выплывет наружу.

Неспокойная Россия

1990-е годы стали для России новой реальностью. Во многом эта реальность напоминала войну. Только во время войны в Москве-реке мог целые сутки плавать труп застреленного молодого человека на глазах у десятков гулявших с детьми москвичей. Было воскресенье, и труп никто не убирал, так его и носило между льдинами: речка Москва, как известно, никогда до конца не замерзает. Подвыпившие милиционеры ухмылялись в ответ на возмущённые протесты: «Подумаешь мертвяк! Никогда не видели, что ли?» В середине дня приехали серьезные люди из МУРа, постояли, посмотрели и уехали. Лезть в воду и открывать дело никому не хотелось: висяков в те годы набралось немеряно. Потом труп унесло течением.

Газеты печатали о том, как в одном из районов столицы дети целый день играли рядом с неубранным телом одного из застреленных в криминальной разборке братков. В другом районе, на Борисовских прудах, тоже в выходной день, но уже в начале лета москвичи продолжали купаться, не обращая внимания на чьи-то всплывающие конечности. Люди стали привыкать к ненормальному. Тем более что рассуждения обывателей сводились к тому же, известному ещё со сталинских времён тезису: «А нам-то какое дело? Мы же не бандиты, нас и не трогают».

На самом деле это началось ещё с рубежа 70-х и 80-х годов. Никто не предполагал, что в незыблемом государстве грядёт смена формации, но одна группа людей, обладавшая сверхтонким чутьём, уже знала и готовилась. Это была организованная преступность или мафия, которой в СССР как будто вовсе не существовало. Эта самая мафия уже в 1979 году собралась на свой съезд в Кисловодске, чтобы договориться о переделе сфер влияния.

Убийство на Кутузовском проспекте

Смерть Зои Фёдоровой стала самым громким убийством начала 1980-х годов. Она пришлась на конец эпохи застоя, когда ещё никому не приходило в голову, что мы живём в другой стране. Всё вокруг казалось размеренным и рутинным, а знаменитости, особенно старые, умирали своей смертью. По крайней мере, в них никто не стрелял средь бела дня в престижном районе Москвы. Но не стоит забывать: это преступление произошло в те самые годы, когда разворачивалось так называемое «бриллиантовое дело», а чванливые жёны и дочери чиновников высшего звена соревновались в количестве драгоценностей и мехов. И актриса Зоя Фёдорова, много в жизни перетерпевшая и жаждавшая реванша после унижений и лагерей, оказалась причастна к вывозу драгоценностей и антиквариата за рубеж. Её всегда считали склонной к авантюрам.

События развивались следующим образом. 10 ноября 1981 года в 13.00 в дверь элитной квартиры дома № 4 на Кутузовском проспекте позвонила подруга актрисы Маргарита Набокова, заранее договорившаяся о визите. Но ей никто не открыл, хотя в квартире лилась вода и звучало радио. Маргарита написала сердитую записку, которую засунула под дверь. Известно, что с 13.45 до 14.10 Фёдорова разговаривала по телефону с сотрудницей «Мосфильма», а значит, была жива. Подругу она либо не услышала, либо не захотела впустить. Встревоженная Набокова в 6 вечера позвонила племяннику актрисы Юрию Фёдорову, у которого был второй комплект ключей. Юрий пришёл к тёте, увидел в окнах гостиной свет и стал звонить. Его тётя, одна из самых ярких звёзд советского кино, жила одна в трехкомнатной квартире: единственная дочь, актриса Вероника Фёдорова, проживала в США, куда уехала по приглашению своего отца, адмирала Тейта.

Один из многочисленных портретов актрисы и фото из уголовного дела

Открыв дверь и пройдя в гостиную, Юрий Фёдоров увидел жуткую картину: Зоя Алексеевна сидела за столом, сжимая в руке телефонную трубку и запрокинув голову на спинку кресла. Затылок и левая часть лица были залиты кровью. Она была застрелена из пистолета марки «Зауэр». Милиция нашла пулю калибра 7.65, но следов взлома и борьбы не обнаружила.

Совершенно необъяснимая ситуация. Во-первых, Фёдорова никогда не впускала в дом посторонних. Она и своих-то фильтровала из-за дверей так долго, что люди теряли терпение. Как могло случиться, что она спокойно впустила своего убийцу, да ещё и села за стол спиной к нему, но при этом пыталась позвонить по телефону? С отверстием в затылке по телефону уже не звонят. Выходит, она ещё до выстрела хотела позвать на помощь. Но в таком случае она вряд ли повернулась бы к убийце спиной. Остается предположить нечто другое. Зоя Алексеевна не собиралась звать на помощь. Она совершенно спокойно повернулась спиной к знакомому человеку, чтобы позвонить по какому-то делу: например, навести какую-то справку, выяснить что-то, о чём её попросил убийца. Дождавшись, когда актриса сядет за стол, её визитёр просто подошёл к ней сзади и выстрелил в затылок.

Дальше версии начали появляться одна за другой. Их оказалось даже слишком много.

Первой была политическая. Мало кто знал в то время, что яркая звезда экрана уже побывала в тюрьме в 1927 году, когда не была актрисой. Её отец, простой рабочий и верный член партии,

ставший начальником паспортной службы Кремля, не хотел актёрской карьеры для дочери, поэтому устроил её счётчицей в Госстрах. От скуки Зоя спасалась на частных вечеринках. Там она научилась танцевать фокстрот и завела знакомства с иностранцами. Вечеринки устраивал англичанин Кебрен. Он и познакомил Зою с Кириллом Прове, который оказался агентом английской разведки. Фёдорову арестовали в 3 часа ночи 14 июня 1927 года, устроив обыск в квартире. Ордер на арест по обвинению в шпионаже подписал Генрих Ягода. Но после встречи с Ягодой Зоя Фёдорова вдруг была отпущена на свободу. Кирилла Прове расстреляли за шпионаж, а её дело было закрыто «за отсутствием улик». Легко предположить, что это было сделано в обмен на некоторые услуги – сотрудничество с органами. «Однажды я станцевала фокстрот с Ягодой», – признавалась Зоя.

Дальше карьера Фёдоровой пошла в гору, она без труда поступила в институт, стала кинозвездой и получила множество других возможностей, которые в то время в СССР казались невероятными.

В 1938 году её отца арестовали. Фёдорова встретилась с Берией, и отца выпустили, а она продолжала знакомиться с иностранцами. Осенью 1942 года Зоя отправилась отдыхать в Крым, где встретила корреспондента «Юнайтед Пресс» Генри Шапиро, а он свёл её с заместителем главы американской военно-морской миссии Джейсоном Тейтом. Есть версия, что это знакомство тоже произошло по приказу КГБ. Но дальше всё пошло не по сценарию спецслужб: Фёдорова влюбилась в Тейта и родила от него ребёнка. Ребёнок, по замыслу влюблённых, должен был стать символом американо-советской дружбы: его зачали 9 мая, а имя дали в честь победы – Виктория. Но Виктория Фёдорова увидела свою мать только через восемь лет. Тейта отозвали в США, а Зою Фёдорову вновь обвинили в шпионаже и отправили в лагерь на 25 лет с конфискацией имущества. Её душераздирающее письмо Берии на этот раз не помогло. Ей мстили за право на чувства. Лагерь сломал её: она была разлучена с возлюбленным и двухлетней дочерью, над ней издевались следователи. Зоя стала циничной и расчётливой, научилась скрывать свои намерения.

Когда она вышла на свободу, уже после смерти Сталина и расстрела Берии, у неё не было ни жилья, ни работы. Помогли коллеги, потом стали давать роли. Но Зоя Алексеевна, не столько драматическая актриса, сколько звезда экрана, понимала, что её главного оружия – молодости и красоты – уже нет, и карьера идёт на спад. Она решила по-другому обеспечить себе старость.

Здесь, в этой точке, смыкаются две версии – политическая и

экономическая. Политическая гласит, что её устранил КГБ, когда она задумала перебраться в США. При этом Зоя Алексеевна, в отличие от других советских людей, ездила в США беспрепятственно, и – кто ей, бывшей заключённой, мог дать разрешение на выезд, если не КГБ. Однако эта версия имела слишком слабые мотивы: едва ли актриса могла представлять для спецслужб какую-то опасность.

Гораздо больше весомых доказательств было у экономической версии, связанной с «бриллиантовым делом». В записной книжке Фёдоровой, которая лежала на столе возле её тела, обнаружилось 2032 телефонных номера и полторы тысячи адресов, что довольно странно для женщины на пенсии. Ещё более удивительным оказалось то, что рядом с номерами стояли не имена, а профессии её абонентов, причём половина из них никакого отношения к актёрскому делу не имела – это были эксперты-оценщики, торговцы антиквариатом и маклеры. Вспомнилось, что, отправляясь к дочери в США, Зоя Алексеевна везла туда огромные сундуки, которые беспрепятственно пропускали через дипломатический вход аэропорта. Она перевозила антиквариат и фактически была курьером для дам советской элиты – таких, как супруга министра внутренних дел Светлана Щёлокова или Галина Брежнева, которую называли «кремлёвской принцессой». В этот круг входили укротительница львов Ирина Бугримова, вдова писателя Алексея Толстого Людмила Толстая и жена директора Госцирка, актриса Лариса Пашкова. Все перечисленные дамы любили, выходя в свет, демонстрировать свои украшения – на приёме в румынском посольстве или на празднике цирка.

Вслед за этой публичной демонстрацией богатства наметилась цепочка взаимосвязанных криминальных событий. 14 ноября 1980 года была ограблена Людмила Толстая: трое злоумышленников связали её и вынесли все ценности. 10 декабря 1981 года была убита Зоя Фёдорова. А 30 декабря 1981 года обворована квартира Ирины Бугримовой. К этим ограблениям был причастен фаворит Галины Брежневой, цирковой артист Борис Буряце, выступавший в роли наводчика. Один из сотрудников 5-го управления в декабре 1981 года застал в квартире Буряце трех парней, которые обсуждали проникновение в квартиру какой-то артистки. Но Буряце был задержан, отправлен в лагерь, а потом просто исчез. Он похоронен на Краснодарском кладбище, и причины его смерти называются самые разные – от инфаркта до аппендицита.

Среди подозреваемых в убийстве лиц (тех троих грабителей в масках) называли Анатолия Беца – одесского налётчика, который

находился в розыске за ограбление Людмилы Ильиничны Толстой. Но разобраться в этом деле не получилось, как и выйти на заказчика: Беца застрелили в Грузии сотрудники ГАИ, причём сделали это намеренно – по указу свыше. После гибели Беца следствие застопорилось.

К этой же версии примыкает ещё одно обросшее слухами допущение: заказчиком убийства Фёдоровой мог стать её давний клиент, известный танцовщик Рудольф Нуриев, собиратель антиквариата. Поездка Фёдоровой в Израиль в 1973 году совпала с гастролями Нуриева, тогда они и начали обмениваться ценностями. В книге о жизни Нуриева, написанной Питером Уотсоном, говорилось: «Нуриев очень заинтересовался предметами искусства, которые Фёдорова могла предложить. Причин было две: во-первых, для себя он купил несколько больших картин – портреты Петра Великого, которым Нуриев восхищался. Во-вторых, со временем Нуриев начал скупать контрабандный антиквариат с целью перепродажи».

В конце 1979 года Зоя Фёдорова стала пренебрегать Нуриевым. Она нашла более выгодных покупателей. Он пригрозил ей, она в ответ пообещала обнародовать его роль в контрабанде русского антиквариата. Но эта версия кажется нелепой: Фёдоровой не выгодно было разоблачать Нуриева, потому что она от этого пострадала бы гораздо больше, чем он. А ему достаточно сложно было устранять её из-за границы. Многие читавшие книгу считали, что это авантюрный домысел автора.

Всплывали и другие лица уголовной версии – некто Борькин, маклер по продаже квартир, и его приятель Митрохин – неудавшийся сочинитель, заинтересовавшийся богатствами квартиры Фёдоровой, а потом встревоженный её желанием эмигрировать из страны. После убийства он проговорился Борькину: «убийство совершили мои ребята». Но это никак не объясняет, почему актриса впустила к себе в квартиру этих людей. Была среди подозреваемых и некая «дама пик» по фамилии Штайн – клиентка Фёдоровой, которая терпеть её не могла, но в антикварном трафике участвовала. После смерти актрисы она поспешно уехала за границу.

В то же время существовали показания свидетелей, что к ней именно в те дни должен был приехать в гости некий француз. Потом выяснилось, что прибыли два гостя – израильтянин и американец.

И наконец – последняя версия, самая экзотическая. Её выдвинул драматург Эдуард Володарский, вхожий в дом актрисы. Он написал, что скорее всего Зою Фёдорову убил её зять – лётчик авиакомпании «Panam» Пейн. После смерти тёщи он вдруг

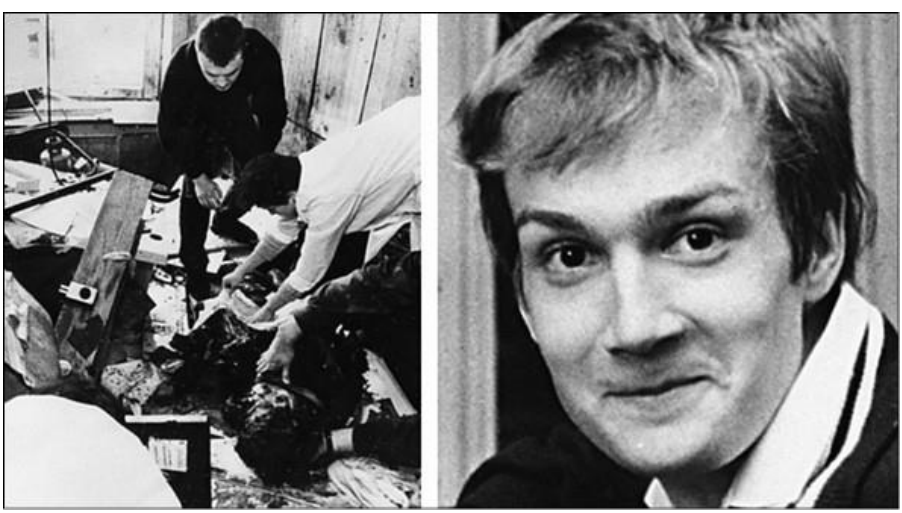
мгновенно разбогател и стал предпринимателем. По мнению Володарского, именно ему это было выгодно, и его актриса непременно пустила бы в квартиру как ближайшего родственника. Не был ли он тем гостем-«американцем»? Прочитав об этом, Вероника Фёдорова-Пейн вдруг согласилась: «Вполне может быть. Он такой мерзавец».

При этом следователи, проделавшие колоссальную работу, иногда намекали, что убийца им хорошо известен, но они не могут его арестовать. Поговаривали и о загадочных смертях людей, которые хотели сообщить какие-то данные о деле Фёдоровой. Так оно и осталось нераскрытым. Но резонанс и всенародный интерес привели к созданию книг и фильмов на эту тему. Юлиан Семёнов написал роман «Тайна Кутузовского проспекта», а Юрий Нагибин – рассказ «Афанасьич». Был снят художественный фильм «Бриллиантовое дело» с Тамарой Сёминой в роли Зои Фёдоровой. Друг актрисы Виктор Мережко создал картину «Красная комната», в которой есть мотивы этого убийства.

Взрыв в редакции газеты

К середине 1990-х годов самой опасной профессией становилась журналистика. Она продолжала оставаться модной, но большая часть поступавших на факультет журналистики честолюбивых молодых людей предпочитали найти себе спокойную нишу – например, плести журналистское «кружево» семейных историй знаменитостей или заниматься вопросами моды, музыки, медицины. Расследовательская журналистика привлекала лишь единицы. В их числе оказался и Дмитрий Холодов, которому довелось прожить лишь 27 лет.

Он с отличием окончил МИФИ, работал инженером в ЦНИИ точного машиностроения и корреспондентом на радио в Климовске. Невольно думаешь: был бы он инженером или радиокорреспондентом в своём Климовске, остался бы жив. Но заметные люди всегда хотят чего-то большего. И Холодов стал военным корреспондентом «Московского комсомольца», начал ездить в горячие точки. Он побывал в Абхазии, Чечне, на афганской границе. Его профессиональным «коньком» стала армия – расследование коррупции, подпольное строительство дач, торговля оружием. Заниматься этим в 90-е годы было равносильно самоубийству.



Дмитрий Холодов погиб, открыв заминированный дипломат

В середине октября 1994 года Холодов ждал каких-то секретных сведений о торговле оружием с чеченскими сепаратистами. Эти данные ему должны были передать через ячейку камеры хранения на Казанском вокзале. Наивность

Холодова очень напоминала доверчивость другого журналиста – Мауро ди Мауро, которого заманили в ловушку таким же способом – пообещав новые доказательства. Холодов, скорее всего, о том давнем деле 1979 года ничего не знал, поэтому не думал об осторожности. Да и азарт правдоискательства оказался сильнее.

Забрав портфель-дипломат из ячейки, журналист отправился в редакцию. Утром 17 октября в кабинете прогремел взрыв. В дипломате была заложена мина-ловушка. В результате травматического шока и обескровливания Дмитрий Холодов скончался.

Уголовное дело было возбуждено 18 октября и вначале квалифицировалось как «убийство при отягчающих обстоятельствах». На следующий день его переквалифицировали в «террористический акт, повлекший смерть человека». 11 декабря по подозрению в убийстве задержали полковника ГРУ Владимира Кузнецова. Но в июне 1995 года с него было снято обвинение за отсутствием улик. Уже в конце 1990-х были задержаны бывший начальник разведки ВДВ Владимир Морозов и два его заместителя – майор Александр Сорока и Константин Мирзоянц. В группу подозреваемых входили также бывший десантник Константин Барковский и заместитель директора ЧОП Александр Капунцов. Все они после четырехлетнего расследования были освобождены. Министр обороны Грачёв, которого особенно разрабатывал Холодов, был привлечён к делу в качестве свидетеля. После освобождения подозреваемых Московским военным окружным судом в июне 2002 года прошёл почти год, и в июне 2003 года военная коллегия Верховного суда получила протест прокуратуры. Оправдательный приговор был отменен, а дело вновь получило ход. Но обвиняемых вновь оправдали, а затеявшей расследование прокуратуре досталось за «нарушение Конституции и УПК». Прокуратура и родные Холодова подали кассацию в Верховный суд, а потом, не дождавшись справедливости – в Европейский суд по правам человека. Однако там им тоже отказали, сославшись на то, что убийство журналиста произошло до 1998 года – то есть до ратификации Европейской конвенции Россией. Стало ясно, что это преступление не будет раскрыто никогда.

Символ перестройки

Многие помнят, как всё это начиналось в конце 1980-х. Перестройка породила большие надежды, и частью этих надежд были три молодых человека программы «Взгляд», своим присутствием на экране творившие телевидение и свободу слова тех лет – Влад Листьев, Дима Захаров, Саша Любимов. Их так и называли уменьшительными именами – Влад, Дима, Саша, – потому что они приходили в чужие дома каждую неделю и вселяли надежду. Хотелось правды и честности. В передаче «Взгляд» были острые репортажи, и была традиционная «кухня», оборудованная как все российские кухни – чтобы больше напоминало то самое место, где в прежние времена можно было говорить обо всём, не опасаясь, что подслушают.

Влад Листьев понимал, что происходит, и многое видел наперёд

Их считали «народными героями», и с 1987 года они действительно казались теми героическими барабанщиками, которые всегда впереди и принимают удар на себя. Война была давно, а стране, её молодому поколению нужны были новые герои, честные, мужественные. И главным героем стал именно Листьев: у него были обаяние, оптимизм, коммуникабельность – то, что теперь называют «харизмой».

Была и ещё одна вещь, которая притягивала – отсутствие родственных связей: Влад не был ни «внуком», ни «сыном», ни «племянником», он был типичный «self-made-man». Пролетарская биография: отец – мастер гальванического цеха завода «Динамо», мать – копировщица в проектной организации того же завода, потом уборщица в метро. Такое нарочно не придумаешь. А если ещё принять в расчёт, что отец покончил с собой, когда Владу было 17 лет, а его отчим был наркоманом, то картина его взросления и развития складывается просто фантастическая. Спасло будущего героя только то, что он вырос в спортивном интернате.

Вот поэтому, глядя на блистательного, спортивного и раскрепощённого Влада, каждый думал: «Значит, можно вот так – без связей, без протекции. Надо просто иметь талант и работать над собой». Во многом именно из-за Влада их тройку называли «битлами перестройки», потому что к началу 1990-х они уже стали живой легендой. Здесь стоит обратить внимание на слово «живой»: настоящие «юные барабанщики» старыми не становятся, и что-то такое промелькнуло в сознании уже тогда – смутная догадка или предчувствие.

То, что стало происходить потом, к середине 1990-х, было заметно не всем: кухня телевидения – не та реальная, что была в их передаче, а метафорическая, обозначающая изнанку любого производства, – известна только работникам самого телевидения. А телевидение – это деньги и связи.

Молодые бунтари перестроечного телевидения стали заметными, они начали расти, продвигаться, получать новые возможности. В те времена такие возможности были связаны с политикой или коммерцией. И журналисты охотно становились депутатами и предпринимателями, пренебрегая своим имиджем народных трибунов. Человека, занимающего высокий пост на телевидении, сразу же опутывают бесчисленные связи и обязательства; он всё время что-то кому-то должен. Здесь не избежать цитирования товарища Листьева, Владимира Мукусева: он понимал, что происходит и многое видел наперёд. А происходила коммерционализация и телевидения, и перестройки, и всей жизни в России.

«Я не могу забыть разборки в родной “молодежке”, когда обсуждали мое интервью журналу “Огонек”, в котором я поведал, как умирает “Взгляд”. Умирает, потому что там стали делать деньги. К концу четвертого года существования “Взгляда” ребята, в том числе и Влад, начали зарабатывать на программе деньги: заказные сюжеты, плюс коммерческие структуры, которые от имени “Взгляда” что-то продавали и покупали… После того

собрания в стилистике 1937 года я вывел Листьева в коридор и сказал: “Влад, предлагаю забыть обо всем и поехать со мной в Новосибирск, начать делать новый “Взгляд”, с нуля”. Как смог, сказал ему о своих идеях, о том, что хочу создать независимую телекомпанию, потому что ВИД тогда уже находился под тотальным контролем властей. На что он, достав из кармана (впервые мною увиденную) нераспечатанную пачку стодолларовых купюр, риторически спросил: “Ты хочешь, чтобы я вот это променял на Сибирь?” При этом он глядел на меня поверх очков так, что, хотя мы были примерно одного роста, мне казалось, будто он смотрит сверху вниз, как на не очень умного, совсем больного человека, который не понимает элементарных вещей.

Я уже знал, что учредительные документы созданной нами компании нелегально переписаны, и я не только перестал быть одним из ее хозяев, но фамилии моей нет в списке акционеров. Я сказал: “Знаешь, Влад, если так пойдет дело, вы рано или поздно перестреляете друг друга”. И в следующий раз я увидел Листьева лежащим в гробу. Причем именно в тех очках. Какая-то шкодливая рука надела ему эти очки. Мог ли я тогда увезти его в Новосибирск? Не думаю. Но точно знаю, что я не имел права произносить фразу, ставшую пророческой».

Вечером 1 марта 1995 года в 20 часов 38 минут на Новокузнецкой улице прогремели выстрелы. Листьев был убит в подъезде своего дома, когда поднимался по лестнице: он возвращался с работы. Телохранителей у Влада не было: вопреки своей новой профессии он не хотел выглядеть трусливым чиновником. Киллер караулил его в подъезде. Первая пуля попала в руку, вторая – в голову. У Листьева была немалая сумма денег, но убийце она была не нужна: ему уже заплатили.

Новокузнецкая улица – центр столицы, и уже через несколько часов подъезд дома, оцепленный милицией, был завален букетами цветов. Во дворе стояла толпа. Люди приходили целыми коллективами. Все были подавлены. Помнится, только одна женщина смотрела на всё происходящее холодным, скептическим взглядом. «Да, я смотрю иначе, – сказала она. – Многие погибают, но до этого никому нет дела. Выходит, простые люди никому не интересны. Надо быть звездой, чтобы о тебе сожалели». Формально она была права. Но такова реальность: смерть обычного человека вызывает сочувствие только у тех, кто его знал; смерть звезды, всеобщего любимца заставляет сочувствовать сотни и тысячи людей. А Влада Листьева помнили, несмотря на то, что на экране он из-за нового назначения стал появляться всё реже.

Следователи сразу предположили, что убийство связано с профессиональной деятельностью телеведущего. Но, несмотря на заявления о том, что дело близко к раскрытию, все уже тогда понимали, что дело не раскроют, а убийц и тем более заказчиков не найдут. Слишком крупные лица стояли за этим убийством. Тогда уже звучало слово «семья»: речь шла о коррумпированной верхушке власти – окружении президента. Но надежда теплилась вместе с интересом к этому делу. Гибель и похороны вызвали большой резонанс, и каждую передачу, посвященную Листьеву и расследованию его смерти, встречали с любопытством. 2 марта вышла программа «Час Пик», посвящённая жизни и журналистскому творчеству Листьева. Потом несколько документальных фильмов.

А дальше проходили недели и месяцы, но никакого движения не намечалось. Казалось, всё – на виду, ведь жизнь Листьева была публичной и прозрачной, а значит, найти того, кому это выгодно, легче лёгкого. Но с тех пор прошло 20 лет практически без результата.

Версии выдвигались разные. Рассматривалась даже семейная, связанная с треугольником Листьев – Назимова – Разбаш: вдова Листьева, модный модельер-дизайнер и заметная дама Альбина Назимова, вышла замуж за Андрея Разбаша, в котором некоторые усмотрели заинтересованное лицо. Но эта «романтическая» версия быстро развалилась, тем более что Разбаш тоже вскоре умер, а Назимова вновь вышла замуж за успешного человека.

Наибольшей популярностью пользовалась версия участия в убийстве главного финансиста ОРТ Бориса Березовского – фигуры в то время неприкосновенной. Это объясняло застойный ход следствия. Версия сводилась к тому, что Березовский без расписки взял у Листьева крупную сумму в валюте. За несколько дней до гибели Влад просил Березовского вернуть деньги. Тот сказал, что свободных средств сейчас нет. Листьев настаивал, Березовский пообещал что-то придумать. Листьев и Березовский встречались накануне 1 марта, а потом всемогущий БАБ улетел в Лондон: может, алиби себе создавал.

Для того чтобы понять, что произошло в 1995 году, необходимо вспомнить события последних месяцев перед убийством. В январе Листьев покинул телекомпанию «ВИД», сделавшую его знаменитым. Он пошёл на повышение. Позднее говорилось, что на пост генерального директора телекомпании ОРТ Листьева утвердил именно Березовский из-за национального предпочтения. Но хорошо известно правило: кто платит, тот и заказывает музыку. Назначенный директор становится карманной, марионеточной фигурой, и тогда приходится

выбирать – быть послушным и делать большие деньги, или быть гордым и свободным, но без больших денег. Это было ясно абсолютно всем, кроме Влада Листьева, который почему-то думал, что сможет перестроить телевидение. Едва обустроившись на новом месте, он мгновенно принялся реформировать хозяйственную политику компании. По предложению заместителя гендиректора Б.Ш. Патаркацишвили с 1 апреля было решено ввести мораторий на рекламу, и Листьев это решение утвердил вопреки интересам объединения рекламных агентств, которое контролировало 100 % рекламы на ОРТ. Говорилось и о «сомнительных финансовых операциях», в которые втянули первого гендиректора, о и «больших деньгах на ТВ». Листьев говорил, что нашёл европейскую компанию, которая готова платить за монополию рекламного времени 200 миллионов долларов.

В 1996 году в журнале «Forbes» появилась статья «Крёстный отец Кремля» журналиста Пола Хлебникова. По его версии, Листьев обратился к Березовскому с просьбой выплатить 100 миллионов медиа-магнату Сергею Лисовскому, но тот замедлил выплату Лисовскому неустойки. В 2000 году вышла книга Хлебникова «Крестный отец Кремля Борис Березовский, или История разграбления России», где автор излагал свою точку зрения на деятельность Березовского.

В книге «Битлы перестройки» Евгения Додолева версия виновности Березовского в убийстве отвергалась. А в книге «Влад Листьев. Пристрастный реквием» Додолев отвергал и версию причастности Лисовского. Додолев писал: «Влад был лучшим в профессии, но убили не журналиста, убили не самого удачливого бизнесмена, переоценившего свой статус народного любимца, потерявшего ориентиры».

Но кто же всё-таки заказал народного любимца?

Бывший подполковник ФСБ Александр Литвиненко в своей книге «Лубянская преступная группировка» косвенно обвинил в организации убийства Александра Коржакова, начальника службы безопасности президента.

Однако шло время, и уходили из жизни сами авторы этих громких публикаций. 23 ноября 2006 года Александр Литвиненко погиб в Лондоне. 9 июля 2004 года в Москве был застрелен Пол Хлебников.

В 2010 году стали всплывать новые данные об убийстве. Юрий Колчин, осуждённый по делу об убийстве Галины Старовойтовой, заявил, что был свидетелем разговора двух криминальных лиц. Петербургский авторитет Константин Яковлев по кличке Костя-Могила предложил киллеру Эдуарду

Канимото убить гендиректора ОРТ, и тот согласился. Это убийство, по словам Колчина, было связано с попыткой Листьева упорядочить денежные потоки от продажи рекламы. Журналисты предположили, что у Колчина могли быть свои мотивы для такого заявления, тем более что Яковлева и Канимото нет в живых и подтвердить или опровергнуть его слова они уже не смогут.

В апреле 2013 года появилось интервью гендиректора ОАО «Первый канал» Константина Эрнста, датированное 2008 годом, в котором он утверждал, что убийство Листьева заказал Лисовский, член Совета Федерации. Но после появления публикации Эрнст назвал интервью провокацией и отказался от этих слов.

Подросло уже несколько поколений, которые никогда не видели Влада Листьева и не знают, кто это такой: в современных СМИ всё меняется мгновенно, а память стирается утром следующего дня. Всё меньше общественное внимание заинтересовано в расследовании этого убийства. Это негативный фактор. Но есть и обратная сторона: многих связанных с этим делом могущественных людей уже нет в живых, а это значит, заговор молчания когда-нибудь будет нарушен.

Организаторские способности

Во второй половине 1970-х годов он сидел за соседней партой – пухленький и кудрявый Вадик Розенбаум. Старался всё сделать первым, угодить учительнице. Его недолюбливали – выскочка, подхалим. Но, как известно, поступки говорят о характере, а характер порождает судьбу. Вадик первым в классе поднимал руку для ответа, он первым воспринял новые веянья времени.

«Бог меня создал, чтобы я стал предпринимателем. У меня есть организаторские способности, и я могу повести за собой», – говорил он.

Школа № 3 имени Отто Гротеволя в Чапаевском переулке на Соколе была престижной – специальной (с преподаванием немецкого языка), да ещё и с математическим уклоном. Вадик успевал и по немецкому и по математике. Он вырос в хорошей семье: дедушка – академик, отец – кандидат наук, мать – выпускница консерватории. Самого его тоже определили заниматься наукой или искусством: сначала – в институт инженеров гражданской авиации, потом – в Гнесинское училище. Всё это было не то, потому что Вадик хотел заниматься бизнесом. И дело здесь не в любви к шороху купюр и роскошной жизни. Просто есть такой талант – всё организовывать, всем оперировать (в том числе и денежными массами), ни от кого не зависеть и всего добиваться самому. Понимал ли 30-летний Вадик, что тогда это было совершенно невозможно? Может, не понимал. А может, это было сильнее его – что-то вроде азарта.

Всем, кто окончил школу в конце 1970-х, а высшее образование получил в 1980-годы, в 1990-е хотелось «порулить» – пробиться во власть, начать собственное дело. Это поколение поняло, что настал его час и другого шанса уже не будет.

Предприимчивому Вадиму Розенбауму всё поначалу удавалось. Удалось даже соединять бизнес с искусством: он работал заместителем директора училища имени Ипполитова-Иванова, потом помощником режиссера, директором программ в «Росконцерте», антрепренером у Пугачёвой, Тухманова, «Машины времени».

«Да все они меня знают – вы спросите». В Розенбауме было что-то от гоголевского Чичикова: он никогда не падал духом. Когда в 1986 году возникли неприятности, связанные с его деятельностью в «Росконцерте», он уволился и восемь месяцев работал грузчиком, а потом вступил в кооператив. Кто не рискует, тот не пьёт шампанское, и Розенбаум продал квартиру и

переселился в коммуналку – чтобы заплатить вступительный взнос. Кооператив обанкротился, и Розенбаум потерял всё. Но и это его не сломало. Он продал автомобиль «Жигули» и создал кооператив «Фонд». Благодаря неплохим связям Вадим заручился поддержкой влиятельных людей, и его кооператив стал первым частным предприятием в стране, которому выдали лицензию на экспортно-импортные операции и открыли валютный счет.

Однако дальше всё пошло по известному сценарию: к Розенбауму пришли бандиты и потребовали денег. Он испугался и попросил приятеля найти для кооператива «крышу». Так в его жизни появились солнцевские «авторитеты» Михась, Авера-старший, Люстарик и Сильвестр. Звучит почти как перечень имён из «Волшебника Изумрудного города» – книги, которую в детстве читало наше поколение. И Вадик, конечно, читал, усмехаясь про себя наивности книжки Волкова. Но пришедшие к Розенбауму ребята были далеко не из сказки. Впрочем, они его успокоили – «всё будет хорошо», если вовремя платить. Он расплатился двумя автомашинами «Volvo», которые были куплены для Михася и Аверы-старшего в Германии. Сильвестр обиделся и пригрозил, но вскоре тоже получил «Volvo».

Когда прибыли ещё нет, предприниматель становится заложником своих «спасителей». Розенбаум вскоре вынужден был ввести бандитов в правление кооператива. Михась стал начснабом, Аверин – зампредом по спортивно-оздоровительной работе, а Люстарик – директором-распорядителем. Ещё пять солнцевских были приняты в охрану. Самому Вадику они дали кличку «Пузо» – из-за комплекции.

И тут за Розенбаума взялось ОБХСС, для которого это был отличный предлог прижать солнцевских. У него изъяли финансовую документацию, где значились фамилии авторитетов. Главе кооператива пригрозили тюрьмой, если он не даст показания против своих сотрудников. У Розенбаума выхода не было: он «слил» свою «крышу»; и Сильвестр, Михась, Авера и Люстарик отправились на нары по обвинению в вымогательстве. Естественно, что после этого оставшиеся на свободе солнцевские опять наехали и потребовали от Розенбаума отказаться от показаний. Он отказался, и всех выпустили. Странно, что Розенбаума не убили после этого: те же бандиты продолжали встречаться с ним, как и раньше, даже в гости ходили. А впрочем, не странно: солнцевские жили «по понятиям»: отказался от показаний – прощён.

Вадик прикрыл злополучный кооператив «Фонд» и открыл в 1990 году кооператив «Форс», где за три года невероятным образом погибли три начальника охраны. Первого взорвали в

автомобиле. Второй, боксёр и карточный игрок, был найден убитым неподалёку от дома Розенбаума. Третий выпал из окна собственной квартиры, которую перед этим поджёг сам: говорили, что он был наркоманом.

Второй начальник охраны познакомил предпринимателя с «ворами в законе» Циркулем и Борей Ястребом, главой коптевской группировки. Жена Ястреба даже устроилась на работу в кооператив, а Циркуль с Ястребом стали новой «крышей». Но Циркулю хотелось контролировать наркотрафик, и он собирался взять у Розенбаума 400 тысяч долларов на покупку колумбийского кокаина у пушкинских бандитов. Деньги выдавались только с согласия казанского партнера Розенбаума, которого должен был уговорить начальник охраны. Тот вроде бы отказался. И тут он совершенно некстати погиб возле дома владельца кооператива, после чего Цируль и жена Ястреба поспешно улетели отдыхать в Крым, а Вадика вновь таскали на допросы.

Ещё поговаривали, что Циркуль через Розенбаума организовал освобождение Япончика, а потом – что Япончик через Розенбаума Циркуля посадил. Согласитесь, всё это – Циркуль, Япончик – напоминает ещё одну детскую книжку – «Незнайку в Солнечном городе», которую Вадик тоже в детстве читал. Очевидно, Розенбаум и сам уже был не рад, что во всё это ввязался. Работал бы инженером в гражданской авиации или играл на концертах, а тут…

Он всегда отрицал свою связь с наркотрафиком и возмущался, что его подозревают в таких грязных делах. Поэтому бросил «Форс» и, вспомнив своё детство в немецкой спецшколе, создал новые кооперативы «Вена» и «Тироль» в поисках чистых путей. Теперь он занимался грузоперевозками и благотворительностью – спонсировал спортсменов, раздавал бесплатные обеды ветеранам и построил детский сад. Но в те годы обойтись без «крыши» было никак невозможно. И на него наехали «оборотни в погонах» из спецслужб.

Тем временем солнцевскими заинтересовались ещё и спецслужбы Швейцарии, а приехавший туда сотрудник РУОПа назвал в числе прочих фамилию Розенбаума. Ему вновь грозила перспектива стать важным свидетелем. А в Швейцарию как раз перебрался жить Михась.

В 1994 году Розенбаум в панике перевёз свою семью в Голландию и создал там фирму «Лорит». «Мы бежали от надоевших бандитов, милиционеров и чекистов», – говорила его жена Ирина. В Москве кооперативы Розенбаума прижали из-за таможенного дела: попытка остаться в стороне и не давать

показаний только усугубила дело.

28 июля 1997 г. Розенбаум был убит в своём доме в Ойхрсхоте

Летом 1995 года Розенбауму звонил некий Костя из спецслужб, требовавший миллион долларов и угрожавший проверками. Не получив денег, он реализовал угрозу, и в кооперативы нагрянула налоговая полиция. Потом Костя перешёл к угрозам убийством.

В сентябре в подмосковной Лобне на своей даче двумя ударами финки был убит Григорий Розенбаум. Он был просто кандидатом наук и никогда не занимался коммерцией, но желание сына «повести за собой» решило его судьбу. Ещё через полтора месяца застрелили Виктора Титова, президента «Тироля».

Розенбаум, желая обезопасить жену и детей, стал осведомителем голландской полиции. Вид на жительство ему не давали, несмотря на ходатайство голландских служб, причём, как выяснилось, потому, что и в голландских ведомствах были люди мафии.

В Швейцарии в 1996 году арестовали Михася. Главным свидетелем должен был стать Розенбаум, но так и не стал. В ночь на понедельник 28 июля 1997 года он был убит в своём доме в Ойхрсхоте – пригороде города Эйндховен. В воскресенье он с деловыми партнерами вернулся из поездки по Израилю. Гости расположились на ночлег, а он поднялся на второй этаж особняка и лёг спать, не раздеваясь. Утром Розенбаум не спустился к завтраку, и обеспокоенные товарищи поднялись в спальню. Вадим лежал на кровати с простреленной головой. Как убийцы добрались до него, было непонятно: в доме находились шесть человек, во всех комнатах была сигнализация. Полиция пришла к выводу, что киллер проник в спальню через окно. Встрелов никто не слышал, очевидно, пистолет был с глушителем.

Кто избавился от Вадима Розенбаума – бандиты или «оборотни в погонах» – не так уж важно: это было типичное заказное убийство 1990-х.

Вспоминается пухленький и кудрявый мальчик-шестиклассник, сидевший за соседней партой и поминутно тянувший руку: «Я знаю! Я знаю!» Единственное, чего тогда не знал Вадик Розенбаум – это своей судьбы.

Несколько жизней майора Иванова

На лекциях он говорил о Чемберлене, Версальском договоре, «пижамной» забастовке нашей делегации. Любимой темой Юрия Павловича были изыски дипломатии, ее закулисье… Рассказывая об инфляции 20-х годов, доцент вдруг упомянул свою мать:

– Моя мать была миллионершей. Она работала секретаршей, но получала в месяц миллион рублей. Впрочем, тогда сто рублей стоил коробок спичек.

Он устраивал на лекции игру: все должны были голосовать за политические положения, а он говорил, чьи это положения – белых, большевиков или меньшевиков. Он любил загадки.

Студентам было мало его лекций, они преследовали доцента даже за дверями института. Очевидно, ему хотелось отдохнуть, попить чаю, но он останавливался прямо посреди двора и снова начинал рассказывать.

Ближе к вечеру начиналась его вторая жизнь – театр, лекции по актёрскому мастерству и эстетике, подробный разбор драматических спектаклей и балетных партий. И ведь недалеко – всего через дорогу перейти: Союз Театральных Деятелей расположен на другой стороне Пушкинской площади.

У доцента Юрия Павловича Иванова была не одна жизнь, и даже не две. Сколько их всего было, трудно даже представить. Все знали то, что знали – он возглавлял секцию зрителей в ВТО, на Старом Арбате; читал лекции в СТД на Петровке; преподавал историю КПСС и научный коммунизм в Литературном институте; философию и этику в Щепкинском училище; эстетику – в Большом театре. В Москве он был известным лектором и просветителем, его знакомыми были историки и актёры.

О любви доцента к театру студенты знали, хоть он и говорил об этом редко. Однажды с гордостью сказал, что учился актёрскому мастерству у Павла Массальского. Это никого не удивило: в самом Юрии Павловиче бросались в глаза старомодные, аристократичные манеры. Очевидно, ему хотелось быть актёром, но жизнь распорядилась иначе.

В историях Юрия Павловича было много таинственного, и скоро все догадались, что его жизнь сложилась непросто. Она была зеркальным отражением истории страны.

Юрий Иванов в ФРГ. 3 февраля 1990 г.

Как-то на лекции, когда он опять что-то таинственное рассказывал, староста курса Юра, не выдержав, бросил:

– Юрий Палыч, вы – шпион?

Доцент Иванов рассмеялся и ответил ему в тон – как в фильме «Адъютант его Превосходительства»:

– Видишь ли, Юра…

Юрий Павлович был ветераном войны, разведчиком, и об этом тоже все знали, но он не рассказывал. Его отец в Первую

мировую попал в плен на Мазурских болотах, а мать работала в гражданском комиссариате. В 20-е годы родители оказались на Туркестанском фронте, в середине лета 1923 года познакомились с Климентом Ефремовичем Ворошиловым. В конце апреля 1924 года они вернулись в Москву, а 2 мая родился Юрий Павлович.

Сам он попал на фронт в 18 лет, в 1942 году. До этого были московское детство и образцовая школа № 25: он учился на два класса старше Светланы Сталиной. Но золотую медаль Юрий Павлович так и не получил: в 17 лет он уже работал инженером-вычислителем «Гидроэнергопроекта», эвакуированного в уральский город Курган, и учился в медицинском техникуме.

Время было праздничное и злое одновременно. За эйфорией от победы советской власти скрывалось постоянное ожидание агрессии и стремление демонстрировать военную мощь, даже в искусстве. В 1938 году новый сезон Московского цирка завершался инсценировкой «Если завтра война». О номере «мотогонки» писали, что он «должен быть волевым, сильным, спортивным и оборонным в высшем значении этого слова». Вскоре слово «оборонный» сменилось в газетных статьях на «военизированный», а в номере появились дрессированные овчарки-санитары.

Не отставал от Москвы и Курган. В начале 1941 года там состоялась спартакиада допризывников с военизированным бегом на лыжах, рукопашным боем, гранатометанием и стрельбой. В железнодорожной школе организовали игру «На штурм!». Игры в войну сопровождались танцами и гуляниями в городском саду.

Несмотря на это, в первые дни войны никто в далеком от фронта городе ещё не представлял себе масштабов бедствия. 28 июня 1941 года в городском саду проходил оборонный вечер с танцами и духовым оркестром, а в летнем театре шла комедия «Шестеро любимых», сбор от которой пошёл на оборону.

Через пару месяцев начнут прибывать раненые. Тогда картина бедствия станет реальной, а железнодорожная школа, «облпотребсоюз» и другие далекие от медицины объекты превратятся в госпитали. Санитарками на фронт уходили домохозяйки и бывшие школьницы. А Юрий Павлович в числе ста студентов медицинского техникума решил отправиться на войну добровольцем. Но в его документах была пометка: «технически образован, владеет языками», и в штабе решили иначе.

Работа по созданию и освоению новой танковой техники велась в те годы на Урале под руководством Молотова. Поэтому Юрия Павловича направили не на фронт, а в город Молотов (нынешняя Пермь) – в расквартированное там 2-е Ростовское артиллерийское училище. В конце 1942 года он уже служил

офицером связи в 5-м мотомеханическом корпусе, входившем в состав Западного фронта.

25 сентября 1942 года был сформирован 3-й отдельный учебный танковый полк, в котором Иванов стал взводным командиром, отвечавшим за новую установку СУ-152, или т. н. «Объект 236» – пушку-гаубицу, ставшую гордостью танкового фронта. В его наградном листе говорилось, что «за период работы в должности командира учебного взвода старший лейтенант Иванов подготовил для фронта более 80 экипажей, вполне овладевших боевой техникой и умеющих вести бой в сложных условиях», что он «дисциплинирован, исполнителен и энергичен. Требователен к себе и подчинённым. Пользуется заслуженным авторитетом. Работал на огневой позиции, часто под огнём противника своей исключительной добросовестной работой увлекал своих товарищей».

Весной 1945 года 20-летний Иванов, уже помощник начальника штаба полка 3-го Белорусского фронта, оказался возле Мазурских озёр, где 30 лет назад его отец попал в плен. О чём Юрий Павлович думал тогда? Возможно, о том, что история возвращается.

В апреле 1945 года он участвовал во взятии Кёнигсберга. В то время Юрий Павлович появлялся в самых разных местах – в Восточной Пруссии, на «Линии Зигфрида», в северной Франции.

«Франция зимой 1945 года с трудом возвращается к жизни. На улицах кое-где ещё можно увидеть неубранный труп немца, вытянувшийся и окоченевший. Жители ютятся в развалинах. Думаю, в центре оставлен временный комендант, но здесь – анархия и пустота. Живут немногие, на свой страх и риск. /…/ Мародёрства нет: растащено всё, что можно было утащить. Старичок волочит тележку, как муравей травинку, на вопросы не отвечает – глуховат… Удалось добраться до “точки ноль два” без приключений. Увидел дом-осколок – одну сплошную руину с полым рукавом справа. Стена и оконные дыры, больше ничего. Наш “Lodge” напоминает пистолет: рукоятка – бункер, а ствол – обрушенная стена с пустыми глазницами, за которой только и можно, что залечь с пулемётом. Попробовал её пошатать, и два кирпича сразу же остались у меня в руке, как два молочных зуба.

Район избран для учебной игры. Капрал так решил, или кто-то другой? Думаю, никакой он не капрал, ну да ладно. Человек непонятный, хмурый, днями его не видишь, а когда видишь – слова не дождёшься. Он недоволен, что я забираюсь далеко от укрепрайона: посмотрел холодно, спросил: “Curieux, non?” Худой, высокий, одет небрежно – в какую-то куртку без опознавательных знаков. Оружия при нём не заметил, но точно есть…»

Проходя курсы в точке «02», Иванов впервые увидел Клауса Барбьё, всё ещё нужного секретным службам Запада. Имя у него было другое, но стало ясно, это – нацистский преступник. Позднее судьба вновь их свела. В 60-е годы Юрий Павлович увидел Клауса на улице Мехико.

«9 мая. Мехико, Глорьета де Инсурхентес. Сегодня праздник. Я поставил на стол бутылку вина, текилу, приготовил салат с крабами. В.В. взирал на мои приготовления с молчаливым осуждением, но довольно смешливо. “Не думал, что ты такой сентиментальный, – он равнодушно повертел текилу. – Эх, водочки бы сейчас!”

Мне в тот момент не до его рассуждений – не дает покоя лицо в толпе. Так бывает – идёшь по оживлённой улице и вдруг видишь только одно лицо. Оно будто высвечивается из толпы, а всё вокруг тонет во мгле, расплывается. Иногда мы ошибаемся – принимаем одного человека за другого. Да и времени столько прошло – двадцать с лишним лет. Здесь не тот случай – я ни с кем его не перепутаю. Это он – “лионский мясник”. Изменился, постарел, но я не мог забыть эту походку, брезгливые губы. Не удержался – шёл за ним от парка Чапультепек до отеля на площади Сокало.

В.В. пристрелил бы меня за самоуправство, но ему было не до меня. Он ещё с утра отправился на руины Теотихуакана и дотошно изучал там какие-то индейские фимелы, а потом вдохновенно рассказывал про каналы, по которым стекала кровь во время жертвоприношений. Я всегда подозревал его в кровожадности. Так ему и сказал. Возразить ему было нечего, и он завёл разговор о ядерном разоружении и дошёл до полного занудства. Его занимала личность нового замминистра иностранных дел Альфонсо Роблеса, с которым мы в начале весны познакомились во Дворце изящных искусств на премьере фольклорного балета.

Вот что отличает меня от босса! Я был целиком поглощён балетом: хотелось изучить непривычную технику. В.В. от балета морщился, его больше увлекала коррида. За неимением корриды, он посвятил театральный вечер изучению перспективного политика – не отставал ни на шаг, даже копировал жесты. О Роблесе и его планах по разоружению говорил патетично, мечтал вместе с ним войти в историю человечества. Я оставил его и пошёл бродить по улицам. Тогда и встретил лионского беглеца. И мне теперь уже не было дела до истории человечества, потому что я видел перед собой только эту знакомую спину с изогнутой косточкой. Даже балет выветрился из головы, к великой моей досаде.

Этот тип был моим проклятьем. Причем тут история человечества, когда перед тобой по улице движется само зло в человеческом обличии. Его, это зло, запустили сюда как волка в стадо овец. А сегодня еще и мой праздник, не его. Но руки связаны».

И далее: «Будущим мне распоряжаться не доверили. Тем же вечером получил самое красноречивое подтверждение. Не суждено мне разобраться: ночью он улетел в Боливию. Да и было уже 10 мая. Не мой день».

Только в 1983 году доцент Иванов отправится во Францию. Как раз в это время Боливия выдала Франции преступника Барбьё. Приложил ли к этому руку Юрий Павлович? Безусловно.

Его можно встретить в 1953 году в Арлингтоне, рядом с Пентагоном; в середине 1960-х – возле мексиканского Сан-Игнасио, в особой зоне Silenzio; в 1963-м – в ОАР, во время организации конгломерата республик; в октябре 1966-го – в Ливорно, на съезде «Нуова Унита»; в марте 1967 года – в закрытой зоне Северного моря. Этих командировок по всему свету никто не замечал. Все думали, что Юрий Павлович просто любит путешествовать.

* * *

В 1945–1946 году Юрий Павлович Иванов находился в Берлине. Но вскоре его направили в тюрьму Мондорф-ле-Бен в Люксембурге, где он проходил стажировку у доктора Дугласа Келли. Очевидно, именно Келли в 1950 году познакомит майора Иванова с Альфредом Коржибски и психологом Эриком Эриксоном.

В люксембургской тюрьме блестящий психолог и один из первых профайлеров Келли изучал криминальную психологию нацистов, однако потерпел ряд неудач. Есть предположение, что Келли пал жертвой классической сублимации, в особенности от тесного общения с Герингом: через 10 лет, в 1958 году, сам доктор уйдет из жизни, приняв, подобно Герингу, цианистый калий.

Эксперименты Дугласа Келли и знакомство с Коржибски и Эриксоном стали для Юрия Павловича открытием. Он увлекся программированием личности и начал развивать свои способности в области гипноза. В том, что это за способности, некоторые из его студентов убедились на своём собственном опыте. Когда доценту Иванову нужно было «поделиться» информацией о своих загадочных прогулках по всему миру, он

это делал с лёгкостью, даже не прибегая к чтению лекций: ему достаточно было просто подумать.

С 1947 года Юрий Павлович учился в Институте военных переводчиков – ВИИЯСА, а потом обучал танковой технике инженеров в Уральском военном округе и преподавал английский язык курсантам Хабаровского артиллерийского училища. И вдруг майор Иванов исчез из виду, а в его личном деле появилась графа – «уволен из рядов вооружённых сил по болезни (туберкулез лёгких)».

Вскоре неподалеку от Арлингтона появился инженер-электрик, ирландец Рассел Киндли. При этом он не забывал изучать профсоюзное и рабочее движение в США, которое позднее станет темой его кандидатской диссертации на историческом факультете Педагогического института. А в США в те годы уже начиналась эпоха маккартизма.

«В.В. беспокоит возня вокруг мичиганских ирландцев. По его словам, моя биография “прохудилась, как решето”. Возможно, пользуясь своими связями, он даже пытался убедить тележурналистов не раздувать это дело в эфире. Кажется, они с известным телеведущим посещают одну еврейскую общину. Интересно, босс надевает кипу, когда ходит на их собрания? Однажды я его об этом спросил, и он запустил в меня чернильницей.

– Чертовы ирландцы! Кто их дёрнул бодаться с Маккарти? – в сердцах ворчит он, шурша газетами.

– Да? – говорю с иронией. – С такими взглядами вам не страшен полиграф.

– Посмотрим, как ты запоёшь, когда к тебе приставят постоянную охрану!

А ведь он ещё не знает, что я встречался с Ноэлем Тейманом, а то убил бы точно. Но как устоять против такого искушения? Ноэль – биограф профсоюзного движения. Ловлю себя на том, что манера Теймана передалась и мне: он почти каждую фразу начинал словами: “Как они могли?”

– Как они могли сотрудничать с руководством, чтобы повысить производство для военных нужд, когда надо было бороться за свои права?

– Как они могли делать это в тот самый момент, когда им следовало месяц за месяцем тратить своё время и энергию на обычные, рутинные задачи вербовки новых членов и удовлетворение старых?

– Как они могли оставить всё без власти, которая обеспечивает безопасность и дисциплинирует тех, кто нарушил договор или правила Союза?..

Пока я слушал его, меня не покидали два попеременно овладевавших мною ощущения. Первое – что он пребывает в исступлённом отчаянье, как человек, у которого связаны руки. Второе – что он репетирует передо мной роль человека, пребывающего в отчаянье. Возможно, проговаривает главы будущей книги. В целом он мне даже понравился, но я лишний раз убедился в том, что всё происходящее напоминает какой-то спектакль, в котором все роли распределены заранее. Это показалось мне забавным. Я никак не мог отделаться от мысли, что наблюдаю фарс, но не могу определить своего к нему отношения. Как будто одна часть моего мозга активно радовалась изрядному артистизму здешних деятелей, а вторая протестовала в силу полной бесперспективности происходящего.

Босс почему-то уверен, что я встану под ружьё, чтобы осуществить мировую революцию. Не знаю, откуда в нём такое убеждение. На самом деле мне ясно, что у этого движения нет будущего, по крайней мере – сегодня, и каждый здесь решает лишь собственные задачи. Иной раз они упивались своими позами и жестами, вместо того, чтобы реально что-то делать. Мне оставалось только наблюдать, а я этого не люблю. Точнее – наблюдение для меня не самоцель. Кем надо стать, чтобы обладать влиянием? Никем. Здесь нет вечных личностей и вечных идей. Всё преходяще, один сменяет другого, оставляя за собой лишь слабо просматривающийся след, вроде слизистой дорожки земляного червя.

Я сказал об этом Тейману.

– Молодой человек! – горько вскричал он. – Я бы вам ответил, но то – не ваша эпоха! Это моя чёртова эпоха, которая меня похоронит! И мне стыдно, стыдно, что она была так бездарна и расточительна! Люди, в которых мне хотелось верить, играли роль статистов, подающих на стол, в то время как все были увлечены большой войной. Там крутились другие фигуры. Они играли Шекспира. Мы – в лучшем случае Клиффа Одетса. Они вошли в историю со своими сигарами, трубками, инвалидными креслами. Мы оказались локальны, не слышимы, как индейцы в резервациях! И о нас просто забудут. Лет через двадцать никто из потомков не вспомнит ни наших имён, ни того, что мы делали!»

Интерес Юрия Павловича Иванова к профсоюзам в те годы вполне закономерен: от программирования поведения легко перейти к рабочему движению, где эти методы разыгрывались как драма на театральных подмостках. Не случайно излюбленным «персонажем» Юрия Павловича стал профсоюзный лидер Джон Льюис, известный своим артистизмом. Так в научной диссертации появился вдруг экспрессивный по тональности

пассаж (действующие лица – Льюис и конформист Хилмен): «Льюису оставалось только одно – настаивать на своём отказе от поста председателя. Превознеся Цезаря, Хилмен убил его».

Научные и артистические способности Юрия Павловича использовались в разрешении политических противоречий (ОАР 1963 года) или при изучении космических проектов («Синяя книга» в середине 60-х). Но ему даже нравится оставаться в тени, когда ничто не мешает исследованиям, поиску ключевой точки. Очевидно, он задавался вопросом: если любое организованное движение подвергается влиянию извне, то возможен ли обратный процесс с последующей «перемодификацией» общества? Идея практически «донкихотская», но для человека с принципами и убеждениями своей эпохи понятная. Он не только писал диссертацию о рабочем движении, но и «активно работал с представителями рабочего движения и научного мира США», как сказано в его характеристике. Оппонент Кузьмин указывал «на способность автора правильно решать сложнейшие вопросы рабочего и профсоюзного движения в США». Именно так – не «правильно разбираться в сложнейших вопросах», а – «правильно решать», то есть – быть практиком на месте. Он и был практиком, потому что жил и работал внутри. Эти слова из характеристики оппонента не выглядят удивительными, разве что – опрометчиво прозрачными.

Алексей Николаевич Кузьмин, оппонент доцента Иванова и талантливый специалист по США, Африке и Азии, рано ушёл из жизни – в 45 лет. Почему? Кто знает. Есть версия – надорвался: помимо работы над докторской диссертацией по США, он блестяще читал в Педагогическом институте лекции по Китайским династиям и народам Африки, владел английским, немецким, китайским языками и многими африканскими диалектами. При этом без отрыва от основной работы его отправили в Министерство образования экспертом: талантливые универсалы очень ценились. Диссертацию он писал ночами, приготовился к защите. И в тот же месяц вышла резолюция сверху – сократить размеры диссертационных работ до определенного количества страниц. Он начал «резать по живому» и не выдержал – умер. Кузьмин тоже был профессиональным перфекционистом. Юрий Павлович его очень ценил.

«Кузьмин сделал паузу, проверяя мою реакцию. “Ваши ирландцы” – так он выразился. Почему “мои”? Не скажу, что мне это понравилось. Что я, в сущности, знаю о нём? кто он?

– Федеральный суд опирался на ирландцев, получивших работу в главных государственных ведомствах. Несколько судей были ирландцами, полмиллиона ирландцев стали чиновниками.

Очень дальновидно, вы не находите? И то же самое касается других меньшинств из Европы, которых европейские катаклизмы XX века забросили на север США. Это не какие-то стихийные, как вы говорите, диаспоры с националистическими лозунгами, а потенциал, разгильдяйски утраченный перманентно воюющей Европой и халявно приобретённый США.

Меня насмешила его манера мешать разноплановые словечки – “разгильдяйски”, “перманентно”, “халявно”. Я внимательно слушал и разглядывал его. Совсем ещё молодой, невысокого роста, с простоватым лицом и глухим голосом. Очень умён.

Возразить нечего. По сути, он прав. Что-то я, очевидно, упустил.

Он мягко улыбнулся одними губами и спросил:

– А зачем вы написали, что “исключительно правильной является характеристика Ленина либеральной буржуазии и проводимых ею реформ”?

– А она была неправильной?

– Нет необходимости давать такие оценки высказываниям Ленина.

– Каюсь, – сказал я. – Не губите.

– Вас погублю не я, – ответил Кузьмин серьёзно.

– А кто же?

– Ваша самонадеянность».

* * *

Прилагая много усилий и многого в жизни добиваясь, человек порой требует многого от других. Так случилось и с доцентом Ивановым. Он был не только выдающимся исследователем, но и перфекционистом в своей профессии, поэтому оценки просто так не ставил, а иногда шёл на принцип. Возникали скандальные ситуации: ему не могли (или не хотели) сдать экзамен по истории. В конце 1970-х годов из-за несдачи его экзамена можно было вылететь из вуза, что и случалось. Известен случай с популярной кинозвездой советского экрана, которая вынуждена была поменять вуз из-за Юрия Павловича. Кстати, перейдя в другой вуз, она вновь не смогла сдать историю и, выпускаясь, получила лишь справку о высшем образовании. Диплом незадачливой звезде удалось получить лишь через год.

Но такое серьёзное отношение к своей профессии наказуемо, и ему отомстили: из-за скабрёзных слухов, распространённых мстительными студентами, доцент Иванов вынужден был оставить престижную должность заведующего кафедрой истории

и подать заявление об уходе. Мстители позаботились о том, чтобы слухи поползли за ним и дальше – куда бы он ни устроился. В администрацию нового института звонили анонимы: «Вы знаете, кого принимаете на работу?» На другом конце телефонного провода решили иначе: «Спасибо, но мы сами разберемся».

В новом институте его любили. Надо было знать Юрия Павловича и его характер. Тут не в чем было разбираться – этот человек всегда был «застёгнут на все пуговицы», он обладал выдержкой, интеллектом и волей. Это был профессионально безупречный человек. Кстати, в том самом заведении, откуда его выжили, он по собственной инициативе осуществлял программу творческого обмена между студентами театральных вузов СССР и Венгрии: преподаватели и студенты несколько раз ездили стажироваться в Венгерский театральный институт. При этом он использовал свои собственные интернациональные знакомства – ещё со времён войны и освобождения Будапешта.

В начале 1980-х годов, лишившись работы, он был внутренне сломлен, но смог вновь преодолеть себя и работать в новом вузе. Однако когда-нибудь его профессиональный перфекционизм, его просветительское упрямство должны были вновь сыграть с ним злую шутку. Это случилось в конце мая 1998 года. Очевидно, конфликт зрел давно. Юрий Павлович тогда вновь преподавал в театральном училище. Ради этого он соглашался на любую работу, даже возить автобусные экскурсии по Москве для студентов из бывших союзных республик, принятых в вуз по интернациональной программе. Москву он знал как свои пять пальцев, экскурсии проводил интересно, но всё это было не то. С большей охотой он ходил на просмотры дипломных спектаклей вуза, участвовал в репетициях. За это ему никто не платил, он просто делал то, что ему нравилось. Порой по собственной инициативе водил студентов в театр или давал советы актёрам-дипломникам: «В работе актёра должна быть зона молчания, проживания…» Историю театра и актёрские школы Юрий Павлович знал превосходно.

* * *

28 мая 1998 года доцент Иванов вдруг подаёт заявление: «Прошу уволить меня с занимаемой должности по собственному желанию с 1 июня 1998 года». И в тот же день получает в углу заявления мгновенную резолюцию ректора Афонина: «Согласен». И с той и с другой стороны это выглядит как истерика – дуэль

амбиций.

Фактически человек, который любил свою работу больше жизни, в один день обрубил себе все концы. К тому же никакой здравомыслящий человек (а более здравомыслящего человека, чем всегда холодноватый и замкнутый Юрий Павлович, трудно даже представить) не станет увольняться с 1 июня, ведь преподавателю летом полагается оплачиваемый отпуск. Значит, должно было произойти что-то экстраординарное, чтобы одним росчерком пера лишить себя будущего именно 28 мая – перед отпуском.

Так случилось, что именно в это время, 29 мая, лучшая подруга Юрия Павловича, актриса и педагог Татьяна Алексеевна уезжала на гастроли за границу, причём надолго – на две с половиной недели. Последнее, что ей запомнилось – и запомнилось как нечто весьма необычное: этот всегда выдержанный человек, мечущийся по собственной квартире со словами: «Что же мне делать? Как же я буду без этого жить – без института, без лекций? Ведь я без этого не смогу!»

Вернувшись 16 июня и пройдя таможенный контроль, она по привычке искала своего Юру в толпе встречающих и не нашла. Её встречали знакомые актёры и прятали глаза, переводя разговор на другую тему, а она всё спрашивала: «Где Юра? Почему его нет?»

Двумя днями раньше, 14 июня 1998 года, Юрия Павловича обнаружили мёртвым в его квартире при весьма подозрительных обстоятельствах. Днём смерти называлось 9—10 июня. Точнее сказать было невозможно: накануне знаменитого урагана 1998 года стояла удушливая, влажная жара. Его тело было найдено полностью одетым в пустой ванне с полотенцем на шее и разбитой головой. Входная дверь закрыта, но не заперта.

В фойе училища появляется объявление: «Ректорат училища с прискорбием извещает о трагической гибели Заслуженного работника культуры РФ, доцента кафедры философии и культурологии, кандидата исторических наук, Ветерана Великой Отечественной войны, замечательного педагога и человека Иванова Юрия Павловича».

Убийство?!

Именно так и решили все, кто его знал. Вернувшаяся из Австрии Татьяна Алексеевна была растеряна и подавлена. Она с трудом понимала, что вокруг происходит, похороны видела – будто в тумане. «Кто убил? Мне говорили, что вроде бы сезонный рабочий у него делал ремонт водопровода, возник конфликт». Какой сезонный рабочий? Какой конфликт? Это нелепо.

Бывший студент доцента Иванова, 40-летний актёр, настроен

иначе: «Так ведь Юрий Павлович был известен своей принципиальностью! Его убили из мести!» – «Кто?» – «Студенты конечно!»

«Какие студенты? Откуда они взялись? Мы же у него учились – и ты, и я. Кто его убил? Ты? Я? Твои друзья по курсу?»

«Да нет! Мы все его уважали. Какие-то другие студенты».

Дальше он рассказывает, как Юрий Павлович по своей инициативе водил его и других студентов в Большой театр на премьеру балета «Анюта» и объяснял то, что было непонятно. Студенты задавали много вопросов, когда видели незнакомые пируэты, а Юрий Павлович был в этом деле настоящий профи. Он, историк по образованию, всё про балет знал – и про «па-де-де», и про фуэте. И почему-то никого это не удивляло. В Юрии Павловиче всё сочеталось, всё было гармонично. В нём были спокойствие, ясность ума и какая-то бестрепетная, немного усталая терпимость. А еще у него была прекрасная память.

«Так откуда эти мстительные студенты взялись? С Марса что ли?»

«Ну, я не знаю… – отвечает он. – Но Палыча точно убили из мести».

«Конечно убили! – вторили коллеги доцента Иванова. – Нас же вызывали на Пироговку – в судебный морг. И племянник его Саша рассказывал, что у него была разбита голова. То, что в газете написано, всё неправда. Полотенцем его не душили, а по голове могли ударить».

Газета «Московский комсомолец» 1990-х годов. Тогда её читали по дороге на дачу, чтобы не заснуть в электричке. Весь «подвал» первой страницы занимали маньяки, каннибалы или сумасшедшие. Там, в «подвале» газеты за 15 июня, появилась статья «Театрального педагога нашли мёртвым после встречи со студентами». Статья была написана бойко, «кучеряво» – в полном соответствии с профессией репортёра тех лет, посланного «пойти туда – не знаю куда, и принести то – не знаю что» – с полным отсутствием логики и смысла. Об этом свидетельствовали и название статьи, и её финал: «По словам соседей, довольно часто к нему заглядывали молодые люди, в основном его студенты. Так что конфликт поколений мог вполне перерасти в ссору с печальным финалом».

«Часто заглядывали», «мог вполне» – из категории допущений, но не фактов. Юрий Павлович в начале июня 1998 года был один, без работы и без друзей, оставленный всеми на произвол судьбы. Никаких студентов не было, и взяться им было неоткуда. Автор статьи не проверил факты, не попытался побеседовать с кем-то из знакомых. Он ориентировался на

сплетни и домыслы. К педагогу иногда ходили студенты. А к кому из педагогов они не ходят? Все нормальные педагоги встречаются с бывшими студентами. Но для обывателя уже одно это может стать причиной убийства. Педагог (то есть социальная единица общества), вместо того, чтобы отдавать время своей семье-ячейке, ремонтировать машину с прицепом для поездки на дачу и кушать картошку с селедкой, якшается в свободное время со студентами – посторонними молодыми людьми, которые почему-то приходят к нему в гости. Со студентами надо общаться только там, где работаешь, и там, где тебе за это платят деньги, то есть в специально отведённых местах. А ведь были времена, когда считали иначе. Когда учителя приходили к ученикам домой и наоборот. Однако в день смерти Юрия Павловича студенты к нему не приходили. Во всяком случае, никаких свидетельств этого не существует. Зато существует газетная заметка: «Мёртвый педагог лежал в ванной, его шея была обмотана полотенцем. Также оперативники нашли початую бутылку джина. Ничто не указывало на присутствие воров или убийц, но, по слухам, куда-то пропал необычный портрет-аппликация Клима Ворошилова. Точный ответ, умер ли педагог от естественных причин или же его задушили полотенцем, даст экспертиза».

Экспертиза ничего не дала. Или дала? Этого никто не знает, потому что дело закрыли и опечатали. На него наложили вето. А тот случайный корреспондент забыл о своей публикации в «МК» ровно через 5 минут после того, как её написал.

Племянник Юрия Павловича, Александр Кузьмин, тщетно пытался добиться хоть каких-то известий, он ходил в милицию и пытался узнать, как продвигается дело. Всем, кто спрашивал, отвечал: «Я там был. Никто не задушил Юрия Павловича, там были брызги крови, но результатов расследования нет».

Через десять лет Александр Кузьмин умер, так ничего и не добившись. Говорили, что он сильно болел. У Юрия Павловича своей семьи не было. Были только двоюродные братья, сестры, племянники. Что же случилось в тот день и где портрет? Возможно, портрет вовсе не связан со смертью доцента. Да и кому понадобилось его похищать, если всё остальное нетронуто.

«Портрет Ворошилова пропал? – спросила Татьяна Алексеевна. – Как странно, что вы об этом сказали. Да, я помню эту картину у него на стене. Она справа висела. В статье написано, что аппликация? Этого я не заметила. Помню, что странного цвета – какого-то чёрного или синего. Я ещё спросила Юру, зачем ему этот портрет, а он что-то невнятное ответил. Я даже помню, какого она была размера», – она показала руками.

Пространственная память у актрисы отменная, как, впрочем,

и детальная. Вспоминается картина петербургского художника Виктора Авилова «Портрет Ворошилова», писанная на Южном фронте. На ней командарм в ярко-синей будёновке. Этот портрет находится ныне в Русском музее Петербурга, и дата его регистрации – 1997 год: за год до смерти Юрия Павловича. На картине стоит дата – 19 июля 1923 года. Это за восемь с половиной месяцев до рождения Юрия Павловича. Его родители были тогда на Туркестанском фронте.

Есть самая простая версия давних событий. Юрий Павлович ушёл с работы, точнее – порвал с ней в состоянии аффекта. Возможно, потом пожалел об этом. Существовала статья трудового законодательства: он мог отказаться от своего заявления об уходе в течение двух недель и оспорить его. Но, возможно, он об этом не знал. Единственный близкий человек, подруга уехала за границу. И он покупает бутылку джина – элитный напиток, не дешёвый. Но мало кто знает: джин обладает седативным и возбуждающим действием одновременно, он может вызвать инсульт. Почувствовав приближение инсульта, он отпер входную дверь, а потом должен был открыть в ванне горячую воду, опустить в неё ноги, а голову обвернуть холодным и мокрым полотенцем, тем самым, которое оказалось у него на шее. Но, ступив в ванну, он потерял равновесие и ударился головой.

Вторая версия – убийство. Здесь возможно всё: от сезонного рабочего до теории заговора. Но едва ли в этом можно разобраться: время ушло. Доцент Иванов любил во время лекций рассказывать о таинственных событиях, но самой большой тайной стала его собственная жизнь.

Роковые семьи и большая политика

Планида клана Кеннеди

Одним из правящих кланов, оказавшихся под прицелом большой политики, стало семейство Кеннеди. Родоначальником клана был Джозеф Патрик Кеннеди старший – удачливый биржевой спекулянт, возглавивший банк и ставший к 35 годам мультимиллионером. В 1934 году Джо Кеннеди стал первым председателем Комиссии по ценным бумагам и биржам. Он дружил с Рузвельтом ещё до его президентской карьеры, вкладывал деньги в реформацию Голливуда, продавал недвижимость и воспользовался отменой сухого закона, развернув производство джина и шотландского виски. Своим сыновьям он привил стремление во всём быть первыми. Но на политической арене Джозеф Патрик не снискал популярности: его дипломатическая карьера не задалась из-за того, что он был опрометчиво назначен послом в Англию, будучи при этом правоверным ирландцем и католиком.

Брак Джозефа Патрика с дочерью бостонского губернатора Розой Фицджеральд считался голым расчётом, но Кеннеди прожил с женой всю свою жизнь и в последние годы угрюмо сидел на инвалидной коляске, пока не умер естественной смертью в возрасте 81 года. Роза пережила его на 26 лет и умерла в 104 года.

Их старший сын Джозеф-Патрик младший стал военным лётчиком и погиб в 1944 году в небе над британской территорией. Ему было только 29 лет. С этой безвременной кончины и началось действие рока.

Второй, самый знаменитый сын Джон Фицджеральд стал президентом США и был убит в 1963 году во время визита в Даллас. Ему было 46 лет.

По мнению конспиролога Джона Коулмана, за убийством президента Джона Кеннеди стояла британская разведка Ми-6, которой помогали ЦРУ и ФБР: «…Президента полностью лишили охраны и оставили безо всякого прикрытия, абсолютно беззащитным. Полиция Далласа и Секретная служба отозвали свою охрану»[12].

Сестра Джона, Роуз Мери, считалась отстающей в развитии, поскольку её мать беспрерывно рожала своему вечно отсутствующему мужу-предпринимателю новых потомков и не могла уделять внимания девочке. Роуз росла в интернате и отличалась тяжелым характером. В 23 года она была подвергнута по настоянию отца непроверенному новаторскому эксперименту – префронтальной лоботомии, из-за чего превратилась в

нетрудоспособного инвалида. «Первой во всём», как того требовал девиз её отца, она стать уже не могла, и, очевидно, поэтому прожила на свете целых 86 лет, из которых 56 лет – более полувека – находилась в закрытой клинике.

Другой дочери главы клана Кеннеди, Кэтлин, или Кик, как её называли дома, с устройством жизни повезло, на первый взгляд, чуть больше. Она пошла против воли матери-католички и в 1944 году, в возрасте 24 лет, вышла замуж за лорда Уильяма Кавэндиша, сына графа Девоншира. Красавица Кик переехала в Лондон и стала называться леди Хартингтон, но счастье длилось недолго – всего 4 месяца. Потом лорд Уильям погиб во время налёта немецкой авиации. Кик не пала духом и продолжала жить в Англии. Через год у неё появился возлюбленный Питер Вентворт-Фицвильям.

Убийство Роберта Кеннеди произошло 6 июня 1968 г., после победы на предварительных выборах

Они решили пожениться, и Кэтлин уже собиралась познакомить его со своей семьёй, т. е. кланом Кеннеди. Лучше бы она этого не делала, потому что самолёт, на котором они вылетели, потерпел аварию, и влюблённая пара разбилась над территорией Франции. Все вновь заговорили о всемогущем роке: Кэтлин была уже вторым членом клана, разбившимся на самолёте, да к тому же погибла из-за решения встретиться с семьёй.

В политической жизни Америки Роберт Кеннеди почти не

отставал от своего старшего брата Джона, на которого был внешне очень похож. Он вместе с братом вошёл в Белый дом, стал министром юстиции, а через пять лет после гибели Джона баллотировался в президенты, хотя и против своей воли. Было у Роберта дурное предчувствие, да и противники окружали со всех сторон. Предчувствие не обмануло Роберта: он тоже был застрелен в результате политического покушения в возрасте 42 лет. Убийство произошло 6 июня 1968 года, после победы Роберта на предварительных выборах и выступления в отеле «Амбассадор». В буфете отеля к сенатору Кеннеди подошёл палестинский террорист Серхан Бишары Серхан и выстрелил в него. Официальная версия вновь сводилась к неуравновешенному убийце-одиночке. Она оказалась «зеркальной» по отношению к версии убийства его брата: в тот раз утверждалось, что Освальд стрелял в затылок, в то время как Джон был убит спереди другой пулей; здесь Серхан выстрелил спереди, но Роберт был убит выстрелом сзади. Заказчиков убийства не нашли, да, впрочем, и не искали. Сейчас террорист отбывает пожизненное заключение в тюрьме штата Плезент-Вэлли в Коалинге.

У Роберта Кеннеди было 11 детей, из которых один разбился, катаясь на лыжах, а другой умер от передозировки кокаина.

Про сестру Джона и Роберта, Юнис Кеннеди, её отец однажды сказал, что она стала бы президентом, если бы родилась мужчиной. К счастью для неё, она не стала президентом и поэтому осталась жива. Всю свою жизнь Юнис посвятила благотворительности и работе с психически неполноценными людьми, поэтому злой рок семейства Кеннеди был к ней милостив и даже позволил завести пятерых детей.

Относительно повезло и её сестре Патрисии, умершей от пневмонии в преклонном возрасте 82 лет и ставшей матерью актёра и писателя Лоуфорда.

Ещё одна сестра Кеннеди Джин жива до сих пор.

Из этого можно сделать вывод, что судьба тотально преследует преимущественно мужскую часть клана, к большей части женщин она относится снисходительно.

Злой рок фамилии Ганди

Иначе обстояло дело с другим политически активным феноменом – государственными деятелями по фамилии Ганди. Здесь судьба не щадила ни мужчин, ни женщин, решивших возглавить страну. Причём в этом случае говорить о семье в полном смысле слова не приходится: не все Ганди были родственниками, а некоторые родственники по крови носили иную фамилию и остались живы. Так что лучше будет сказать, что роковой смысл заключался именно в фамилии.

Ганди, ставшие жертвами убийц – Мохандас, Индира и Раджив

Мохандас Ганди (или Махатма) был не только индийским политическим и общественным деятелем, одним из руководителей и идеологов движения за независимость Индии от Великобритании. Он был в первую очередь Учителем с большой буквы, пророком, за которым по доброй воле шёл народ. Своим Учителем Ганди считал Льва Толстого с его доктриной ненасилия и даже посещал Толстого в Ясной Поляне незадолго до его смерти. В борьбе с британцами Ганди тоже прибегал к ненасильственному сопротивлению. Байкотируя английские товары, индусы штабелями ложились на дороге у конной жандармерии, и лошади отказывались ступать по их телам. Также Ганди выступал за кастовое равенство: в его коммуне все занимались чёрной работой по очереди, тогда как в Индии некоторые виды работ выполняла только каста неприкасаемых. «У нас нет неприкасаемых, – говорил Ганди. – У нас все равны». У воспитателей всей нации часто бывают проблемы с собственными детьми. Старший сын Махатмы спился и вёл беспутную жизнь, поэтому отец отказался от него.

В 1947 году Ганди прибег к голодовке из-за индо-пактистанского конфликта, когда Индия была разделена на индуистов и мусульман. И те, и другие уважали философа, и конфликт был погашен усилием одного человека. Но бороться с агрессивностью разных группировок Махатме становилось всё сложнее.

Философия ненасилия (сатьяграха), которую проповедовал Махатма Ганди, оказала огромное влияние на движение сторонников мирных перемен и сделала Индию независимым государством, однако самого Махатму она не уберегла. Он пал жертвой насилия в результате заговора, организованного бомбейским миллионером и писателем Винайяком Саваркаром. Причиной покушения стало то, что Махатма Ганди поддерживал и проводил политику разделения Индии, дабы избежать кровопролития, он поддержал и выплату Пакистану денег. Саваркар и его сторонники считали это национальным предательством и непатриотичным поведением.

Решив уничтожить Ганди, Саваркар создал в октябре 1947 года террористическую группу брахманов. Организатором покушения считался Нараян Апте. Исполнителями были Натхурам Годзе, шеф-редактор правой газеты «Хинду раштра», и его помощники Нараян Апте и Вишну Каркаре.

30 января 1948 года Ганди весь день работал над конституцией. Вечером он отправился молиться в сопровождении племянницы, и его приветствовала толпа. Приверженцы бросились к нему и упали на колени, пытаясь дотронуться до ног Махатмы. Пользуясь суматохой, Годзе тоже приблизился к Ганди и трижды выстрелил из пистолета. Третья пуля застряла в лёгком в области сердца. Махатма успел прошептать: «О, Рама! О, Рама!» и отправил убийце жест прощения. В пять часов и семнадцать минут вечера он скончался.

Индира Ганди никакого отношения к Махатме Ганди не имела. Она была Индирой Неру, дочерью первого премьер-министра Индии Джавахарлала Неру, который умер своей смертью – очевидно, потому, что не носил фамилию Ганди. Но в Англии, где Индира училась, она вышла замуж за Фероза Ганди и взяла его фамилию, что предопределило её судьбу. Фероз тоже не имел никакого отношения к «отцу нации»: он был его однофамильцем. Но с этого момента проклятие фамилии Ганди уже начало действовать. Впрочем, с великим Учителем Индира была знакома: он держал её двухлетнюю на руках, а когда она выросла, давал ей полезные советы.

Индира Ганди была другом Советского Союза и много сделала для добросоедских отношений двух стран. Она дважды

находилась на посту министра иностранных дел и дважды на посту премьер-министра.

В последний день октября 1984 года во дворе своего дома в Нью-Дели 67-летняя Индира Ганди была застрелена. Её убила личная охрана – воины-сикхи, мстившие за товарищей-единоверцев, погибших по вине Индиры в Амритсаре. Это было продолжение борьбы сикхов за свои права, растянувшейся на всю вторую половину XX века. Причиной смерти Индиры Ганди стал инициированный ею захват Золотого храма в Амритсаре – пристанища сикхских террористов. Штурм храма произошёл 5 июня 1984 года – в день праздника, когда в храме собралось много народу. Храм брали пехотой и танками. Он был разрушен, несколько сотен сикхов погибли. Ей этого не простили. 31 октября Индира Ганди собиралась встретиться с британскими кинематографистами во главе с актёром Питером Устиновым, но не успела дойти до съемочной группы: начальник охраны выстрелил первым, за ним прозвучало ещё 20 выстрелов. В это время во двор вышла Соня, жена сына Индиры Ганди, Раджива. Она первая увидела тело свекрови, которую полюбила как родную мать.

Трагическая участь постигла и обоих сыновей Индиры. Её преемником на посту премьер-министра считался Санджай Ганди. Его многие не любили. Он арестовал лидеров оппозиции, проводил политику ограничения рождаемости и уничтожил трущобы в Дели, из-за чего беднякам стало негде жить. В 1980 году Санджай погиб на спортивном самолёте во время тренировки. Все понимали, что его устранили насильственно, однако мать запретила расследовать дело, объявив это несчастным случаем.

Её новым преемником стал сын Раджив, тоже лётчик. 21 мая 1991 года Раджив Ганди в ходе предвыборной кампании приехал в штат Тамилнад. Место было неспокойное, и охрана предложила оцепить место выступления, но премьер отказался. После выступления к нему пробралась девушка с гирляндой цветов сандалового дерева. Раджив Ганди был красивым мужчиной, он многим нравился, поэтому приветливо улыбнулся незнакомке и протянул к ней руку. В это время смертница привела в действие взрывное устройство. Ответственность за убийство взяла на себя организация «Тигры освобождения Тамил-Илама».

Между гибелью матери и гибелью сына прошло пять лет, но, когда судьба настигла Раджива, большинству знавших его людей сразу вспомнилась одна картина: Раджив Ганди на похоронах матери. По индийской традиции её тело, обложенное ветвями, сжигали прямо на площади. Он стоял в глубокой задумчивости,

сложив на груди руки, и смотрел на огонь. Всполохи отбрасывали блики на его лицо, и читались все его мысли: он видел в тот момент свою собственную смерть и понимал, что ему тоже осталось недолго.

После гибели Раджива его вдова Соня, урождённая Майно, итальянка по национальности, вопреки уговорам наотрез отказалась принять участие в политической жизни и увезла подальше детей Рахула и Приянку, чтобы их тоже не искушали этой убийственной профессией. Лишь по прошествии десятков лет она согласилась вступить в бурную реку индийской политики.

Трагедия династии Бхутто

Не менее печальной была семейная история пакистанских политиков Бхутто. Родоначальник политиков Пакистана Шахнаваз Бхутто был премьер-министром ещё в Британской Индии.

Его сын Зульфикар Али Бхутто, получивший образование в Оксфорде и Калифорнийском университете, был человеком прогрессивных взглядов, и сильно отличался от других мусульманских правителей. Он строил исламский социализм с демократическим уклоном. Зульфикар был представителем Пакистана в ООН и создал Пакистанскую народную партию (ПНП). Ему дважды довелось быть министром иностранных дел, один раз премьер-министром и один раз президентом страны. Дважды довелось и побывать под арестом. Первый арест привёл его к всенародному признанию и посту президента, второй оказался роковым и привёл к смерти. Реформы Зульфикара были непопулярны и способствовали возникновению сильной оппозиции, с которой он боролся жёсткими мерами. Поэтому летом 1977 года произошёл государственный переворот. 5 июля Зульфикар Бхутто был арестован, а вслед за ним арестована его дочь и помощница Беназир. Руководил переворотом, как это часто случается, человек из его же окружения, получавший от Бхутто высокие посты – генерал Моххамад Зия-уль-Хак, «Брут» пакистанского заговора. Предлогом для расправы над свергнутым премьер-министром стало обвинение в политическом убийстве 1974 года. Факты были подтасованы, свидетели запуганы, и вообще это обвинение выглядело жалко. Но, несмотря на попытки лидеров многих стран (включая Джимми Картера и Леонида Брежнева) спасти Зульфикара, 4 апреля 1979 года он был тайно повешен в тюрьме Равалпинди и похоронен без участия семьи. Это привело к возмущению граждан и массовым протестам.

Его дочь Беназир, которая до этого окончила Оксфорд и Гарвард с отличием, содержалась под арестом несколько лет в ужасных условиях. Это время закалило её, и она дала клятву после смерти отца, что продолжит его дело. Но до этого ей пришлось пережить изгнание, но когда она вернулась на родину, у трапа самолёта её встречали 3 миллиона человек.

После смерти Зульфикара его партию возглавила вдова – Нусрат Бхутто, но на право быть преемником отца претендовали сразу три члена клана Бхутто – его сыновья Муртаза и Шахнаваз и дочь Беназир. В 1985 году Шахнаваз был убит во Франции, и обстоятельства его смерти были загадочны. По одной версии, его

убили пакистанские спецслужбы, по другой – его устранила собственная сестра Беназир.

Беназир Бхутто погибла в Равалпинди – том же самом городе, где повесили её отца

Зия-уль-Хак, сыгравший мрачную роль в истории этой семьи, погиб в авиакатастрофе, и это тоже посчитали убийством, организованным вдовой Зульфикара Нусрат и его сыном Муртазой.

Став первой в истории женщиной премьер-министром в мусульманской стране, Беназир Бхутто возглавляла правительство с 1988 по 1990 и с 1993 по 1996 год. Была она и министром обороны Пакистана. На неё много раз покушались.

Не миновала печальная участь и Муртазу Бхутто. Он был убит в 1995 году в Карачи в перестрелке с полицией, и его сестра Беназир обвинила в этом убийстве политических оппонентов. Оппоненты, в свою очередь, приписывали это убийство мужу Беназир – Асифу Али Зардари.

Она вышла за Асифа в 1987 году без особой любви, просто потому, что он был её соратником. В кабинете Беназир Асиф возглавил министерство финансов. Этот человек нередко компрометировал её: при Асифе Зардари выросла коррупция, сам он получил прозвище «10 процентов» – по величине взяток, которые получал. Обвинения в адрес Асифа Али Зардари выдвигали правоохранительные органы не только Пакистана, но и ещё Великобритании и Швейцарии. Когда разгарались скандалы, Беназир уезжала из страны.

У неё не было времени на личную жизнь. Быть беременным премьер-министром и рожать одновременно с заседаниями

правительства – дело странное и несколько неприличное, поэтому свою дочь Беназир родила тайком, сбежав от охраны под покровом ночи. Она вышла на работу сразу после операции кесарева сечения и продолжала управлять страной как ни в чём не бывало. Эту женщину можно было бы включить в Книгу рекордов Гиннесса не один раз.

К покушениям Беназир привыкла, поэтому, подобно своему политическому другу и единомышленнику Радживу Ганди, утратила бдительность. По роковому стечению обстоятельств она погибла в Равалпинди – том же самом городе, где повесили её отца. 27 декабря 2007 года она выступила перед своими сторонниками и, собравшись уезжать, села в бронированный джип. Тут ей захотелось попрощаться с толпой, она открыла люк в крыше автомобиля и поднялась помахать рукой. В это время террорист открыл стрельбу по джипу, а ещё один смертник взорвал заряд. Вместе с Беназир погибли 26 человек, 90 были ранены.

После гибели 54-летней Беназир президентом Пакистана стал её муж Асиф Зардари и оставался на этом посту до 2013 года, несмотря на то, что его обвиняли в коррупции, торговле наркотиками, связями с США и проблемами с психикой. Да и вообще Асиф Зардари производил впечатление человека ординарного. Но ему повезло, что его фамилия была не Бхутто.

Массовые преступления

XX век получил известность как век коллективный, массовый. К его концу и многие преступления стали носить массовый характер. Массовые преступления также различаются в заивисимости от своих целей и особенностей. Ф.М. Достоевский считал, что никакого утопического социализма никогда не будет, потому что мошенники и маньяки будут существовать всегда, такова их природа, с ней они рождаются на свет. На эту тему можно много спорить, выясняя, что важнее в формировании человека – божья воля, генетика или домашнее воспитание, однако суть остаётся одна, и она – по Достоевскому: на свет появляются всё новые и новые Белль Гиннес и Чикатило, тщеславные негодяи и просто сумасшедшие.

Дело Флорентийского монстра

Флоренция – красивый город с большой культурной историей. Здесь жили Леонардо да Винчи, Рафаэль, Боккаччо. В начале XX века он был центром философов, художников и поэтов. Здесь начинал свою творческую деятельность Пиранделло. Возможно, Флорентийский монстр тоже считал себя творческой личностью, но, не имея иных талантов, творил зло.

Он появился в сентябре 1974 года в сельской местности, неподалеку от Флоренции. Нападал на влюблённые парочки, будто завидовал или осуждал. Парня застрелил, а девушке, уже после смерти, были нанесены ножевые ранения в нижнюю область живота, что указывало на мотив: ревность? зависть? Полицейские искали заинтересованного человека – родственника, знакомого или соседа. Не нашли. Италия не США, там вместо серийных убийц были политические заговорщики и мафия.

Паоло Майнарди и Антонелла Марьорини стали жертвами Флорентийского монстра в 1982 г.

Второй раз монстр напомнил о себе в окрестностях итальянской Флоренции в июне 1981 года. В начале лета неподалёку от деревушки в предгорье Апеннин были обнаружены его первые жертвы – 30-летний Джованни Фоджи и 21-летняя Кармела ди Нуччи. Местные жители вызвали полицию, успев перед этим основательно затоптать место преступления. Полицейские лишь описали представшую перед ними картину. Мужчина, по всей видимости, был застрелен сразу, чтобы не мешал. Он сидел за рулем, и в голове было отверстие от пули. Его подруга лежала на дороге раздетая с удалёнными половыми органами. Как выяснилось, они собирались уединиться после вечерней дискотеки и специально нашли пустынное место.

И тут вспомнили давний «глухарь» 1974 года и поняли, что речь идёт о серии, автор которой убийца-«моралист» или

свихнувшийся ревнивец. Кличку «Флорентийский монстр» придумала пресса.

Довольно быстро задержали некоего Энцо С., любителя вуайеризма: он выслеживал парочки. Полиция предположила, что влюблённые обнаружили его за этим занятием, и он стал агрессивным. Но Энцо молчал, ему просто не в чем было признаваться. А всего через 4 месяца после июньского убийства, 6 октября 1981 года, вновь были найдены трупы двух любовников, и опять возле Флоренции. Эти несчастные тоже провели романтический вечер – кафе, кино, а потом всё так же, как в двух предыдущих случаях. Убийца застрелил обоих, а девушке после смерти вновь покалечил органы. Баллистика помогла полиции установить оружие – пистолет 22-го калибра. Это уже был какой-то след. Вуайериста Энцо, всё это время сидевшего в камере, отпустили.

19 июня следующего года водители сообщили в полицию ещё о двух трупах на дороге. Это были Паоло Майнарди и Антонелла Марьорини. Но своё дело преступник до конца не довёл – возможно, не успел. На девушке не было характерных повреждений, а мужчина был ещё жив. Спасти его не удалось, но полицейские проявили чудеса сообразительности: они не только скрыли факт смерти потерпевшего, но и вступили в сговор с газетчиками, которые написали в утреннем номере, что потерпевший всё рассказал работникам «скорой помощи».

Через два дня шофёру «скорой помощи» позвонил неизвестный и стал спрашивать, что говорил Майнарди. Водитель поинтересовался, кто звонит, и звонивший представился – «Флорентийский монстр». Поскольку на его вопрос так и не ответили, он начал угрожать: «Вы сами прозвали меня монстром! Мне не составит никакого труда устроить в твоем доме резню. Подумай о своей семье». Он звонил ещё несколько раз с угрозами, но это ничего не дало: полиции не удалось засечь телефон.

Потом в прокуратуру стали приходить анонимные письма. В одном из них говорилось об убийстве 14-летней давности. В августе 1968 года из того же пистолета была застрелена еще одна пара. Тогда был арестован муж погибшей Барбары Лочи, который сознался и был приговорён к пожизненному заключению, несмотря на отсутствие пистолета. В полиции предположили, что после того убийства пистолет попал к кому-то из окружения семьи Лочи. Так был арестован ещё один ухажёр Барбары Лочи, уголовник Франческо Винчи. Эта версия подтверждалась и тем, что автомобиль Винчи стоял недалеко от места последнего преступления. Но на свете множество совпадений, а найденная машина была лишь косвенной уликой. Впрочем, итальянская

полиция с её рвением могла посадить в тюрьму и не виновного, тем более что рецидивист Винчи сочувствия не вызывал.

Было очевидно, что Винчи подставил Флорентийский монстр, причём сделал это очень умело – прекрасно зная обстоятельства того давнего дела. Полиции следовало бы копать в том же направлении – в окружении семьи Лочи. Если это и был кто-то другой, то очень хорошо осведомлённый, например, репортёр или полицейский, возможно, бывший. Но дальше копать не стали, потому что занялись новым «подарком» маньяка.

9 сентября 1983 года в туристическом вагончике были найдены трупы двух туристов из Германии, причём на это раз – двое парней. Пистолет был тот же, и в полиции предположили, что убийца просто обознался, приняв длинноволосого парня за девицу. Отсутствие повреждений подтверждало эту версию.

Общественность негодовала и требовала решительных действий. Во всех общественных местах висели объявления о маньяке и предупреждения об опасности уединения вдвоём. Это не помогло. Возможно, уроженцы поселка Баскетто Клаудио Стефаначчи и Пиа Рантини не умели читать, или же им плевать было на эти угрозы. Они отправились на вечернюю прогулку и не вернулись. Родственники и знакомые нашли их обоих застреленными, а у Пии помимо половых органов была удалена ещё и левая грудь.

Флоренцию охватила паника. Никто не хотел выходить вечером из дома. Тогда монстр переключился на туристов. В палатке возле Тосканы были убиты французы. После этого дело перешло к специалистам, учившимся в США. Они составили карту преступлений и список подозреваемых в аналогичных делах. Так на горизонте появился Пьетро Паччиани. Он не имел алиби, мог находиться в местах убийств и в 1951 году был осуждён на 13 лет за убийство на почве ревности: застрелил любовника невесты. Полицейские наткнулись на протокол допроса, в котором Паччиани описывал свои чувства, когда увидел невесту в объятиях случайного человека. Всё это очень напоминало действия монстра. Паччиани арестовали и почти 2 недели обыскивали его дом. Во дворе им удалось найти патрон 22-го калибра и два немецких кожаных планшета, принадлежавшие туристам из Германии.

Паччиани приговорили к пожизненному заключению и посадили в одиночную камеру. Но его родственники требовали повторной экспертизы последних жертв. При неточности экспертизы у осуждённого появлялось алиби. К тому же француз пытался убежать от маньяка, а 60-летний Паччиани, страдавший болезнью сердца, никогда бы его не догнал.

Это были убедительные доводы, и его освободили.

Вскоре полицейским удалось добыть признание приятелей Паччиани в том, что он заставлял их помогать в совершении убийств. Они же сообщили, что на убегавшего француза охотились втроём. Детали рассказа убедили всех в достоверности показаний. Но пока Марио Ванни и Джан-Карло Лотти давали показания, Паччиани умер дома от сердечного приступа, и прибывший наряд полиции застал только его труп. Из-за смерти обвиняемого вина Паччиани не была доказана. Оставалось разобраться с соучастниками. Ванни приговорили к пожизненному заключению, Лотти – к 26 годам тюрьмы.

* * *

«Финита ля комедия» – выражение итальянское. Именно оно подходит для того фарса, который то и дело разворачивался в суде. Менялись только обвиняемые. Всем им приписывалась слава флорентийского маньяка, причём появились даже выражения «подлинный Флорентийский монстр» и «истинный Флорентийский монстр». Документы, которые представило обвинение, носили совершенно абсурдный характер. И 27 сентября 2007 года это доказал адвокат очередного обвиняемого – аптекаря Каламандреи. К делу были приобщены сплетни какой-то повредившейся умом тётушки с Сардинии, сообщавшей, что Флорентийский монстр – это не один человек, а группа людей, во главе которой – наследственный маньяк, продолжающий семейную традицию и вовлёкший в свои преступления Винчи, Каламандреи, Нардуччи, Паччиани и всех его дружков для совершения ритуального культа. Вещи своих жертв они использовали как фетиш, а органы продавались эзотерику Франческо Каламандреи для пересадки и опытов.

Дело вновь развалилось, и полиция не стала возвращаться к делу о Флорентийском монстре. Тем более что после смерти Паччиани убийства прекратились.

Недавно об этой истории был написан бойкий и увлекательный роман «Флорентийский монстр». Авторы, американский писатель Дуглас Престон и итальянский журналист Марио Специ, показали расследование в комическом свете, но их выводы не были смешными:

«Мы увидели убийц без мотивов, теории без доказательств и историю без окончания. Процесс разоблачений увел следователей в такие дебри теории заговора, что я сомневаюсь, найдут ли они дорогу обратно. Без солидных вещественных доказательств и

надежных свидетелей любая гипотеза по делу Монстра будет напоминать речь Эркюля Пуаро в конце романа Агаты Кристи: прекрасную историю, которая неизменно заканчивается признанием. Однако это не роман, и признания здесь не будет. А без него Монстр никогда не будет найден.

Может быть, с самого начала было предрешено, что расследование закончится эксцентричными и тщетными поисками секты сатанистов, этого мрачного порождения Средневековья. Преступления Монстра были столь чудовищны, что их не мог бы совершить обычный человек. В конечном счете, пришлось искать сатану.

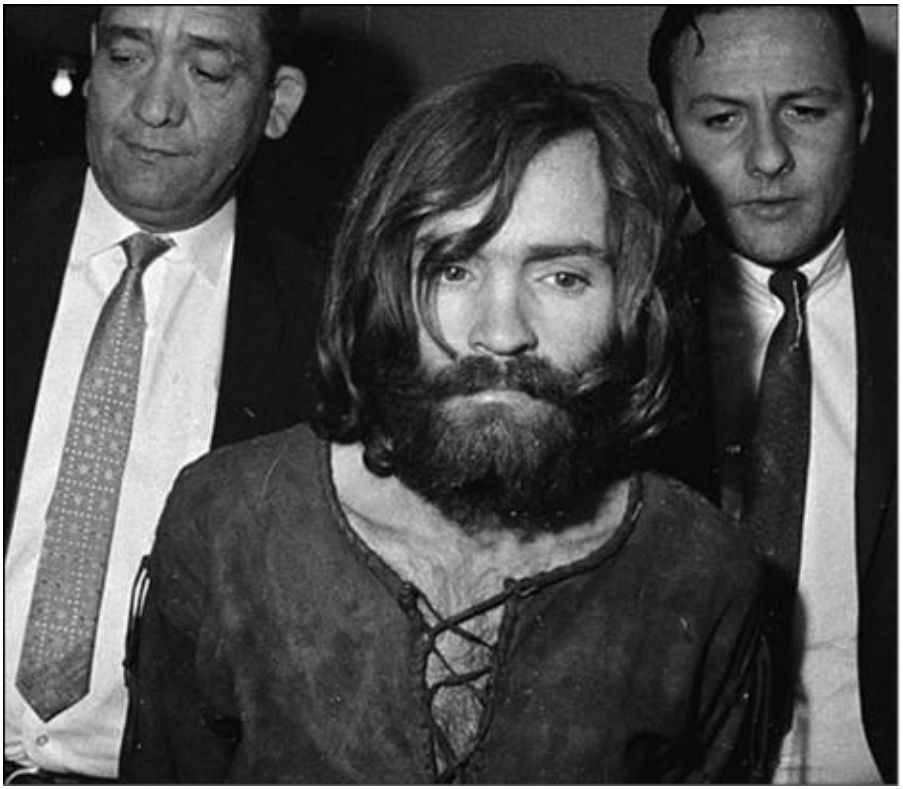
Как-никак это ведь Италия».

Происшествие в доме режиссера Полански

Имя Чарльза Мэнсона известно многим. Этот субъект, отбывающий пожизненное заключение, воспринимается сегодня как сатана, нелюдь. Возможно, таким он и хотел запомниться. Но человеком он был заурядным и никогда не обрёл бы мировой известности, если бы не трагическое происшествие в доме Романа Полански. Полански уже был режиссером с мировым именем, а его жена Шэрон Тейт – голливудской звездой. При этом общественность как-то забывала, что Мэнсон и до массовой резни в доме режиссера и после неё руководил ограблениями домов и убийствами людей, только люди ему попадались не столь известные.

В юности этот тип с немытыми волосами и неуравновешенной психикой хотел стать рок-музыкантом и даже пел под гитару. Но таланта у него не было, да и трудолюбия тоже. И тогда он задумал иное – создать коммуну или секту отщепенцев по примеру панковского движения, жить отдельно от людей, ни в чём себе не отказывать, а средства для существования искать у богачей, которым сам Бог велел делиться. Себе он отвёл роль «отца» этой семьи. Его даже заинтересовала сайентология, у которой он собирался поучиться, как воздействовать на людей.

В 1967 году Чарли познакомился с Мери Брэннер, и она стала первым членом секты «Семья». Чарли и Мери путешествовали по Калифорнии, привлекая все большее число сторонников. Они называли себя «семьёй», потому что состояли в супружеских отношениях и любили друг друга как братья и сестры, а в Мэнсоне видели отца и учителя. Членами секты становились социальные изгои, каждый из которых получал новое имя и новую жизнь. Наркотики и групповой секс приветствовались, как и правонарушения. Жили они на заброшенном ранчо, питались тем, что находили или крали.



Мэнсон до и после резни в доме Полански руководил ограблениями домов и убийствами людей

Однажды Мэнсон внимательно прослушал «Белый альбом» Биттлз и объявил, что начинается война между чёрной и белой расой под названием «Хелтер Скелтер». Только путём такой войны он, Мэнсон, мог обрести власть над миром, а его сторонники – полную свободу и деньги.

8 августа 1969 года он намеревался устроить погром в доме музыкального продюсера, который отказался продвигать его музыку. По мнению Мэнсона, пора было перейти к убийствам, а не пробавляться мелочёвкой, как раньше. Но, когда члены секты явились в дом продюсера, оказалось, что он там больше не живёт: дом был продан супругам Полански.

Сам режиссер в это время находился в Англии, где готовился к съемкам новой картины, а его беременная жена время от времени навещала его. Шэрон Тейт собиралась рожать, ей оставалось ждать неделю. Был вечер пятницы, 8 августа 1969 года. У Шэрон в доме оставались гости – её давний поклонник и друг семьи Джей Себринг, а также Войтек Фриковски и Эбигейл Фолгер, которых Полански просил побыть с его женой до его приезда. Он собирался вернуться 17 августа. Ещё днём Шэрон

звонили сестры, предлагали помощь, хотели даже временно поселиться у неё, но актриса сказала, что справится сама, и тем самым невольно спасла им жизнь. Ужинали в ресторане, в половине 11 вечера вернулись домой.

В 11 вечера в сад через забор проникли члены банды Мэнсона. Одна из девиц Мэнсона Сьюзан Аткинс увидела огни подъезжавшего автомобиля. Тэкс остановил автомобиль и застрелил парня за рулём. Убитый был племянником смотрителя дома, в этом месте он оказался случайно. Уотсон поручил Линде Касабиан сторожить снаружи. Тэкс, Сьюзан и Патрисия вошли в дом. На диване в гостиной лежал мужчина – Фриковски. Он даже не понял, что перед ним бандиты, помахал рукой и спросил: «Который час?» А затем поинтересовался: «Кто вы?». «Я дьявол, – ответил Уотсон, – и буду делать дьявольские дела». Сьюзен обнаружила в спальне читавшую книгу Эбигейл Фолгер. Эбигейл улыбнулась и помахала рукой. В следующей спальне она увидела Шэрон на кровати и сидящего рядом Себринга. Они разговаривали и не слышали, как она вошла. Потом Сьюзан связала Фриковски и привела остальных, угрожая ножом. Захваченные врасплох люди находились в таком шоке, что даже не оказали сопротивления. Себринг первый пришёл в себя и заступился за беременную Шэрон, призвав бандитов к сочувствию. Его тут же застрелили. Тэкс потребовал деньги. Но у пленниц оказалось лишь 72 доллара. «Вы все умрёте», – сказал Уотсон. Фриковски попытался бежать, но был настигнут и убит на крыльце. Эбигейл попыталась справиться с Патрисией Кренвинкл, но подоспел Тэкс и ударил её ножом. Шэрон нанесли 16 ножевых ранений. Сьюзан смочила полотенце в крови актрисы и написала на входной двери слово «свинья». После этого компания отправилась в Лос-Фелис, где зашла ещё в один респектабельный дом и ограбила его, убив хозяев – супругов Лено и Розмари ЛаБианка.

Утром в дом Поланского пришла экономка. Она-то и увидела всю эту бойню. Полиция вызвала на опознание агента Полански Уильяма Теннанта и арестовала единственного оставшегося в живых обитателя участка, смотрителя Уильяма Гарретсона, которого спасло только то, что он жил во флигеле. Но банды Мэнсона уже и след простыл, поэтому полиция искала любых подозреваемых. Вскоре смотритель был отпущен.

Полански, прибывший из-за границы, поначалу думал, что ему мстит кто-то из его коллег по Голливуду. В городе началась паранойя: узнав о страшных событиях, люди уезжали, многие обзавелись оружием и охраной.

Мэнсона и его компанию, возможно, никто бы не заподозрил,

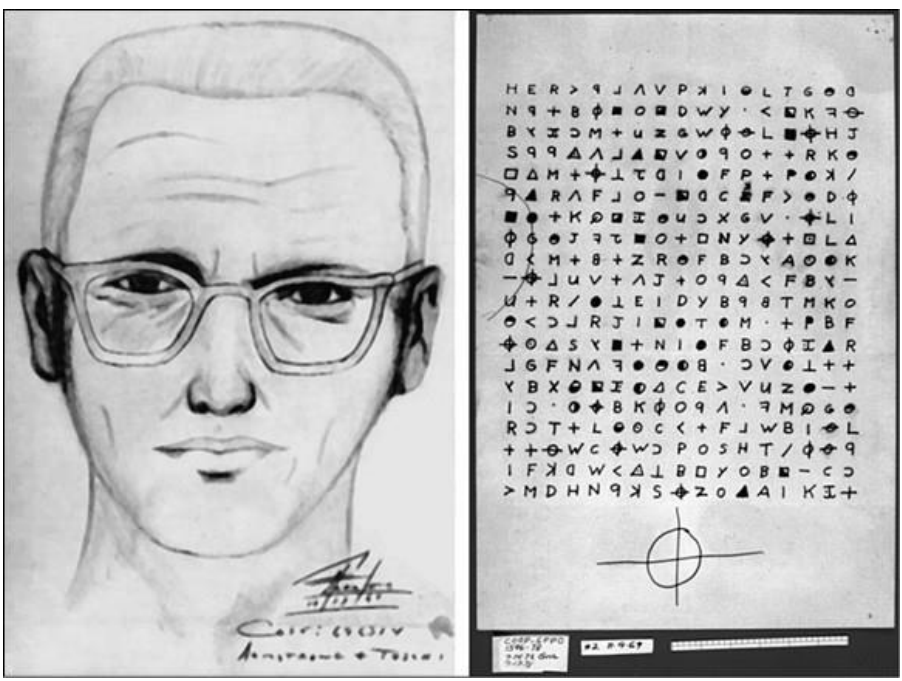
если бы не их же распущенность и глупость. Арестованная за воровство и проституцию Сьюзан в камере разоткровенничалась с сокамерницей-наркоманкой и всё ей выложила. Мэнсон, Уотсон, Патрисия, Лесли и Линда были задержаны по обвинению в нескольких убийствах.

Суд состоялся 15 июня 1970 года. 29 марта 1971 года подсудимых приговорили к смертной казни. Но убийцам повезло: Калифорнийский Верховный суд принял решение отменить смертные приговоры, вынесенные в Калифорнии до 1972 года, и смертную казнь заменили на пожизненное заключение. Мэнсон, Уотсон, Кренвинкл и Ван Хаутен продолжают отбывать пожизненное заключение, а Сьюзан Аткинс умерла в тюрьме от опухоли головного мозга 24 сентября 2009 года.

Кровавый убийца Мэнсон от недостатка внимания не страдает – он часто дает интервью, его никому ранее не нужные песни стали исполнять авангардные рок-группы, а ставший рок-звездой Брайан Хью Уорнер взял свой псевдоним в честь главаря «Семьи» и стал называться Мэрилин Мэнсон.

Поиски Зодиака

В период с декабря 1968 года по октябрь 1969 года Сан-Франциско и Северная Калифорния были охвачены ужасом. Впрочем, это были не лучшие годы и для других штатов: в коттеджном поселке недалеко от Детройта убита семья бизнесмена Робисона, в Беверли-хиллз бандой Мэнсона уничтожены жена режиссера Полански и её друзья. Все с ужасом ждали, кто станет следующей жертвой. Мэнсона и его сектанток арестовали, но убийство семьи Робисон так и не раскрыто, а одной из версий было очередное нападение таинственного маньяка по кличке Зодиак.



Фоторобот Зодиака и одна из его шифровок

Этот псевдоним он придумал сам и всегда им подписывался. Жажда славы заставляла Зодиака сочинять иронические послания в газеты: в них он признавался в 37 убийствах, но полиция считала, что это число им преувеличено. В своих посланиях убийца писал, что убивать весело, всегда прилагал к посылке какие-нибудь части одежды жертв и внизу ставил характерный символ – перечёркнутый круг. Некоторые письма Зодиака сопровождали криптограммы, но лишь одну из четырех удалось разгадать. 408 фрагментов криптограммы были присланы в трех

письмах, отправленных в декабре 1968 года и июле 1969 года. Полиция предполагала, что убийства Зодиака прекратились в 1969 году, однако письма с криптограммами продолжали приходить до середины 70-х годов. Эти послания так и не раскрыли личность убийцы, но послужили основой для целого ряда так называемых «маньячных» триллеров Голливуда – «Семь», «На расстоянии удара», «Забирая жизни», «Целуя девушек» и т. д.

Маньяка подозревали в 7 нападениях – на четырех мужчин и трех женщин. Двум его жертвам удалось выжить, и на основании их показаний был составлен его фоторобот, который тоже ничего не дал. Среди подозреваемых был насильник Артур Лей Аллен, пойманный с окровавленным ножом, но три обыска в квартире Аллена ничего не дали, а его анализ ДНК, почерк и отпечатки пальцев не совпадали с найденными.

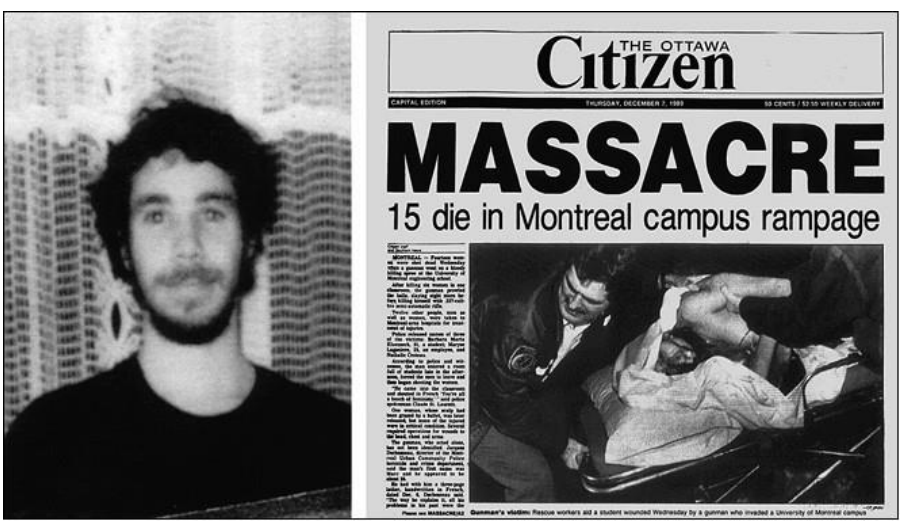
Это дело не закрыто и периодически возобновляется до сих пор. О самом Зодиаке тоже снимали триллеры. В 1974 году вышел сериал «Зодиак». Одна из серий 6 сезона «Декстера» была посвящена делу Зодиака. В 2007 году, когда дело было вновь открыто, Дэвид Финчер выпустил ещё одну картину под названием «Зодиак».

Женоненавистник в Политехническом университете

6 декабря 1989 года в 5 часов вечера 25-летний электрик Марк Лепин пришёл в Политехнический университет Монреаля на инженерный факультет и устроил там бойню. Покупая самозарядную винтовку, он пояснил продавцу, что идёт охотиться на «мелкую дичь». На втором этаже ему встретилась студентка, и Лепин застрелил её. Потом он ворвался в класс инженерной механики. Там проходил экзамен, и находилось несколько десятков человек.

– Мне нужна женщина! – крикнул психопат и приказал студентам разделиться. Они подчинились его приказу: «Мы думали, это какая-то рождественская хохма».

Когда девушки встали у стены, Лепин крикнул: «Все вы стадо феминисток» и выпустил по ним очередь. Погибли 6 человек. Маньяк выскочил в коридор. По дороге ему попалась столовая, где он убил ещё трех студенток. Добежав до другого коридора, убийца прикончил ещё четырех. Всего он лишил жизни 14 человек.


THE OTTAWA Citizen

CAPITAL EDITION THURSDAY, DECEMBER 7, 1989 50 CENTS / $2.50 WEEKLY DELIVERY

MASSACRE

15 die in Montreal campus rampage

Gunman's victim: Rescue workers aid a student wounded Wednesday by a gunman who invaded a University of Montreal campus

Ненавистник феминизма Марк Лепин совершил массовое убийство в Политехническом университете Монреаля

Больше ему не удалось никого убить. Расстреляв обойму в окна и стены, он приставил дуло к виску и разнёс себе череп. Прибывшая полиция нашла в его кармане записку: «Феминистки разрушили мою жизнь. Я мстил за себя».

Психоаналитики склонны были объяснять всё его детством: с семи лет он воспитывался без отца. Его мужское тщеславие было уязвлено: хотел попасть в армию, но не прошёл по физическим данным. Социализироваться не удалось: в школе хорошо учился, собирался стать инженером, но был уволен с работы. Некоторые считали, что всему виной фильмы ужасов, из-за которых человек утрачивает чувство реальности, другие склонялись к мысли о вреде женского воспитания для мальчиков. В последней записке Лепин написал: «С семи лет в моей жизни не происходило ничего хорошего. Когда я начал окончательно утрачивать к ней интерес, я решил уничтожить этих мегер… Несмотря на то, что СМИ повесят на меня ярлык “безумного убийцы”, я считаю себя разумным человеком, которого подтолкнули на крайние меры. Ради чего мы упорно влачим жалкое существование – в угоду правительству? Меня как личность с прошлыми взглядами во всём, что касается науки, феминистки всегда приводили в ярость. Они хотят сохранить за собой преимущества женщин (например, более дешёвую страховку, расширенный декретный отпуск после профилактического отпуска), и в то же время пытаются присвоить преимущества мужчин».

Возможно, лишившись работы, Лепин узнал, что на его место взяли женщину, и это стало последней каплей. В любом случае сексизм продолжал оставаться частью канадского менталитета, и это отличало Канаду от других развитых стран. Но почему? Подобное притягивает подобное и вытесняется подобным. Некогда, в начале XX века, в этой стране, жесткой по своим пуританским правилам, возникло сильное феминистское движение, позволившее женщинам довольно быстро добиться права на образование и хорошую работу. Жесткость женского характера стала проявляться во всех областях жизни, в то числе и в домашнем воспитании. Так появился сексизм и неприятие женщин. Эту черту консервативных мужчин высмеивал в своих миниатюрах канадский комик Майкл Шорт.

Случай в Оптиной Пустыне

18 апреля 1993 года, в день Святого Пасхального Воскресения, на территории русского православного монастыря Оптина пустынь произошла трагедия: были убиты иноки отец Ферапонт и отец Трофим, звонившие в колокола, а через несколько минут у Скитских ворот на выходе из монастыря тяжело ранен иеромонах отец Василий.

В Козельское отделение милиции сообщение о случившемся поступило в 6.25 утра. Милиция перекрыла подъездные пути к городу Козельску.

Местом нападения стала звонница, представлявшая собой деревянный настил, окруженный штакетником. Звонари стояли друг к другу боком и не могли видеть ту часть звонницы, откуда напал убийца. При том, что помост с звонарями хорошо просматривался, никто не мог описать убийцу. Три паломницы видели, как через ограждение перепрыгнул кто-то в черной морской шинели и побежал. Женщинам показалось, что звонарям просто стало плохо, и человек побежал за доктором. Они подошли к звоннице и не решались приблизиться, думая, что у монахов обморок, вызванный постом. Только кровь на досках помоста заставила паломниц броситься на помощь. Ещё две женщины видели момент нападения, но, по их словам, всё выглядело так, словно иноки упали сами, а нападавший сливался с тьмой ночи и стал заметен, только когда побежал в сторону ворот. В этом субъективном восприятии виделась какая-то мистика.

Раненый отец Василий был перенесен в храм иноками и положен возле раки с мощами Святого Амвросия. Преступник пронзил иеромонаху почку, но тот оставался в сознании и молился. Через 40 минут после нападения приехала «скорая помощь», но отец Василий скончался по пути в больницу.

На могилах убиенных иноков в Оптиной пустыни

Свидетелем нападения оказалась девочка 13 лет, по словам которой отец Василий шёл к воротам исповедовать прихожан и был остановлен неизвестным в чёрной шинели. Они поговорили и разошлись. Монах стоял спиной к неизвестному и не видел нападавшего, тот ударил его снизу вверх и побежал. То, что бежало к воротам, её очень удивило: девочка была уверена, что убегало животное. Она стала рассказывать об этом окружающим. Отец Василий видел убийцу, но ничего о нём не сказал. Убедившись, что ворота закрыты, преступник повернул к зданию келий, там сбросил черную шинель, оставил на ступенях окровавленный нож и побежал в сторону поленницы дров, выложенной лестницей. По ней он вскарабкался на крышу сарая, перелез на монастырскую стену, где остались следы его кроссовок, и, спрыгнув с неё, исчез в лесу.

На обеих сторонах лезвия найденного ножа были гравировки сатанистов: с одной – три шестерки, с другой – слово «сатана». Преступник точно рассчитал время нападения: до половины пятого утра в монастуре дежурил Козельский РОВД, потом охрана из 40 человек покинула монастырь. Именно этой минуты он и ждал.

Позднее экспертиза установила, что отпечатки пальцев на рукоятке принадлежат жителю соседнего села Николаю Аверину. Аверин был известен двумя изнасилованиями и причинением тяжкого вреда здоровью одной из своих жертв. Тем не менее его признали невменяемым и держали в психбольнице. В начале 90-х годов Аверина выписали, что и привело к гибели трёх монахов.

После совершения преступления убийца лесами ушёл в Тульскую область, там обокрал кооператив и решил вернуться домой, после чего был задержан. Он не отпирался, рассказал всё как есть. Но его вновь признали невменяемым и поместили в спецлечебницу. Где он находится в настоящее время, неизвестно.

«Орден Солнечного Храма»

Секта «Орден Солнечного Храма» возникла в середине 80-х годов и была правопреемницей древнего ордена тамплиеров и нескольких групп розенкрейцеров. Главными методами воздействия стали в секте мистические ритуалы, кабалистические знаки, астрологические и алхимические опыты.

Создателями «Ордена Солнечного Храма», или «Храма Солнца», были врач-гомеопат Люк Журе и предприниматель Жозеф (Джо) Ди Мамбро. Они внушали своим прихожанам, что на всех жителей планеты скоро обрушатся тяжелейшие испытания и катаклизмы – наводнения, землетрясения, извержения вулканов, засуха, голод. После этого уцелеют только избранные – последователи «Ордена Солнечного Храма». Адепты покинут землю с запасом знания, которое было принесено из космоса тысячи лет тому назад, и отправятся жить на Сириус. Там последователи ордена обретут вечное блаженство и новую жизнь. Но переселиться на Сириус можно только из другого измерения, добровольно расставшись с жизнью на Земле путем самосожжения. В члены секты принимали только обеспеченных и влиятельных людей, способных одаривать секту пожертвованиями. При этом Журе и Ди Мамбро торговали оружием и наживались на финансовых махинациях.

Члены «Ордена Солнечного Храма» верили, что переселиться на Сириус можно добровольно расставшись с жизнью путем самосожжения

С 1994 по 1997 год началась волна массовых самоубийств членов этого самозваного ордена. В 1994 году в секте произошло 2 ритуальных самоубийста и 3 ритуальных убийства, а 5 октября 1994 года в Швейцарии были найдены 48 трупов членов секты. Всего насчитыалось 74 случая суицида. Самоубийцы жертвовали «Храму Солнца» миллионы долларов и оставляли записки, в которых выражали радость от того, что смерть избавит их от лицемерия и угнетения жестокого мира. Говорилось в письмах и о переселении на Сириус. В конце 1990-х годов была предотвращена попытка самоубийства оставшихся членов секты.

Всех, кто не хотел расстаться с жизнью добровольно, Журе и Ди Мамбро убили. Также в Шейри, на месте массового убийства, были найдены тела супруги Ди Мамбро Жоселины и его 12-летней дочери.

Оба основателя «Храма Солнца» ушли из жизни по своей воле: 5 октября 1994 года они приняли сильнодействующий яд. Последнее представляется довольно странным обстоятельством: Журе и Ди Мамбро были махинаторами. Они не только занимались сомнительными сделками, но и выманивали у жертв их имущество. Это никак не согласовывалось с их самоубийством, которое свидетельствовало о крайней степени фанатизма и самоотречения. Но случай «Храма Солнца» повторял судьбу Джима Джонса с его Джонстауном. Очевидно, в какой-то момент проповеди основателя секты становятся бумерангом и поражают даже его самого.

Трагическое происшествие в Уэйко

В 1993 году ещё один пророк решил свести счёты с жизнью, забрав с собой других членов паствы. Трагедия произошла в техасском городке Уэйко. Лидер адвентистской организации «Ветви Давида» Дэвид Кореш организовал массовое самоубийство, внушив всем веру в конец света.

Кореш взорвал свой храм, под обломками которого была обнаружена сотня трупов взрослых и детей

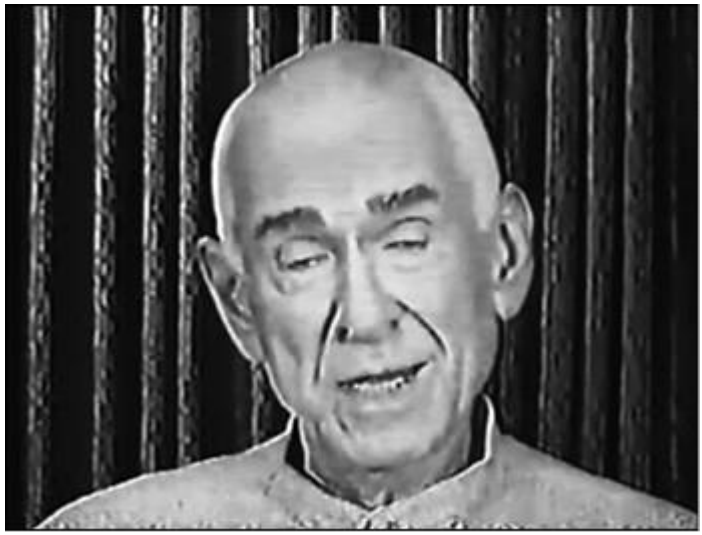
Странно, что ему это вообще удалось: до него адвентисты 150 лет пытались всех убедить, что скоро наступит апокалипсис, но он никак не наступал, и вера в конец света стала носить абстрактный характер. Кореш внёс в общее дело конкретику. По его мнению, пророчество непременно должно было сбыться именно сейчас – накануне миллениума. Устав ждать апокалипсиса, Кореш взорвал свой храм, под развалинами которого была обнаружена сотня трупов, в том числе 25 детских.

До него дату конца света узнал в 1818 году баптистский священник Уильям Миллер. По его расчётам выходило, что это должен быть 1843 год. Когда расчёты не оправдались, Миллер не стал никого взрывать, но создал довольно успешную секту адвентистов и стал угрожать своим прихожанам апокалипсисом, отодвигая его дату на неопределенное время. В США секта адвентистов была основана в 1844 году, в России – в 1886-м.

Суицид на вилле в Сан-Диего

Ещё одна секта «Небесные врата» или «Врата рая» была основана в США в 1975 году. Её создатель, уфолог Маршалл Эпплуайт по прозвищу Бо сумел убедить множество людей, что они смогут покинуть свою земную оболочку и улететь на космическом корабле в другую галактику. Зачем это надо было делать с такой поспешностью, он тоже объяснил: Земля неминуемо столкнётся с кометой Гейла-Боппа, большая часть человечества погибнет, а меньшая – то есть адепты Бо – спасётся в другом месте. Почему столько людей в это поверили, вполне объяснимо: Эпплуайт и его соратница Бонни Нэттлз ориентировались на тех, кто напрямую был связан с набиравшим силу интернетом – программистов, веб-дизайнеров, сисадминов и рядовых игроманов, проводящих всё время перед экраном компьютера. Для зомбирования был создан специальный сайт. Люди, для которых «всеминая паутина» стала более реальным миром, нежели земное бытие, охотно приняли новое верование, а потом просто не могли справиться с возрастающей паранойей, подогреваемой Эпплуайтом в его проповедях. Руководителями секты были приняты все меры, чтобы оградить последователей этого культа от других людей. От своей семьи следовало отказаться, как и от контактов с прочими людьми. Необходимо было носить закрытую одежду с капюшоном и перчатки, чтобы не прикасаться к непосвященным. Сторонники Бо ежедневно часами читали Библию и строго подчинялись правилам секты, друг с другом не разговаривали и общались посредством писем и записок. В секте была налажена система слежки и доносительства: все её члены делились на пары и должны были наблюдать друг за другом. Адепты секты называли себя «монахами».

В 1997 году Эпплуайт призвал последователей своего учения покончить жизнь самоубийством, и 39 фанатиков, в составе которых были 18 мужчин и 21 женщина, согласились отправиться за ним в рай, после чего приступили к последнему этапу подготовки. Они больше не ели пищу и пили только лимонный сок, принимали каждый день ритуальные ванны и носили всё чёрное – рубашку, штаны и кроссовки. Многие из них считали суицид подвижничеством: их пример должен был приобщить человечество к интернету и заставить ответственно относиться к этой новой «форме существования» мира.



Эпплуайт проповедовал, что люди могут покинуть свою земную оболочку и улететь в другую галактику

Трупы 39 несчастных были обнаружены 26 марта 1997 года в домике на ранчо «Санта-Фе», неподалеку от города Сан-Диего. Причина смерти у всех была одинаковая – фенобарбитал в сочетании с крепким алкоголем. принятый в составе пудинга и фруктового желе. Чтобы яд подействовал наверняка, Эпплуайт и его последователи, приняв смертоносный пудинг, натянули на головы полиэтиленовые пакеты, накрылись фиолетовыми накидками и задохнулись во сне.

В этом деле интересны не 39 погибших, а личность нового мессии, которому удалось повлиять на такое количество людей. Причём люди эти были не тёмными крестьянами Азии или Африки, а цивилизованными горожанами с неплохим образованием. Да и сам бесноватый Бо был не сбежавшим из психиатрической больницы истериком, а бакалавром философии, выпускником музыковедческого факультета Колорадского университета, руководителем церковного хора и большим любителем музыки Генделя.

И здесь нужно заметить одну закономерность, которая присутствует в биографии создателей культов и манипуляторов, присоединившихся к своим жертвам. Порой эта закономерность почти не заметна на фоне воспитания, образования, получения степеней и даже премий. Каждому из них что-то не удалось. Эпплуайту не удалось стать певцом. У него был красивый баритон, который просто жаждал реализации. Такую возможность ему дали проповеди и интернет. К тому же Бо отлично владел речью и даром убеждения. Возможность влиять на восприимчивые

умы стала лебединой песней этого музыковеда, который сам готов был умереть, чтобы обрести посмертную славу.

Была и другая причина: в 1965 году Эпплуайт был уволен из Алабамского университета, где преподавал музыку, за связь со студентом. Было это в реальности, или он стал жертвой оговора, трудно сказать. Но из-за этой скандальной истории от него ушла жена, забрав двоих детей. Впоследствии у него был ещё один роман с молодой женщиной, но родители заставили её уйти от Эпплуайта. Так Бо перестал быть членом социума и остался один на один со своим голосом и неудовлетворёнными амбициями.

Единственной женщиной, соединившей свою судьбу с этим человеком, стала 44-летняя медсестра Бонни Лу Трусдейл Неттлз, посещавшая теософские общества. Они встретились в 1973 году. У Бонни тоже была семья и двое детей, но она, поддавшись страсти, стала жить с Эпплуайтом, и муж развёлся с ней. Бывшие коллеги Бо вспоминали, что он был психически неуравновешенным и подверженным депрессиям человеком, но именно Бонни удерживала его от окончательного помешательства. В 1985 году Бонни Неттлз умерла от рака печени, и это лишило Эпплуайта последней опоры и здравого смысла.

Кто виноват в том, что произошло с этим человеком – общество или он сам, – впоследствии было уже неважно. Удивительно другое: как общество долгие годы закрывало глаза на легально существующий сайт с опасными проповедями.

Мессианство Кредонии Мверинды

«Movement for the Restoration of the Ten Commandments of God» («Движение за возрождение 10 заповедей Бога») – так называлась тоталитарная секта, созданная в 1989 году бывшей проституткой Кредонией Мвериндой.

24 августа 1988 года Мверинда, молодая продавщица пива с распутной репутацией, объявила, что, пребывая в трансе на Священной горе, несколько раз видела Деву Марию. По словам девицы, ей предстояло стать проповедницей от имени пресвятой девы и вести за собой людей. Штаб-квартира секты находилась в Канунгу, в 300 километрах от столицы Уганды Кампалы.

Своей историей Кредония привлекла немало доверчивого народа и создала секту, отколовшуюся от римско-католической церкви. В 1991 году предприниматель Джозеф Кибвитер отправился послушать проповедь Мверинды, поскольку сам в 1984 году, по его словам, видел Деву Марию. Кредония рассказала ему, что эти видения исходят ещё от её отца, и два религиозных фанатика – Джозеф и его новоявленная «Мария Магдалина» – приступили к созданию масштабного движения, которое вскоре насчитывало от 1 до 4 тысяч. Вскоре Кибвитер предложил Кредонии жить в его доме. Этот дом был штаб-квартирой движения в течение трех лет, пока деятели не переехали в Канангу в 1994 году. К тому моменту Кибвитер уже развёлся с женой и был отлучён от церкви. Видения Мверинды привлекли и других католиков, например, священника Доминика Катарибабу, получившего в 1980-х годах магистерскую степень по религиоведению в Лос-Анджелесском мормонском университете имени Лойолы. До своего увлечения движением 10 заповедей Доминик был дисциплинированным угандийским епископом, но получил выговор, а потом и вовсе был отлучён от церкви в начале 1990-х годов. Доминик стал ещё одним лидером секты.

Паул Иказир, один из членов секты, говорил, что главой движения была сестра Кредония, и рядом с ней мужчины ощущали себя ущемлёнными. В то же время некоторые считали, что Кредония – подставная фигура, необходимая лишь в качестве медиума, а за ней стоит Кибвитер со своими амбициозными и небескорыстными интересами.

С 1994 года движение развивалось как упорядоченное сообщество, коммуна, в которой была строгая дисциплина и жесткие правила поведения в качестве условий членства. Помимо центра в Канунгу появились ячейки в других городах. Приверженцы воздерживались от секса и любого ненужного

речевого взаимодействия – то есть болтовни. Был разработан язык жестов, которым они пользовались при необходимости. Руководители MRTC (секта Мверинды) утверждали, что католическая церковь регулярно нарушает десять заповедей, что является преступлением против Бога. Вторым неотъемлемым постулатом была уверенность в том, что мир вокруг них распадается и окончательно исчезнет в первые мгновения нового тысячелетия. Но спастись от Миллениума можно, надо лишь выполнять все требования секты и вести праведную жизнь. «Бог и Дева Мария не оставят нас!» – говорила Кредония. Была создана элитная группа из 6 мужчин и 6 женщин, которые стали называться «новыми апостолами». Появление женщин среди апостолов объяснялось высокой ролью Девы Марии в их движении: она должна была показать им путь в небеса после апокалипсиса. Что происходило на территории секты, никто толком не знал: сектантов скрывал высокий забор.

31 декабря лидеры секты начали ликвидировать активы, готовясь к предстоящему освобождению от мира, предсказанному Мвериндой и Кибвитером. После провозглашения даты апокалипсиса было распродано имущество сектантов, а их дома объявлены святилищами. Начался абсолютный пост до конца света, сопровождаемый непрерывными молитвами.

Когда часы пробили 12 и наступил новый век, освобождения от мира не пришло, и лидеры начали пересматривать свои предсказания. Они утверждали, что всё еще случится в течение 2000 года. Но значительное число членов секты утратили уверенность в контакте Кредонии с высшими силами и потребовали назад свои вложения. Это требование создало кризис, который угрожал секте банкротством. И тогда было принято решение уничтожить эту группу инакомыслящих. Впоследствии предполагалось, что денег у секты не было, потому что все пожертвования были вложены в здания и текущие расходы. К тому же следовало отделить несогласных от остальных, чтобы не дать этой волне возмущения распространиться на других членов секты.

17 марта 2000 г. был устроен поджог, в результате чего погибли многие члены секты Кредонии Мверинды

Была объявлена новая дата конца света – 17 марта 2000 года. Сектант Питер Ахимбесибве смог бежать из запертого молитвенного дома, и он видел, как окна церкви заколачивают досками. С его же слов стало известно, что лидеров секты в церкви не было. Через некоторое время церковь взорвалась и начался пожар, в огне погибло 500 членов секты. Был установлен поджог. Начав расследование, полицейские обнаружили ещё 6 человек, зарубленных топором в доме Мверинды, рядом с её домом в общей могиле находилось 81 тело. В саду Доминика Катарибабы были закопаны ещё 47 человек, задушенных их же чётками. Также около сотни трупов было обнаружено на самой территории сектантов. Соседи сообщили, что видели автобусы с сектантами, но возвращалось гораздо меньше людей, чем приезжало. Кибвитер и Кредонии Мверинде удалось скрыться, их видели уезжающими на север Уганды. Они были объявлены в розыск.

Заключение

Конец XX века, 70—90-е годы, закономерно вызвал то, чего не было раньше – массовые преступления. Они связаны с всё нарастающей паранойей манипуляции массовым сознанием. Некогда один не слишком удачливый – как оказалось после войны 1812 года – полководец и император смущал умы взвинченных параноиков, рассуждавших на тему «тварь ли я дрожащая или право имею». В конце XX века на всех континентах нашлось место для истериков и сектантов, провозглашавших новый миропорядок и новую веру, и за ними шли тысячи людей. Возникает вопрос: каким образом при нынешнем состоянии знаний население земного шара могло оказаться столь доверчивым? Но накопление знаний и появление новых технологий не избавляет от детской наивности и первобытного страха, скорее наоборот – способствует дальнейшему распространению этого массового психоза через новые технологии.

Войны, катаклизмы, обнищание населения приводили к тому, что огромное число людей в поисках спасения обращались к сомнительным вероучениям и хитрым мошенникам, игравшим роль проповедников. Только поэтому стали возможны случаи массовых смертей – убийств и самоубийств. Но какая, в сущности, разница – убийство ради убийства или убийство во имя идеи. В любом случае оно остается преступлением против людей.

notes

Примечания

1

«Королем» бруклинской мафии Альфано стал уже после своего бегства в США в 1906 году.

2

Alfano holds stage at Viterbo assizes. NYtimes, 1 April 1911; Arena and Vittozi confront informer. NYtimes, 7 May 1911.

3

Роза Балистрери (Rosa Balistreri) (21 марта 1927 – 20 сентября 1990) – сицилийская певица и гитаристка.

4

Перевод с итал. М.С.

5

Коулман Джон: Комитет 300. М.: Древнее и современное, 2011. С. 467.

Коулман Джон: Комитет 300. М.: Древнее и современное, 2011. С. 473.

7

Anfrage der Abgeordneten Werner Neubauer an die Bundesministerin für Inneres: Christian Kerbler – Mörder des Südtiroler Freiheitskämpfers Luis Amplatz. – 1523/J – XXIV. GP. 31. März 2009. S. 1.

8

Бельгия, Нидерланды, Люксембург.

9

Anfrage der Abgeordneten Werner Neubauer an die Bundesministerin für Inneres: Christian Kerbler – Mörder des Südtiroler Freiheitskämpfers Luis Amplatz. – 1523/J – XXIV. GP. 31. März 2009. S. 1.

10

См. главу «Бегство Кристиана Керблера».

11

Oberhofer Arthur. Mordfall Waldner: Die Tat, die Konspekt Beweise, die Hintergründe. – Bozen: Athesia, 1998. Oberhofer, Artur. Mordfall Waldner: Die neue Fakten. – Bozen: Tageszeitung, 2001.

12

Коулман Джон. Иерархия заговорщиков: Комитет 300. М.: Древнее и современное, 2011. С. 466.